

С.В. Вонсовский

МАГНЕТИЗМ НАУКИ

Воспоминания. Часть II

**ЕКАТЕРИНБУРГ
2010**

Вонсовский С. В. **Магнетизм науки. Воспоминания. Часть II.** Екатеринбург: УрО РАН, 2010.

Книга воспоминаний академика С. В. Вонсовского (1910–1998), выдающегося отечественного учёного, основателя уральской школы по теории твёрдого тела и физике магнитных явлений, продолжает изданную в 1999 г. первую часть, охватывающую период до 1937 г. Послевоенные воспоминания, в основном представленные письмами родных, близких, коллег и друзей, остались во многом не завершенными, местами фрагментарными. Текст подвергнут минимальной редакторской правке с сохранением стиля архивных документов.

Для широкого круга читателей.

Научные редакторы: **В. Ю. Ирхин, Е. И. Ануфриева**

Рецензент **В. В. Николаев**

В 2010 г. Институт физики металлов УрО РАН и вся российская наука отмечают 100-летие со дня рождения Сергея Васильевича Вонсовского. Выдающийся отечественный учёный, специалист в области магнетизма и физики твёрдого тела, академик РАН С. В. Вонсовский стоял у истоков создания не только нашего Института физики металлов, но и всей уральской школы по теории твёрдого тела и физике магнитных явлений.

После окончания Ленинградского университета (1932) С. В. Вонсовский жил и работал в Свердловске: в Уральском физико-техническом институте (1932–1939), а затем в Институте физики металлов (с 1939 г.). С 1971 по 1985 г. он – председатель президиума Уральского научного центра АН СССР, с 1947 г. еще и профессор Уральского университета (физический факультет), в 1990-е гг. – один из основателей, ректор и почетный президент Гуманитарного университета в Екатеринбурге.

При его активном участии в ИФМ были начаты работы по нейтронографии, физике низких температур, радиационной физике.

Сергей Васильевич был основателем зимних школ физиков-теоретиков – знаменитых «Коуровок», проходивших на Урале начиная с 1961 г.

Мировое признание получили его труды в области квантовой теории твёрдого тела, многоэлектронной теории металлов и полупроводников, теории ферро- и антиферромагнетизма, сверхпроводимости. В 1934–1936 гг. совместно с С. П. Шубиным предложил полярную и s - d обменную модели кристаллических твердых тел. Вместе со своими учениками и коллегами развил теорию ферромагнетизма сплавов, магнитной анизотропии и магнитострикции. Цикл его работ относится к теории сверхпроводимости в переходных металлах и сплавах, проблеме существования ферромагнетизма и сверхпроводимости.

За научную и общественную деятельность С. В. Вонсовский отмечен высокими правительственными наградами: орденами Ленина (трижды), Красной Звезды, Трудового Красного Знамени (дважды) и званием Героя Социалистического Труда (1969). Он лауреат Государственной премии (1975, 1982), обладатель медали имени С. М. Вавилова (1982), Демидовской премии (1993). С. В. Вонсовский был членом Германской и Польской академий наук. Сергей Васильевич – почетный гражданин нашего города; его именем названа одна из улиц Екатеринбурга. Он был депутатом горсовета (1955–1959) и Верховного Совета РСФСР (1963–1971).

Для Сергея Васильевича наука обладала большим магнетизмом. Он не мыслил себя вне науки, она была его жизнью, смыслом существования, и сам он, как мощный магнит, притягивал к себе людей – около него всегда было много молодежи, его учеников.

О РАБОТЕ С СЕРГЕЕМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ
ВОНСОВСКИМ

Предлагаемые вниманию читателей воспоминания С.В. Вонсовского, относящиеся к событиям его жизни с конца 1930-х годов, сам автор не успел подготовить к печати. По его замыслу книга должна была состоять из писем родных, друзей, коллег, ответов на них самого С.В. Вонсовского, а также изложения основных событий его научной жизни в хронологической последовательности. Особое значение С.В. Вонсовский придавал своему эпистолярному архиву. В предисловии к первой части «Воспоминаний» есть слова, подтверждающие это:

«Вот здесь я вообще хочу немного подробнее подчеркнуть роль писем, т. е. всего эпистолярного, сохранившегося в нашей семье, архива... Большой след в моей жизни оставили письма моего дорогого друга Тани Козляковской. Очень большая переписка с моим дорогим спутником жизни Любочкой, в том числе наш обмен письмами, когда я один уезжал отдыхать в Кисловодск либо Прибалтику. А после ее кончины в 1982 году – с моими детьми и внуками.

Все это очень живо и образно рисует картину условий нашей жизни, интересную как определенный чисто исторический документ о том, какова была Россия в различные годы нашего многострадального XX века. Много я буду приводить писем моих близких друзей и не только близких, а также больших учёных, в частности моих учителей.

Я считаю, что характер моего повествования будет интересен многим читателям самого разнообразного общественного положения именно своей общественной направленностью и тем самым сделает мои воспоминания не только описанием одной личной жизни, но и описанием русской жизни вообще».

Собранный для книги материал, достаточно большой по объёму (около 800 страниц машинописного текста), к сожалению, не был подвергнут даже первоначальному авторскому редактированию. Перед нами стояла нелегкая, достаточно деликатная, задача: отнестись к материалу как историческому и человеческому документу, бережно сохранив выбранные автором жанр и стиль повествования, несмотря на очевидную неоднородность материала. Поэтому текст был подвергнут минимальной редакторской правке.

Неоценимую роль в подготовке к публикации первой и второй частей «Воспоминаний» сыграл Г.Г. Талуц (1928–2000); как подчёркивал сам Сергей Васильевич, именно он инициировал их написание. Большую работу по редактированию рукописи проделала Л.С. Давыдова.

Чтобы читатель мог ближе познакомиться с личностью автора книги, мы сочли возможным начать её воспоминаниями его учеников о последних годах его жизни и работы. В них Сергей Васильевич предстаёт перед нами и как учёный, и как человек.

В.Ю. Ирхин, Е.И. Ануфриева

К несчастью, Сергей Васильевич не успел сам написать о последних годах своей жизни и работы. В рукописи его воспоминаний, в разделе, относящемся к этому периоду, – простой перечень работ, книг, писем, о которых он, по-видимому, собирался написать подробно. Наверное, мы все, достаточно близко знавшие его, должны рассказать о нем, как умеем.

Я встретился с Сергеем Васильевичем в 1976 г., будучи студентом четвертого курса физфака. Предыстория этой встречи (одной из самых важных в моей жизни, как я потом понял) такова. К этому времени Сергей Васильевич, перегруженный колоссальной административной работой, уже почти не занимался собственными научными исследованиями.

Он, однако, находил время для работы по переводу научной литературы. Сам перевод обычно делала его жена, Любовь Абрамовна, а Сергей Васильевич осуществлял научное редактирование, относясь к этому очень серьезно. Как раз в середине 1970-х годов он готовил русское издание великолепной книги Н.Ф. Мотта «Переходы металл–изолятор». Так Сергей Васильевич снова соприкоснулся с разделом физики, к которому относится его, по-видимому, высшее научное достижение – полярная модель Шубина–Вонсовского. Работая над переводом, он обнаружил, что многие идеи и подходы, развиваемые им и Семёном Петровичем Шубиным еще в 1930-е годы, не утратили своей актуальности. В результате он решил найти молодого сотрудника, вместе с которым можно было бы снова начать продвигаться в исследованиях по полярной модели и смежным вопросам.

Представил меня Сергею Васильевичу Герман Германович Талуц. Встреча была короткой, мне запомнился лишь один забавный момент. Представляя студента академику, председателю УНЦ, в конце концов, просто всеобщему учителю и бесконечно уважаемому человеку, надо было сказать что-то нетривиальное, а что нетривиального можно сказать о студенте четвертого курса? Герман Германович представил меня как «одного из ведущих в Свердловске специалистов по методу ВКБ» (я тогда вместе с Борисом Хакимовичем Ишмухаметовым занимался применением этого метода к задаче о колебаниях неоднородной электронной плазмы). Сергей Васильевич воспринял информацию вполне серьезно, кивнул и сказал: «Ну да, у нас ведь, кажется, этим

никто не занимается». В целом, однако, как я понял, смотрины закончились благополучно.

Следующая встреча состоялась примерно через полгода и была уже содержательной. Сергей Васильевич долго рассказывал мне о полярной модели, дал оттиски, рукопись своей кандидатской диссертации, а также ксерокопии знаменитых статей Хаббарда 1963–1965 гг. Мне было предложено подумать, как старый подход Шубина–Вонсовского соотносится с работами Хаббарда, ну и вообще – что можно со всем этим сделать. С первой частью задания я справился относительно быстро: довольно легко оказалось понять, что введенное Шубиным и Вонсовским представление двойка–дырка–простой узел в точности совпадает с «атомным представлением Хаббарда». Используя разработанный Хаббардом метод X -операторов, я смог вывести уравнения Шубина–Вонсовского на двух страничках. Меня до сих пор поражает, как можно было получить их в 1930-е годы, работая в конфигурационном пространстве, считая матричные элементы между кошмарными детерминантами... У меня, впрочем, хватило ума понять, что мое «достижение» – это подвиг туриста, доставленного на вершину вертолетом, на фоне действительного подвига первовосходителей. Надо было постараться сделать что-то реальное и получить какие-то результаты, выходящие за рамки чистой методики. После полутора лет разнообразных попыток были написаны две наши совместные с Сергеем Васильевичем работы по полярной модели, опубликованные в 1979 г. в «*Journal of Physics*». По дороге я, как и положено, проехав «мордой лица» по всем острым углам и сделав все возможные и невозможные ошибки, неизменно слышал от него: «Вы молодец! Поздравляю вас!» Работая потом под руководством Валентина Григорьевича Вакса, я узнал, что такой стиль общения с молодежью не является единственно возможным. (Кстати, в 99% случаев он не является и оптимальным.)

Если же говорить по существу, то к первой из этих двух работ я отношусь как к простому упражнению. Зато во второй появилась идея «экситонов в металлах». На современном языке это означает разделение электронной подсистемы металла на две части, одна из которых – нормальная ферми-жидкость, а другая – нет. Эту идею я до сих пор считаю глубокой и правильной, она была высказана Сергеем Васильевичем и загублена моим неумелым исполнением. Впрочем, техники для ее реализации мне, пожалуй, и сейчас не хватит. Из попыток что-то с этим сделать потом возникло много, на мой взгляд, интересно (описание сверхпроводимости в антиферромагнетиках и все

такое). В исходной же постановке мы эту идею так толком и не освоили. Сейчас «неферми-жидкостное» поведение в металлах стало очень модной темой, но подходы, применяемые для её рассмотрения, резко отличаются от того, что мы пытались сделать тогда.

Другим направлением нашей совместной с Сергеем Васильевичем работы была теория магнитного полярона. В старых бумагах Шубина и Вонсовского содержалось точное решение (для одномерного случая) задачи об одном электроны в ферромагнитном полупроводнике, которое было независимо воспроизведено и впервые опубликовано лишь тридцать лет спустя Метфесселем и Маттисом. Попытки выжать что-то из старого подхода привели к появлению нескольких наших совместных с Сергеем Васильевичем работ. В конце концов позднее нам вместе с Марком Ауслендером и Валей Ирхиным удалось полностью разобраться в вопросе. Сергей Васильевич не только инициировал эту деятельность, но и потом следил за ней с большой заинтересованностью и неистощимой доброжелательностью.

Вообще, надо сказать, что Сергей Васильевич был очень щедр на новые идеи. Где-то в конце 1980 г. или в начале 1981 после защиты кандидатской диссертации я спросил его, чем, по его мнению, было бы интересно заняться. Он назвал три задачи, две из которых были достаточно далеки от его «официального» круга интересов. Первая относилась к точной формулировке условий «мягкости» и «жесткости» ионного состава в металлах: когда разделение электронов на внутренние и внешние может быть формально оправдано? Вторая касалась роли «нависающих» пустых d -зон в щелочноземельных металлах. Потом мы много лет с Сашей Трефиловым возились с обеими этими задачами, которые оказались исключительно интересными и содержательными. Кстати, третья задача касалась роли заполненной внешней $5p$ электронной оболочки в редких землях и перехода от s - f обменной модели Вонсовского к некоей spf модели. По-моему, это направление пока что так никем и не развивается.

Между прочим, многолетнему сотрудничеству и дружбе с Сашей Трефиловым я тоже в конечном счете обязан Сергею Васильевичу. Сергей Васильевич прекрасно понимал, что, будучи оторван в течение ряда лет от непосредственной исследовательской работы, он не может в полной мере научить меня «ремеслу», т. е. необходимому техническому арсеналу. Поэтому сразу же после того, как я защитил кандидатскую диссертацию, он организовал мои длительные стажировки в Курчатовском

институте, в лаборатории Спартака Тимофеевича Беляева. Так я познакомился и начал работать с Сашей, который стал моим самым близким другом (к несчастью, он уже умер). И в дальнейшем мы с Сашей всегда могли рассчитывать на его помощь и поддержку (и реально получали их). Работая с молодежью, Сергей Васильевич никогда не рассматривал ее как «рабсилу» (что достаточно распространено в физическом сообществе), а заботился прежде всего о нашем профессиональном и даже, если угодно, духовном (при всей претенциозности этого слова, оно кажется уместным, когда речь идет о влиянии Сергея Васильевича) развитии.

С Сергеем Васильевичем было всегда очень приятно и интересно обсуждать научные вопросы. Он почти до самого конца сохранил какое-то чистое, детское любопытство. Помню, как за несколько месяцев до его смерти я рассказывал ему о новом направлении исследований в магнетизме – физике молекулярных магнетиков. Он был очень воодушевлен и задавал много глубоких вопросов. Его физическое чутье, особенно в области магнетизма, поражало. Благодаря общению с Сергеем Васильевичем, я стал понимать, что базовых идей в каждом разделе физики не так уж много и поэтому не надо бояться «разбрасываться»: физика едина, и если ты понимаешь достаточно глубоко любой ее раздел, ты понимаешь все.

Сергей Васильевич всегда тратил много времени на просмотр свежих научных журналов; особенно тщательно изучались «Physical Review» и «Physical Review Letters». Помню его воодушевление, когда он прочитал (где-то в начале 1980-х) заметку Кабрейры с утверждением об экспериментальном открытии магнитного монополя. Монополь «ловили» с помощью сверхпроводящего кольца. Пролет монополя через плоскость кольца должен был привести к скачку захваченного магнитного потока. Кабрейра утверждал, что наблюдал такой скачок. Насколько мне известно, эти результаты впоследствии не были ни подтверждены, ни опровергнуты и сейчас, в общем, игнорируются как недостоверные. Но тогда нам казалось, что произошло что-то исключительно важное. Просматривая журнал, Сергей Васильевич делал массу выписок и потом показывал их мне (и, видимо, другим сотрудникам, которых, как он считал, это могло заинтересовать). Тематика того, что я должен был прочесть и разобрать (с его подачи), охватывала очень широкий круг вопросов. Сергей Васильевич любил рассказывать, как при одной из первых встреч с Я.И. Френкелем тот дал ему *полный* список имевшихся тогда работ по квантовой теории твер-

дого тела, включавший всего 12 статей! Думаю, что он так и не воспринял всерьез последующую сверхузкую специализацию (и был совершенно прав!). Ярким примером такой специализации, доведенной до абсурда, для меня осталась Международная конференция по магнетизму в Варшаве в 1994 г. (где мы, кстати, были вместе с Сергеем Васильевичем – это была наша последняя совместная поездка на конференции и последний раз, когда я видел Сергея Васильевича в добром здравии и в бодром расположении духа): мало того, что чуть не половина докладов была посвящена мультислоям – важному в прикладном отношении, но все-таки достаточно частному вопросу, – так там еще были отдельные секции по двух-, трех- и т. д. слойным системам. Конечно, ничему подобному Сергей Васильевич не учил, и мне в голову не приходило сказать ему, что эта статья, дескать, не по моей теме, этим я не занимаюсь и т. д. Другое дело, что было физически невозможно конструктивно продвигаться во всех заинтересовавших его направлениях. Но выбор всегда был из очень широкого списка.

Между прочим, Сергей Васильевич постоянно подталкивал меня к занятиям физикой наночастиц, особенно их магнитных свойств. Тогда это совершенно не было модной областью; последующий взрыв интереса к так называемой мезоскопике подтвердил лишний раз его исключительное чутье на перспективные направления. К сожалению, несмотря на довольно серьезные условия, ничего путного у меня тогда с этими задачами не вышло. Магнитной мезоскопией в конструктивном плане я занялся намного позже в связи с магнитными молекулами.

Мне довелось также много общаться с Сергеем Васильевичем по вопросам, связанным с образованием. Начиная с 1977 г. в мои обязанности (которые, впрочем, никогда не были «формализованы») входило замещать его в случае необходимости в университете (Сергей Васильевич в связи с его обязанностями председателя УНЦ часто уезжал в командировки; я также читал вместо него лекции при его – тогда, к счастью, очень редких – болезнях). Это были лекции по квантовой физике твердого тела для студентов экспериментальных специальностей на физическом факультете Уральского университета. Надо сказать, что Сергей Васильевич был очень «добродушным» экзаменатором, и потому не по разуму прагматически настроенные студенты слушали его, в общем, плохо – дескать, все равно на «четверку» сдадим. Он не предупреждал студентов заранее о замене, и часто, придя в аудиторию, заполненную меньше чем наполовину, я растерянно думал: это они так ходят на лекции к Вонсовскому?!

Неужели они (студенты) не понимают, что, скорее всего, большинство из них за всю свою последующую жизнь не будут иметь случая пообщаться с ученым такого уровня? Впоследствии выяснилось, что этого не понимают не только студенты: вскоре после того, как Сергей Васильевич перестал быть Большим Начальником, из университета его без особых церемоний убрали. Курс-де у него был устаревший, экзамены он принимал слишком либерально и т. д.

Экзамены – это да, экзамены принимались либерально. Обычно мы принимали их вместе, и мне всегда было очень трудно смирять свой темперамент, подстраиваясь под уровень требований Сергея Васильевича. У Вали Ирхина, который начиная с середины 1980-х тоже часто помогал принимать эти экзамены, это получалось не в пример лучше. Я до сих пор помню, как первый раз инструктировал его, в каких случаях ставится двойка: если человек не может ничего осмысленного сказать о том, чем металл отличается от полупроводника, и т. д. Валя: «Ну это, наверное, несправедливо». Я: «Почему?» Валя: «Ну, может, человек этого не знает, а *что-нибудь* другое знает...» Это была, конечно, очень реалистическая и трезвая оценка уровня тогдашних студентов. Я считаю, впрочем, что либерализм Сергея Васильевича был в конце концов совершенно оправдан: на фоне его уровня действительно не было особой разницы между студентом-среднячком и кем-нибудь из преподавателей – столпов факультета, а раз нельзя поставить двойки последним, за что же мучить бедных студентов? Вообще, я глубоко убежден, что обучает и воспитывает личность преподавателя в целом, и для студентов, при всех издержках, было куда полезнее видеть и слышать Сергея Васильевича, что бы он ни говорил, чем какого-нибудь сверхэрудированного... не хочется показывать пальцем (хотя, как сказано в известном мультфильме, все знают, что это Слононок). Все это тем более неприятно, что Сергей Васильевич относился к своей преподавательской работе с исключительной заинтересованностью и тяжело переживал своё отлучение от физфака. Он и потом преподавал: читал курсы истории естествознания в созданной им исследовательской физико-математической группе, позже – в Гуманитарном университете. Но об этом я писать не хочу: про группу до сих пор больно вспоминать, как все хорошо начиналось и чем закончилось, а про Гуманитарный университет лучше написать тому, кто больше знает об этой стороне деятельности Сергея Васильевича. Чтобы закончить воспоминания на тему «Сергей Васильевич и образование», скажу еще о часто повторяемой им мысли: степень важности и

интересности научного результата определяется тем, имеет ли смысл рассказывать о нем студентам (а если речь идет о самых крупных результатах – школьникам).

Помню, как-то зимой, в начале 1981 г., я навестил Сергея Васильевича в больнице. Совершенно неожиданно для меня он завел разговор об учебнике по теории твердого тела, который он писал на протяжении тридцати лет (тем не менее была написана лишь небольшая часть того, что Сергей Васильевич хотел туда включить). Он предложил дописывать его вместе. Работа над «Квантовой физикой твердого тела» была для меня не только очень полезной (прежде всего для формирования общего научного мировоззрения), но и очень приятной. Наполеоновские планы – писать нечто многотомное объёмом чуть не с «Магнетизм» – довольно быстро пришли в противоречие с реальностью: я тогда был совершенно не готов к такой работе, а у Сергея Васильевича явно не хватало времени. То, что получилось, мне нравится до сих пор (особенно издание на английском языке, где была возможность не торопясь все расписать, не экономя объём, исправить довольно многочисленные описки и опечатки русского издания и т. д.). В одном из отзывов на эту книгу (в «Contemporary Physics») рецензент написала, что, дескать, никогда не могла угадать, о чем пойдет речь через несколько фраз. По-моему, это комплимент. Во всяком случае, книжка получилась действительно не похожей ни на какой современный стандартный учебник.

К первоначальному плану – написать все-таки нечто фундаментальное и подробное – мы вернулись через много лет. Писать начали втроем: Сергей Васильевич, Саша Трефилов и я. Книга все раздувалась и раздувалась. К любому нашему тексту Сергей Васильевич, который смотрел все очень внимательно и придирчиво, требовал все новых и новых дополнений и разъяснений, добываясь полной ясности. Работа шла почти до самой его смерти; последние две просмотренные им главы он вернул без единого замечания – это уже было явным признаком его ухудшившегося здоровья и огромной усталости в самый последний период. К большому сожалению, закончить работу вместе с Сергеем Васильевичем мы так и не успели. А сейчас я вообще из всех предполагаемых авторов остался один.

В промежутке между двумя этими книгами мы написали втроем еще одну: «Локализованное и делокализованное поведение электронов в металлах». Это была именно книга, писавшаяся для серии «Проблемы современной физики» и уже одобренная к публикации в этой серии. К сожалению, опубликовать ее

именно как книгу в связи с развалом издательства «Наука» (и если бы только его!) мы не смогли. Она была переделана в огромный обзор и опубликована в 1993 г. в двух номерах «Физики металлов и металловедения». Стиль работы был тот же: мы с Сашей что-то писали, а Сергей Васильевич делал замечания почти к каждому слову, добиваясь ясности и удобочитаемости. К сожалению, полностью этой цели нам так и не удалось добиться. Тем не менее получилось, как мне кажется, нечто необычное и достаточно информативное. Сергею Васильевичу очень нравилась общая «философская» идея о дополнительности второго ранга: аналогично тому, как квантовая система на классическом языке описывается лишь наложением двух дополнительных картин (корпускулярной и волновой), многочастичные системы на одночастичном языке также требуют двойственного, локализованного – делокализованного, описания. Кроме того, Сергею Васильевичу, как мне кажется, было очень важно уяснить, прежде всего для самого себя, что изменилось в теории твердого тела после появления компьютеров, вычислительной физики и, в частности, микроскопических зонных и псевдопотенциальных расчетов. Было очень интересно обсуждать с ним все эти вопросы. Кстати, признаюсь в одном грехе. Когда мы писали этот текст, мы с Сашей иногда слегка хулиганили, вставляя в него двусмысленные «фрейдистские» фразы; Сергей Васильевич отмечал их карандашиком на полях в знак того, что понял и оценил, и не вычеркивал. Так это все и опубликовано. Что же касается идеи «дуального» описания электронов в переходных металлах, потом ее удалось формализовать (при активном участии моём и моего друга Саши Лихтенштейна) в виде так называемого LDA + DMFT метода – здесь неуместно объяснять подробно, что это такое, но вещь хорошая.

Вряд ли мне уместно выходить в этом тексте за рамки рассказа о совместной работе, научных и образовательных делах. Несомненно, есть люди, которые знают гораздо больше о чисто человеческих чертах Сергея Васильевича, его общих взглядах и т. д. Все-таки хочу рассказать о двух-трех ненаучных разговорах, которые мне особенно запомнились. Как-то во вполне советские времена, когда А.Д. Сахаров был в горьковской ссылке, Сергей Васильевич завел о нем разговор (было это у него дома, за обедом). Тон разговора был очень теплым и доброжелательным по отношению к Андрею Дмитриевичу, что тогда на меня действовало очень сильно (я был вполне стандартно-советским молодым человеком и если и не верил без разбора всему, что пишется в газетах, то от диссидентских настроений был очень далек).

Сергей Васильевич рассказал, со слов И.Е. Тамма, как Тамм и Леонтович принимали у студента Сахарова экзамен по теории относительности и поставили ему тройку. Потом, чуть ли не ночью после экзамена, Тамм позвонил Леонтовичу и сказал что-то вроде: «Слушай, так ведь этот студент все правильно говорил! Это мы с тобой ничего не поняли – это нам надо тройки ставить! Надо с ним еще поговорить». Так Сахаров стал учеником Тамма. Были рассказаны еще какие-то истории; кстати, Сергей Васильевич много говорил о борьбе Сахарова с лысенковщиной в начале 1960-х годов. После этого Сергей Васильевич в очень мягкой и деликатной форме стал высказывать сожаления о том, что Андрей Дмитриевич переключился с науки на политику. В этом не было ничего конъюнктурного – Сергей Васильевич действительно сожалел об этом. Сейчас, после всех событий 1980–1990-х, я думаю, что эти сожаления имели под собой некоторые основания. Андрей Дмитриевич дважды мощно повлиял на ход исторического процесса: и как создатель советской водородной бомбы, и как авторитетнейший деятель правозащитного движения. И в том и в другом случае серьезный человек вряд ли возьмется оценивать последствия по двухбалльной системе «хорошо–плохо». Так вот, возвращаясь к разговору: Сергей Васильевич, опять же в очень мягкой и деликатной форме, сказал что-то о роли второй жены Сахарова в смене интересов Андрея Дмитриевича. Помню мгновенную реакцию Любви Абрамовны: «Ну конечно, у вас всегда во всем жена виновата – не первая, так вторая».

Помню также реакцию Сергея Васильевича на публикацию в «Новом мире» (кажется, в конце 1980-х годов) статьи Тростникова на тему «Наука и религия». Сергея Васильевича задел крайне безапелляционный тон этой статьи; меня, кстати, тоже, несмотря на мои тогда уже безусловно «нематериалистические» взгляды. Мы с Сергеем Васильевичем поговорили о том, что Библия все-таки, в отличие от «Материализма и эмпириокритицизма», написана не для того, чтобы дубасить ею по голове непослушных естествоиспытателей. Публикация Сергея Васильевича в «Вестнике АН СССР» с ответом Тростникову написана традиционным «марксистским» языком и, думаю, не вполне раскрывает взгляды ученого по затронутым там вопросам; в личных разговорах он больше говорил о своих сомнениях и вполне сочувственно выслушивал мои «наскоки». Помню один совершенно неожиданный разговор о бессмертии души... Рассказывать, собственно, нечего – кроме самого факта, что Сергей Васильевич, по-видимому, много и напряженно думал

над «вечными» вопросами и явно на гораздо более глубоком уровне, чем об этом можно судить по его специально-философским публикациям.

Безусловно, его влияние сказалось и в моём интересе к «околонаучным» мировоззренческим вопросам, которое уже после его смерти привело к написанию (Валей Ирхиным и мной) двух «псевдофилософских» книг и нескольких статей. Я хорошо помню, как Валя завёл со мной первый (и очень удививший меня тогда) разговор о том, что потом вылилось в книгу «Уставы небес». Это было, когда мы возвращались с похорон Сергея Васильевича... Очень жаль, что мы не имели возможности обсудить с ним этот круг вопросов – мне кажется, его бы это очень заинтересовало.

Впрочем, дело не в разговорах на возвышенные темы, какими бы важными и интересными они ни были: для меня Сергей Васильевич навсегда останется примером (боюсь, что недостижимым) выполнения некоторых наиболее трудных евангельских заповедей: не судить, любить ближнего и стараться найти хорошее в каждом человеке. Сергей Васильевич ни в коем случае не был наивным человеком; он прекрасно понимал все «прелести» нашего научного, используя модное сейчас русско-английское слово, истеблишмента, иногда (очень редко) он рассказывал совершенно потрясающие вещи из этой области. Однако при этом о людях всегда говорилось доброжелательно и уважительно – «ненавидь грех, и люби грешника». К несчастью для нас, тех, кто его окружал, этому научиться куда труднее, чем «ремеслу». Но это уже наша вина и наша беда. Возможность общаться с Сергеем Васильевичем – это было счастье. Мне его очень не хватает.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ВОНСОВСКОГО

Мне посчастливилось общаться с Сергеем Васильевичем в последние годы его долгой и насыщенной событиями жизни – когда я начинал свою работу в ИФМ. Наша семья дружила с семьей Татьяны Семёновны Шубиной, приемной дочери С.В., так что и раньше были короткие встречи с этим прекрасным и обаятельным человеком. Все эти эпизоды прочно остались в моей памяти. О многом я пишу и со слов Зинаиды Семёновны Шубиной, которые дополняют воспоминания самого С.В.

Сергею Васильевичу много дало воспитание в семье, духовно богатой и с очень интересной историей (об этом в первой части «Воспоминаний» и в книге Бориса Путилова «Магнит души»). Он с трогательным вниманием относился к родителям, а затем и к собственной большой семье, приёмным детям и внукам.

Наверное, главный подвиг его жизни – то, что он взял на себя все заботы о семье безвременно погибшего друга и учителя – Семёна Петровича Шубина. С.В. сопровождал Любовь Абрамовну на свидания с арестованным С.П. Шубиным (на ул. Ленина, 17), ждал ее в сквере вблизи площади 1905 года... Вряд ли бы удалось выстоять без поддержки М.Н. Михеева – многолетнего директора ИФМ, который не избежал временного снятия с должности за принципиальную позицию. И самого С.В. увольняли из ИФМ, но здесь помог Р.И. Янус, на несколько месяцев взявший его к себе в экспериментальную лабораторию.

С.В. счел своим долгом оставить детям фамилию и национальность их отца – Семёна Петровича Шубина. При оформлении документов в трудное время сталинского режима (1952 год!) очень помогла служащая загса. Удивительным образом, много лет спустя ее дочь, ничего не знавшая об этом, стала женой Андрея Шубина.

Вскоре после войны мама Семёна Петровича была актирована и освобождена из лагеря как умирающая (диагноз рака, к счастью, затем не подтвердился). Вплоть до реабилитации в крупных городах она могла жить только нелегально, причем проверки паспортного режима милиция проводила постоянно, во всех квартирах. Будучи «засекреченным физиком», С.В. не боялся приглашать ее к себе, и она подолгу жила вместе с его семьей. В первый приезд ее несколько дней ждали на вокзале...

В военное время, выполняя оборонные заказы вместе с Р.И. Янусом, С.В. работал в Нижнем Тагиле. Домой приезжали

только на выходные, часто привозя с собой так необходимую для жизни картошку. Полностью истощенный С.В. отлеживался на кровати, почти все время дремал. А жили все в одной комнате – остальные были заняты эвакуированными.

После войны жизнь постепенно налаживалась и смягчалась. Тогда институт располагался на краю города, дальше уже начинался лес. Жизнь была интересная. Сотрудники там же разводили огороды, их дети собирали лук, приносили на обед в институтскую столовую. Будучи темпераментным и увлекающимся, С.В. азартно, как маленький ребенок, играл в волейбол с друзьями и родными. Вместе с ближайшими друзьями – М.Н. Михеевым и Я.С. Шуром – собирались на застолье и громко пели песню «Крутится, вертится шар голубой...»

Отдыхали ученые тоже дружно, вместе с семьями. Однажды заняли целый самолет (тогда они были небольшими, всего 15 мест), отправляясь отдыхать на Кавказ, в поселок Леселидзе. Проводили лето и в южноуральской деревне Воздвиженке. Собирали там, в диких местах, огромные грибы и ягоды, ловили необыкновенно больших рыб, не ведая, что эти природные красоты – следствие радиоактивного заражения под Челябинском...

С.В. был большим патриотом Урала и родного ИФМ, даже не допускал мысли уехать на работу в Москву. Как часто шутила Любовь Абрамовна, у него были две любимые темы: «Какой хороший УНЦ» и «Физика – мать всех наук».

Известна деликатность С.В., его рыцарское отношение к женщинам, которые всегда отвечали ему любовью. С.В. был гостеприимным хозяином, любил пошутить, рассказывал анекдоты, всегда милые и старомодные. Он очень любил поэзию, во все поездки брал с собой тетрадку с выписанными стихами. Когда она становилась потрепанной – переписывал, и так несколько раз. Часто читал наизусть стихотворение «Заблудившийся трамвай» Гумилева – тогда поэта почти запрещенного, мало кому известного. Вот собственное стихотворение С.В., написанное в молодости, вероятно, в 1930-е годы:

Холодные тучи нависли так низко,
Свинцовый покров их нельзя разорвать.
Не верю, что счастье бывало так близко,
Печальные думы не в силах прогнать!

Так хочется ласки и света...
Тоскую о призрачном счастье.
Душа одинокая жаждет привета,
А в сердце – глухое ненастье...

Холодные тучи нависли так низко,
Свинцовые капли стучат под окном.
Не верю, не верю бывалому счастью,
А думы печальные все о былом...

С.В. очень любил классическую музыку, особенно Рахманинова, сам играл на фортепьяно (этому он учился в детстве), сам пробовал сочинять. Известный в семейном кругу музыкальный этюд С.В. в его собственном исполнении звучит в документальном фильме «Выбывший оставил вещи...».

Будучи увлеченным автолюбителем, С.В. обычно сам водил машину и на своей «Волге» любил ездить по окрестностям города. Лето он проводил на Шарташе, где регулярно снимал дачу (свою так и не получил, несмотря на все научные заслуги); сюда его семья приглашала гостей.

Многие физики – друзья и знакомые моего отца, Юрия Павловича Ирхина, были, как и он, учениками С.В. и говорили о нем с неизменной теплотой. Впрочем, вряд ли стоит дублировать здесь воспоминания самого С.В. и заметки Миши Кацнельсона, очень хорошо рисующие стиль научной работы и общения С.В. с учениками. Поэтому – только несколько дополняющих мыслей и деталей.

Важнейшим человеческим качеством С.В. была доброта, которой многие пользовались и часто злоупотребляли: он был просто физически не способен причинить человеку боль отказом, когда его о чем-то просили. Он много помогал в тяжелое советское время своим коллегам и ученикам, не только способствуя решению материальных проблем, но и морально, «прикрывая» своим колоссальным авторитетом, защищая от давления власти. К сожалению, далеко не все они продолжали навещать С.В. и поддерживать с ним отношения, когда он ушел с высоких постов и болел.

Сам С.В. никогда не был членом комсомола и партии. Его неоднократно вызывали с настоятельными предложениями вступить в КПСС. Противостоять давлению с его мягким характером было непросто, но он каждый раз вспоминал слова Любови Абрамовны: «Как ты будешь смотреть мне в глаза?»

Административные и депутатские обязанности оставляли С.В. мало времени на занятия наукой (и тем более свободного времени), но вход в его кабинет был всегда открыт для учеников. Разговаривать с ним было легко и просто – он был внимателен к любому собеседнику, независимо от его должностей и регалий.

Многое дали мне книги и записи Сергея Васильевича. Когда я заменял С.В. в Уральском университете и продолжал читать

разработанный им курс для студентов Гуманитарного университета, его конспекты оказали неоценимую помощь. Я чувствовал всю мощь классического стиля преподавания, который сейчас нечем заменить...

Последние годы жизни С.В. посвятил работе над своими воспоминаниями и учебником «Современная естественно-научная картина мира». Несмотря на ослабевшее зрение и постоянные сильные боли, Сергей Васильевич упорно работал, не жалея сил, которых оставалось немного. Чтобы сохранить свои тексты, он осваивал персональный компьютер, в чем ему особенно помогал Герман Германович Талуц (пригодилось и умение играть на пианино вслепую). Живя на Шарташе, он вставал в семь утра и печатал, печатал. Рядом уже не было его жены – Любви Абрамовны, которая была ему неоценимой помощницей...

Первоначально С.В. планировал написать учебное пособие по естествознанию для Гуманитарного университета, одним из основателей которого он был. Но книга быстро вышла за эти рамки: он чувствовал необходимость передать не только свои знания физики, но и культурные традиции своего поколения.

С.В. сумел увлекательно, но не снижая уровня, изложить многие сложные концепции современной физики: фундаментальные симметрии, проблему «великого объединения» всех взаимодействий, теории суперсимметрии и суперструн... Однако «Картина мира» важна нам не только с учебной точки зрения, но и как свидетельство духа безвозвратно уходящего времени. Эта книга получила высокую оценку и в Екатеринбурге, и среди гуманитариев Москвы и Санкт-Петербурга. Е.В. Косилова (филологический факультет МГУ) написала в своей рецензии:

«Перед нами чрезвычайно содержательная и в научном, и в философском смысле книга, адресованная всем, кто не хочет ограничивать свои интересы узкой областью. К сожалению, масштаб читательской аудитории, будучи потенциально широким, на практике, скорее всего, широким не будет. С.В. Вонсовский, мечтавший сделать современную физику понятной для гуманитариев, не отдавал себе, по-видимому, отчета в том, насколько далеко разошлись науки и как трудно современному гуманитариию понять даже очень облегченный естественно-научный материал... Уже не говоря о том, как сильно упал общий уровень образования, даже по сравнению со второй половиной 20 века. Тем не менее, существование этой книги дает одну из возможностей сохранения естественно-научных и гуманитарных знаний для передачи их будущим поколениям» (Вестник УрО РАН, 2006. № 3 (17)).

К счастью, пессимистические прогнозы не совсем сбылись. Хотя этого действительно было трудно ожидать заранее, простота и ясность изложения, характерные для «старомодного» стиля С.В., сделали свое дело. Книга дважды издана и пользуется большим спросом, широко цитируется в интернете, разобрана на рефераты прагматичными студентами...

Будучи крупной личностью, С.В. во многом остался непонятым. Даже в беседах с учениками он нечасто позволял себе открытость в мировоззренческих вопросах. Было бы неправильно судить о мировоззрении Сергея Васильевича по его немногочисленным публикациям, касающимся философских вопросов: на них наложило свой отпечаток тяжелое время, пережитое нашей страной – тогда почти никто не мог избежать душевного надлома под прессом советской идеологии. По его собственному выражению, приходилось писать «по известным тогда стандартам, с непрерывными реверансами в сторону КПСС».

Уже в первые годы перестройки С.В. вступил в дискуссию с известной публикацией В.Н. Тростникова «Научна ли “научная картина мира”?» (Новый мир, 1989. № 12), отстаивая физическую картину мира от необоснованных упрощений. Статья Тростникова – одна из первых в этом духе, очень эмоционально, местами наивно написанная, но далеко не из худших... Кое-что из мыслей С.В. звучит актуально на фоне невежественного религиозного фундаментализма, готового подорвать школьное образование. Вместе с тем критика С.В. отличается по тону от ругани «противоположной» стороны – некоторых современных «борцов с лженаукой», даже не осознающих своего невежества в гуманитарных сферах.

«Мне представляется, что физика в ее современном состоянии может полностью убедить нас в правильности мировоззрения, построенного на диалектическом материализме. Разумеется, я не ратую за запрещение иных точек зрения, я против сколько-нибудь неуважительного к ним отношения, в частности и к взглядам, которые с такой страстностью отстаивает В.Н. Тростников...

Я непримиримый материалист, но в заключение хочу повторить, что всегда с глубоким уважением отношусь к эрудированным оппонентам-философам, которые искренне верят в свою правоту, и всегда готов вступить в строго принципиальный, доброжелательный диалог».

Однако дело на этом не кончилось: духовный труд С.В., его работа над собой продолжались. Он много читал, обдумывал; в его «Воспоминаниях» можно найти и выписки из Нового Завета

(см. с. 309–310 наст. книги). В наступающее новое время, когда наша жизнь круто менялась, С.В. сумел многое переосмыслить. Несколькими годами позднее (в январе 1994 г.) он напишет своему близкому другу Т.П. Козляковской:

«И вот то, что я написал в ответ на статью [Тростникова] из “Нового мира”, – это тоже еще отрывка от рабства. И вот, может теперь... я найду в себе силы душевные, чтобы изгнать все рабское, что сохранилось внутри меня. В чем я согласен с тобой полностью – это с тем, что должна быть какая-то идея. Здесь может быть много разных путей. Здесь и наука, и искусство, и религия. Все они ставят свои цели. Самое главное – это чтобы общество было высокоинтеллектуальным, вот, наверное, это самое главное, мой друг».

Один из последних представителей российской интеллигенции, С.В. призывает быть открытым новому, постоянно двигаться к истине и духовной свободе – на всех доступных путях. Эти строки звучат как завещание российскому обществу не только крупного ученого, но и настоящего Человека. Они созвучны словам академика М.Л. Гаспарова – гуманитария, крупнейшего отечественного филолога, также недавно ушедшего из жизни:

«Говоря о высотном лабиринте выработки культурных вкусов, подчеркнем еще одно: путь по нему бесконечен, нет такой ступеньки, на которой можно было бы остановиться с гордым чувством, что она последняя и выше ничего нет. Это важно, потому что советская школа семьдесят лет исходила из противоположного: подносила учащимся только бесспорные истины. Они менялись, но всегда оставались истинами в последней инстанции – будь то в физике или истории, в математике или литературе. Школа изо всех сил вбивала в молодых людей представление, что культура – это не процесс, а готовый результат, сумма каких-то достижений, венец которых – марксизм. А когда человек с таким убеждением останавливается на любой ступеньке и гордо смотрит сверху вниз, то это уже становится общественным бедствием: ему ничего не докажешь, он сам всякому прикажет. Подчеркиваю, на любой ступеньке: застынет ли человек в своем развитии на Агате Кристи, или на Тургеневе, или на Джойсе, это все равно. Такая школа была порождением своего общества. Старая гимназия готовила питомцев к университету, а затем к служебной карьере, новая готовила (и готовит) их неизвестно для чего. Наше хозяйство никогда не знало, сколько каких ученых сил ему нужно сию минуту, а подавно через десять лет. Какая может быть полнота раскрытия индивидуальных вкусов и склонностей выпускника, который будет брошен общественной необходимостью неведомо куда?» (Гаспаров М.Л. Прошлое для будущего: Записи и выписки. М., 2008. С. 208).

С.В. Вонсовский с учениками «малой академии» (1970-е годы)

В рукописи последней главы своего учебника Сергей Васильевич привел заключительные слова Нобелевской лекции А.Д. Сахарова, к которому относился с огромным человеческим уважением. Они, вероятно, выражают также научно-философскую и этическую позицию самого Сергея Васильевича:

«Я защищаю также космологическую гипотезу, согласно которой космологическое развитие Вселенной повторяется в основных своих чертах бесконечное число раз. При этом другие цивилизации, в том числе и более “удачные”, должны существовать бесконечное число раз на “предыдущих” и “последующих” к нашему миру листах книги Вселенной. Но все это не должно умалять нашего священного стремления именно в этом мире, где мы, как вспышка во мраке, возникли на одно мгновение из черного небытия бессознательного существования материи, осуществить требования разума и создать жизнь, достойную нас самих и смутно угадываемой цели».

В обращении к молодым участникам XXVII «Коуровки» Сергей Васильевич написал: «Дорогие мои! Успехов вам. Будьте верными любимой науке. Будьте щедрыми, делитесь своими знаниями. И пусть вас уважают и как прекрасных ученых, и как не менее прекрасных людей». Таким был и сам Сергей Васильевич.

Глава I

ДО И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

ПИСЬМА ОТ РОДИТЕЛЕЙ

АРЕСТ С.П. ШУБИНА

ЗАЩИТА КАНДИДАТСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ. СУРОВЫЕ ГОДЫ

ЗАЩИТА ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ

ПЕРЕЕЗД РОДИТЕЛЕЙ. ЛЮБОЧКИНА ЗАЩИТА

ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ «ФЕРРОМАГНЕТИЗМ»

ОТДЫХ

БОЛЕЗНЬ

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АН СССР

ПУТЕШЕСТВИЕ «ПРЕДВОДИТЕЛЯ» «ПОБЕДЫ»

СТАРИННЫЙ ДРУГ

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ. КОМАНДИРОВКИ.
ЗАРУБЕЖНЫЕ ДРУЗЬЯ

СМЕРТЬ МАМЫ. ЕЕ РОДОСЛОВНАЯ

«ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ». ПЕРВЫЙ ВНУК. РАБОТА

50-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ

«КОУРОВКИ»

ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

ПИСЬМА ОТ РОДИТЕЛЕЙ

Письма в моей жизни имели очень большое значение. У меня сохранилось много писем мамы и папы за 1933–1936 гг. Из Ташкента в эти годы я получал, как правило, три-четыре письма в месяц.

В одном из писем папа прислал мне очень интересную характеристику на Александра Васильевича Головнина, которую мама прочла в книге А.Ф. Кони: «В последние годы». Я хочу привести её, чтобы ещё раз вспомнить об этом большом человеке. Вот что пишет Кони:

«Несомненно, что у всякого, кто встречался с Головным, при известии о его смерти наряду с чувством глубокого сожаления возникает воспоминание об аккуратном, очень сутуловатом старичке небольшого роста, который умел соединять утончённую, чрезвычайно редкую и даже вовсе забытую в наше время вежливость с твёрдостью взглядов и математическою точностью выражений. Старый лицеист начала сороковых годов предстает пред нами со своими приветливыми приемами светского человека, сквозь которые всегда проглядывали и редкие по своей многосторонней солидности образование и глубина взглядов, дававшая чувствовать биение тёплого сердца, не умевшего стареть и успокаиваться в сознании своего личного удовольствия и почёта...».

Далее мама и папа сообщают, что у них живёт Сережа Федотьев – Колюшин сын от первого брака. Когда и как он к ним переехал, я узнал из письма Колюши*, о котором сообщу ниже. Серёжа в то время учился в 4-м классе в школе им. Песталоцци. Первое время мама была очень довольна внуком. Вот что она сообщает в своём послании:

«Пишет тебе с большой радостью письмо. Он тебя очень любит. Мальчик он удивительно хороший. Характер прекрасный. Конечно, пребывание Серёжи меня очень утомляет, но, с другой стороны, он такой хороший мальчик, что я всё делаю для него с большой радостью. От Нади получили очень хорошее письмо, из которого ты увидишь, как она сердечно относится к Серёженьке. Он ей написал тоже хорошее благодарственное письмо».

Мама в своих письмах делает замечания по поводу моих грамматических ошибок, за что я ей глубоко благодарен.

Папа написал письмо от 6/1 1934 г. на письме Колюши, который ещё 30/IX 1933 г. пишет маме следующее:

«Вчера вернулся из плавания и застал письмо от Серёжи, в котором он пишет, что Мария просит тебя взять поскорее

* Сводный брат С.В. Вонсовского.

Серёжу. Если тебе не будет в тягость, то прошу тебя, возьми его к себе. Ему 13 лет, и я думаю, что он вам, старикам, будет до некоторой степени скрашивать одиночество. Если ты согласна, то напиши Марии, чтобы она прислала Сергея, и сообщи мне о результатах, а также с какого времени Серёжа будет у тебя, чтобы не посылать ей денег, а посылать деньги тебе на содержание Сергея. Ты только не забудь сразу же его прописать в Ташкенте. Затем напиши Марии, чтобы она выслала с Сергеем его документы – метрики и т. п. Ну пока, до свидания. Целую крепко тебя и папу. Коля».

Вот такова история переезда Серёжи Федотьева в Ташкент к маме с папой.

19 июня 1934 г. мама с папой поездом доехали из Ташкента до Рязани, а затем на пароходе прибыли в Спасск. До Рязани они ехали на скором поезде, так как на почтовый билет не достали. Поэтому от Рязани пришлось ехать до Спасска на пароходе, так как скорый проходил не через Ясаково, а через Ряжск на Рязань по другой железной дороге. Я, видимо, приехал в Спасск несколько позже мамы, папы и Серёжи. У меня сохранились три письма из Спасска в Свердловск. Мама сообщает, что она с конца апреля очень плохо себя чувствует.

О нашем пребывании в Спасске никаких письменных материалов я не имею. Есть только папины письма из Ташкента в Спасск. Из-за занятий в школе он уехал с Серёжей в Ташкент раньше, а мама со мной ещё осталась в Спасске. Потом она одна возвращалась в Ташкент, но к ней присоединилась наша соседка Лидия Михайловна, которая в эти дни возвращалась из Москвы в Ташкент. По дороге из Спасска в Ташкент мама делала остановку в Рязани, где останавливалась у своей родной тётки, сестры её отца Александры Ивановны (урождённой Никульшиной), которая жила с одной из своих дочерей – Симой. У них мама отдохнула душой и несколько успокоилась от разлуки со мной. Мама очень жалела, что не поехала со мной в Свердловск. В Рязани мама виделась с Кирой Владимировной и Ниной Владимировной (урождёнными Кожиными). А Гурлик – сын Киры Владимировны – даже помогал ей на вокзале при отъезде в Ташкент. 2 сентября мама с Лидией Михайловной прибыли в Ташкент. Интересно, что папа, памятуя о моей просьбе перед его отъездом из Спасска, в одном из писем сообщает мне о новых сериях паровозов, которые он видел при возвращении в Ташкент. Моя любовь к паровозам всё ещё существовала тогда! Мама очень хорошо доехала, и папа встретил её и Лидию Михайловну. Поезд пришёл в Ташкент точно по расписанию.

В сентябре мама пишет из Ташкента, что приехал Николай Николаевич Батуев, с которым я, живя в Ташкенте до отъезда в

Ленинград, занимался музыкой. Он очень хорошо играл на рояле и часто бывал у нас и у Фёдоровых. Много и хорошо играл как свои собственные сочинения, так и классическую музыку известных авторов.

Папин брат, мой дядя Павел Семёнович, довольно часто бывал у наших. В 1934 г. он летом ездил на родину к своим братьям в Цыганово, в Могилёвскую область. Там в это время было довольно голодно. Дядя Паша всех подкармливал, и поэтому ему пришлось пораньше вернуться домой, так как денежки были из-за этого истрачены раньше. В нашей переписке почти непрерывно обсуждается вопрос о возможном в ближайшем будущем переезде мамы с папой из Ташкента куда-нибудь поближе к Свердловску. В общем, здесь я как-то плохо проявил себя, надо было настаивать на их переезде ко мне в Свердловск.

О Серёже папа и мама пишут, что ему удалось вернуться в школу им. Песталоцци, поскольку до этого он почему-то был переведён в другую школу. В отношении Серёжи у мамы двойственное чувство. С одной стороны, она привыкла к нему и полюбила его. С другой стороны, конечно, ей были очень трудны с ним занятия, они страшно маму утомляли. Кроме того, папа часто был несдержан с Серёжей и кричал на него, что маму тоже мучило. Вообще, в своих последних письмах 1934 г. мама жалуется на расстроенное здоровье, страшную утомляемость и очень плохой сон.

Папа по-прежнему работает много в школе и, кроме этого, преподаёт на курсах военных командиров. Им всё-таки довольно часто приходилось занимать деньги у друзей, но потом ведь нужно было расплачиваться. Мама даёт много уроков музыки. Это тоже утомительно. Особенно, когда попадают неспособные к музыке или ленивые ученики.

В конце ноябрьских писем мама спрашивает меня, почему я ничего не пишу про Любовь Абрамовну* и были ли у неё уже роды. Задолго перед родами Любочка уехала в Москву. Родители Семёна Петровича устроили её пожить на даче в Кунцево. Вот что Любочка пишет мне 20 июля из Кунцево:

«Вот уже 3-й день, как я пасусь на лоне природы... У меня большой застеклённый балкон, где по ночам очень много воздуха, и я избавляюсь от той духоты, которая меня угнетала в Москве... Но 1) Я очень скучаю по Симе. Мне не удалось его проводить. Он уже 2-й день у чудного синего моря... 2) Погоды здесь были хорошие...»

* Любовь Абрамовна Шубина – жена С.П. Шубина, учителя С.В. Вонсовского, с 1938 г. – жена С.В. Вонсовского.

В конце письма Любочка жалеет, что моя мама решила не ехать в Свердловск.

22 октября за два дня до родов Любочка ещё успела послать письмо. Вот его начало:

«Твёрдо решила Вам более не писать до рождения малышки, но получила вчера от Вас такое хорошее, милое письмо, что мне очень захотелось ответить на него. Хочу, чтобы Вы знали, что мне так приятно и радостно получать Ваши письма, что они вливают в меня бодрость и силу для предстоящего испытания. От Сени из Ленинграда я тоже получаю очень хорошие письма. Вы гораздо более щедры на ласковое слово, чем он, это очень облегчит жизнь Вашей будущей жене, если только какое-нибудь тяжёлое испытание не заставит Вас утратить это качество, как было с Сеной. Он ведь был такой же нежный, ласковый мальчик, как Вы. Но в его скупых строках я умею почувствовать столько же, сколько в Ваших, мой мальчик, чудесных письмах. В ответ на все Ваши такие хорошие пожелания я желаю Вам, мой мальчик, хорошей, счастливой личной жизни. Ведь у Вас её до сих пор не было. А ведь Вы сможете сделать женщину счастливой, сможете не осложнять её жизнь разными досадными, уродливыми мелочами, которые так часто низводят женщину на низшую ступень. Правда, я тогда потеряю дружбу моего мальчика, и мне это будет грустно, но и радостно, если я буду знать, что Вам хорошо. А Вы не огорчайтесь, Серёженька, что этого до сих пор нет. У Вас ведь были уже очень хорошие часы в Вашей жизни, а ведь Вы ещё так молоды. Я пишу очень бессвязно, Серёженька, но хочу, чтобы Вы поняли, что это очень искренно».

Андрюшка родился 24 октября. И первое время после его рождения Любочка оставалась в Москве. В своём последнем декабрьском письме мама спрашивает, надолго ли приехала мать Любочки Зинаида Борисовна? А также спрашивает, обедаю ли я у Шубиных?

В одном из февральских писем за 1935 г. мама обсуждает вопрос о наших летних планах на этот год. Маму с папой очень соблазняет поездка на пароходе по рекам Белой и Каме. А относительно приезда перед этим путешествием ко мне в Свердловск мама опасается, что из-за появления Андрюши приезд такой большой компании будет невозможен. Там же она пишет о концертах Левочки Оборина, который приезжал в Ташкент:

«Концерты Оборина прошли очень хорошо. Дал их он семь, считая и закрытые. Постепенно перешлю все программы. Он был со мной очень мил, ласков и внимателен. На последнем концерте сделал мне выговор, что я ни разу не пригласила его к нам. Теперь я очень жалею об этом.

Так он меня устыдил, что я поехала провожать его. Серёжа помог мне довести до вокзала кое-что ему на дорогу. На последнем концерте у него была повышенная температура. Вообще с момента приезда в Ташкент он был болен гриппом. Приехал он к нам с Кавказа. Заезжал в Самарканд, где последний раз играл с подъемом, а в Ташкенте выступал через силу. ... Публика, конечно, не замечала его недомогания и мучила его постоянными вызовами. Я ходила за кулисы каждый раз к нему, и никогда так хорошо и тепло мы не встречались с ним. Я была очень довольна, что его никто не провожал, и мы с ним вдвоём посидели в купе и хорошо побеседовали. Очень приглашал к себе. Похвалил меня, что я не даю ученицам трудных вещей. Он был почти без голоса. Говорил, что никогда так не уставал, и уезжал с большим удовольствием. Мечтал о своём рояле, постели, домашней обстановке и обедах. Хвалил очень музыку Шостаковича и говорил, что он большой его поклонник».

Мама также с большим удовольствием была на концертах Мигая, который тоже приезжал с гастрольями в Ташкент. Папа пишет, что один концерт Мигая он тоже прослушал:

«Пел он романсы Рахманинова и Чайковского, так великолепно, какой глубокой, невыразимой грустью проникнуты особенно романсы Рахманинова, слёзы подступали, когда он пел романс, окончившийся словами: “веселых песен петь я не могу”, блестели слёзы и на глазах мамочки»

(мама была в восторге от пьесы «Неизбежность», которую в эти же дни ей удалось посмотреть).

В Ташкенте уже душно и жарко, а у нас на Урале ещё зима. Мама и папа продолжают регулярно бывать у Фёдоровых, а они у нас. Были также у тёти Веры с Костей, хорошо посидели, вспоминая окские берега. В своих открытках папочка спрашивает о том, как здравствует Андрюша? Мама считает, что начиная с весны 1932 г. я как-то отошёл от них в своих привязанностях. Она справедливо пишет, что и им трудно признать моих новых друзей своими близкими. Интересно, как мама оценила отношение ко мне Тани*. Вот ее слова в одном из мартовских писем 1935 г.:

«Я почти всегда с большой скорбью думаю о Тебе. Может быть, Тебе будет неприятно, но мне кажется, что Таня несправедливо жестоко к Тебе отнеслась. Прежде всего, все её письма к Тебе были проникнуты только чувством дружбы. Более глубокое чувство нельзя так хорошо

* Татьяна Козляковская – соученица, первая любовь и близкий друг С.В. Вонсовского.

скрыть. За что же она могла карать Тебя?! Я отказываюсь понимать её доводы. Я не хочу Тебя обижать этим своим письмом, но боюсь, что опять причиняю много боли и горечи».

Тут же мне хочется привести несколько фраз из папиного письма от того же числа:

«Ты и на одну секунду не должен допустить мысли, что Мамочка Тебя не любит, что она хочет причинить Тебе какое-нибудь огорчение, как-нибудь Тебя обидеть. Мамуська наша такой благородный, такой добрый, отзывчивый человек, чуткий, тонко-чуткий человек, что она сознательно никого не обидит, а особенно Тебя, нашего прекрасного, чистого, славного Мальчика, нашу радость, наше счастье».

В апрельских письмах мамочка продолжает посылать программы Лёвочкиных концертов. Папочка благодарит меня за решение какой-то математической задачи, о которой он меня просил. В одном из писем он сообщает, что случайно встретился на улице с Женей Чигринским, моим школьным товарищем, и они вспоминали меня.

9 мая мама пишет, что 30 апреля неожиданно приехал Колюша. Они этому очень рады. Вместе с ними он бывает у Фёдоровых, которым очень понравился. Колюшка всё болеет и плохо выглядит. Просит своё начальство перевести его на работу без плавания, которое его очень утомляет, и тогда вообще хочет перевезти к себе маму и папу. Он считает, что им уже не под силу работать. У мамы с папой непрерывные перемены решений, куда ехать на лето – либо в Спасск, либо к тете Мане в Кинель. Просят меня принять решение. 10 мая уехал Колюша. Мама пишет, что последние дни он чувствовал себя отдохнувшим и имел вполне хороший вид. В Ташкент ненадолго заехал из Ленинграда Даниил Николаевич Кашкаров по дороге на работу в Кизил-Кумы, где его уже ждут ученики.

Мама пишет, что у неё маловато уроков, а это сказывается на их материальном положении. Она очень огорчена моими грустными письмами...

26 августа папа уже отправил мне открыточку из Ташкента в Свердловск:

«Вот уж минуло 4 дня, как Ты покинул нас. Поворот, и белый платочек исчез, скрылся от наших полных грусти взглядов...»

Папа пишет, что получили уже 4 открытки со станций еще до Аральского моря. В следующем письме мама пишет, что получили уже пятую открытку. Мое пребывание у них маме кажется каким-то сном.

Мама, как и папа, очень самокритично относилась к своим педагогическим способностям. Однако по существу она была великолепным педагогом. Это полностью признавал и Лёвочка Оборин, и многие другие музыканты.

С внуком Серёжей у них пока все благополучно. Он был безмерно рад, когда папа купил ему для следующего класса целую кучу учебников, которые он до полуночи рассматривал с большим усердием. В открытке от 31 августа папа пишет, что очень рад моей удачной пересадке в Оренбурге и тому, что я там успел навестить Николая Николаевича Батуева. Серёжа с удовольствием занимается в школе, он вообще лучше стал учиться.

Мама и папа в своих письмах интересуются ходом моей подготовки к защите диссертации.

В письме от 8-го января 1936 г. мама пишет:

«Дорогой мой, хороший сынок! Вчера получили Твою радостную, добрую весточку. От всего сердца, безгранично любящего Тебя, благодарю Тебя за Твоё редкостное чуткое отношение к моим больным нервам. Грущу и скорблю, что часто обижаю Тебя незаслуженно. Никак не могу перебороть себя и быть уравновешенной. Родной мой, я не прошу писать Тебя много, но уведомляй нас аккуратно раз в неделю открытками, если Ты очень занят. Я знаю, что переписка отнимает очень много времени, а Ты так занят предстоящей диссертацией».

Наконец, и Серёженька написал мне хорошее письмо. В школе у него в общем не очень плохо обстоят дела. Собирается обязательно исправить одну плохую отметку (по орфографии). В Ташкент приехал на гастроли Цыганов, и мама была с друзьями на его концерте. От этих концертов остались все в восторге. И о грустном событии сообщает мама: умер брат Надежды Николаевны – Глеб Николаевич. С утра он работал, но почувствовал себя плохо, подошёл к окну и попросил Веру Николаевну поставить грелку. Пока она её искала, он скончался. Папа в своём письме тогда же пишет о кончине академика И.П.Павлова.

Папа интересуется, где я должен держать экзамены перед диссертацией. Спрашивает о здоровье Семёна Петровича и Андрюшки. 14 апреля папа пишет мне письмо в Москву. Видимо, я поехал туда в связи с будущей защитой диссертации.

Очень сильно болела Екатерина Ивановна Фёдорова. Ей делали операцию, и она лежала долго в больнице. В своём письме от 20 апреля мама пишет, что ходила её навестить уже домой и понесла ей цветы и конфеты. Уже идут приготовления к летней поездке на отдых. Но пока это все предположения. Мама много говорила, что Б.Н. Смолин будет заниматься с Сергеем матема-

тикой, а она за это с Б.Н. – музыкой. В письме от 5 июня папа пишет, что от М.А. из Спасска получили отказ. Она сдала своё помещение другим. Опять проблема. Но в конце концов как-то всё устроилось, и мы все были в Спасске. И достали там двух нянь. Мама уже из Ташкента (9 сентября) пишет, что Любовь Абрамовна выгадала, что к ней поехала Маруся. Она производила впечатление более культурной няни, чем наша Лена. И так, результатом поездки в Спасск были две няни: одна – Лена в Ташкент, а другая – Маруся в Свердловск для Андрюшки. Лена будет жить у наших. Это, конечно, стесняет маму, но иначе невозможно поступить. У мамы постепенно собираются её ученики. В своём письме от 27 сентября она пишет:

«К стыду своему, отвечаю только сегодня на Твою безмерно душевную весточку, полученную 24-го. Этот день начался у меня очень тяжело. Я получила очень трогательное и тяжёлое письмо (с описанием болезни и теперешних последствий) от Даниила Николаевича и сердечную записку от Людмилы Владимировны. Я очень плакала, переживая за них и испытывая угрызения совести, что с мая ничего не писала им, а иной раз имела дерзость осуждать за что-то доброго Даниила Николаевича. Как только отвечу, перешлю тебе их письма».

Мама и папа по-прежнему очень часто видятся с Фёдоровыми или у нас, или у них. Мама пишет, что она благословляет судьбу, что они взяли Лену. Она хорошая помощница и не обижается и не дует на справедливые мамочкины замечания. Учение Серёжи идет не всегда ровно. В одном из писем мама пишет, что он получил отметку «плохо» по орфографии. Мама и папа на мое сообщение о закрытии нашего факультета в УИИ тоже высказывают сожаление и вместе с тем очень надеются, что мы, может быть, поэтому переедем в Ленинград.

АРЕСТ С.П. ШУБИНА

В конце 1936 г. наш институт получил квартиры во вновь выстроенном доме на улице Шейнкмана, 19. И все мы переехали туда. Я получил квартиру из трёх комнат на 7-м этаже, чтобы можно было перевезти к себе маму и папу. В тех немногих письмах, которые сохранились у меня, все время идёт речь о предстоящем переезде в Свердловск. Но в одной из моих комнат временно живёт

С.П. Шубин (справа) с учениками (1937 г.)

сотрудник нашего института. Все как будто бы складывалось к благополучному переезду, наконец, мамы с папой ко мне. Для Сергея они просят узнать по Коллюшиной просьбе, есть ли в Свердловске военное училище, куда Коллюша хочет отдать Сергея.

Но всё рухнуло 24 апреля, когда запыхавшаяся Люба разбудила меня и умоляла прийти к ним и быть понятым, так как арестовывали Семёна Петровича. Это событие ожидалось, потому что в Москве и в Свердловске начались массовые аресты, в том числе троцкистов. А Семен Петрович считался бывшим троцкистом, за что испытал уже ссылку в Ишим. Итак, Семен Петрович был арестован. Поэтому все планы на скорый переезд мамы и папы, конечно, были отменены. Мы всё время ждали, что вот-вот арестуют и Любу. Пока ей давали свидания с Семеном Петровичем в присутствии следователя. Но надежды на его освобождение не было. Хотя держался он мужественно и, главное, никого не предал. А тут ещё выяснилось, что Люба беременна. Положение складывалось безвыходное. Двое малых ребят – Андрюша трех лет и новорожденная Танечка, да еще будущая Зиночка. Не знаю, почему Любу не тронули. Хотя кроме того, что был арестован муж, еще и ее брат Лазарь Шацкин и отец мужа Петр Абрамович Шубин тоже находились под арестом. Я помню, с каким душевным трепетом провожал Любу в дом на ул. Ленина, 17 на её свидания с Семеном Петровичем и не знал, вернется ли она оттуда. Так продолжалось до мая 1938 г., когда С.П. Шубина отправили в ссылку, якобы на 8 лет с правом пере-

писки. Удалось собрать тёплые вещи и ещё кое-что. По дороге многое пропало. Но вначале было получено несколько писем с просьбами выслать то, что пропало при переезде.

Мама и папа, конечно, были потрясены этим. Летом 1938 г. они приехали ко мне в Свердловск. Жили мы тогда на даче на Шарташе. Для мамы и папы тоже сняли комнатку. Приходилось много времени уделять семье С.П. Шубина, что не давало мне возможности быть долго вместе с мамой и папой. Только несколько раз мы смогли побыть вместе. Это, конечно, было бесчеловечно. И этого я не мог простить Любе. Мои старички вместо успокоения получили только бесконечное огорчение от приезда в Свердловск. После недолгого пребывания здесь они вернулись обратно в Ташкент.

В институте продолжалась «проработка» врага народа. Многие «друзья» выступали с «яркими» речами, что они давно подозревали врага народа в С.П. Шубине. Особенно старались Факидов и Булашевич, к которым после этого я потерял всякое уважение.

Сохранился документ того времени, который есть в архиве ИФМ.

Приказ № 61

По Уральскому физико-техническому институту от 27 апреля 1937 года.

Заведующего Теоретической группой С.П. Шубина отстранить от занимаемой должности с сего числа как активного участника вредительской контрреволюционной троцкистской банды, как врага народа.

Директор УралФТИ

М.Н. Михеев

М.Н. Михеев – директор УралФТИ – пытался урезонить «проработчиков», но вскоре сам пострадал, несмотря на свое пролетарское происхождение. О нашем директоре стоит написать несколько подробнее, наши судьбы во многом состоялись благодаря этому незаурядному человеку.

Михеев Михаил Николаевич (1905–1988) родился в семье стрелочника на станции Зуевка. В 1917 г. окончил школу и «пошел на железку», даже беспризорничал. Когда в Зуевке была организована транспортная ячейка РКСМ (1918 г.), его отправили доучиваться в школу II ступени. Затем по путевке Вятского губкома комсомола он едет учиться в Ленинградский университет на физико-математический факультет. Поселили студента Миньку (Митя) Михеева в общежитии на Мытнинской набережной (Мытня). Жил впроголодь, на одну стипендию в 20 цел-

ковых не проживешь, стал вечерами подрабатывать разгрузкой залеженных дров в порту; «оборвался до состояния Челкаша». Его пожалели и устроили в Центральный исторический архив помощником архивариуса.

М.Н. Михеев в приемной комиссии ЛФТИ принимал документы у Я.С. Шура и С.В. Вонсовского.

Весной 1928 г. М.Н. Михеев стал сотрудником магнитной лаборатории ЛФТИ. Там работали его сверстники: студент И.К. Кикоин и старший инженер Р.И. Янус. Руководитель – профессор Яков Григорьевич Дорфман. Все – выходцы из «садика папаши Иоффе», как называли ЛФТИ и его директора Абрама Федоровича Иоффе. Из стен этого «садика» вышли Курчатов, Ландау, Александров.

В 1932 г. М.Н. Михеев – директор УралФТИ. Площадку № 13 для строительства УралФТИ выбрали Курчатов, Дорфман и Курдюмов. В том году в штате УралФТИ насчитывался всего 41 человек.

В сентябре 1937 г. М.Н. Михеева сняли с поста директора (им стал Якутович, который многих спас от ареста). В ноябре того же года М.Н. Михеев стал работать инженером в лаборатории магнетизма с окладом в три раза меньше директорского – 500 рублей. В Первоуральске успешно внедрил для контроля качества труб коэрцитиметр. За работу на ЧТЗ (директор Зальцман) был премирован 3000 рублей, кожаным реглановым пальто и 10 пачками легкого табака (последний помогал бороться с голодом). Пять лет – сплошные командировки, за это время в Казани защитил кандидатскую диссертацию (там в эвакуации находился ЛФТИ). В 1951 г. Михееву и Янусу за разработку и внедрение в промышленность нового метода контроля качества стальных изделий присуждена Государственная премия III степени.

По совокупности работ М.Н. Михеев получил степень доктора наук (при нашем содействии). Летом 1945 г. председателю президиума УФАНа академику Бардину Ивану Павловичу удалось вернуть Михеева на пост директора института, уже переименованного в ИФМ.

М.Н. Михеев
(фото 1930-х годов)

В 1948 г. Михеева вновь снимают (новое веяние – ликвидация «ученой зауми», Уралу нужна только металлургия). Но заступничество было таким мощным (академики А.Ф. Иоффе, М.И. Лаврентьев и всемогущий И.В. Курчатов), что гонителям пришлось отступить. Михеев снова стал директором и теперь уже надолго – на 42 года! Заместителем его по науке стал С.В. Вонсовский. Когда в 1971 г. С.В. Вонсовский был назначен председателем Уральского научного центра, Михеев смеялся: «По ИФМ – Вонсовский мой заместитель по научным вопросам, а по УНЦ – он мой начальник. Елки зеленые!» (его любимое выражение).

После ареста С.П. Шубина нашу осиротевшую теоретическую группу взял под своё теплое крылышко милейший Яков Ильич Френкель. Это был не только крупнейший учёный физик-теоретик, но и прекраснейший человек, доброты необыкновенной. Как-то раз мы с ним и Яшей Шуром шли по улице Шейнкмана к нашему дому, и Яков Ильич, вспоминая свои юные годы, сказал: «Вот когда я был молодой, то часто наускаивал на разных людей, если мне что-то не нравилось. А теперь, в зрелые годы, я как-то подобрел, и уж нет во мне былых петушиних наскоков». Он всегда был очень добрым и справедливым человеком. Мы все его очень любили. Больше того, просто обожали. Я познакомился с его семьей. Его супруга Сарра Исааковна была тоже очень ласковая женщина. А с младшим их сыном Витей я был очень дружен. Он был большой специалист по истории физики. На его защите диссертации я был одним из оппонентов.

С 15 по 19 августа 1938 г. я получил от папы пять открыток, которые они посылали по пути их возвращения в Ташкент. В одном из писем папочка пишет, что встретил Захарова, который читал нам аналитическую геометрию в САГУ*, и поблагодарил его за хорошие математические знания, которые он дал нам в САГУ.

Мама очень болела. Почему-то она лечилась не у Смирнова, а у другого врача. Он что-то напутал с лекарствами. Только вернувшись к Смирнову, мама стала поправляться и почувствовала, как она пишет, «резкое улучшение». Мама прислала мне новый костюм и очень беспокоилась, что его надо немного переделать по моей фигуре. В открытке от 10 апреля папа сообщает, что они очень рады, что наконец выяснилась дата защиты моей диссертации – 26 мая.

20 апреля мама пишет, что они получили моё письмо с известием о смерти Семёна Петровича, и это произвело на них ужасное впечатление.

* Средне-Азиатский государственный университет.

В материалах личного дела имеются сведения о том, что С.П. Шубин убыл из тюрьмы г. Свердловска 11 мая 1938 г., прибыл в Севвостлаг 1 июля 1938 г. Числился лесорубом, объект работы – район 223-го километра основной трассы. Скончался С.П. Шубин 20 ноября 1938 г. Причина смерти: умер от упадка сердечной деятельности и обмороживания. Практически человека заморозили по пути в стационар поселка Атка (везли на лошади в мороз -50°C). Так трагически оборвалась жизнь молодого талантливого ученого, основателя уральской школы физиков-теоретиков.

ЗАЩИТА КАНДИДАТСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ. СУРОВЫЕ ГОДЫ

Наступил 1939-й – год защиты кандидатской диссертации. Мне очень помогал в этом деле добрейший Яков Ильич. Он уговорил Давыдова быть вторым оппонентом, а первым согласился быть сам. Защита предполагалась в ЛФТИ в конце мая. Мама и папа беспокоились о моем экзамене по диамату. И были очень рады, когда я его сдал. В письме родителям от 6 мая я пишу:

«Был у Игоря Евгеньевича*. Очень много говорили. Ландау вернулся из “командировки” (т. е. из тюрьмы – С.В.), он вполне здоровый. Игорь Евгеньевич как раз в день разговора со мной собирался быть у него. Видел Маркова, Леонтовича. 8-го пойду на лекцию Мандельштама по принципиальным основам квантовой механики. Он читает такой курс. Там опять увижусь с Игорем Евгеньевичем. С Кондорским разговаривал уже два раза. Буду ещё раз 8-го. Он в конце мая защищает докторскую диссертацию. Был в редакции реферативного журнала. Передал реферат статьи. Зайду туда завтра или послезавтра, т. к. к этому времени обещали ещё работу. Вчера сдал переводы в “Успехи”. Теперь осталось ещё сходить в издательство насчёт книги. Вчера был на Молчановке. Навещал родных Любы. Много было всяких встреч с физиками и разговоров о нашем институте. Люба продолжает узнавать подробности из Колымского края».

* Игорь Евгеньевич Тамм.

Я очень часто бываю у Эли*. Маша нас кормит чудесными обедами. Но ехать в Свердловск решительно отказывается. В Москве я останавливался у Воскресенских. Есть два моих письма из Ленинграда, но описания защиты в них нет. Только сказано, что защита прошла хорошо. Отзыв Давыдова был прохладный, а Якова Ильича – восторженный. Сохранился документ от 21.06.39 г.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 52

Заседания Совета Ленинградского Индустриального Института
от 13-го июня 1939 г.

/Подлинник прот. хранится в делах Уч. Совета Л.И.И./

9. СЛУШАЛИ: Представление Инженерно-физического факультета о присвоении тов. ВОНСОВСКОМУ Сергею Васильевичу ученой степени кандидата физико-математических наук как успешно защитившему кандидатскую диссертацию на тему: «Приближенная теория поведения системы взаимодействующих электронов в кристаллической решетке».

ПОСТАНОВИЛИ: Присвоить тов. ВОНСОВСКОМУ Сергею Васильевичу ученую степень кандидата физико-математических наук.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА – С.А. СМИРНОВ
УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА – проф. М.М. МИХАЙЛОВ

Верно – Ученый Секретарь Совета: (подпись) 21/VI/39 г.

На защиту, случайно узнав о ней по объявлению в ЛПИ, пришла Наташа Кожина, которую я был очень рад увидеть. Хорошо с ней поговорили. Она была даже со своими подругами. В Ленинграде я останавливался у дяди Саши с тетей Марусей. Однажды все же ночевал у Колюши с Надей. Был и у Тамары Александровны**. Виделся с Моисеем Черниковским.

* Младший брат С.П. Шубина.

** В своих «Воспоминаниях» С.В. Вонсовский несколько раз говорит о Колпаковой Тамаре Александровне, ее родителях и сестрах. Семья Колпаковых, и особенно Тамара Александровна, играла заметную роль и много значила в истории семьи Вонсовских. Но даже собранные воедино разбросанные, рассеянные в разных главах «Воспоминаний» зерна заметок о Т.А. Колпаковой не могут дать читателю цельного образа этого человека. Беру на себя, скорее, смелость, чем ответственность, внести некоторые дополнения и примечания к фразам Сергея Васильевича, касающимся Тамары Александровны, и дать свои комментарии. Оправдать наше вмешательство в личные «Воспоминания» может только искреннее благоговение перед этими светлыми личностями и глубокая благодарность Господу Богу за данность встречи с ними.

В письме от 26 мая мама пишет:

«Дорогой мой, милый сынок! Сегодня у нас так радостно на душе: утром получили сразу три Твоих письма из Ленинграда (одно закрытое от 20 и две открытки от 20 и 22 мая), а в 3 часа твою телеграмму, которой мы были несказанно обрадованы. Тотчас же папа побежал на телеграф и дал «молнию», чтобы успеть Тебя поздравить ещё в Ленинграде, а также поблагодарить Тебя за Твоё внимание, которое нам с папой так ценно теперь».

В открытке от 28 мая папа спрашивает о телеграмме. Я её получил через несколько минут после отправки. Так что желание мамы и папы, чтобы я знал об их чувствах, сразу же вполне оправдалось.

Я всё приглашаю маму приехать в Свердловск. Однако она из-за своих болезней не может решиться на поездку. В открытке от 6 апреля папа сообщает грустную весть, что умерла моя

Тамара Александровна упоминала в разговорах не раз, что ее предки происходят из старого казачьего рода, корни которого в уральском казачестве. Это касается, конечно, ее родителей, так как известно, что она родилась в Ташкенте в семье врача. Тамара Александровна была очень сдержанным в разговорах человеком. Когда я говорю «в разговорах», то имею в виду нечастые вечерние посиделки, иногда при свете свечей, в ее питерской квартире, где мне довелось бывать при поездках в Ленинград в 1960-е годы, а то и жить довольно продолжительное время. В этой же квартире проживал в годы студенчества С.В. Вонсовский. Тамара Александровна купила квартиру в 1914 г. у «английского посланника» (со слов самой Тамары Александровны), и покупка была связана с его отъездом на родину в связи с начавшейся Первой мировой войной.

В том же доме, только в другом подъезде, до Второй мировой войны и во время блокады Ленинграда жила семья сводного брата Сергея Васильевича – Федотьева Николая – Колюши. Он и умер в этом доме во время блокады.

Тамара Александровна Колпакова была неординарным, интересным человеком. Получив высшее медицинское образование еще до Октябрьской революции, в советское время она защитила диссертацию на соискание степени доктора медицинских наук. Занимаясь в основном научными проблемами в области микробиологии и бактериологии, воспитала много специалистов в этих областях; под ее руководством и при ее участии был подготовлен ряд кандидатов и докторов наук. В 1920-е годы Тамара Александровна была домашним лечащим врачом известного ученого «шлиссельбуржца» Н.А. Морозова. После смерти Н.А. Морозова Тамара Александровна стала наследницей не только части семейного антиквариата Морозовых (сервиза и пр.), но и некоторых рукописных материалов. Разобрать и систематизировать их она не могла, и судьба их, вероятнее всего, печальна. Знаю, что во время блокады они уцелели, да и не только они. В квартире Тамары Александровны после войны сохранился целый музей.

В связи с 55-летним юбилеем (18.01.1971 г.) мы послали телеграмму Тамаре Александровне. Вот текст нашей телеграммы: «Дорогая Тамара Александровна Поздравляем Вас с почётным юбилеем Вашей врачебной научной и общественной деятельности Восхищаемся Вашей энергией жизненным добротой Желаем сохранить эти качества на долгие годы Любящие Вас С.В. Вонсовский Л.А. Шубина, З.С. и А.А. Позолотины» (Прим. А.А. Позолотина).

крёстная – Мария Васильевна Спиридонова. Мама чувствует себя очень плохо. Домашнее лечение не эффективно, считают врачи, и мамочку положили в стационар. В это время я проходил призывную комиссию и меня освободили от военной службы. Мама пишет, что у неё по этому поводу двойственное чувство. С одной стороны, она рада, что я не оторван от любимой работы, а с другой, её беспокоит моё плохое здоровье.

Письма за 1940 г. начинаются с папочкиного письма от 1 марта. В нём он сообщает о мамином заболевании глаз. На одном глазу начинает зреть катаракта, кроме того, есть подозрение и на глаукому. Маме надо будет через месяц-два делать предварительную операцию, а в сентябре – окончательную.

В конце апреля я выехал в Ташкент. Люба была очень недовольна и не желала остаться на некоторое время одна с детьми. Она совсем не хотела считаться с моими чувствами к моим родителям. 2 мая в 5 часов утра приехал в Ташкент. В своих майских письмах из Ташкента я описываю мамину предварительную операцию. Мама лежала в больнице, которая помещалась в бывшем кадетском корпусе, где много лет спустя лежал Солженицин, описавший эту больницу в своём романе «Раковый корпус». В конце концов договорились с Любой, что я задержусь в Ташкенте до конца мая. Вообще было, конечно, очень хорошо, что я приехал именно во время операции. Это сильно помогло мамочке оправиться после такого тяжёлого испытания, лучше, чем все лекарства. Архангельский – профессор, который оперировал маму, находит, что всё прошло очень хорошо. Он всё время наблюдает за состоянием оперированного глаза и считает, что всё идёт нормально. Я понемногу отправляю посылки с книгами (беллетристической) в Свердловск. Думаю уехать 26 мая.

Первое мамочкино письмо от 30 мая, конечно, полно грусти из-за моего отъезда. В конце письма мама пишет, что постоянно обращается ко мне: «Серёженька, слышишь Ты меня?». Бедные мои старички, как им было тяжело эти годы одним. Такое же грустное письмо и от папы. Мама чувствует себя из рук вон плохо. А надо много ходить, и ещё, конечно, уроки уносят много сил. У Фёдоровых делали ремонт квартиры, поэтому на некоторое время визиты к ним прекратились. Мама была у Колпаковых. Аси не было, и поэтому визит был очень приятным. Мама хорошо побывала с Елизаветой Григорьевной и Танечкой.

В июньских грустных письмах мама и папа пишут о моей поездке в Москву. Видимо, я поехал на конференцию с докладом. В открытке от 25-го папа пишет, что Архангельские просили маму взять ученицей их дочку, и мама, конечно, согласилась. Со-

общает, что ему присвоили звание Заслуженного учителя республики, но документы он ещё не получил.

В декабре я поехал в командировку в Москву и взял с собой Андрюшу. Живем мы у Шубиных. Были у Веры Львовны. Андрюшка всем очень понравился.

Писем за 1941 г. сохранилось очень мало. Первое мамино письмо помечено 17 февраля. В нём мама пишет, что вся причина ее и папиного тяжёлого состояния – в отсутствии нашего совместного проживания. А Люба как-то не хочет этого понять и всё время этому препятствует. А тут еще мама на улице упала и сильно расшиблась. Хорошо, что ничего не сломала, ни рук, ни ног. Лучше всех врачей маму лечит Смирнов, и она считает, что ей никто не нужен, кроме Смирнова. Операция глаз пока отложена Архангельским до мая. Последний очень обижается на маму, что она каждый раз после приёма оставляет деньги. Его жена передала маме после его очередного отъезда в командировку в Москву, что он всегда с радостью будет её видеть, но только чтобы она не оставляла денег, так как он считает её своим близким другом. С их дочерью мама продолжает заниматься музыкой. Мама очень беспокоится, что не смогла послать Воскресенским письма, что папа не имеет свободной минуты в буквальном смысле слова. Встает чуть ли не в 6 часов, а ложится около часу ночи. Он по своей безграничной доброте никогда не жалуется и делает всё безропотно для мамочкиного успокоения. Внешний вид у папочки очень плохой. Врач Смирнов настаивает на переезде мамы и папы ко мне в Свердловск. Мама познакомила Воскресенских с Бодровыми, и теперь они всегда бывают у них в Москве.

Я выслал нашим продуктовую посылочку, и мама пишет мне, что они варили суп из присланных сухих грибков. Получили письмо от Надюши. Колюшка всё время неважно себя чувствует. Володя собирается на каникулы приехать в Ташкент. В своей краткой открытке от 14 марта мама сообщает, что операция на глазу отложена до сентября. В мартовских письмах ещё нет войны, и мамочка пишет о летних планах приехать в Свердловск, но жить самостоятельно. Мама пользуется моими записками по истории музыки (видимо, это записи лекций Михаила Николаевича), и они ей очень нравятся. Она пишет: «У тебя очень толково составлены записи. Я и не подозревала об их существовании». Была на концерте цыганской певицы и осталась довольна им. Там был и пианист, который играл «Прелюд» Рахманинова. На концерте мама встретила Наталию Николаевну и Галочку Ошаниных. Они хотят прийти к нам, так как Лев Васильевич очень хочет прочитать статью о своём отце, которого мама и папа хорошо знали. Мама жа-

луется на свои глаза. Она почти не видит одним глазом, а второй очень близорук. Архангельский сказал, что операцию раньше сентября не будет делать. Мама всё в отчаянии от плохого здоровья папы. Он себя очень плохо чувствует, но, как всегда, не говорит о своем плохом состоянии. Наконец, мама получила большое и очень хорошее письмо от тети Сони из Харькова. Тетя Вера собирается совсем уехать из Ташкента.

Имеется открытка от Моисея Черниховского из Нижнего Тагила, куда он попал с заводом, эвакуировавшимся из Ленинграда. И мои две открытки Любе из племсовхоза, куда нас отправили на сельхозработы. Это под Нижним Тагилом.

Далее – события после начала ужасной войны. Сохранился любопытный документ, который мы с Яшей* получили на второй день войны – 23 июня 1941 г.: «Гостехиздат, Москва, Орликов пер., 3. Физической редакцией Гостехиздата получена от авт. Вонсовского и Шура рукопись «Ферромагнетизм» на 703 стр., рис. 1–365. Ред. орг. Н. Масленикова. 23/VI.1941». Это было очень важно для последующего сохранения нашей рукописи.

В конце 1941 г. Яша устроил меня работать вместе с ним на военный завод в Нижнем Тагиле. Я очень боялся сначала из-за моих «вражеских» связей. Но потом как-то всё устроилось, и я получил даже допуск для работы на военном заводе № 63, где мы проработали до конца войны. Разрабатывали систему магнитных дефектоскопов для контроля корпусов артиллерийских снарядов.

Первое письмо 1942 г. – открытка от 1 февраля от брата Семёна Петровича из Чимкента. Он там в длительной командировке с женой Лапой. Очень обеспокоен, что из Свердловска долго нет известий. Эля, младший брат Семёна Петровича, в Москве. Женится на девушке, с которой дежурил на крыше по сбросу бомб. Зовут её Таня.

Имеется копия письма секретаря Президиума Верховного Совета УзССР председателю Кировского райисполкома г. Ташкента, чтобы прекратили незаконные действия по выселению Заслуженного учителя (т. е. папы). Есть ещё открытка со станции Талды-Курган на Турксибе от Моисея Черниховского. Он там с семьёй, устроился учителем в школе при сахарном заводе.

Дальше печальное письмо от 1 мая от Надюши из Ленинграда с сообщениями о том, что 12 апреля скончался Колюша от ослабления сердечной деятельности на почве истощения плюс колит. Похоронила его 16-го, и, конечно, страшно одинока, очень обессилена. 8 февраля Володенька эвакуирован со своей шко-

лой, и до сих пор о нём Надюша не имеет никаких известий. 11 февраля скончалась мама Нади. И вот теперь она совсем одна. Дядя Саша скончался 27 января. Тетя Маруся в еще худшем состоянии, чем Надя, а помочь ей Надя бессильна. Просит написать ей. Она живёт теперь в другой квартире того же дома, так как их квартира разрушена при бомбёжке. Еще два письма от Надюши в июне: одно большое, а другое поменьше, но, конечно, оба очень грустные. Она заканчивает сбор материалов о Колюше и думает о выезде из Ленинграда навсегда.

От папы сохранилась открытка от 2 июня. Есть телеграмма из Ташкента, что маме сделали операцию глаза. Но ни числа, ни месяца на телеграмме я не могу разобрать.

В своём письме от 8 июля 1942 г. папа пишет, что, наконец, Пётр Федорович Архангельский 12 июня сделал маме операцию. Он положил маму в своё кабинете. После операции она очень плохо себя чувствовала, и врачи боялись за её жизнь. Папа, как всегда, нежно ухаживал за мамой. Ежедневно отвозил ей обед и сам кормил её. Маму выписали из больницы только 6 июля. Со стороны Петра Фёдоровича всё время было необычайно внимательное отношение к маме. Пока мама ходит в синих очках для защиты глаза от солнечного света. Итак, всё кончилось благополучно благодаря неустанным заботам Петра Федоровича. 19 июля получил от Надюши письмо, в котором она сообщает, что из письма от товарища Володюшки узнала о его кончине в Вологде. И что, возможно, в начале августа она с заводом выедет в Свердловск.

В письме от 30 августа 1942 г. мамочка подробно описывает свою операцию. Конечно, Пётр Федорович – большой молодец, и мама была в надёжных руках. 23 сентября папа передаёт поцелуй Надюше – она уже приехала в Свердловск. Мне удалось приехать из Нижнего Тагила, встретить её и доставить вместе с вещами к нам домой на Шейнкмана, 19. Надюша начала работать на своём заводе, который довольно близко расположен от нашего дома. Она уже пишет мне в Нижний Тагил.

ЗАЩИТА ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ

Особенно мне запомнилась встреча с Петром Ивановичем Лукирским в 1942 г. в Казани, куда я и мой друг и товарищ по работе Яша Шур приехали с оборонного завода в Нижнем Тагиле

* Яков Савельевич Шур.

для защиты своих докторских диссертаций. Тогда в эвакуации в Казани находились почти все ленинградские и московские физические институты. В том числе и ЛФТИ, где мы по протекции Якова Ильича Френкеля должны были защищать свои диссертации. У нас с Яшей один оппонент был общий – Исаак Константинович Кикоин, а вторые – разные. Но тут случилось непредвиденное. Дело в том, что И.К. Кикоин должен был срочно уехать, а нас отпустили с завода на определенный короткий срок, который по военному времени категорически нельзя было нарушить. Поэтому ждать возвращения Кикоина мы не могли. Мы даже подумали, не вернуться ли нам на завод, но когда заикнулись об этом Я.И. Френкелю, он взмахнул руками и сказал: «Об этом не может быть и речи».

И вот тогда с помощью добрейшего Якова Ильича мы стали искать оппонентов вместо Исаака Кикоина, которые должны были в два дня дать отзыв на диссертации. А у меня она была под 800 страниц*. Для меня нашли «бедного» Игоря Евгеньевича Тамма, а для Яши – Петра Ивановича Лукирского.

Хочу привести отзыв о моей научной работе, который написал И.П. Бардин 18 ноября 1942 г. Вот его текст:

«С.В.Вонсовский работает в лаборатории магнитных явлений УФАНа с 1932 г. (до 1939 г. в УралФТИ). Первые его работы относились к вопросам теории электропроводности и общей квантовой теории металлов. В общей теории им разрабатывалась полярная модель взаимодействующих электронов в кристаллической решётке, которая впервые дала возможность понять с единой точки зрения электрические и магнитные свойства металлов, позволила уточнить критерий металла и полупроводника, а также и критерий ферромагнетизма. Наряду с полярной моделью им разрабатывалась теория обмена внутренних и внешних электронов в кристаллической решётке, которая имеет существенное значение для дальнейшего развития теории металлов. С 1936–1938 гг. С.В. Вонсовский занимается преимущественно вопросами теории ферромагнетизма, связанными как с самой природой ферромагнитного намагничивания, так и особенно с механизмом процессов технического использования ферромагнитных сплавов. К первой группе вопросов относятся работы по теории состояния вещества, по обобщению термодинамической теории ферромагнетизма вблизи точки Кюри, по учёту порядка на близких расстояниях между спинами.

Из вопросов теории технической кривой намагничивания следует отметить работы по квантовой теории магнитной анизотропии и магни-

тострикции, по теории коэрцитивной силы (закон анизотропии гистерезиса), по теории доменной структуры, а также по теории термомангнитной обработки ферромагнетиков. Эти работы, представляющие научный интерес и способствующие развитию наших знаний о механизмах процессов технического намагничивания и о природе ферромагнитного состояния вещества, проводились в тесном контакте с серией экспериментальных работ, предпринятых рядом сотрудников УФАНа, и способствовали большому успеху этих работ. Общие результаты этих работ и критическая переработка достижений мировой науки по этому вопросу были им изложены в книге по ферромагнетизму, являющейся очень ценным вкладом в литературу по этому вопросу. Большое значение имеют также работы С.В. Вонсовского в области магнитоэлектрических расчётов применительно к условиям практического использования методов магнитной дефектоскопии. Его работы, опубликованные по этому вопросу в 1938 г., и ряд более поздних вычислений оказали существенное влияние на дальнейшее развитие теории и практики этого метода. После начала Отечественной войны С.В. Вонсовский переключился на оказание научно-технической помощи заводам, работавшим или начинавшим работать на удовлетворение первоочередных нужд фронта. Особенно большую роль сыграли его работы, теоретические и экспериментальные (вплоть до руководства участками производственного потока в цехах крупных заводов), в области практического применения дефектоскопирования при помощи метода магнитного порошка, проводившиеся им в 1941–1942 гг. совместно с Я.С. Шуром на заводах Наркомата боеприпасов. Достиженные им и Я.С. Шуром здесь результаты позволили резко усилить, упростить и удешевить дефектоскопную аппаратуру, повысить производительность труда контролёров, уменьшить число случаев необоснованного забраковывания годных изделий и попадания опасного брака в число изделий, признанных годными. Для этого пришлось показать и доказать (теоретически и экспериментально) необоснованность некоторых норм, освещённых глубокими традициями, и, смело ломая их, преодолеть большую косность ряда лиц и организаций. С этими задачами С.В. Вонсовский блестяще справился, что доказывает полную его зрелость для роли руководящего научного работника не только со стороны научной эрудиции, но и со стороны организаторского опыта и способностей.

Вице-президент АН СССР и председатель УФАНа академик И.П. Бардин. Москва, 18 ноября 1942 г.».

Первое сохранившееся письмо за 1943 г. – от 12 января от папы, очень грустное, в нем он пишет, что его ноги отказываются служить. Как-то он нес два ведра воды и не удержался, упал. Папа очень беспокоится, что из-за своих болезней не сможет ухаживать за мамочкой. Это его больше всего мучает. Мамочка, преодолевая своё недомогание, всё же ходит на уроки музыки к Архангельским. В следующей открытке от 15 января папочка

* Диссертация С.В. Вонсовского на соискание учёной степени доктора физико-математических наук – фундаментальный труд, но с кратким названием «Ферромагнетизм».

благодарит меня за перевод, но огорчается, что я ничего не написал им. Они беспокоятся о моём здоровье. Благодаря содействию Архангельского, папа был в поликлинике на осмотре врача, который к нему внимательно отнёсся и дал много советов, которые в то время было трудно выполнить: больше лежать, лучше питаться и т. п. Папа очень рад, что с Колпаковыми у них установились хорошие отношения – Ася принимает большое участие в помощи им. Помогает также Маруся Кузьмина. А Надежда Николаевна болеет брюшным тифом.

Сохранились два деловых письма Яши Шура, который тогда болел брюшным тифом. Они касаются наших работ по дефектоскопии и связи с военными организациями в Москве.

В открытке от 5 июня папа пишет о кончине Константина Николаевича Углицких, одного из моих любимых учителей. Он был на 7 лет моложе папы. Папа, несмотря на болезнь ног, все же пошел на кладбище и сказал последнее слово. Он тоже очень любил Константина Николаевича. Папа просит прислать справку о моей работе. Это нужно для его дел с пенсией. В Ташкенте продолжает стоять страшная жара, поэтому папа очень рад, что занятия начнутся с первого сентября, а не с первого августа, как предполагалось раньше.

Получил от тети Маруси из Ленинграда открыточку от 7 ноября. Она очень беспокоится обо мне и Надюше и просит написать ей. Она лежит в стационаре, где по тем временам очень хорошее питание и отношение врачей. В своем письме от 28 ноября папа благодарит меня за сообщения о московских друзьях. Он также рад за успех моего доклада в ГАУ и вообще за успех нашей работы в Нижнем Тагиле.

30 декабря получил письмо от тети Маруси из Ленинграда. Она благодарит за мою открытку, из которой узнала, что мы живы. Очень надеется, что в ближайшем будущем мы все же встретимся. Папа опять благодарит меня за посылку, которая им очень помогла. Мама все время болеет. У неё затяжной плеврит. Уроки музыки она пока не даёт, а языками занимается в постели. Папины хлопоты о пенсии всё ещё не закончились. Дядя Паша ещё лежит в больнице, и папа из-за болезни мамочки даже не может его навестить. Надежду Николаевну ограбили на рынке мальчишки – вырвали сумку, в которой были карточки.

Наступил 1944 год. Мы с Яшей по-прежнему работаем в Нижнем Тагиле на заводе № 63. Там работают также сотрудники лаборатории металловедения, руководимые Виссарионом Дмитриевичем Садовским. Он сам частенько приезжает в Нижний Тагил. Почти всё время там работают Аркадий Ильич Стре-

гулин и Константин Александрович Малышев. Живем мы, все свердловчане, в доме, где живут сотрудники завода. Это совсем рядом с заводом. Живем на уплотнении в разных квартирах. Позже мы с Яшей жили и в заводском доме для приезжих, который тоже расположен рядом с заводом, только с другой стороны от дома сотрудников завода.

В сохранившейся открытке от 26 января папа благодарит за перевод, который им был большой подмогой. Врач разрешил маме в хорошую погоду выходить на воздух. Дела с пенсией до сих пор не решены. В открытке от 31 января 1944 г. тётя Маруся с радостью пишет о снятии блокады Ленинграда и с нетерпением ждёт окончательной победы над гитлеровцами. В письме от 11 февраля папа опять благодарит за мою посылочку, которая, как и всегда, была очень кстати. Папа пишет, что они получили письмо от мужа тётя Сони Мансуровой. Они чудом уцелели после всех захватов Харькова. Тётя Соня и её муж сейчас работают. В городе население уменьшилось в 10 раз, и сам город очень разрушен от бомбардировок.

Папа просит меня написать Кары-Ниязову – президенту Узбекской академии наук – о прикреплении папы и мамы к академическим столовой и магазину. По поводу переезда в Свердловск папа считает, что всё надо согласовать с Надюшей. В своём письме от 6 марта он просит адресовать переводы на имя маминой ученицы, так как маме очень тяжело ходить на почту за получением моих переводов. В письме от 15 марта папа, кроме обычной благодарности за очередной перевод, пишет, что они получили письмо от Серёжи Федотьева, молчавшего два года. Всё это время он воевал на Ленинградском фронте, а сейчас учится на офицера в Воткинском военном училище. С большой благодарностью вспоминает своё пребывание у Нади. Его также страшно опечалило известие о смерти Колюши. Мамины глаза все время наблюдает добрейший Архангельский. Операция на втором глазу бесполезна, так что мамочке придётся остаться с одним видящим глазом. Она два раза в неделю бывает у Архангельских, даёт уроки музыки их дочке. Петра Федоровича не видит, так как он в эти часы занят в клинике. Наконец, вчера, пишет папа, заходил дядя Паша. Вид у него ужасный – кожа да кости. Он приносил письмо из Цыганово. В нем написано, что немцы всё пожгли. Брат Иван с женой и дочерью остались живы. Жена умершего брата Иосифа и его пасынок погибли.

От тети Маруси 17 апреля 1944 г. пришло письмо. Она была страшно рада известию, что тетя Соня с мужем остались живы после всех харьковских военных событий. Тетя Маруся занима-

ется починкой белья для больницы. Книги для чтения ей приносят из библиотеки больницы. На неё очень хорошо действует классическая музыка, которую она слушает по радио. Ежедневно читает «Ленинградскую правду». В своём письме от 18 апреля папа радуется моему известию, что рукопись нашей книги по ферромагнетизму сохранилась. А вот с пенсией до сих пор ничего не выяснилось. Получили очень хорошее сердечное письмо от Серёжи из Воткинска. Конечно, о самостоятельном переезде в Свердловск и речи быть не может. Это можно сделать только с моей и Надиной помощью. В письме от 28 апреля папа сообщает, что дядю Пашу в Мирзачуле ограбили. Непонятно, почему он там оказался. В этом же письме папа пишет о разрушении нашей кладовки и разграблении всех лежащих там остатков вещей.

18 мая 1944 г. я получил из Горького от Г.С. Горелика письмо, в котором он просит меня быть оппонентом по диссертации А.Г. Любиной на соискание степени кандидата физико-математических наук на учёном совете Горьковского государственного университета. При этом приезд в Горький не обязателен.

Наконец, папа стал персональным пенсионером Узбекской Республики – 450 рублей ежемесячно. Хотя у него по астрономии нет экзаменов, пришлось заменять больного учителя на экзаменах по физике в 9 классе. В письме папа сообщает, что Александр Иосифович Фёдоров стал заместителем комиссара лесной промышленности и защитил диссертацию на степень доктора биологических наук. В Ташкент приехали американские гости и вчера посещали Алайский базар.

В письме от 15 июля папа опять благодарит за третий перевод. Видимо, я посылал при очередных получках, которые были два дня подряд. Папа проводил пешком мамочку в больницу Федоровича. Было не очень жарко, так что поход их не утомил. Устроив все с документами, папа отправился домой, а мама осталась в стационаре. Следующий день – выходной, и папа хочет навестить мамочку и узнать, как она устроилась. К сожалению, папа узнал от маминой ученицы, что стационар с первого августа закрывается на ремонт. Так что мама сможет там пробыть только 15 дней.

Папа прочел в «Известиях» заметку, где упоминаются новые работы учёных Урала, наши с Яшей фамилии и наши дефектоскопы. Вот текст этой заметки: «Исключительные практические результаты по увеличению выпуска одного из важнейших видов боеприпасов были получены при использовании контрольных приборов, построенных для ряда заводов уральскими физиками Я.С. Шур и С.В. Вонсовским».

В письме от 17 сентября 1944 г. папа пишет, что начал занятия в школе по астрономии. Благодарит за присылку книги Джинса, которая ему очень понравилась. Мама встретила как-то с Ошаниными, и они сказали ей о кончине Александры Николаевны Жемчужниковой. Галочка Ошанина работает в экспедиции на Памире. Папа пишет, что они с нетерпением ждут всегда писем от Надюши и меня.

Открытка от 30 сентября от Любы адресована мне в Москву. Видимо, я поехал туда в командировку. Пишет, что в УФАНе бирочный «ураган» на разные носильные вещи.

Сохранилась целая серия моих почти ежедневных открыток из Москвы, куда я приехал 1 октября 1944 г. Сея Шубин* в этот день уезжал в командировку на Украину. Поэтому я поехал сразу к ним, чтобы успеть повидаться с Сеей. Устроились потом жить в академической гостинице «Якорь».

14 октября начинается сессия Академии наук, посвященная памяти Комарова, поэтому большие трудности с гостиницей. Начали работу над гранками книги. В субботу собираемся пойти в ВАК, куда нас приглашали на совещание. Пойдём на семинар в институт Капицы. В открытке от 4 октября опять пишу о работе над гранками книги. Вечером был с визитом на Зубовском у наших друзей Воскресенских. На 9-е число купил билет на концерт пианиста Софроницкого. 4 октября ходили с Яшей в Большой театр на «Черевички». Дома пока всё в порядке. Среди моих открыток есть и открытка специально для Танюши и Андрюши. 5-го числа были на концерте в Доме союзов.

6 октября мы вчерне закончили читать гранки книги, а 7-го хотели пойти в издательство проверять подписи к рисункам. К Вере Львовне и всем знакомым начну визиты дня через два. Были в гостях у Генаша Шрейбера, нашего тагильского товарища. В открытке от 8-го числа пишу, что собираюсь пойти к бабе Вере. Застал там всех дома. Миша завтра уезжает в командировку в Николаев. Были с Яшей в МГУ. Разговаривали с Марком Уманским, Кондорским, Дехтярём. Встретились со Шпольским. Всё время в контакте со Сторожуком по тагильским делам. В ВАКе я получил мою профессорскую книжечку. В открытке от 15 октября пишу, что на сессии АН очень скучно. Вот только встретились со многими знакомыми – Петром Ивановичем Лукирским, Исааком Кикоиным и др. 13-го числа писали второй вариант записки для ВКВШ. 13-го получили с Яшей билеты на юбилейную сессию АН, которая будет с 14-го по 17-е число.

* Брат С.П. Шубина.

Был во МХАТе, получил большое наслаждение от Булгакова – «Последние дни Пушкина». Были в филиале МХАТа, смотрели «Вишневый сад». Конечно, в восторге. У нас большие театральные планы: хотим ещё посмотреть «Мертвые души», «Пиквикский клуб» и «Три сестры» во МХАТе и послушать «Евгения Онегина» в Большом. Вечером были в филиале МХАТа на «Пиквикском клубе», конечно, остались в диком восторге. Наконец, удалось достать очки, так что можно успокоить Надюшу. В открытке от 16 октября 1944 г. я очень обижен на Любу, что от неё всё нет известий, хотя из Свердловска было много удобных okazji. Мне удалось навестить Олю Иванову. Вечером был опять во МХАТе на «Трёх сестрах». Первокласный состав: Тарасова, Хмелёв, Еланская, Ливанов, Ершов и др. Из всего виденного во МХАТе это, пожалуй, самое лучшее. Советуют ещё сходить на «Пигмалион» в Малый. 18-го числа был на концерте Софроницкого, а 19-го в Малом на «Пигмалионе».

В «Гостехиздате» обещают заплатить 850 рублей за перевод. Вечером не кутили, а были с деловым визитом у Павла Прохоровича и Константинова, договорились по всем вопросам. И теперь можно готовиться к отъезду. Прошу передать Комару, что он утверждён в звании профессора. А у Рудольфа Ивановича пока вопрос не закончен. По-видимому, это из-за того, что он в своей диссертации ругал Акулова. Яша на два дня ездил в Голутвин к своим родственникам, которые живут в чудном месте, на берегу слияния рек Москва и Ока. В своей открытке от 21 октября 1944 г. я пишу, что с книгой мы заканчиваем дела сегодня. Осталось написать несколько бумаг. К несчастью, заболел начальчик академического спецотдела, так что ряд бумаг придется оставить для него уже без нас. Диев успешно защитил диссертацию. Сегодня идём к Бардину, у него будет совещание по магнитным материалам. Книгу «Ферромагнетизм» у Кузнецова в «Гостехиздате» договорились сдать к 1 февраля.

В своём письме от 13 октября 1944 г. папа сообщает, что мамочка, наконец, с 26 сентября устроилась в стационар Федоровича. У неё с её ученицей хорошая палата. Виктор Афанасьевич Смирнов следит очень хорошо за мамочкиным состоянием здоровья. Папа регулярно навещает маму в больнице. По анализу крови у мамы нашли большое малокровие, поэтому папа отнес в больницу грецких орехов, которые помогают бороться с малокровием. Мамочка пробудет в стационаре до 23 октября. Папа очень рад, что в Москве нам удаётся посещать концерты.

Октябрь 1944 г. В стационаре маму навестил и внимательно осмотрел Архангельский. Состояние глаз таково, что операцию

можно будет делать не раньше будущих весны-лета. Папа занимается геометрией с сыном Аси Колпаковой – Женей, поздравляет меня с получением аттестата профессора. Пишет, что был в университете у Левашёва, видимо, я просил узнать, смогу ли почитать что-нибудь у них, если удастся приехать в Ташкент.

Последнее письмо папы за 1944 год – от 13 декабря. В нём он опять благодарит за очередной перевод и просит зимой посылать переводы на его имя, поскольку маминой ученице, на имя которой я послылал до сих пор, стало неудобно их получать зимой. Зима в этом году холодная, но папе удалось достать топливо. У него, как я уже писал, в школе осталась одна астрономия в 10-м классе и иногда – некоторые замены. В своём письме папа пишет, что Лев Васильевич Ошанин стал профессором в САГУ. Врачебной практикой совсем не занимается. Галя, как я уже писал, была в экспедиции на Памире. Папа и мама очень рады, что я два раза был в Москве у Воскресенских. Маму здесь напугали, что у неё плохо с оперированным глазом. Однако на днях она была у Архангельского, и он ее успокоил. Операция будет не раньше весны. Мамочке удалось принять семь хвойных ванн. Она вернулась из стационара и уже даёт уроки музыки и языка.

Последний год войны. Первое папочкино письмо датировано 10 января, в нём он поздравляет с Новым годом. Благодарит за очередной денежный перевод. Первая моя открыточка – из Красноуфимска, с дороги в Москву. Еду в одном вагоне, но в разных купе с Михаилом Васильевичем Якутовичем и Исааком Кикоиным. Моя вторая открытка от 2 февраля из Канаша. Мы страшно опаздываем – на 23 часа! Первая моя открытка из Москвы от 4 февраля. Устроились сразу в гостинице АН. Уже звонил к Эле и Вере Львовне. Завтра пойду в Президиум АН и в издательство к Кузнецову. От Любы получил письмо от 6 февраля. В нём она пишет, что Яша уехал в Нижний Тагил и Невьянск. В открытке 6 февраля 1945 г. пишу, что был у Эли. Видел всех – Сею, Таню и Виташу. Накормили вкусным обедом.

Сегодня были с Михаилом Васильевичем Якутовичем и Исааком Кикоиным в Сандуновских банях, прекрасно вымылись. После бани поехали в Президиум АН и всё оформили с командировкой и гостиницей. Звонил к П.П. Сторожуку и Генаше Шрейберу. В среду пойду к Кузнецову с книгой. Узнал расписание поездов в Ташкент. Ориентировочно хочу уехать туда 10 или 11 февраля. Собираюсь идти к Вере Львовне. У меня сильно задержали паспорт на прописке, поэтому пойду в ГАУ только вечером. Был у Веры Львовны. Хочу после ГАУ зайти к Воскре-

сенским. В открытке я прошу Любу передать Яше, что разговаривал со Сторожуком и Константиновым в ГАУ. Сторожук во второй половине марта собирается приехать на Урал. Я все пункты, намеченные Яшей, выполнил. Перед ГАУ заходил в издательство АН. Наши бумаги не туда были адресованы, надо было их направить в РИСО. Просил это сделать Михаила Васильевича через И.П. Бардина. В метро случайно встретил Игоря Евгеньевича, он шлёт Любе привет. Рассказал о кончине академика Л.И. Мандельштама, который умер от астмы. Вчера с утра отвез Кузнецову рукопись книги. Он всю её подробно просмотрел и остался доволен.

В своём письме от 8 февраля папа благодарит за мой очередной перевод. Папа плохо ходит и сообщает, что два раза упал и очень расшиб крестец. Он в ужасе от их безвыходного положения. Конечно, вся надежда на переезд ко мне. И папа справедливо пишет, что всех этих мучений не было бы, если бы я проявил к ним, старикам-родителям, некоторое участие, тем более что я располагаю для этого всеми возможностями.

Дальше два письма от А.Г. Любиной из Горького. Вот текст письма от 20 мая:

«Спасибо за всё! Буду очень рада, если жизнь позволит нам встретиться снова. Во всяком случае, о моем пребывании в Свердловске и в Вашем доме я сохранил самые приятные и добрые воспоминания. От всей души желаю Вам всего доброго».

Вот текст второго письма от 3 июня:

«По настоянию А.А. Андропова, который является у нас законодателем в таких делах, защиту решили отложить до Вашего приезда и назначили на 6 июля. Посылаю Вам приглашение от университета и ГИФТИ, надеюсь, что ни деловые, ни личные соображения не помешают Вам приехать. Все наши физики, и я в том числе, будут очень рады с Вами встретиться. Посылаю ещё приглашение для П.А. Халилеева, может быть, и он приедет вместе с Вами. Очень прошу сообщить мне о получении документов и подтвердить Ваше согласие приехать. Желаю всего доброго. А.Г. Любина».

10 июня 1945 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении работников Академии наук СССР: «За выдающиеся заслуги в развитии науки и техники в связи с 220-летием Академии наук СССР наградить ... орденом Красной Звезды Вонсовского Сергея Васильевича – доктора физико-математических наук, руководителя группы Института металлофизики и металлургии Уральского филиала Академии наук СССР» (на с. 32 под номером 30).

Итак, я получил первый орден, да притом ещё и военный. Это за оборонную деятельность в Нижнем Тагиле. Под номером 5 в этом же списке значится В.И. Архаров, под номером 44 – Н.П. Диев, под номером 104 – В.Д. Садовский, под номером 131 – П.А. Халилеев, под номером 147 – Я.С. Шур. Это всё сотрудники УФАНа.

Папа пишет о похоронах Моисея Ильича Слонима. Он даже не мог подойти проститься, так был запружен народом подход к зданию Академии, где покойный лежал. Папа подождал, пока процессия прошла мимо него, и все же увидел покойного.

Вот мамино письмо от 26 июня 1945 г., где она пишет, что Люция Юльевна Короткова (это наша учительница французского языка) приходила к нам со знакомой почитать у нас французские книги. Мамочка пишет, что всегда жалко расставаться с книгами. Муж Люции Юльевны Павел Иванович – наш учитель черчения – очень высокого мнения о моих знаниях, он считает, что во мне совершенно нет налёта провинциальности, что я выгляжу совершенно столичным учёным.

Первое письмо от 19 октября 1945 г. Любочке от Сеи. Я его приведу целиком, так будет понятней вся наша обстановка того времени.

«Дорогая Люба! Вот я наконец и добрался до дома и могу написать тебе. Моя заграничная (куда? – С.В.) командировка сильно затянулась: я ехал с расчётом на полтора месяца, а пробыл 4 с половиной месяца и вырвался с большим трудом – задерживали ещё. Вот уже неделя как я в Москве, но только начинаю приходить в себя от всех переживаний и особенно от обратного пути, который был очень тяжёлым. Дома я застал твою открытку Лапушке и письма мамы от 21 и 28 сентября. Таким образом, я уже знаю, что мама благополучно добралась и устроилась у вас. Хочу начать с того, чтобы передать тебе и Серёже самую горячую благодарность за всё то, что вы сделали и делаете для мамы. Я этого никогда не забуду и надеюсь, что ещё сумею доказать вам делом, что это так. Я твёрдо решил быть у мамы этим летом и организовать её переезд, но заграничная командировка всё расстроила. Мысль о том, что мамы дела повисли в воздухе, отравляла мне всё пребывание за границей. Как я и предвидел, Эля так и не собрался к маме, хотя имел этим летом 2-месячный отпуск, как и в прошлом году. Я же уже 6-й год работаю без отпуска, уже один раз был у мамы и надеюсь зимой ещё раз побывать. При первой же командировке на восток, которую я собираюсь организовать, я обязательно сделаю остановку в Свердловске. Хочется повидать маму, тебя, детей. Нужно о многом поговорить, что в письмах часто

трудно бывает сделать. Нужно, наконец, передать маме некоторые – к сожалению, очень скромные – вещи, которые я привез из-за границы. Если моя командировка на восток сильно задержится, то надеюсь, что, может быть, Серёжа за это время побывает в Москве. Я понимаю, что появление мамы у вас влечёт за собой возникновение целого ряда самых разнообразных вопросов. Я плохо представляю себе правовое положение мамы в Свердловске. Надеюсь, что ты, Люба, мне об этом напишешь. Знаю только, что в своих письмах мама неизменно пишет о прекрасном отношении со стороны твоей и Серёжи, а это самое главное. От детей мама в восторге. Конечно, пребывание в бывшей Симиной квартире психологически очень тяжело для мамы. Но я надеюсь, что время – единственный целитель подобных страданий – поможет ей зарубцевать и эту рану. Надеюсь, что чем дальше, тем больше она будет чувствовать облегчение и утешение в общении с тобой и детьми. Кроме того, думаю, что её пребывание в Свердловске не будет очень продолжительным, и ближайшей весной или летом я смогу перевезти её к себе. Зная, что её пребывание не может не стеснять тебя и Серёжу, хочу, чтобы, по крайней мере, в этом стеснении материальный момент не играл роли. В Топки я и Эля посылали маме по 500 рублей в месяц, и этого кое-как хватало. Сейчас мама пишет, что достаточно будет гораздо меньшей суммы. Я в этом отноюсь не уверен и прошу тебя откровенно написать, что ты думаешь на этот счёт. Я знаю, что тебе и Сереже содержать такую большую семью не может быть легко, и всякие сантименты в этом вопросе надо отбросить и решать его трезво. Во всяком случае, пока я решил по-прежнему (не знаю, как поступит Эля) посылать маме 500 рублей в месяц и завтра отправлю деньги за октябрь. С нетерпением жду от тебя подробного и откровенного письма обо всём, что связано с маминым пребыванием и твоим житьём-бытьём. Мы с тобой, по-моему, достаточно давно и хорошо знаем друг друга, чтобы иметь возможность говорить между собой свободно без задних мыслей. Надеюсь, что теперь наша переписка наладится, а при встрече поговорим подробнее. Много я видел и слышал за последние 5 месяцев, многое мог бы рассказать. А в Москве застал всё по-прежнему. Элино семейство вернулось с дачи. Виталик за моё отсутствие очень вытянулся и повзрослел. Мальчик славный, но с норовом и большим практическим уклоном. Совсем не похож на Андрюшу в этом возрасте. Ну, вот пока и всё. Крепко жму руку и желаю всяческих успехов. Жду писем от тебя. Серёже сердечный привет, детям поцелуй от меня. Маме я два дня тому назад отправил большое письмо. Ещё раз большое спасибо от меня за все. До свидания. Твой Сея».

Из мамочкиного письма от 27 октября я понял, что Надюша была в Ташкенте. Но ей не удалось организовать переезд родителей в Свердловск.

Есть письмо от 28 октября 1945 г. от П.Л. Капицы:

«Глубокоуважаемый С.В. Недавно я стал заниматься редактированием по отделу “Магнетизм” в реферативном журнале “Физика” ИНИ. Поскольку раньше большую нагрузку в этом деле несли Вы, а теперь это дело придётся нести мне, то мне хотелось бы обратиться к Вам с некоторыми вопросами».

И далее следует несколько конкретных вопросов.

В письме от 1 декабря 1945 г. П.Л. Капица благодарит меня за присланный проект записки по проблемам магнетизма.

Есть письмо из Черновиц от А.Г. Самойловича с благодарностью за отзывы.

28 апреля 1945 г. на научном собрании УФАНа я сделал доклад о научном творчестве Альберта Эйнштейна в связи с его кончиной 18 апреля этого года.

ПЕРЕЕЗД РОДИТЕЛЕЙ. ЛЮБОЧКИНА ЗАЩИТА

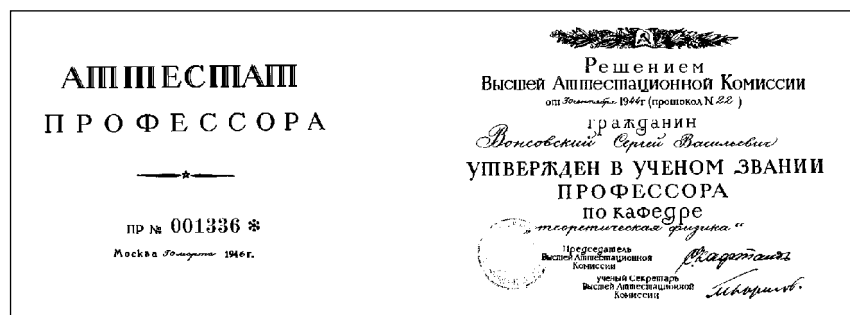
Мама в письмах последнего времени пишет, что она совершеннейший инвалид, целиком на плечах у папы, что самостоятельно они ничего не могут предпринять в смысле переезда. Переезд надо было делать ещё 10 лет тому назад, когда у них были силы. А сейчас переезд страшно волнует маму, она боится, что у неё не хватит сил его перенести. Она просит меня написать тете Марусе, которая долго не получала от меня писем и очень поэтому грустит. Папа в приписке к маминому письму сообщает, что комиссар просвещения Мурат Ходжаев – бывший ученик школы Песталоцци и поэтому к папе очень хорошо относится. 7 ноября родители были у Фёдоровых и хорошо провели вечер. Опять папа благодарит за денежный перевод и говорит, что использует деньги, прежде всего на покупку топлива. Спрашивает, у кого мне удалось побывать в Москве.

В своём письме с дороги со станции Шахунья я пишу, что еду очень хорошо. Соседи тихие и мирные. Я закончил работу над книгой. В Москве осталось напечатать то, что не успела сделать в Свердловске Ольга Ипатьевна (секретарь-машинистка). Яша

просил в предисловии указать участие авторов – какие главы кем написаны. В поезде наслаждаюсь чтением «Мертвых душ». Сколько раз читал, а всегда с новыми впечатлениями. Великая вещь. Обязательно хочу сходить во МХАТ на «Мертвые души».

Срок переезда мамы с папой к нам в Свердловск был назначен на лето, на мой отпуск. Новый год мама с папой с разрешения Маруси Кузьминой (врача) встречали у Фёдоровых. Кроме них на встрече никого не было. Время провели спокойно и уютно. Таким образом, первый мамин выход на улицу прошел благополучно. Мама просит меня и Надюшу вместе обсудить вопрос об их переезде в Свердловск. Она беспокоится о продаже вещей, которые не подлежат перевозке, и покупке папе зимней и осенней одежды для наших свердловских холодов. Рояль хотят продать и купить для перевозки в Свердловск пианино (меньше места займёт). Итак, меня ждут во время моего отпуска. Маруся Кузьмина нашла улучшение у мамы в сердце, но нервы в ужасном состоянии. Мама очень рада, что они имеют возможность топить печку и не очень сокращать время топки из-за экономии топлива, которое во многом они получили от добрых друзей. Кроме угля, они получили от Фёдоровых два огромных полена арчи, которая очень хороша для растопки.

30 марта 1946 г. я получил аттестат профессора. Вот его копия:

А вот моя открытка Анне Израилевне* от 9 июня 1946 г.

«Дорогая Анна Израилевна! Я давно должен был написать Вам, но мои «головокружительные» перелёты закружили мне голову. Теперь Вы уже, наверное, знаете о своих москвичках больше, чем я. Сея собирался в командировку в Сибирь и хотел обратный путь использовать, чтобы захва-

тить Вас. С Элей я расстался накануне переезда и не знаю, как он прошёл у них. Итак, Вы уже из моих телеграмм и писем Любе знаете, что я приеду с мамой и папой. Сейчас мы уже много уложили и почти всё разобрали, что взять с собой, что оставить. Некоторые крупные вещи уже проданы. 12-го числа дадут окончательный ответ о рояле. Хуже с отправкой вещей и билетами. Один «добрый знакомый» водил нас за нос чуть не 10 дней и в результате ничем не помог. А папино начальство (министр просвещения) уехало до 12-го. На него вся надежда. Надеюсь, что в 20-х числах мы тем или иным путём выберемся. Сборы уже всех нас тяготят, и хочется, чтобы скорее они были позади. Жара стоит ужасная, и поэтому знакомая Вам моя стремительность захлёбывается в потоках пота. Очень рад был за Вас, что Андрюшины экзамены прошли так хорошо, ведь Вы их буквально выстрадали. Крепко Вас целую. Привет всем. Ваш Серёжа».

Первое письмо от 6 июня от Любочки в Ташкент (Люба в это время готовилась к защите своей кандидатской диссертации):

«Дорогой Серёженька! Позвонила я сегодня домой с работы и узнала от Анны Израилевны, что есть твоя первая открытка и телеграмма из Ташкента. Передала мне примерно содержание. Предвкушаю удовольствие почитать вечером. Хочется уже знать, когда ты будешь дома. Как ты знаешь из моей телеграммы, удалось общими усилиями назначить защиту на 13-е. Сейчас сидим все трое и дрожим, как щенки. Пришлось произвести дикий нажим на Чуфарова (это ректор университета), что способные были сделать лишь Яков Савельевич и Михаил Васильевич. Оба проявили верх заботы и товарищества. Все делалось через голову Шиманского (?), что неприятно. После согласия Чуфарова, которое было дано 1 июля, невероятно трудно оказалось поместить объявление в газете 2 июля (3-го понедельник, 4-го уже поздно). Михаил Васильевич выхлопотал нам машину, т. к. мы избегались и издёргались вконец. На машине мы ездили в университет, в редакцию. Михаил Васильевич звонил в редакцию, рассыпался мелким бесом, и в конце концов мы получили полусогласие. В воскресенье весь день ждали газету. Можешь себе представить восторг детей, когда их маму «пропечатали». Теперь остаётся сидеть и дрожать. Прочли с Яном доклад. Он одобрил, кое-что добавил. Сейчас я его переписываю. Думаю за 30 минут доложить. Когда ты получишь это письмо, то всё уже будет известно: позор или успех. Читаю понемногу твою книгу. С Антоном немного беседовала, но окончательный отзыв ещё не готов. Основная его критика, что мало образцов. Это было бы правильно, если бы он тут же не перегибал палку и не говорил, что надо было взять образцов 10 из раз-

* Мать С.П. Шубина.

ных мягких материалов. А в общем отзыв хороший (предварительный, но длинный по указу Чуфарова). Абрам тоже ещё не дал окончательного отзыва. Получила я Андриюши табель. Конечно, всё пятёрки. В воскресенье устроили праздничный обед. Были Гера, Лёва и Рита. Надя опоздала, и её срочно кормили после обеда. (Оказывается не то Зина, не то Надя перепутали часы обеда.) Дети иногда ездят в УФАН. После холодов и дождей установилась жаркая погода. Уже несколько дней ходит автобус, возит туда и обратно. Картошку дома доедаем. Выгребла вчера 3 ведра, но в автобусе не повезут, надо ждать машину...»

Дальше еще о домашних делах и приветы.

В открытке от 11 июня 1946 г. пишу Любе, что хотел ответить подробным письмом, но замотался с вагонными делами. Кое-какие в этом деле сдвиги есть, но пока нет ничего определенного. Принципиально вагон получить можно. Телеграмма, которую я получил сегодня, очень пригодится. Завтра получу ещё бумажку от горисполкома. Завтра же утром выяснится ещё одна возможность попасть к начальнику дороги. Если будет его резолюция, то дальше остаются только технические трудности. Будем хлопотать о том, чтобы прицепить наш вагон к пассажирскому поезду. Как только будет полная ясность в этом вопросе, немедленно сообщу. Мама немного прихворнула, видимо, простудилась на сквозняке. Как я уже хочу, чтобы мы были в Свердловске. Бедная моя Любонька, ты так волнуешься сейчас перед защитой. Я полностью уверен в успехе. Лишь бы состоялась сама защита. Как жаль, что не Сергей Васильевич Карпачёв – ректор, с ним насколько было бы проще.

Люба спрашивает меня, огорчён ли я неудачей с Государственной премией за тагильскую деятельность. Но мне так противна вся эта возня, что я предпочитаю не вспоминать о ней. Мне только жаль Генашу, который всё это очень болезненно воспринимает.

В своем письме от 14 июня в Свердловск Любе я беспокоюсь о её защите. Любочке я ещё и ещё раз желаю успешной защиты. И вот 17-го числа отправлена поздравительная телеграмма: «Поздравляю дорогого кандидата крепко целую Сережа папа мама». И письмо от 18 июня 1946 г.:

«Вчера получил твою телеграмму о защите и сразу послал поздравление. Сегодня получил твоё 3-е письмо от 6 июня 1946 г. Родной мой Любик, ты не знаешь, как я радуюсь за тебя, что все твои волнения, оказавшиеся, как я и верил в это, напрасными, остались уже позади. Для меня была полной неожиданностью твоя телеграмма о защите 13-го, т. к. я не получил телеграммы, где ты сообщал о том, что защите удалось устроить 13-го. Здесь Яша, конечно, был не-

заменяем, что так надавил на Чуфанфария! Но тут и повезло, что Михаил Васильевич хлопотал и о Фёдоре Рыбалко. Как всё это хорошо, что эти волнения позади. Однако я ещё не привык к мысли, что у меня жена стала «важным» учёным».

Разрешение на вагон получено, но, к сожалению, дадут его в конце месяца. Обещали прицепить к товарно-пассажирскому поезду, который дотащит нас до Илецка, а там опять нужны хлопоты. В Ташкенте сейчас с билетами плохо: на словах – живая очередь, брони отменили, а на деле – сплошная спекуляция. Поэтому получение вагона, где мы поедем, – выход хоть из этого кошмара. 24-го я уже должен хлопотать о получении конкретного номера вагона. Надеюсь на благополучный исход. С продажей роая пока неясно. Покупатель, хотевший его купить, сейчас в отъезде и вернётся в Ташкент только 20-го числа. Это пока единственная вещь, которая нас беспокоит. Мама прошлую неделю проболела, простудившись. Упаковывать вещи будет специалист этого дела. Нашёлся мой племянник Сергей. Не писал просто по лени. Он сейчас живет в Сталинграде и работает на военном заводе. В нашу квартиру уже прописали новых жильцов. Это произошло без нашего вмешательства. Мама очень волнуется перед поездкой. Конечно, она будет не из легких. Теперь отступления уже нет.

Люба с детьми поехала на дачу. В письме от 5–8 июля 1946 г., которое она оставила у Надюши, она пишет инструкции по моим сборам. В письме от 11 июля Люба пишет, что место дачное чудесно. Продуктов много, и они дешевы. Очень ждет моего приезда. Мне было оставлено также письмо от Анны Израилевны, которое она написала перед своим отъездом из Свердловска в Москву 5 июля. Вот оно:

«Дорогой Серёженька! Я очень жалею, что уезжаю, не попрощавшись с Вами, не повидав Вас. И я хочу сказать Вам хотя бы часть того, что говорит и чувствует моё сердце в отношении Вас. От всей души выражаю Вам свою глубокую благодарность за тот подвиг, который Вы совершили и совершаете, взяв на себя тяжёлое бремя воспитания трёх деток моего сына, Вашего друга. Делаете Вы это охотно и любя, и дети платят вам искренней и глубокой привязанностью. А когда они вырастут, они проникнутся к Вам глубоким уважением. Серёженька! Вы понимаете, с каким тяжёлым сердцем я уезжаю от Вас. Но Вы, я думаю, понимаете также и то, что после девятилетней разлуки с детьми мне хочется, мне нужно их повидать и пожить с ними. Здоровье мое, сами знаете, какое. Пока я могу передвигаться, надо ехать. Хочу сказать ещё несколько слов об Андрее. Мне кажется, что он в последнее время немного выровнялся, стал спокойнее, вдумчивее, значительно лучше (в связи

с этим, по-моему) обстоит дело с ночными историями. Он сейчас вступает в переходный возраст – отроческий: уже не ребёнок, ещё не юноша. Ему нужна сейчас Ваша поддержка, Ваша дружба, Ваше отношение к нему чуткое и внимательное. Я уверена, что Вы с этой задачей (как много их у Вас) справитесь, хотя она не легкая. С девочками, конечно, всё проще, и не потому, что они – девочки, а потому что они не “вывихнуты”, как Андрюша. Я глубоко благодарна Вам также и за Ваше внимательное, любовное отношение ко мне, за наши долгие беседы о всякой всячине, которые значительно отвлекли меня от страшной мысли, что Симочки моего нет, а я – старая, никому не нужная – продолжаю жить. Крепко, крепко жму Вашу руку и желаю Вам радости и душевного покоя. Привет Вашим родителям. Не забудьте моей просьбы, которую я Вам однажды высказала: когда придёт время, а оно безусловно наступит, напишите воспоминания о моём сыне».

Есть телеграмма из Свердловска от Любочки: «Сегодня послана из УФАНа «молния» Ходжаеву копия Все здоровы Целуем Люба». Письма от Андрюши и от Любы из Воздвиженки. Очень ждут, и Люба считает, что если Надя останется с мамой, то и папе можно приехать в Воздвиженку. Для мамы очень труден будет переезд.

Сохранилась моя телеграмма из Ташкента с поздравлением Андрюшке с успешной сдачей экзаменов. Также есть моя телеграмма с просьбой продлить командировку до 9 июля 1946 г. и телеграмма, что мы начали погрузку в вагон, а затем такая: «Выехали пятого отдельным вагоном поезд 501». Есть ведомость подачи и уборки вагонов. Вагон № 301907, подъемная сила 16,5 тонн, накладная № 49607 от 18 июля 1946 г. с указанием, что внутри вагона кроме вещей едут три человека. Денег за всё взято 912 руб. 35 коп. Имеется и удостоверение, что я с матерью и отцом сопровождаю вагон № 301907 до ст. Свердловск. Телеграмма из Чкалова (Оренбурга): «Благополучно прибыли девятого Чкалов Обещают сегодня отправить прямым до Челябинска Всех целуем Серёжа». Телеграмма из Орска: «Двенадцатого прибыли Орск надеемся пятнадцатого быть дома Всех целуем».

Ехали мы в вагоне очень хорошо. У мамы и папы были их привычные удобные кровати, которые были крепко привязаны к полу, так что не сдвигались при резких толчках вагона. А вот со столом для пищи произошла трагикомическая история. В начале пути мама все приготовила для завтрака на маленьком столике. И только мы собирались начать наш аппетитный завтрак, как поезд тронулся, вагон резко качнуло, и весь наш завтрак очутился на полу. Поэтому потом всю дорогу мы не пользова-

лись для еды столиком, а всё на салфетке готовили на полу вагона, где никакие рывки в движении были не страшны. В общем, поездка не была для мамы и папы утомительной. Пересадки в Оренбурге, вернее, переприцепки вагона, а также в Челябинске прошли без особых задержек и волнений, и мы благополучно доехали до места. Конечно, изменение климата, новые условия жизни и отсутствие друзей, кроме Надюши, – всё это не могло не отразиться на настроении мамы и папы. Но в общем начало новой жизни было положено.

Мама, конечно, немного недомогает. Видно, не так легко ей переносить резкое изменение климата. Надо набраться терпения, чтобы это пережить и как-то постепенно привыкнуть и к изменению обстановки. В октябре я уехал в командировку в Москву и Ленинград. Есть очень хорошее декабрьское письмо от Анны Израилевны Любе. Я приведу из него отрывок:

«Если ты, Любаша, любишь Серёжу по-настоящему, ценишь его как прекрасного человека, ты должна уважать мать, воспитавшую такого сына, несмотря ни на какие её качества и странности. Ты сама, моя родная, будешь не из “легких” бабушек. Подумай об этом. По целому ряду фактов я вижу, что старики внимательны к детям. А требовать от них пылкой самоотверженной любви к ним ты не можешь, не имеешь права. Ты же, Любаша, не мешаночка (вроде моей Танюши), чего ты боишься, если она и похозяничает в доме, у неё только это и осталось в жизни, а у тебя есть ещё другая большая жизнь – дети, работа, муж. Не разменивайся по мелочам, постарайся подняться немного над всей этой возней, пощади себя, а главное, Серёжу, он не заслужил того, чтобы жизнь его была отравлена из-за переезда к нему родителей. Прошу тебя, родная, возьми себя в руки, призови на помощь свой разум, укроти свой нрав немного».

Это такие справедливые слова. Милая Анна Израилевна, я всегда знал, что Вы все понимаете, и высоко ценил Ваше отношение ко мне.

ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ «ФЕРРОМАГНЕТИЗМ»

В 1946 г. вышла книга с альбомом чертежей о наших с Яшей дефектоскопах, которая была выпущена издательством Академии наук СССР под названием «Магнитное дефектоскопирова-

ние корпусов артиллерийских снарядов». Её объём 110 страниц. Привожу концовку предисловия книги:

«Настоящая книга посвящена изложению теории и практики магнитного дефектоскопирования тел вращения по методу магнитной суспензии. В первой части книги изложены общая теория магнитного дефектоскопирования (глава II) и её применение к контролю корпусов артснарядов (глава III). Во второй части даются практические указания на основе обобщения трехлетнего опыта работы дефектоскопов системы УФАН на снарядных заводах (глава IV). Кроме того, к книге приложен альбом рабочих чертежей дефектоскопов с подробной пояснительной запиской и инструкцией по дефектоскопированию (приложения I и II). В разработке дефектоскопов системы УФАН большое участие принимал доктор физико-математических наук Р.И. Янус. В вопросах использования и внедрения дефектоскопов УФАН в снарядной промышленности была проведена большая работа лауреатом Сталинской премии инженер-майором П.П. Сторожемком. Исследование магнитных свойств снарядных сталея производилось научными сотрудниками УФАН кандидатом физико-математических наук В.И. Дрожжиной и Л.А. Шубиной. В исследовании по разработке магнитного метода определения глубины дефектов металла принимали участие инженеры завода НКБ Е.А. Шкабара и Н.Ю. Мисак. Конструкции дефектоскопов системы УФАН разработаны конструктором УФАН Я.И. Хшиве и конструктором завода НКБ В.И. Игнатьевым».

За 1947 год сохранилось одно письмо от Александра Александровича Гусева (от 10 июля). С А.А. Гусевым я познакомился, как мне помнится, на одной из конференций по магнетизму в 1946 г. Тогда он был учеником Н.С. Акулова и только недавно окончил МГУ. К тому времени он уже сильно разочаровался в своём «учителе», и поэтому, наверное, мы быстро с ним подружились и долгое время, до его преждевременной кончины, были близкими друзьями по всем «статьям» – и по науке, и по жизненным вопросам. Об этом будет речь ниже. Я привожу текст его записки:

«Сергей Васильевич! Я очень расстроен тем, что не застал Вас. Захватил я сегодня с собой только одного Синдона (?), которого оставляю. Нашёл кое-что из наших новинок показать Вам и обменяться мнениями по небольшому числу общих и частных вопросов, что заняло бы очень мало времени, между прочим, завтра между 15 ч. 30м. и 16 ч. я буду у Якова Ильича, который сейчас в Москве в гостинице “Москва”, № 717. Не теряю надежды Вас увидеть, может

быть, Вы позвоните завтра туда по телефону К-2-27-17, и мы могли бы как-либо определённо договориться. К Вам дозвониться очень сложно. Ваш А. Гусев.

PS. Оставляю Вам также небольшой подарок, которым я хотел бы в ничтожной степени отблагодарить Вас за неизменно дружеское и внимательное отношение. Это книга Фучика. Издание в некотором роде замечательное. А.Г.».

Самым большим результатом научной деятельности в 1948 г. был выход из печати моей и Яши первой монографии «Ферромагнетизм». Это большая книга, в ней 816 страниц, 13 глав и 594 рисунка. Приведу последний абзац из предисловия авторов: «Главы I, II, IV, VI, VIII, XII и XIII написаны С.В. Вонсовским, а остальные – совместно обоими авторами. Идея написания этой монографии, подбор материала и характер изложения явились результатом участия авторов в работе теоретического коллоквиума, возникшего ещё в 1932 г. и существовавшего вначале при теоретическом отделе Уральского физико-технического института (в упоминании этого отмечена роль Семёна Петровича Шубина, о котором тогда нельзя было открыто написать – С.В.), а затем с 1939 г. при магнитной лаборатории Уральского филиала Академии наук СССР, организаторам, руководителям и участникам которых авторы приносят свою искреннюю признательность. Авторы так же искренне благодарны рецензентам книги – проф. Я.И. Френкелю, проф. Е.И. Кондорскому и проф. И.Е. Тамму за их большой труд по внимательному ознакомлению с рукописью и благожелательную критику. Авторы считают также своим долгом выразить глубокую благодарность своему другу проф. Р.И. Янусу за интересные и ценные дискуссии по ряду вопросов, относящихся к содержанию этой книги. Большую помощь при обработке и оформлении текста монографии нам оказала Л.А. Шубина, которой мы приносим свою искреннюю признательность».

Появление монографии вызвало «вой и возню» в акуловской среде. Основные обвинения состояли в том, что монография полна «преклонения перед иностранщиной», что мало ссылок на «классические» работы Акулова и К° (хотя в предисловии нашем сказано, что «в монографии большое внимание уделено работам советских физиков – Френкеля, Ландау, Капицы, Аркадьева, Акулова, Кондорского, Кикоина, Дорфмана, Януса, Лифшица и других, которые сыграли решающую роль в создании и развитии современной теории магнетизма»). Здесь они попали пальцем в небо, написав, что мы, вместо того чтобы указать знаменитые работы Акулова, упомянули какого-то «иностранца» Стильбанса, а Стильбанс – это советский физик, ученик

Я.И. Френкеля! В отпоре на эту, с позволения сказать, «критику» нам очень помогли выступления наших друзей Е.И. Кондорского и Б.М. Вула. К сожалению, монография не была переведена на иностранные языки, и поэтому за рубежом её мало знали.

ОТДЫХ

Июль 1949 г. Я собираюсь на Рижское взморье в дом отдыха «Чайка». А Люба с девочками и Андрюшей – в Коптяки. Люба будет писать мне в «Чайку». Мама в Ташкенте. Есть её письмо от 16 июля из санатория под Ташкентом. В своём письме из Коптяков от 20 июля 1949 г. Люба пишет мне в Молотов (Пермь), где по дороге в Прибалтику я ожидаю поездку на пароходе вместе с папой от Перми до Горького (Нижний Новгород). На пароходе, конечно, было чудесно. Мы благополучно доплыли до Горького. Там я покинул дорогого папочку и отправился дальше на перекладных в свою «Чайку». Папа вернулся на этом же пароходе в Пермь. Его, как это видно из его письма, начатого 28 июля 1949 г. и оконченного 1 августа в Перми, очень нежно опекали спутницы, с которыми мы познакомились по пути до Горького и которые тоже возвращались в Пермь. А в Перми милый Кузьма Петрович Родионов встретил папу. Было уже приготовлено место в гостинице, куплен билет с плацкартой на поезд. И на другой день после приезда и посещения картинной галереи папа поехал в Свердловск поездом. К.П. Родионов, конечно, усадил его сам в вагон.

С парохода были письма мои, а Любочка писала мне уже из Коптяков. Оттуда мне писали и дети. Первое моё письмо в Свердловск из «Чайки» от 30 июля 1949 г. В нём я подробно описываю события после расставания с папой в Горьком.

«Помахав платочком папе, уплывающему на “Красногвардейце” вниз по Волге, я отправился в город. Хотел пойти к Горелику, но раздумал и решил посидеть отдохнуть в садике. Потом зашёл в кафе, закусил. Забрал чемодан из камеры хранения и отправился на вокзал. Это было уже в 10-м часу вечера. В 10 ч. объявили посадку. У меня был билет с плацкартой. Мне дали бельё, я хорошо поспал и в 11 ч. утра 27-го прибыл в Москву. С Курского вокзала я поехал в «Якорь», где меня сразу приняли. Из гостиницы сразу пошёл в курортную кассу на ул. Кирова. Взял билет на 29-е число. После этого был в Академии. Договорился с Романовским о попытке 28-го пойти к Ивану Павловичу Бар-

дину. А из «Якоря» я ещё успел позвонить Гусеву и договорился о встрече с ним вечером. Обедал в гостинице. И так, вечером был у Гусева. Познакомился с его женой, её зовут Василисой – оказалась приятной дамой. Всё обговорили о переводе Сноека. 28-го попасть к Ивану Павловичу не удалось – у него были внеочередные иностранные гости, Романовский, бедняга пойдёт к И.П. Бардину один, да и дело-то к нему не моё, а УФАНовское.

В 11 ч. 30 м. 29-го мой поезд отошёл с Рижского вокзала. Перед самым отъездом получил телеграмму из дома и успокоился. В поезде получил постель и поэтому спал хорошо. Проснулся перед переездом через нашу старую границу с Латвией. В этом месте поезд проходит под аркой. Везде видны следы войны. В Ригу прибыли в 13 ч. 47 м. Сдал вещи на хранение и решил пойти в город. Сразу же отправил домой телеграмму. Рига – очень своеобразный город, и я остался доволен своей прогулкой. Сам город – это смесь старины с узкими кривыми улочками и нового города с высокими домами. Очень много зелени и цветов. Конечно, роскошна и Даугава, напоминает Неву. Везде идеальная чистота. Но знаешь, Любик, всё это чужое, не наше. И я бы никогда не согласился здесь жить. Грязные улицы Свердловска или какой-нибудь Рязани, берег Волги, Синарского озера милей и дороже всяких “Риг” и других заграниц.

В 17 ч. 05 м. я в битком набитом пассажирами дачном поезде поехал в Майори и в 18 ч. был на месте. Стал искать свою “Чайку”. Быстро нашёл её и получил у директора место в комнате на трех человек. Своих соседей видел, но ещё не познакомился как следует. Комната эта в виде веранды, так что в ней будет всегда много воздуха. Разложив свои вещи, сразу пошёл погулять. Это типичный дачный городок: сплошные дачи вдоль улиц, и никакой девственной природы. Единственное, что здесь приятно, – это море и пляж. Очень скучаю о всех вас, мои дорогие и любимые. Любонька, я много думал об Андрее и чувствую себя очень виноватым перед ним за свою ненужную суровость. Я очень рад, что он как-то сблизился с папой, и хочу, чтобы это сближение продолжалось. Он хороший и добрый мальчик, только не совсем простой. Я постараюсь приложить все силы и быть ему настоящим отцом и другом. А с девочками мы и так друзья».

Есть мамино письмо папе из Ташкента от 31 июля 1949 г. Она пишет, что 27-го выписалась из санатория без всякого улучшения здоровья с потерей веса в полтора килограмма. Мама пишет, что Фёдоровы встречают её всегда как самого родного и близкого им человека. Мама живёт у Кости и беспокоится, куда папа адресует ей письма. С Шурочкой мама ходила к зубному врачу.

Моё следующее большое письмо из «Чайки» от 31 июля. Жалуюсь, что всё время идут дожди. Браню Любочку за то, что она не следит за своим весом, и прошу даже Андрюшку, чтобы он не давал маме днём спать. Мои соседи по комнате – это студент-дипломник физико-механического факультета ЛПИ и моряк. Его фамилия Рейз. Я с ним, можно сказать, подружился, и мы без взаимного надоедания довольно часто гуляем вместе и хорошо беседуем. Взгляды у нас на «настоящее окружающее» очень близки, а это много значит для приятного соседства. В общем, я был вполне доволен моим пребыванием в «Чайке». Во время прогулки я нашёл молочную, где всегда есть свежие сливки. Теперь хожу туда регулярно и попиваю чудесные сливочки.

1950 год – середина XX века. В начале года я уехал с мамой в Москву.

14 января 1950 г. у нас в доме в Свердловске устроили торжественный обед в честь папиного дня рождения. Он был очень признателен за внимание. Зиночка занимается уроками у папы в комнате, и это развлекает его. Андрюшка очень следит за состоянием папиного здоровья. В письме от 20-го числа я пишу, что устроил маму в тихом корпусе санатория. В палате у нее одна симпатичная соседка. Санаторий окружен сосновым лесом. Обслуживающий персонал необычайно приветлив. Мамин корпус двухэтажный, и на первом – большая гостиная. Маму оставил в хорошем настроении. Она мне написала в Москву уже 21 января 1950 г. Просит кое-что привезти ей. Пишет, что уже вчера её осматривала врач Рахиль Исааковна, очень долго и внимательно. Мама считает её хорошим врачом. Да и весь обслуживающий персонал внимателен.

В одном из июльских писем (от 20-го июля) папа пишет о двух «инвалидах», значит, мама уже вернулась в Свердловск. Надюша тоже что-то болеет, даже попала в больницу, а мои «инвалиды» не могут её навестить. Выручает, что есть хорошая домработница, которая ведёт всё хозяйство и убирает квартиру. Кроме того, по медицинской части за ними следит Нина Андреевна Карпова. Погода неважная. Но вот 24-го, пишет папа, немного потеплело, и они даже вышли на улицу Сакко и Ванцетти. Нина Андреевна разрешила папе искупаться в ванне. Там же папа сообщает, что они навестили Надюшу в больнице. Мамочка в письме своём очень хвалит домработниц – они так за ними ухаживают, что и желать другого нечего. Мама пишет, что заходил к ним М.Н. Михеев и много рассказывал о жизни в Венеции*.

* Название деревни в Башкирии.

С.В. Вонсовский с любимой дочерью Зиной (начало 1950-х годов)

Папа замечает, что он двигается не со скоростью реактивного самолёта, а со скоростью «скромной задумчивой улитки»!

В это лето мы как раз ездили в Башкирию на реку Белую в деревушку с милым названием Венеция (так её назвал один местный русский житель). Туда мы добирались на перекладных: сначала на самолёте до Уфы, потом на маленьком одноэтажном пароходике по реке Белой до Дюртелей, а уже оттуда на пароме в Венецию. Сохранились два требования на Любочку и Зиночку на пароходные классные плацкарты от 17 июля 1950 г.

5 августа я послал родителям очередное письмо. Наслаждаемся отдыхом в прелестной Венеции. Погода этому благоприятствует.

Мамочкино письмо от 7 августа довольно бодрое. Хотя, конечно, ожог ещё даёт о себе знать, и папочкино здоровье её беспокоит. Папе ставили пиявки, которые он хорошо перенес. Он занят варкой варенья из ягод. Надюша для поправки здоровья берет отпуск. Только директор просил её заглянуть на завод и проверить, всё ли в полном порядке в её отделе. Питается она вместе с мамой и папой. Папа опять пишет, что они очень довольны своими помощницами. Благодарит за моё «красочное» описание Вене-

Обед на пароходе (1950-е годы)

ции. Надюша с Ольгой Дмитриевной ходили на почтамт и отправили нам в Венецию посылочку с сахаром.

Папа получил от Любочки и Танюши письма из Венеции и ответил им, с красочным описанием их с мамой жизни. Очень рад за наше пребывание в таком чудесном месте, как Венеция. В письме Танюше папа пишет, что пришли также письма от Андрюши, няни Любы и Зикушки. 12-го числа папочка сразу отвечает на моё, Зикино и Андрюшкино письма. Как всегда, письма весьма поэтичны: «...что может сделать обескровленный старик – только восхищаться вашими описаниями красот Венеции». На моё сообщение, что мы угощаемся в лесу ежевикой, папа вспоминает, что, путешествуя по горам около Ташкента, они

с приятелями как-то на полянке, на берегу речки Кок-су, прямо с кустиков тоже угощались этой ягодой. Он рад, что мы попили кумыс. «Я помню, как во время путешествия по горам после хорошей порции кумыса едва сидишь в седле, сон так и клонит голову на грудь, надо делать усилие, чтобы не заснуть» – пишет он. Считает, что не надо тратить время в Венеции на всякие отзывы, которые я успею написать и дома, в Свердловске. И кончает письма так: «Всех милых венецианцев “гамазом” и в розницу целую и шлю им наилучшие пожелания, к чему присоединяется и мама».

Чудесны и письма Зикушке и Андрюшке. Вот, например, письмо Зике:

«Милая, дорогая Зиночка! Шлём большое Тебе спасибо за твою славную весточку. Ты, детка, невольно подражала М. Глинке, знатному основателю русской национальной музыки. Он любил писать свои произведения лёжа, но, Зикуша, те произведения были музыкальные шедевры, которыми мы наслаждаемся спустя почти сто лет после его смерти и будем наслаждаться ещё очень долго. Тебе же, моя хорошая, приходится извиняться тут же. Отсюда напраши-

вается такой вывод, что писать лёжа нам не следует. Очень рады, что лето ваше проходит в таких прекрасных условиях. Ты уехала отсюда ещё слабенькая после болезни, вернуться должна загорелой, сильной, бодрой, жизнерадостной. Поправляемся и мы, Детка, старательно, но вот “наслаждаться солнышком”, как ты пишешь, нам почти не приходится, т.к. оно показывается нам и редко, и скупо. Трусикю нам удалось привить некоторые хорошие навыки, так он не порывается теперь ложиться на кровати, диваны, а укладывается на свою подстилочку. Очень вежливо просит поесть и пойти гулять. Было не более двух-трёх случаев, когда он напоминал крыловского кота. Скоро уже увидимся и тогда ещё поговорим. До свидания! Крепко тебя целуем, будь здорова и благополучна. Всем дорогим венецианцам, но только не итальянцам, наш сердечный привет с поцелуями. Всех благ! Ваш В.В.»

В семейном архиве сохранилось поздравление – тост В.С. Вонсова 40-летнему сыну:

*Мой тост Серёге в день его сороколетия
9 сентября 1950.*

*Дорогой Серёга!
Сорок лет Тебе минуло. Это лучший момент
жизни, – момент полного расцвета всех сил.
Мы благодарны судьбе этого знаменательного дня,
о чём говорят любовь и уважение, которыми Ты
пользуешься среди окружающих.
«Вот конец страдания»,
«Нет конца страдания», говорит поэт
Стремись же ещё лучше биться, трудись, иди вперед
И веруй: чистый труд во благо всем идет.
Твое здоровье, о дорогой!*

⊗ В том числе – Саше любить, уважать, беречь свою маму,
которая вполне достойна таких снисходительных чувств.
Твоя мама – человек благородной души, честный, отзывчивый,
всегда готовый прийти на помощь ближнему.
Несмотря на свое слабое здоровье, она могла со свойствен-
ными ей увлечениями давать в день девять уроков музыки (а
эти уроки при таком отношении наиболее трудные) и в
то же время поддерживать в доме чистоту, порядок, садить
всем тем привлекательный уют, который всегда влек к нам
наших друзей.

*Как бы она ни была уставая, твоя мама всегда являлась
жизнерадостной, радужной. В высшей степени гостеприимной
хозяйкой.*

*Своим твоим примером а также своим благотворным влиянием
она и Люба, Сергеевская, привила любовь к труду, твердые
многолетние долги и благодарное отношение к людям.*

*Верю, Сергеев, эти добрые качества от великих друзей
всплыли. Вот два призыва к Любе от старика отца:*

*один официальный - на любовь, дружить от сердца к
сердцу надеюсь.*

*Я буду очень счастлив, если бы этот листок не
бросили равнодушно в корзину мусора, а сохранили бы
и по возможности будешь в него замечания.*

Владиславович Медвз, друг мой, иди все доброе.

Любимый Мадз отец.

10./X. 50г.

Мой эпистолярный архив 1951 г. начинается с писем бабушки Анны Израилевны из Усть-Каменогорска. В своих письмах она волнуется о моём здоровье. Я что-то тут приболел. Видимо, у меня заболели почки – нефрит. Меня положили в больницу. Бабушка тоже болела, ей делали небольшую операцию. Но все обошлось благополучно. В письме от 25 марта 1951 г. она просит поздравить Михеева и Януса с получением премии. В письме от 3 апреля Анна Израилевна пишет, что собирается ехать на лето в Ленинград к сестричкам. В послании от 24 мая, уже из Ленинграда, где она вторую неделю, Анна Израилевна сообщает, что они с сёстрами сняли дачу в Териоках.

Люба с ребятами поехали поездом в Москву и дальше, видимо, на Кавказ. Есть три открытки: из Молотова, Пибаньшур(!) и Горького. Билеты на скорый поезд Москва–Батуми купили в поезде же, с некоторыми приключениями. С ними ехали Михеевы и Янусы – всего 10 человек. Есть две открытки с дороги.

Приведу первое Любочкино письмо из Гагр от 24 июня, из которого всё будет более или менее ясно:

«6 ч. утра, Гагры, 24/VI–51 г. Дорогой Серёженька! Как ты видишь, мы всё же в Гаграх. Это типичный южный курортный ярко освещенный белый павильон, который на фоне чёрной ночи производит сильное впечатление. От носильщиков, шоферов и прочих предлагавших свои услуги

отбоя не было. Все они говорят друг с другом по-грузински, страшно орут. В конце концов мы нашли ночлег около вокзала у очень милой женщины в домике, утопающем в зелени, разместились в трех комнатах, кто на кровати, кто на полу, за 60 рублей в сутки со всех. Сегодня в 7 ч. 30 м. утра хозяин повезет нас с Полиной Никифоровной за 4 километра в старые Гагры, где ходит рейсовый автобус в Сочи. На нём мы доберемся до Леселидзе, о котором успели услышать несколько хороших отзывов. Постараемся отыскать там помещение. Я надеюсь, что мы хорошо устроимся и завтра переедем, но и задержаться здесь дня на два не страшно. Очень хочется от тебя иметь весточку, а то моя беспокойная душа тревожится. У вас, наверное, жизнь без нас уже вошла в тихую, мирную колею. Целую тебя крепко. Поклон всем. Люба».

Моё первое письмо в Леселидзе от 25 июня. Пишу, что эти дни были очень заняты сессией АН, которая отняла много времени. Прошла она удачно и понравилась начальству. Жаль, что не было Бардина. Доклад мой прошёл хорошо, но только я очень спешил. На секции выступал с заключением, и на заключительном пленарном заседании тоже. Выступал один геолог с «глупыми идеями», пришлось его поругать, за что я сорвал аплодисменты. На пленарных заседаниях бывало до тысячи человек. Отчёты о заседаниях печатались в газетах. На днях, как освободился от сессии, ездил с мамой, папой и Марусей в лес к столбу Европа–Азия. В этой же открытке я пишу, что Рудольф Иванович Янус собирается лететь числа 4-го, а Михаил Николаевич ещё не знает, когда.

Люба мне очень советует лететь и пишет, что они в Адлере меня встретят. Есть моя открытка от 29 июня 1951 г. и письмо от 1 июля. В них я описываю нашу мирную жизнь. Мою работу, которой довольно ещё много, и ожидание писем от Любочки с места конечной остановки их путешествия. Любочка в своём письме от 1 июля жалеет меня, что я кручусь как белка в колесе в делах, а они блаженствуют на чудном море. В своём письме от 2 июля пишу, что в Свердловске стоит чудесное жаркое лето. Мы накануне ездили с мамой и папой в лес. Насобирали много ягод. На следующий день пишу, что с отъездом Носыревой (директора института) у меня будет меньше суетливых дел.

В письме от 4 июля я замечаю, что в Свердловске погода в этом году «тропическая». Из новостей сообщаю, что у Нахима Волкенштейна родилась дочка.

Переезд на новую квартиру откладывается до декабря. Люба в письме от 12 июля надеется, что я вот-вот приеду к ним.

«Шофер» на отдыхе (1951 г.)

В Леселидзе 10-го вечером прикатили Рудольф Иванович и Эмилия Сергеевна с Олей, они привезли моё большое письмо от 4 июля. Люба очень просит меня поскорее вырваться из Свердловска. Советует взять раскладушку, которая мне здесь очень может пригодиться. 12-го числа мне написала письмо Зиночка. Есть моё письмо Любе от 13-го в ответ на её письмо от 9-го. Вот какая была тогда интенсивная переписка. Я пишу, что беру отпуск с 23-го или, в крайнем случае, с 24 июля. Решил ехать поездом. Надеюсь, что в Москве с билетом поможет Академия. Уже получил отпускное удостоверение и деньги. Закачиваю просмотр диссертации Падучева и потихоньку двигаю дела с книгой. Мне есть письмо от Я.Г. Дорфмана из Ленинграда. В нём вопросы по науке и согласие участвовать в предстоящей конференции.

Продолжаю ездить в лес на своей машине. У нас стоит прекрасная погода. Набираю много ягод.

Последнее мое письмо перед отпуском – от 20 июля. Вот его текст:

«Вчера получил твоё и Зиночкино письмо от 12 июля. Прежде всего о моём отъезде. Завтра с раннего утра хочу попытать счастья на городской станции аэропорта. Вчера улетел Майкель, он сам достал себе билет. Пришёл в 6 утра и был третий в живой очереди. Я хочу прийти ещё раньше. Может быть, и достану. Как только выяснится ситуация, я дам вам телеграмму».

А вот моё письмо маме и папе уже из Леселидзе: «Уже 3-й день, как я в Леселидзе. Сейчас сижу в садике и пишу вам. Все эти дни стоят ясные и жаркие. Но в садике не жарко, и я в тени лежу на раскладушке, которая здесь мне очень пригодилась».

Дальше я описываю свой перелёт, но, конечно, не так поэтично, как это делает всегда папочка. Полёт был очень интересным. Я сидел у окна и поэтому, имея карту, следил за нашим полётом. Вышли мы к морю у местечка Джугба, это немного севернее Туапсе. В 7 ч. приземлились в Адлере. Меня встречали Люба с детьми и Витя Михеев. Через полчаса на машине были уже в Леселидзе. Познакомился с хозяевами. Михаил Васильевич всех повёл в ресторанчик, где мы распили бутылочку чудного винца. Утром уже познакомился с морем, а после завтрака блаженно лежал на раскладушке и читал «Ивана III». Вчера Танюша и Андрюша с большой компанией свердловчан уехали с экскурсией в Красную Поляну. А завтра с Зиночкой и Любочкой я поеду в Гагры на пропуску.

Бабушка Анна Израилевна 30 июля прислала письмо из Теориок. Восторгается нашей дружной УФАНовской компанией, считает, что редко можно видеть такую дружбу между людьми, связанными работой. От папы пришло уже третье письмо. У них с Надюшей мирно протекает жизнь.

Вот моё письмо от 5 августа с описанием нашего путешествия в Сочи:

«Вчера вечером получили папочкино письмо от 31/VIII. Понравилась ли мамочке с Надей постановка «Живой труп»? У нас тоже погода изменилась – очень часто идут дожди, хотя в промежутках бывает жарко. Второго числа после завтрака мы отправились в путешествие в Сочи. Вышли на шоссе и сели на попутное такси, которое домчало нас до соседнего села Весёлое, где находится железнодорожная станция. От шоссе, куда довезла нас машина, нужно было пройти в сторону ещё метров 300. На станцию мы приехали за час до поезда. Сидели на перроне и наблюдали, как ласточки кормили своих птенчиков. Купили билеты и сели в поезд. Он стоит на станции 2 минуты, а идёт от Батуми до Сочи. Дорога идёт вдоль моря по карнизу, есть несколько туннелей. Расстояние до Сочи небольшое, всего 34 км, но ехали мы медленно – целых 2 часа. Приехали в Сочи около 2 часов. Сели на автобус и доехали до центра. Пошли по главной улице. Ехали мы всей семьёй, да ещё к нам присоединились Оля Мочалова и одна из девочек Янус. Зашли по дороге в дом, где жил на даче один Андрюшин товарищ, но он уже уехал домой. Потом зашли подкрепиться в кафе. После сытного обеда двинулись дальше, по направлению к санаторию «Светлана», где столуется Елизавета Козминишна Усова (к которой мы по просьбе мамы и шли), надеялись там её встретить. Мы встретили Елизавету Козминишну, когда она шла после обеда к себе домой. Пошли всей компанией к её

квартире, которая расположена от места встречи очень близко. Елизавета Козминишна через свою хозяйку устроила нам всем пристанище на ночлег. После этого все пошли осматривать город, а я остался, и мы хорошо с ней посидели, вспомнили старые годы, поговорили о Ташкенте. Вечером Елизавета Козминишна должна была идти на концерт в летний театр. В программе была Четвертая симфония Чайковского и арии из его опер в исполнении армянской певицы Гаспарян. Андрей сходил в кассу и купил входные билеты – других не было. Оркестр Ленинградской филармонии под управлением дирижёра Зандерлинга с большим подъёмом сыграл Четвертую симфонию. Во втором отделении начали играть Молдавскую сюиту советского композитора Пейко. Но тут начался дождь – театр открытый. Публика жаждала послушать певицу и стала кричать, чтобы вместо сюиты вышла певица, показав этим “высоту” своей культуры. Дирижёр исполнил две части сюиты и на этом закончил. Вышла певица. Пела избытые арии колоратурного сопрано, да ещё на армянском языке. Было довольно скучно, а публика бесновалась. После концерта мы с Андреем зашли закусить в молочную. Елизавета Козминишна всем очень понравилась.

С утра 3-го был дождь, но часам к 8 он прошёл. Е.К. должна была ехать на ванну в Мацесту. А мы все отправились в город. Зашли на базар, купили немного фруктов. Посмотрели сочинский порт.

Михаил Васильевич с дочкой завтра улетает в Свердловск. Сегодня приехал в Сочи на пароходе Яша Шур. Люба с Таней и Андрюшей собираются числа 21-го выезжать поездом через Москву, где задержатся дня на два-три. Зиночка полетит с Янусами числа 26-го. А я останусь здесь ещё примерно до 5 сентября. Собираемся на днях съездить на озеро Рица. Сейчас только что вернулся с пляжа. Прошёл небольшой дождик. А вот и засветило жаркое южное солнце. Сегодня обед опаздывает из-за “торжественных” проводов Михаила Васильевича – будет поросёночек.

БОЛЕЗНЬ

Настал 1952 г. – это год моей болезни и знакомства с Курпатами. Но об этом несколько позже, а сейчас обращаюсь к эпистолярному архиву. Первое письмо от Анны Израилевны из Красноармейска от 25 января. Конечно, ей очень тоскливо там.

Она скучает и по москвичам, и по свердловчанам. Интересно, как наши квартирные дела. Второе письмо уже от 20 февраля. У них ещё весной не пахнет – стоят крепкие морозы.

Я должен был показаться московским врачам, и Любочка умоляет, чтобы я это сделал скорее и был бы полностью информирован о состоянии своего здоровья. Купила мне книгу Гомбаша. Пишет, что от меня пришла телеграмма о благополучном прибытии в Москву.

У наших большая радость: Андрюша и его товарищ Лёня Суворов получили по окончании школы золотые медали. Лёва Сироткин получил серебро. Вообще медалей мало – две золотые и четыре серебряные. Об этой радости посланы телеграммы мне и бабушке. Я собираюсь лечь в академическую больницу. Открытка Любы о том, что приехал из Челябинска очень милый юноша – Моисей Соломонович Свирский, которого она направила ввиду моего отсутствия к Кириллу Власову. Тогда и началась моя дружба с М.С. Свирским, которая продолжается до сегодняшнего дня. Люба пишет, что написала Сее письмо, где просила опекать меня в больнице. Решили не «спрыскивать» Андрюшину медаль, пока не узнают о моих делах. Мне советуют ехать в Крым или Среднюю Азию, чтобы лечить почки. Люба спрашивает меня, что я предпochту? В письме от 13 июля она пишет, что получили весточку от Сеи, где он сообщает, что я пробуду в больнице ещё недели две-три.

А вот текст моей телеграммы от 31 июля 1952 года: «Было подозрение аппендицит положили исследование Склифософскому Диагноз отрицательный днями вернусь стационар Воздержитесь писать Большево Серёжа».

В академической больнице мне не повезло с лечащим врачом Цецилией. Спихнула меня без всякой проверки к Скли-

На ноябрьской демонстрации
(1950 (1951?) г.)

фософскому в ужасную обстановку и даже не узнала, как меня устроили. Помню, как я некоторое время лежал рядом с операционной, где раздавались крики оперируемых. Потом меня положили в послеоперационную. У меня был кровавый понос, а мне приносили обычную пищу со свежим мягким хлебом. Никто меня не смотрел. Еле-еле через санитарку связался с Сеей и просил его срочно навестить меня и принести диетическую пищу. В общем, ужас, что было, мог свободно загнуться, а Цецилия и носу не кажет. Сея был мой спаситель.

2 августа Люба получила мою телеграмму, в страшном волнении не знала, что ей делать? Она имела уже письмо Сеи, в котором он описал все «прелести» моего пребывания у Склифософского. В письме от 4 августа Люба спрашивает, попал ли я после возвращения от Склифософского в ту же палату и лежит ли ещё там Герасимов, с которым мы так подружились. Дальше письма от 7-го почти каждый день до 12-го. А вот 16-го Люба жалуется, что от меня нет писем и она не знает, как прошло моё устройство в Курпатах. Жалуется на плохую погоду в Зеленогорске. Радует, что Герасимова подлечили. А мне настоятельно советует продлить путёвку в Курпатах. Люба обиделась на меня, что я ничего не ответил на её предложение поехать в Сарану. Считает, что я отвык от неё. Ужасается, что у меня маленький вес, и требует, чтобы я не смел возвращаться без 68 килограммов. Билеты на обратный путь они начинают доставать через родственника бабушки Исю.

Расставание с бабушкой было очень грустное. Она плакала. 24 августа письмо уже с дороги. И есть письмо бабушки от 27 июля, где она тоскует о всех нас. Люба беспокоится о моей служебной нагрузке и настаивает на моем отказе от зам. директорства. У Яши Шура что-то неважно с сердцем, ему рекомендуют поехать в Кисловодск.

28 июля Люба была на выпускном вечере всех свердловских школ: это была прелесть. Больше тысячи счастливых, сияющих юношей и девушек, нарядных, взволнованных! Выпускной вечер в школе у Андрюшки прошёл очень хорошо. Андрюшка принят на химфак в университет.

Мой эпистолярный архив 1953 г. почему-то оказался довольно жиденьким. Первое моё письмо из Ленинграда от 30 января. Приведу его здесь:

«Дорогой мой, любимый папулька! Давно уже хочу ответить на твоё доброе письмецо, но эти дни я был очень занят. Вчера кончилось совещание. Прошло оно хорошо.

Но у меня ещё очень много служебных дел осталось. Я ещё 25-го был у Тамары Александровны. Увиделся и с Елизаветой Григорьевной. Они просили передать тебе большой привет. Это был Татьянин день. Тамара Александровна угостила меня чудным пирогом и кренделем. Елизавета Григорьевна была больна, сейчас она уже поправилась, но ещё лежит в постели. Я отнёс им коробочку шоколадных конфет. Посидел у них хорошо вечером. Вспоминали с Елизаветой Григорьевной старину. Отнес также в подарок Тамаре Александровне мою книгу. В понедельник у меня будет доклад в институте, где теперь директором Антон Пантелеймонович. 3-го будет собрание, посвященное памяти Якова Ильича Френкеля, на которое я обязательно пойду. В театр я пока никуда не ходил, все вечера были заняты. Папочка, как ты себя чувствуешь? Я обязательно найду к Людмиле Владимировне и к Эмилии Николаевне. Погода в Ленинграде стоит с легкими морозцами, это и лучше, так как нет сырости. Крепко тебя целую и обнимаю. Привет всем. Надюшу поцелуй, если она ещё не уехала. Твой Серёжа».

В письме от 14 августа папа пишет, что мама после нескольких неудач связалась по телефону с Беляевым в Москве, и он сказал, что мне надо быть в Москве не позже 20-го числа. Об этом мне дали телеграмму. Папа, по-видимому, на несколько дней ездил в Белоярку.

От мамочки есть письмо от 30 августа из Алма-Аты. Она гостит там у Екатерины Ивановны Фёдоровой. Мама описывает свой полёт до Алма-Аты, который прошёл вполне благополучно.

Папа пишет, что виноват передо мной за задержку с письмом. Он увлекся чтением Тургенева. Ждёт описания моего путешествия до Курпат, куда Беляев достал мне путёвку. Папа очень рад, что я начал свой отдых в Курпатах, где мне приятно и уже всё знакомо по прошлому году. У меня даже прежняя компания из прошлогодних знакомых обитателей санатория.

Дом наш на Шейнкмана всё еще в лесах. Идет покраска, и поэтому окна все заляпаны брызгами от краски.

Есть письмо от бабушки Анны Израилевны от 3 декабря, в котором она благодарит за поздравительную телеграмму из Свердловска в связи с благополучным окончанием её гулаговских дел. Такие же телеграммы она получила из Москвы, Ленинграда и Пятигорска.

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АН СССР

Прежде всего о самом главном в моей научной жизни событии 1953 г. – избрании меня членом-корреспондентом Академии наук СССР. Вот документ об этом важнейшем событии – выписка из постановления общего собрания Академии наук Союза ССР от 23 октября 1953 г.:

1) Об утверждении произведённых Отделением физико-математических наук выборов членов-корреспондентов Академии наук СССР. Общее Собрание Академии наук СССР постановляет утвердить произведённые Отделением физико-математических наук выборы нижеследующих членов-корреспондентов Академии наук СССР:

Физика

ВОНСОВСКИЙ Сергей Васильевич

Президент Академии наук СССР академик А.Н. Несмеянов
Главный учёный секретарь президиума АН СССР академик А.В. Топчиев.

А это удостоверение члена-корреспондента АН СССР С.В. Вонсовского:

От главного редактора журнала «Природа» академика О.Ю. Шмидта поступил заказ на статью члену-корреспонденту АН СССР С.В. Вонсовскому:

«Глубокоуважаемый Сергей Васильевич!

Сердечно поздравляю Вас с избранием в члены-корреспонденты Академии наук СССР.

Как главному редактору журнала Академии наук СССР «Природа» мне хотелось бы надеяться, что Вы примете активное участие в работе журнала. Весьма желательно было бы получить от Вас в ближайшее время статью о достижениях разрабатываемой Вами области науки, с которой в целях популяризации Вы сочтёте необходимым ознакомить читателей нашего журнала. Буду благодарен, если Вы сообщите редакции о своём согласии, а также укажете тему статьи и возможный срок её представления. О. Шмидт.

19 ноября 1953 г.»

К моему стыду, статья в «Природе» была послана и опубликована только через 10 лет (в № 2 за 1963 г.).

В газете «Уральский рабочий» за 29 октября 1953 г. появилась статья об избрании уральских учёных А.А. Иванова, Г.И. Чуфарова и меня членами-корреспондентами АН СССР. Такая же статья была в газете «Сталинец».

В архиве сохранились пригласительный билет на октябрьскую сессию АН СССР 22–26 октября 1953 г. и приглашение от президента АН академика А.Н. Несмеянова на товарищескую встречу с вновь избранными членами Академии в ресторан «Метрополь» 28 октября. Я очень хорошо помню эту приятную встречу. Там я хорошо беседовал с Игорем Евгениевичем Таммом, впервые увидел не мельком Андрея Сахарова.

В архиве хранится также свыше сотни телеграмм, фототелеграмм и писем от друзей, коллег и даже незнакомых людей с сердечными поздравлениями. Есть правительственная телеграмма от Несмеянова и Топчиева с приглашением на упомянутую выше встречу в Москве.

Однако самыми дорогими письмами по поводу моего избрания членом-корреспондентом были письма от самых родных и близких для меня людей – папы, Любочки и всех троих ребят. Я приведу их здесь полностью.

Начну с самого большого папиного письма:

«Милый мой, хороший Серёженька, известие о твоём блестящем успехе привело мне на память разговор с Кузьмой Петровичем. Он как-то мне сказал, что очень счастлив, что будет работать под Твоим руководством. Обычно, говорил он, бывает так, что отличный учёный в то же

время является далеко не отличным человеком, и наоборот, хороший человек является плохим учёным. Только в Сергее Васильевиче сочетаются прекрасные душевные качества благородного отзывчивого человека со светлым, ясным умом большого учёного. Вот, мой дорогой Серёженька, эти твои качества, твоя скромность завоевали Тебе расположение тех, кто единогласно подали за Твоё избрание. Это же, славный мой Серёженька, заставило почтенного, теперь, к сожалению, уже умершего, Френкеля с риском для себя по стульям пробраться к Тебе на вечер, чтоб расцеловать Тебя. И получив это высокое звание, любимый мой Серёженька, оставайся тем же простым, милым и скромным Серёжей, и успехи Твои будут расти и множиться. Поздравляю Тебя, дорогой мой Серёженька, крепко Тебя целую и благословляю на всё доброе. Мы с Мамочкой вполне можем гордиться своим сыном. Ей я послал письмо с этим радостным известием. Всех благ, славный мой сынок! Любящий Тебя Твой старый отец В.В. 21/X 53 г.»

Теперь от Любочки:

«Родной, любимый, умница мой! Поздравляю тебя с огромным доверием, которое оказали тебе лучшие учёные нашей страны. Я не сомневаюсь, что ты оправдаешь это доверие и много пользы принесешь Родине и науке. Моё горячее желание всю мою жизнь или, по крайней мере, пока ты этого захочешь, помогать тебе, быть тебе полезной в твоей работе, во всём том хорошем, что ты задумаешь и совершишь. Постараюсь быть достойной тебя. Горжусь тобой. Твоя Люба».

Письмо от любимой дочурочки Зикושечки:

«Это число, 21 октября 1953 года, войдёт в историю нашего семейства. Дорогой наш Бадинька стал членом-корреспондентом Академии наук, и не какой-нибудь там Украинской (!) (цитата – слова мамы). Как только ты отзвонил, маму начала «распирать тайна» – кому бы сказать. Как назло, Шуряков не было дома, Лидии Михайловны тоже. Мама позвонила Киконым. И что бы ты думал, о чём начался разговор? Где мама возьмет тарелки для пиршества? В общем, Бадинька, всё очень хорошо. Поздравляю тебя очень, очень поздравляю и крепко тебя целую. Твоя Зина.

P.S. Ты после Крыма жаловался, что мы не пишем, так вот, пришел случай.

P.S.S. Но шутки шутками, а мы все, Бадинька, от души, горячо тебя поздравляем и все гордимся тобой. Здесь ты ещё больше пользы принесёшь нашей Родине, здесь ты на своём месте. Желаю тебе, Бадинька, работать долго и плодотворно. Ещё раз целую тебя крепко. Зина».

Письмо Танюши:

«Дорогой, милый наш Бадинька! Поздравляю тебя от всей души. Я всегда была уверена, что ты достоин самого высокого звания, которое только есть у нас, и потому не сомневалась в успехе выборов. Бадинька! Ты был и всегда будешь для всех нас образцом самозабвенного служения науке, и я даю тебе честное слово, что сделаю всё возможное, чтобы быть достойной тебя. Целую тебя крепко, крепко и очень рада за тебя. Таня.

P.S. Бедный старичок Аркадьев, мне его больше всех жалко».

И письмо Андрюшки:

«Дорогой Бадика. Только что узнал, что твоё избрание блестяще состоялось. От всей души поздравляю тебя, горжусь тобой. Желаю тебе всевозможных успехов. Желаю, чтобы в скором времени, ещё до окончания университета, поздравить тебя со званием академика. Андрей . 21/X–53 г.»

С 1 сентября 1951 г. по 30 июня 1953 г. я исправно учился и окончил вечерний университет марксизма-ленинизма при Свердловском горкоме КПСС. Вот текст свидетельства об окончании этого университета:

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 413

Тов. ВОНСОВСКИЙ Сергей Васильевич окончил двухгодичный вечерний Университет марксизма-ленинизма при Свердловском Горкоме КПСС. За время учёбы в университете с 1 сентября 1951 г. по 30 июня 1953 г. тов. ВОНСОВСКИЙ С.В. прослушал курс лекций и сдал экзамены по следующим дисциплинам: История КПСС – Отлично, Политическая экономия – Отлично, Диалектический и исторический материализм – Отлично. Тов. ВОНСОВСКИЙ С.В. прослушал курс лекций по дисциплинам: История народов СССР. Внешняя политика СССР и современные международные отношения.

Директор вечернего Университета марксизма-ленинизма – Трапезникова
Заведующая отделением – Ошанина.

Печать 20 августа 1953 г.

1954 год памятен нашим большим автомобильным путешествием в Курпаты. Но об этом несколько позже, а сейчас остановлюсь на тех событиях, которые были в начале года.

Писем за январь не сохранилось, и первое письмо от папочки мне в Москву от 4 февраля. Папа просит меня отправить посылкой очень нужное ему лекарство, так как тот человек, который согласился его привезти в Свердловск, задерживается в Москве. Но в открыточке от 6 февраля он сообщает, что лекарство получено и мне не надо хлопотать с его отправкой.

От 8 февраля 1954 г. есть письмо из Москвы от М.Н. Михеева. В нём он пишет, что был у И.П. Бардина и хлопотал о восстановлении лаборатории М.М. Носкова, которую закрыли свердловские партийные органы, но пока эти хлопоты не увенчались успехом.

Президиум АН СССР в своём постановлении № 139 от 2 апреля 1954 г. утвердил меня членом комиссии АН СССР по полупроводникам.

Очень интересное моё письмо из Харькова от 1 июля 1954 г. Я приведу его.

«Вот я уже четвертый день в Харькове. 29-го с утра занимался приготовлением к совещанию. Встретили меня здесь очень хорошо. Живу я в прекрасном номере гостиницы “Харьков” в центре города. Совещание начнется сегодня в 6 часов вечера. Первый доклад мой. Конечно, сейчас я волнуясь. Вчера видел незабываемое зрелище – полное солнечное затмение. Ездил с семьёй Бориса Георгиевича Лазарева (это украинский академик, до 1937 г. работал в нашем институте, он организатор нашего совещания вместе со мной). Затмение мы смотрели вблизи городка Новомосковска. Это в 200 км к югу от Харькова. Зрелище поистине величественное. Было необычайное освещение, видна была корона, протуберанцы, звёзды, круговая заря на фоне грозового неба. Всё это запомнится на всю жизнь. Недаром эти события так запоминались в истории человечества. Правда, Лев Давыдович Ландау говорит, что с точки зрения математики в этом нет ничего особенного. Ибо математическое неравенство: “Зад” < “Солнца” вполне очевидно... Дорогие мои, о поездке на машине задумал я сам. Люба меня долго уговаривала не ехать. И согласна только, если со мной поедет врач Лидия Михайловна Проталинская, чтобы не давать мне увлекаться. Вот сюда в Харьков из Москвы приехали на своих машинах почти все профессора. А они по здоровью в большинстве случаев вроде или даже хуже меня. Такая поездка – одно наслаждение. Я ведь не собираюсь гнать, а поеду медленно с регулярными остановками. Возьму с собой раскладушку, буду спать и днём. Для разрядки после трудного года по научной работе и особенно после всех моих личных переживаний – это лучшее лекарство для нервов. Я люблю езду на машине, она меня не тяготит и не утомляет. Кстати, доктор Богданов знает о моём желании поехать в дальнее путешествие на машине и завидует мне. Проехав вчера с Лазаревыми по Симферопольскому шоссе в Новомосковск, я ещё больше хочу ехать. Игорь Васильевич Беляев (он просил передать привет мамочке и спрашивал об её здоровье) мне твёрдо обещает путёвку в Курпаты, по приезду в которые я буду полностью отдыхать без всяких поездок. Поэтому Вы не должны

беспокоиться о том, что я не забочусь о своих почках. Спокойная езда летом, да ещё таким тёплым, как в этом году, для моих почек не страшна. Дорогой мой, любимый папулька, я очень благодарю тебя за твоё письмо, за твоё искреннее волнение. Но в данном случае оно, к счастью, напрасно. От этого путешествия я ожидаю получить прекрасный отдых для нервов и силы на будущий рабочий год. То, что со мной едут Люба и Лидия Михайловна, избавит меня от всех хозяйственных забот в путешествии и обеспечит меня нормальным питанием и отдыхом в пути. До окончания школы и поступления в университет Танюши этот план был очень под вопросом, и поэтому я не говорил о нём с вами. Хотел всё рассказать по приезду из Харькова. Крепко целую вас, мои дорогие, ненаглядные мамочка и папочка. Знаю, что вы полны ко мне любовью и заботами. Мучаюсь тем, что не сумел создать вам спокойной и радостной старости, которую вы давно заслужили своей трудовой жизнью с малых лет. Ещё раз целую и обнимаю вас, мои дорогие и любимые. Ваш Серёжа».

ПУТЕШЕСТВИЕ «ПРЕДВОДИТЕЛЯ» «ПОБЕДЫ»

С детства мама и папа привили мне любовь к путешествиям, к перемене мест. Несмотря на некоторое нарушение в хронологии событий, прежде всего я хочу привести весь маршрут нашего пути от Свердловска до Симферополя. Ранее до Перми он был составлен профессором Диевым из УФАНа, потом дополнен мной, а после Перми он обозначился уже только на основе нашего путешествия.

СВЕРДЛОВСК – выезжаем по Московскому шоссе – Первоуральск – ПЕРМЬ (386 км, через центр – 400 км) – Югокамск (53 км от Перми) – Устодда – Дебассы (райцентр, 189 км от Перми).

Два варианта дороги на Казань:

1. Через Ижевск – Якшурбадья (райцентр, 336 км от Перми) – Ижевск (376 км от Перми) – Можга (410 км от Перми, очень плохая дорога) – Елабуга – Мамадыш – КАЗАНЬ (при въезде в город – мойка для машин). Далее переправа через Волгу, рядом железнодорожный мост – Цивильск (43 км от Волги) – ЧЕБОКСАРЫ – столица Чувашии.

2. От Игры: деревни Нижний Зятун – Узинская – Шаклеж – Колесур – Нырья – Потгурт – г. Сельты – после д. Какси переправа через р. Вала – Малмыж (завод им. Калинина) – Арск (60 км от Казани) – **КАЗАНЬ**.

Далее Зелёный Дол (граница Татарской и Чувашской республик после Волги) – Цивильск (авторемонтная база) – Ядрин (перед городом мост через р. Суру) – Арка (граница Чувашии, около 90 км от Чебоксар) – Воротынец – Лысково – Сундовки (райцентр) – **НИЖНИЙ НОВГОРОД** (крутой подъём с поворотом при въезде в город, станция по обслуживанию и ремонту автомашин на выезде, до Москвы асфальт).

Далее Гороховец (70 км от Н. Новгорода) – Вязники – **ВЛАДИМИР** (225 км от Н. Новгорода и 159 км от Москвы, через кремль, мост через р. Воркшу).

Петушки – Покров – Ногинск (28 км от Москвы, поворот на Обухово для прямого проезда на Клязьму) – **МОСКВА** (до Симферополя 1388 км по асфальту).

Подольск (мост через р. Пахру) – Климовск – Серпухов (мост через р. Оку) – **ТУЛА** (до Орла 172 км, до Мценска 130 км).

Косогорский завод (15 км от Тулы, поворот на Ясную Поляну к Л.Н. Толстому) – Плавск – Мценск (47 км от Орла, при въезде гостиница) – **ОРЁЛ** (музей И.С. Тургенева).

Фатеж – **КУРСК** (до Харькова 205 км, мост через р. Сейм).

Обоянь – **БЕЛГОРОД** (68 км до Харькова).

Граница между Россией и Украиной – **ХАРЬКОВ**.

Мерефа (160 км до Новомосковска) – Красноград – Прещёпино (райцентр) – Новомосковск (от Харькова 182 км, от Краснограда – 84 км) – **ДНЕПРОПЕТРОВСК**.

По ул. Артёма едем на Запорожье – переезд по плотине ДнепроГэса – **ЗАПОРОЖЬЕ**.

МЕЛИТОПОЛЬ (107 км от Запорожья и 244 км до Симферополя. Если ехать по автостраде, то плотина и Запорожье остаются в стороне) – Сиваш (море с обеих сторон автострады. Мост через Чонгорский пролив) – Джанкой (127 км от Мелитополя) – **СИМФЕРОПОЛЬ**.

Алушта (50 км от Симферополя) – Ялта (90 км от Симферополя). Из Ялты выехали обратно через Ай-Петри на Бахчисарай. Ехали по дороге на Севастополь. Около Ливадии поворот направо на Ай-Петри. Турбаза на высоте 1185 метров над уровнем моря. После Ай-Петри гора Орлиный взлёт. С. Соколино – турбаза. Пещерный город Макбут-Кале – Бахчисарай – пещерный город Чуфут-Кале и Теке-Кермен. И Симферополь.

Израсходовано бензина на 2300 руб. ремонт, смазка и прочие расходы на машину – 1000 руб. Итого в оба конца 3300 руб. На 1 км – 40 коп. Проехали 8000 км. Смазывали машину 9 раз. Дорогой израсходовали 25 литров автола и банку солидола.

Переходим к описанию нашего путешествия, автором которого является Любочка.

Письма с пути и бортовой журнал торпеды СЕЛЮЛИ

[СЕ – С.В. Вонсовский (предВОДИТЕЛЬ),

ЛЮ – Л.А. Шубина (бортедик, спец- и фотокор),

ЛИ – Л.М. Проталинская (бортмедик и борткоок)]

Свердловск, 1954

Свердловск, 24 июля 1954 г.

Дорогие мои девоньки! Дел масса, поэтому решила отложить все дела и сесть за письмо, иначе потом не выберусь. Итак, завтра отбываем, если сегодня не случится ничего непредвиденного. В квартире хаос, вам знакомый. Много уже уложено, многое ещё в списках. У Л.М., конечно, ничего ещё не готово. Вообще, хоть над нашими длинными списками все и посмеиваются, но в смысле организации мы на высоте. Мы получили туристическую карту, где мы значимся группой путешественников, изучающих своё социалистическое отечество. Начальник «трам-тарарат» (все титулы) СВ². Так что с диктатора меня низложили. Правда, Рудольф Иванович Янус утверждает, что мне удастся восстановить свои права. Вообще, настроение неплохое. Сегодня пошлём вам телеграмму (дальше дела семейные – С.В.). Вот, девоньки, и все дела. Буду продолжать укладываться. Вещей так много, что Бадишке, вероятно, придётся ехать без пассажиров. Всех целую крепко. До скорого свидания. Мама.

Лес, 179 км от Свердловска, 25 июля 1954 г., 3 часа дня.

Дорогие мои девчонки, дорогая бабушка! Привет вам от путешественников. Итак, наше путешествие началось, и хоть мы и не так далеко отъехали, но считаем, что пока оно идёт великолепно. Вчера, конечно, возились и сутились до поздней ночи... Однако около 12 уже улеглись. Будильник поставили на 4 часа, встали, разбудили Л.М. и сразу принялись за укладку вещей. Было чудесное, прохладное, ясное утро. Выяснилось, что вещей такая уйма, что хоть пассажиров выселяй. Входят или вещи, или люди. Посадка затянулась, но с Бадикиной гениальностью, путём нескольких тяжёлых жертв (отказались от гамака и ведра) всё, наконец, было уложено, причём людям сидеть довольно удобно. Старички в это время приготовили нам кофе, мы все попили, распрощались, и путешествие началось. Провожала нас старость и юность: Василий Семёнович и Софья Ивановна – Аллочка и Сталечка. В 5 ч. 55 м. был дан старт. Первые 2 часа ехали без остановки, потом свернули в лес и с большим аппетитом позавтракали. Наш бортмедик,

она же и борткок, напекла роскошные расстегаи с рыбой. Серёжа назвал меня «бортедик» и страшно доволен своей остротой. Вскоре после привала на очень живописной вершине у нас спустило колесо. Быстро его заменили, причём мы с Л.М. делали вид, что очень помогли. Полубовались в бинокль чудесным видом и тронулись дальше. Солнышко уже изрядно припекало, но в машине ехать прохладно. Виды чудесные. Всё время подъёмы и спуски, дорога обсажена берёзами, говорят, ещё при Екатерине, леса богатейшие. На гору Кленовую, на которую в первую автопоездку в Пермь с такими приключениями заезжали, на этот раз забрались благополучно. Там тоже посмотрели в бинокль, сфотографировали, напали на малинник, поели малинки и поехали дальше. Не хватает моего пера, чтобы описать вам наше наслаждение от начала нашего путешествия. Отдыхали у холодного, прозрачного, быстрого ручья, помылись. Долго искали места для длительного дневного привала, наконец, нашли: высоко, и тень, и ветерок, и ничего не кусает. Пособирали землянику, поспали, поели и собираемся ехать дальше. Происшествий больше не было, если не считать, что мне под платье влетела пчела и дважды меня укусила. Бадика пока совершенно добродушный. Если удастся сделать, как мы предполагали, то сегодня надо проехать ещё столько же: на даче под Пермью живёт проф. Шапошников, который недавно у нас гостил. Он приглашал у него ночевать. Но пока мы ничего не загадываем. На этом пока заканчиваю свой репортаж. Экипаж кланяется. Целую вас всех крепко.

Деревня Лобаново, 26 июля 1954 г., 10 часов утра.

Дорогие девоньки, бабушка, Аня и Володя! Продолжаю своё описание путешествия. Вторая половина дня пошла тяжелее первой. Мы выехали с нашей дневной стоянки в 4 часа, я даже ушла раньше и немного прошла вперёд. Было очень жарко, даже в машине не было прохлады. Мы несколько раз останавливались, то любовались прекрасным видом, то мылись в чудесной чистой речке, типа Псоу, ещё один раз отдыхали 40 минут в лесу, где была масса земляники. Были две непредвиденные задержки. В одной деревне на мосту застрял трактор с сеноворошилкой. Стояли с полчаса, мы с Л.М. сидели на лавочке, а Бадинька помогал с большим азартом. Вся его фигура при этом (в красной ковбойке) выражала любопытство деревенского мальчишки. Потом, не доезжая 30 км до цели, уже вечером тоже в центре деревни у нас спустило колесо (влез гвоздь). Нашёлся, к счастью, шофёр, который охотно помог нам и дал Бадике ряд практических советов по перебортовке колеса. Из-за всех этих задержек мы были в Лобаново у Шапошниковых только в 10 ч. 30 м. Большая неприятность нашего путешествия, и это будет до Горького, если не пойдут дожди (от чего избави Боже), что очень пыльно. Все наши вещи и мы «в том числе» невероятно пропылились. Прием нам оказали великолепный. Мать жены Шапошникова – председатель сельсовета, умная, энергичная женщина. Жена же, милая женщина, врач, у них двое малых детей – мальчики Гриша (как Володя) и малыш Мишка (возраста трех месяцев). Был

роскошный ужин с шампанским. Хорошо помылись, выспались. Бадика чудесно спал на сеновале. Сегодня собралось было уже ехать в Пермь (20 км), вдруг что-то испортилось в машине. Бадика долго возился сам, но потом на здешней автобазе нам всё очень любезно сделали. Итак, сейчас мы завтраимся (уже готовят обильный завтрак) и уезжаем. Уже торопят. Вчера мы проехали 380 км.

Продолжаю в Перми. Доехали этот кусочек очень хорошо. Расположились у Родионовых, но увы! Бадику затянули к себе местные геофизики. Мы с Л.М. вымылись и отдыхаем, а Бадики всё нет. Уже 3 часа дня. Наконец-то он пришёл, а также и Иван Григорьевич Шапошников, и мы отправляемся на Каму и в город. Продолжение в след. письме. Целую всех крепко, привет от всех путешественников. Мама.

Большая Соснова, 27 июля 1954 г., 100 км от Перми, 4 часа дня.

Дорогие мои девоньки и бабушка! Вы уже видите из надписи, что для 4 часов мы что-то больно близко от Перми. У нас произошла непредвиденная задержка, что неизбежно в каждом большом путешествии. Случилась довольно большая поломка машины – продырявился бензиновый бак. Обнаружили мы это случайно, когда остановились на очаровательной вершинке полюбоваться видом. Бадика предпринял героические меры, чтобы остановить течь. Около часу они лежали с Л.М. под машиной. Л.М. зажимала пальцем дыру, как зажимают перерезанную артерию при операции, а Бадика пробовал все возможные затычки: мылом, хлебом, масляной краской. Всё это я им поставляла. Под машину не лезла по двум причинам: 1) не вместились бы и 2) из-за злополучного колена. Несмотря на трагизм положения, я всё же потихоньку сфотографировала их. Наконец, сделали затычку из сучка, обернутого тряпкой, и бензин перестал лить струёй, а только капал. Во всяком несчастье должно быть своё счастье. Мы оказались в трёх километрах от огромной МТС, куда и заехали. К нам отнеслись очень сочувственно, и вот мы здесь. Бадика с мастерами снимает бак, а мы с Л.М. улеглись под ёлочкой отдохнуть. С начала аварии прошло уже 4 часа. Когда всё исправят – неизвестно, лишь бы хорошо сделали. Это большой районный центр, здесь есть дом приезжих, можно и заночевать. В общем, не очень нам повезло для начала, но мы не унываем.

Опишу вам вчерашний день. В четвёртом часу мы с Шапошниковым пошли обедать, причём обедали долго и плохо (мне попала тухлая баранина, причём этот факт признала даже администрация столовой). Одно развлечение – это встретили там артистку оперетты Емельянову. Наша музыкальная комедия в Перми сейчас гастролирует. Оттуда прошли на почту, отправили вам телеграмму и убедились, что нам ни от кого писем нет. С почты пошли на набережную, сели в речной трамвайчик и совершили восхитительную прогулку по Каме. Мы доехали до новой плотины, но близко не пускали, так как там работают заключённые. Плотины видели издали, видели, как бурлит под ней вода, как пароход входит в шлюз. Дома мы были в 10 часов вечера крайне усталые, но

очень довольные. Быстро поужинали, наполнили термосы и улеглись. Встали в 5 часов по будильнику. Дождь льёт, как из ведра, а накануне нас мучила жара. Достали соответствующую обувь и одежду, собрали вещи и в 6 часов утра выехали. Дождик утихал. Сначала проехали скучными окраинами и пригородами Перми, потом пошли виды один лучше другого. Леса бесподобные. Я ничего подобного ранее не видела. Дождик перестал, не было пыли, но не было и луж. Часа через полтора подъехали в переправе через Каму. Было холодно, надели пальто и платки. Через полчаса подошёл огромный паром. С трепетом душевным поставили на него машину. К счастью, ещё был только один грузовик, так что было очень просторно (паром рассчитан на 10 машин). Полчаса длилась сама переправа. Было очень приятно. Вскоре выбрали чудесное место для привала. Выглянуло солнышко, но жарко не было. И мы остановились на лугу на солнышке. До этого на проезжем базарчике купили ягод. Отменно позавтракали. Было уже 9 ч. 30 м., Бадика поспал, а мы с Л.М. погуляли, пособирали васильки. Около 11 часов двинулись дальше совершенно довольные. И ... вот вам результат. Сейчас уже 6 часов вечера. Бак был снят, запаян, и сейчас его устанавливают на место. Бадика грязен, как тысяча чертей. Мы очень голодны. Думаю, что дальше мы сейчас никуда не поедим, но как скажет «предводитель», т. е. водитель. Пока он в таком диком азарте, что нет смысла об этом говорить. На этом наш репортаж заканчивается. Крепко вас всех целую. Мама.

28 июля 1954 г., 2 часа дня. Случайная остановка в с. Сельты.

Л.М. пошла покупать молоко для дневного привала, Бадика с азартом вылизывает машину, а я решила продолжить репортаж. Едем дальше, купили топленое молоко и картошку. Продолжаю в 7 ч. 30 м. вечера. За сегодняшний день проделан 251 км. Пользуюсь маленькой остановкой, чтобы продолжить письмо. Опустить его не удастся, наверное, и сегодня, так как на пути от Перми до Казани нет ни одного порядочного города, а опускать в деревнях не хочется. Вчера, слава Богу, благополучно починили машину, но ехать дальше было уже поздно, да и пошёл сильный дождь. Мы были страшно голодны, да и отмыть Бадика было не шуточное дело. Поэтому мы решили заночевать в этом селе в Доме приезжих (не учёных!). Туда только что прибыла группа артистов из Перми и захватила самые лучшие комнаты. Оставалась общая комната для лиц обоего пола, довольно неудобная, без заповор. После некоторого нажима удалось достать маленькую комнату дежурной, где мы решили расположить Л.М. Бадика решил спать в машине, а я на раскладушке за машиной, благо она стояла во дворе под навесом (где было много навозу). Организовали мойку «предводителя», потом удалось уговорить парикмахершу, которая уже закончила свою работу, его побрить, и он приобрел человеческий вид. Эта же парикмахерша оставила нам керогаз, на котором мы сварили картошку и вскипятили чай. Отменно отобедав в номере люкс у Л.М. площадью 3–4 кв. метра, улеглись спать. Так как ночи холодные, я постелила се-

бе четыре одеяла (своё + три казённых), два платка, и все мы мгновенно уснули. Ночью мы слышали, что во двор въехала «Победа» и встала рядом с нашей. Сквозь сон мы слышали, что пассажиры этой «Победы» интересовались нами. Встали в 5 часов утра. Бадика уверяет, что ему в машине было очень удобно спать (только немного коротковато). Дежурная рассказала нам, что приехавшие ночью интересовались нашей фамилией. Посмотрели номер их машины и увидели, что машина из Свердловской области. Мы не выдержали и разбудили их, благо они спали в общей комнате и сами уже просыпались. И тут оказалось, что женщина из этой машины – хорошая знакомая Л.М., они вместе работали всю войну. Вот уж поистине мир тесен. Они ездили в Киев и сейчас возвращаются. Весь маршрут туда и обратно проделали за три недели. Едет с ними дочка взрослая и девочка 4 лет. Мы взаимно обрадовались этой встрече, как земляки на чужбине. Они очень довольны путешествием, объездили все гоголевские места. Дали нам указания относительно самого трудного участка пути на полпути к Казани. Мы распрощались и уехали. Дорога была приличная, виды прекрасные. Леса дремучие, таёжные. По дороге опять встретили машину из Свердловской области, но не остановили её. Проехали часа два и начали думать о завтраке. Л.М. пошла поискать, нет ли молока и яиц, и получила приглашение к самовару от одной старой вотячки. Мы ведь едем по Удмуртской АССР. Это было в деревне Зура. Сварила она нам яйца, нарвала огурцов. Посидели, позавтракали, сфотографировались вместе с ней, причём она долго принаряжалась, и покатили дальше. Через час сделали привал в лесу, так как смертельно хотели спать, и мгновенно уснули как убитые. Без особых интересных приключений проехали ещё несколько часов. Останавливались на деревенских базарчиках, довольно скудных. Бадика достал красный бензин. В 3 часа сделали большой привал с костром. Варили картошку, жарили гренки. Л.М., как всегда, быстро и изящно накрыла на стол. После обеда отдыхать не рискнули, так как надвигалась большая туча. Увы, она пролилась, но не над нами, а на 20 км впереди, совершенно размочив самый трудный участок нашего пути, которого мы боялись ещё с самого Свердловска. На автомобильной карте этот участок обозначен как непроходимый в

Л.А. Шубина на привале во время путешествия по Южному Уралу (начало 1950-х годов)

распутицу, а наши свердловские встречные знакомые говорили, что два дня там уже лил дождь и их вытаскивали. Подъехав к этому месту, мы, конечно, немедленно сели, забуксовали, занесло нас на 270 градусов и с трудом выбравшись обратно, на сухой участок, решили ждать встречной машины, чтобы она повезла нас на буксире. Подъехал бензовоз. Сейчас он накачивает бензин (это должно занять около часа), Бадика с азартом помогает этому делу, а я пишу вам письмо. Продолжу завтра. Целую всех. Мама.

29 июля 1954 г.

Детоньки, дорогие! Никак не могу отправить вам это письмо, так как продвигаемся удивительно медленно. Опять нам страшно не повезло. Второй раз пробил бак с бензином. Бадика, когда увидел, был просто в отчаянии. Это такая редкая поломка, а у нас она случилась второй раз. Это произошло в 42 км от нашей ночевки и в 3 км от деревни Мелеть. В этом нам опять повезло. Во-первых, имея опыт, Бадика быстро замазал дыру мылом, во-вторых, около Мелети в 2 км от места поломки оказалась автобаза с мастерской. В-третьих, бак сняли очень быстро. Сейчас его унесли паять, а мы все отдыхаем. Отнеслись к нам, как и всюду, прекрасно. Ещё нам повезло, что сегодня прекрасный, ясный, тёплый день. Не знаю, когда доберемся до Казани. Очень надеюсь там иметь от вас весточку. Мы ждали около часа машину с цистерной, солнышко с ветром немного обсушили землю, и нам посоветовали попробовать ещё раз проехать самим. Мы рискнули, при этом Бадика показал высший класс пилотажа. По невероятно грязной, глинистой дороге с глубокими колеями, местами объезжая по траве, он проехал 2 км до моста через реку Вола. Рядом с дорогой проезжали на телеге два мужичка, местные жители, они-то и показали нам объезд по траве без дороги, который мы никогда бы сами не нашли. Переехав отвратительный мост через Волу, около полукилометра ехали опять по скользкой и мерзкой дамбе. Казалось, что мы вот-вот соскользнём с неё в ту или другую сторону. Всё это в сухую погоду было бы пустяком. После дамбы дорога показалась нам более приличной, хотя местами опять попадались глинистые колеи. Наконец, мы прибыли в районный центр Кильмезь, проехав за день 280 км. Там мы заночевали в очень хорошем Доме колхозника. Нам с Л.М. дали отдельную комнату с хорошими постелями, Бадику положили в комнату, где ночевал ещё один человек. Мы сходили в чайную, набрали в термос кипятку, дома поужинали, легли спать и отлично выспались. Сегодня встали, солнце светит, настроение прекрасное. Сели в машину и покатали. Правда, нас очень пугают переправой на пароме через р. Вятка, говорят, что из-за дождей очень труден спуск к парому и подъём от него на другом берегу. В общем, этот участок дороги после дождя очень тяжёл. (В этом варианте пути это оказался самый тяжёлый участок – С.В.). Мы уже подумывали, нельзя ли на обратном пути от Горького до Перми поехать на пароходе. Встретили мы сегодня две «Победы», облепленные грязью. Остановились. Это было в 30 км от Кильмезя. Одна оказалась из

Свердловска, другая – из Челябинска. Первая возвращалась из Москвы, вторая – из Евпатории. От самого Горького они ехали в дождь и очень измучились (принесли запаянный бак!). Но всё же довольны путешествием, хотя в день проезжали иногда только по 40 км («только кустики мелькали», как сказал один из водителей, украинец). Среди пассажиров оказалась женщина врач, почти знакомая Л.М. Очень приятны эти дорожные встречи. Через 12 км, переезжая мостик, снова продырявили бак (Бадика вообразил, что бак был пробит изнутри щупом, служащим для измерения уровня бензина, поэтому в мастерской на аэродроме он был торжественно «обрезан!»). Из других происшествий, о которых забыла вам написать, интересно, что при отъезде из МТС в Большой Соснове Бадика переехал чемодан Л.М., но, слава Богу, только порвал чехол. Видели мы в лесах зверюшек – зайца и бурундука, но, конечно, в таких лесах есть и крупный зверь. В общем, было бы лучше, если бы ряда происшествий не было, но мы бодры, не унываем, ни секунды не жалеем, что затеяли эту поездку. Всех крепко целуем. До скорого свидания. Мама.

Р.С. Переправа прошла благополучно, но было очень страшно.

Татреспублика, леспромхоз, 30 июля 1954 г., 134 км от Кильмезя, 7 ч. 30 м. утра.

Дорогие мои деточки и бабушка! Здесь мы ночевали и собираемся ехать дальше, но ждём грузовую машину, которая должна проводить нас через одно трудное местечко, а с машиной этой что-то не ладится. Бадика, конечно, с шофёром грузовика в гараже чинит машину. Сейчас он забежал и сказал, что та машина испорчена, видимо, безнадежно и поедем без неё, так что скоро закончу писать.

Продолжу описание вчерашнего дня. После починки бака в Мелети мы ехали без особых приключений, если не считать, что дорога местами ужасная. Оказывается, над этими местами двое суток шли ураганные ливни, и двое суток ясной погоды не сумели всё высушить. Отдыхали мы мало, так как из-за длительного ремонта мало успели отъехать. Наконец, подъехали к страшному парому через р. Вятку по очень плохой длинной дамбе. Спуск к парому очень крутой и весь размыт, но его чинили (выстилали брёвнами). Противоположный берег издали казался нам довольно невинным. Кроме того, паром оказался гораздо выше схода, при съезде с них получалась очень высокая ступенька. Мы подождали, пока отремонтируют спуск (около получаса), и Бадика блестяще свёл машину. Мы сверху наблюдали за ним с трепетом душевным. Вообще, отношение к нам идеальное. И часто становится стыдно, что Жданов в последнюю минуту всё же подsunул нам своё охотничье ружьё. Правда, оно у нас настолько далеко утолкнуто, что в случае надобности мы сможем достать его не раньше, чем через полчаса. Между прочим, во встречной челябинской машине, о которой я вам писала, мы тоже увидели на сиденье ружьё, и они его прокатили на юг и обратно без намёка на надобность (лирическое отступление!). Реку Вятку переехали очень быстро. Берега её живописны: один высо-

кий с красивыми селениями наверху, другой тоже высокий, покрыт густым лесом, по середине реки песчаный остров. Река эта судоходная. Но мы были настолько поглощены техникой переправы, что мало обращали внимания на красоты. Подъём от паром оказался не таким крутым, как спуск, но с одним крутым холмиком, который Бадика не сразу взял. Ему надавали кучу полезных советов, и под общие возгласы ликования он, наконец, въехал, вот это было очень страшно.

Продолжаю писать уже в Казани. Бадика с Л.М. пошли в мастерскую техосмотра, а я сторожу машину. Жарко. Продолжаю описание путешествия. После страшной переправы через р. Вятку мы без особых приключений, но усталые от потрясений, добрались до г. Малмыжа. Это Богом забытый город, вдали от железной дороги, с отвратительным снабжением.

Продолжаю из гостиницы. Завтра утром мы уедем, и письмо надо обязательно закончить. Мы заехали на почту. Отправили вам огромное письмо, телеграмму (интересно, получили ли вы всё это?). Потом пообедали в чайной, причём Л.М. отказалась что-либо там есть. Мы там видели красавца цыгана, не могли глаз отвести. С трудом купили бензин, заехали на базар, купили сметанное масло (в магазине нигде нет масла), ягод и молока, и скорее вон из этого пыльного, жаркого, скучного города. Проехав некоторое время, на 76 км от Кильмезя увидели «Победу». По номеру Бадика узнал, что это горьковская машина. Немедленно остановились, познакомились. В ней ехал пожилой еврей (типа Наума Моисеевича, бабушка видела его в Ленинграде) с взрослым сыном, женой и дочерью. Едут они из Горького в Ижевск. Пожаловались на трудный путь из-за дождей, дали очень ценные практические указания насчёт того, где и как объезжать плохую дорогу. Мы до сих пор поминаем их добрым словом, без их советов мы бы здорово влипли. Кроме того, они рассказали, что в одном месте снесло мост и его ремонтируют, а так как берег у брода размыт дождями, то стоит дежурный трактор и перетаскивает на буксире машины на тот берег, при этом нещадно их портит. Мы струхнули и решили, что заночуем, не доезжая до злополучного моста! Но и до него мы хлебнули горя. Отъехав недалеко от встречи с горьковчанами на 91-м км от Кильмезя мы скользнули в канаву и остановились под углом 45 градусов к горизонту в необъятном море грязи (по Чехову: хорошо, что не перевернулись совсем). Сначала мы решили, что будем ждать грузовую машину, чтобы она нас вытащила. Но машины ходят редко, одна прошла и отказалась помочь, и мы решили действовать сами. Бадика обулся в сапоги (он в них измеряет глубину луж), мы с Л.М. натаскали камней, подложили под колёса, Бадика подкопал землю перед передними колёсами, сел за руль, мы немного подтолкнули и ... вытолкнули. За этой сценой наблюдали три маленькие татарочки (это уже в Татарской республике), которые ни бельмеса по-русски. Мы им дали по конфетке, они нам в ответ по полной горсти совершенно сырых (без зёрен) орехов. Показали дальше, используя советы «израильтян», и наконец прибыли в совхоз, порядком напереживавшись на плохой дороге. За день проеха-

ли всего 134 км. В совхозе Л.М. сразу принялась разыскивать врача. Слово «коллега» производит магическое действие. Л.М. уверяет, что это всюду и всегда даст нам приют. Так или иначе, эта женщина (врач) немедленно повела нас к директору совхоза (своему мужу). Он тоже любитель-автомобилист. Пошли задушевные «охотничьи рассказы», от некоторых мороз по коже продирает. В результате нам был предоставлен красный уголок в ремесленной школе мальчиков-механизаторов. Величине, убранству, порядку и богатству оборудования этого уголка может позавидовать любая свердловская школа. Какие-то женщины и дети (татары) натаскали нам очень чистых подушек, матрацев. Приставили к нам уборщицу на сносках. Л.М. очень боялась, что ей ночью придётся принимать роды. Она нам вскипятила и сама притащила ведёрный самовар, наварила картошки, вскипятила молока. Машину нашу поставили в закрытый гараж, и всё это очень приветливо и охотно. От денег за услуги почти все отказываются, берут только после очень большого нажима. Кроме того, директор отвёл Бадику к шофёру, который должен был проводить нас какими-то не столбовыми дорожками, чтобы миновать разрушенный мост и страшный трактор.

Вообще от путешествия по Татарии очень приятное впечатление. Во многом напоминает Венецию. (Венеция – это не Италия. Это название деревушки в Башкирии, где мы когда-то отдыхали летом. Об этом я уже писала. Деревня расположена по берегу р. Белой в широкой излучине и заселена исключительно татарами.) Все татарки очень чистенькие, приветливые, в белых передниках и косынках. Детишки в смешных лубочных двухколочках с белыми пологами. Я мало снимала, так как мысли были поглощены трудностями дороги. Встали мы рано, а машина нашего проводника очень капризничала, мы всё же не рискнули без него ехать и до 10 часов утра его ожидали. С директором расстались очень дружески, дали ему наш свердловский адрес. Проехали мы за грузовой машиной очень удачно, хотя было два трудных брода. Они нас вели такой малозаметной дорогой, которую даже различить трудно. Прошедший на днях страшный ливень испортил всю пахоту. Земля похожа на твёрдую ровную пустыню, её перепаживают.

Дальше ехали без особых приключений. Делали два привала. Пейзаж совершенно безлесный, а было жарко, так что на первом привале Бадинька сделал цыганский шатёр между машиной и телеграфным столбом. В Арске на хорошем базаре мы купили еду и ягоды и под этим шатром отменно позавтракали. Недалеко от Казани начался прекрасный смешанный лес. В нём мы выставили кровати и прекрасно поспали. Хуже всех спит Л.М., так как она не умеет днём спать. В Казань въехали в 4-м часу дня. Машина была жутко грязная. Вымыли её у какой-то колонки. Заехали в автотоклуб. Они послали нас на станцию техосмотра. Нарисовали нам прекрасный план, как туда проехать, мы проехали через весь город, который нам понравился. На этой станции машину отмыли снизу, всю промазали и осмотрели. Это отняло два часа. Мы с Л.М. сидели в садике напротив голодные и усталые. С текстанции поехали в гостиницу «Казань», где нам сказали, конечно, что номе-

ров нет. Но бумажка, что мы путешественники, изучающие социалистическую родину, а также книжечка Бадики произвели гораздо более сильное впечатление, чем на дядю Сею, и нам дали огромный четырехместный номер. Пока Л.М. всё это охлопатывала, мы с Бадикой поехали на главный почтамт и были страшно рады, получив Зиначкино письмо. Мне очень отравляет путешествие оторванность от вас, особенно от Андрюши. Мы тут же прочли письмо и отправили вам телеграмму. Пока Бадика отправлял её, мы увидели, что мимо машины идёт Салихов (помните – Саид Гиреевич), что ещё раз оправдало поговорку, что мир тесен! Охи! Ахи! Но мы были смертельно усталые и быстро от него отделились. Устроились в гостинице, тут же в ресторане очень хорошо пообедали, помылись в душе с несказанным блаженством и улеглись. Мешал спать уличный шум, поэтому я очень рано проснулась. Увы! – за ночь погода испортилась. Прошёл дождь, и сейчас небо серое. А впереди тоже есть трудные участки пути. Вчера мы решили, что сегодня с утра немного осмотрим город, но боюсь, что «предводитель» отменит это решение, так как из-за плохих дорог мы сильно задержались. Я настаиваю, чтобы в Москве прожить два дня, не знаю, выйдет ли это. В общем, путешествие оказалось трудным. На участке от Перми до Горького много мест трудных в распутицу. Это нарушает тот режим, который мы с Л.М. разработали, с 6–7-часовым отдыхом и регулярным питанием. Поэтому мы сильно устаём и хотим в Горьком обязательно договориться насчет обратного пути на пароходе до Перми. Но впечатлений масса. Дорога интересная, и мы пока немного не жалеем, что затеяли это путешествие. Наоборот, думаем, что оно не последнее. Л.М. вчера позвонила домой, разговаривала со Сталечкой, и я ей очень позавидовала. Всего хорошего, дорогие, любимые. До скорого свидания. Надеюсь в Горьком получить ещё весточку от вас. Мы обязательно пошлём телеграмму. Вы сохраняйте мои письма. Даже сейчас Бадика и Л.М. с интересом слушают, когда я их прочитаю, а потом они будут интереснее вдвойне. Всех крепко целую. До скорого свидания. Мама.

Горький, 2 августа 1954 г., гостиница «Россия», 9 часов утра.

Дорогие, любимые мои доченьки и бабушка! Пишу вам это письмо, хотя уверена, что мы увидимся раньше, чем вы его получите, но мои обязанности бортового спецкора заставляют меня фиксировать все детали нашего нелёгкого, но интересного путешествия, а то всем одинаково будет жаль, если ускользнут детали. И так уже вчера ничего не писала. Позавчера утром я вам писала из гостиницы «Казань», приготовила сразу целую кучу писем: вам, тете Вале, Андрюше открытку (как беспокойно, что я о нём ничего не знаю). К этому времени поднялась наша лихая, но несколько помятая трудностями пути команда. Все уселись писать письма. Бадинька написал домой и в автомобильный туристический клуб, что мы всё же доехали до Казани. Затем мы позавтракали тут же в буфете и пошли гулять по городу. Погода разгулялась, было довольно жарко. Посмотрели Казанский Кремль внутри и снару-

жи, прошли к зданию КазФАН, очень хорошему, перед которым в сквере стоит памятник Лобачевскому, посмотрели здание университета, в котором училось много знаменитых людей – Аксаков, Толстой, Ленин и защищал Бадинька свою докторскую диссертацию. Походили даже внутри здания. Сделали несколько снимков. Нам очень понравилась Казань. Легли на часок отдохнуть, потом решили ещё воспользоваться благами цивилизации, хорошо пообедали в ресторане и начали готовиться к отъезду.

У нас большая сложность всякий раз с укладкой. Всюду надо разгрузиться (хорошие вещи нельзя оставлять в машине), потом обратно уложить. Это может сделать только Бадика. На каждом привале вытаскиваем кровати, еду, посуду. Но он это делает с неизменным терпением и искусством. Выехали мы около 4 часов дня, но по дороге покупали бензин, в общем, выехали из города уже около 5 часов дня. Было не жарко, но солнечно. Ехали довольно бойко, хотя дорога местами была довольно неважная, огромные, на много километров, объезды, которые в дождь были бы ужасны.

Однако к 6 часам уже доехали до переправы через Волгу около Зелёного Дола. Тут на песчаном спуске стояло несколько десятков грузовых машин с массой молодёжи. Это заводы направляли молодёжь в колхозы на воскресенье. Мы попали в самый неудачный день и час. Представляете себе, как это страшно, когда на огромный паром должны плотно друг к другу устать 12 машин. Это очень длинная и сложная процедура. Устанавливают очередь два милиционера и ещё несколько регулировщиков с парома. Сначала нас поставили в очередь, потом решили пустить раньше грузовых, велели нам спянуться, мы завязли в песке, но здесь столько народа, нас легко вытолкнули, и, наконец, паром уехал без нас. По расписанию следующий паром через два часа.

Надвигается вечер. Мы очень огорчились, тем более что потом увидели объявление, что легковые машины грузятся «вне очереди». Постыдили милицию и регулировщиков, и они обещали нас хорошо погрузить. Паром вернулся «вне расписания» через час. Опять карусель с машинами, и мы поплыли на этот раз через Волгу, как те «верные друзья» из одноименного кинофильма. Только плот не столь идиллический. Мы потом друг другу сознались, что было страшновато.

Без особых приключений проехали ещё 25 км, т. е. всего за день 73 км. Доехали до Тюрлемы (где платки покупаем, когда едем по железной дороге). Были уже сумерки, и мы решили искать ночлега, досаждая на паром, который украл у нас минимум час времени. Потолкавшись в несколько избышек чувашей и ничего не найдя, мы решили искать «коллегу». Таковой оказалась медицинская сестра – простая крестьянка, единственный представитель медицины в деревне. Помощь, включая и приём родов, она оказывает только на дому у больных, коек нет. Знаний, видимо, нуль. Она пустила нас в новый, но уже с клопами, дом. Двор весь в навозе, но запоры надёжные. Напоила парным молоком, поужинали мы и, как всегда, смертельно усталые, улеглись спать. Крупным событием было то, что мы нашего «предводителя» отмыли в

деревенской бане. Вечером она ещё привела к Л.М. одного больного, которого Л.М. тут же осмотрела при свете электрического фонарика (электричества в деревне нет) и дала совет. Оказалась желтуха. Встали в 5 часов утра, попили парного молока, расплатились и укатили.

Погода была хорошая, но прохладная. Ехали мы хорошо. Нам говорили, что в Чувашии дороги хорошие. С интересом осматривали чувашские деревни и население. И то, и другое отличается от татар. Вчера было воскресенье, поэтому все были нарядные, праздничные. По пути нашего следования был г. Цивильск. Какой-то старик нам сказал, что сегодня в Цивильске ярмарка. Тогда мы поняли, чем объясняется такое оживлённое движение на лошадях и пешком в этом направлении. Посмотрели на цивильскую ярмарку. Было раннее утро, так что это было только начало. Но уже очень много народу. Ряды с живностью: лошади, коровы, овцы, бараны, свиньи. Ряды деревянных и гончарных изделий. Маслобойки, бочонки для мёда, тусски, корзины. Ряды яиц – 7 рублей десятков, вишня – 40, 50 копеек стакан, мёд. Уже появляются яблоки, но пока неважные.

Покатили дальше в самом прекрасном настроении. Через 30 км расположена столица Чувашии – Чебоксары. Город нам очень понравился, много красивых зданий, зелень. В чайной набрали кипятка в термосы и поехали, присматривая место для привала. Привал устроили в прекрасном дубовом лесу. С большим аппетитом позавтракали, так как очень хотели есть. Немного погуляли по лесу и нашли несколько старых и один молоденький белый гриб у самой опушки. Не очень задерживались, т. к. очень хотели в тот же день попасть в Горький. Так проехали 200 км, вдруг Бадике не понравился какой-то посторонний звук в машине, которого мы с Л.М. даже не могли уловить. Полез под машину, немного покопался и с ужасом обнаружил, что сломалась какая-то деталь у колеса. На пути никакой цивилизации до Горького, а до него ещё 150 км. Дорога большей частью хорошая, но местами неважная. Заехали в лес. Бадика снял колесо и наложил на трещину «давящую» повязку из проволоки. Л.М. в это время организовала костёр, сварила гороховый суп из консервов, страшно вкусный, и зажарила яичницу с хлебом. Я собирала хворост и делала жалкие попытки ей помочь, но не сумела даже костёр разжечь. Пообедали, полчаса полежали и полегонечку поехали дальше. В конце концов без дальнейших приключений выехали на асфальтированное шоссе. Там поехали смелее и уже поздно вечером в темноте прибыли в Горький. Подъехали к самой лучшей гостинице на берегу Волги, там по нашей маршрутной карте и Бадиной книжечке нам дали номер люкс и однокомнатный с окнами на Волгу. У нас номер из трех комнат: спальня, кабинет, гостиная с пианино, ванная, уборная, балкон с плетёным креслом. Просто жаль уезжать. Мы успели вымыться, поужинать и около часу ночи улеглись.

Сегодня я встала сравнительно рано и села писать вам. Всё время люблю на Волгу. На ней непрерывно кипит жизнь. Рабочие баржи, катера, глиссеры, один раз прошёл пассажирский белый нарядный па-

роход. Всё заливает ослепительное солнце. За то время, что я пишу, Бадика уже успел удрать к Горелику, который живёт под городом на даче. Надо наладить починку колеса, кроме того, мечтаем сменить бак и узнать условия возвращения на пароходе. Надеемся всё это сделать сегодня, завтра утречком выедем. Если нигде не сломаемся, то завтра вечером уже увидимся. Возможно, что починка затянется. Тогда придётся задержаться. Мы вчера не успели побывать на почте, и я жажду узнать, нет ли от вас весточки. Целую всех вас крепко. До скорого свиданья. Мама. Метлухи кланяются.

На следующий день, благополучно починив колесо, прибыли в Москву, вернее, не заезжая в Москву, приехали в Отдых. В Москве и Отдыхе пробыли три дня, хорошо отдохнули, повидались с родными, вымыли и смазали машину в академическом гараже. Дорога от Горького до Москвы, которую Горелик назвал преддверием рая, действительно, очень хорошая, и мы доехали без приключений.

Тула, 6 августа 1954 г., 10 часов вечера, Центральная гостиница.

Родные мои, любимые доченьки, дорогая бабушка, Анечка и Володенька! Как видите, доехали только до Тулы, проделав всего 235 км. Это не так уж мало, если учесть, что мы поздно выехали и заезжали в Академию. Разрешите нарушить порядок описания и начать с самого интересного события – получения Сеиной путёвки. Пришли мы к Беляеву, а путёвка уже у него. Отказываться невозможно. Только на путёвке написано 25 августа, а он уверен, что нам нужен только сентябрь, и собирается её переделывать. Серёжа мне говорит: звони Сее и выкручивайся, как хочешь. Я сразу дозвонилась и убитым тоном говорю Сее, что есть путёвка. Он говорит, раз есть, то придётся брать. Тут я ему сказала, что она с 25 августа, но её переделают на 25 сентября. Он сказал, что на 25 августа в тысячу раз лучше. Беляев в это время разговаривал с академиком Скобельциным. Я Беляева впервые видела. Нам пришлось подождать конца их разговора, после чего выяснилось, что можно и не переделывать путёвки, и Сея заметно повеселел. Он тут же вычислил, что мы почти 10 дней пробудем в Курпатах вместе. Я себе представляю, как была довольна бабушка, когда она всё это узнала, и как вы все кричали и шумели, как тогда, когда узнали, что мы едем в одном поезде с Сеей. Вот видите, как неожиданно всё перевернулось. Сразу же договорились о билете для Сеи.

7 августа 1954 г., 6 ч. 30 м. утра.

Доброе утро, любимые мои девчонки! Через полчаса зазвонит будильник. Чудесное солнечное утро. За ночь все философские мысли прошли, и я отправляюсь в путь «без страха и сомнения». Вначале Тула нас встретила не очень приветливо. Во-первых, встали не там, где нужно, и нас освистал тульский милиционер. Во-вторых, в гостинице нам что-то не понравилось, и мы решили ехать в Ясную Поляну и там ночевать. Не успели мы проехать ещё несколько кварталов, как были вновь освистаны. Оказывается, обгоняли грузовик там, где не полага-

лось этого делать. Выслушали длинную нотацию от краснощёкого мальчишки-милиционера. Хотел отобрать шофёрский документ и дать другой с указанием о нарушении. У Бадики был вид провинившегося школьника. Наконец, после коллективных уговоров он ограничился 5 руб. штрафа. После этого решили дальше не ехать, благо темнело, и вернулись в гостиницу. Оказалось, что негде ставить машину. Поехали в Дом колхозника. Договорились, что там поставим машину, но делали это с тяжёлым сердцем. Между прочим, около Дома колхозника оказался зверинец, и там страшно рычал настоящий лев, что тоже нас особенно не развеселило. Но, наконец, как всегда, всё обошлось. В гостинице хотели поместить меня с Л.М. в женский номер, а «шофёру» поставить кочку в коридоре, но после соответствующих объяснений о «природе» нашего шофёра нам дали два чистых номера. За машиной согласился смотреть швейцар, и мы её оставили у подъезда. Все трое приняли душ, поужинали в номере и прекрасно выспались. Сегодня с утра (не очень рано) поедem в Ясную Поляну.

Проезжали мы вчера небольшое селение, смотрим, надпись «город Чехов». Остановились, поговорили. Оказывается, это село Лопасня, в котором жил Чехов. Там же дом-музей Чехова, но сколько я ни молила, мои неумолимые спутники, обуреваемые жаждой поглощения пространства, даже не ответили, и мы помчались вперёд. Я утешалась тем, что в Ялте наворачиваем. Был ещё инцидент. Я забыла, куда положила очки. Остановились, долго искали. О Бадикиных эпитетах умалчиваю. Страшно боялись, что придётся вернуться – дурная примета. Нашли под носом (почти на носу). Крепко вас всех целую. Очень благодарны за все хлопоты и любовь, которые получили сполна у вас. Компот чудесный. Всего хорошего. Танечка, не плачь, противное ты дитя! Беспокоюсь, как будете уезжать. Мама.

Курск (без соловьев) 9 ч. 30 м. утра 8 августа 1954 г.

Дорогие мои, любимые! Знаю, что не закончу сейчас своего письма, но хоть начну. Вчера я рассталась с вами в Туле. Я надеюсь, что вы уже получили телеграмму из Тулы, которую я дала с некоторым нажимом. Бадика уверял, что мы потеряем «самые лучшие утренние часы», а на самом деле мы потеряли «самые лучшие» 5 минут. Проехали мы 15 км, доехали до своротки на Ясную Поляну. На своротке стоит большой бюст Льва Николаевича. Проехали в его усадьбу. Совершили прекрасную трёхчасовую экскурсию. Огромный, прекрасный парк, не передаваемые по величине аллеи – липовая, вязовая, еловая. Всюду дощечки, на которых цитаты из произведений Толстого с упоминанием этих мест. Экскурсантов много, но на огромной территории они теряются. Прошли в литературный музей, но долго там не задержались, купили путеводитель и акварельные виды. Дольше всего мы задержались в его доме. Нам дали прекрасного экскурсовода, очень интеллигентного и знающего, с каким-то странным проникновенным лицом и огромными глазами. Он водил нас из комнаты в комнату и так хорошо рассказывал, что слушали все, затаив дыхание. Комнаты все были знако-

мы по кино, но тем интереснее было. Видела я и знаменитый кожаный диван, и ту самую вышитую подушку с макаками. Там мы провели полтора часа. Оттуда пошли к могиле. Вы, конечно, знаете, где эта могила и как она выглядит. Я знала и раньше, и экскурсовод рассказал, но когда мы по прекрасным аллеям подошли к краю поросшего густым лесом глубокого оврага и на краю его увидели простой зелёный холмик за скромной загородкой, нас охватил буквально священный трепет. Мы были одни, только девушка милиционер прогуливалась недалёко, солнце спряталось, было сумрачно. Могила казалась совершенно свежей, сверху она украшена узкой полоской срезанных живых цветов, которые, видно, каждый день меняются. Рядом дощечка, где написано завещание Толстого: «Зарыть труп, надо же будет его где-то закопать». Там, где, как в детстве, фантазировал его старший брат, зарыта волшебная зелёная палочка, которая должна принести счастье людям. От могилы мы поспешили к машине, т. к. было уже очень поздно и мы очень устали. На площади уже была масса машин, и мы, конечно, сразу обнаружили земляков. Они выехали из Свердловска 29-го и уже опять попали в дождь, так что мы ехали буквально в небольшой солнечный просвет. Л.М. моментально нашла общих знакомых. Очень радостно побеседовать с земляками.

В Мценске заехали на рынок, купили помидор и вишен и поспешили дальше, так как хотелось обязательно успеть в Курск. Перед Орлом съехали в лесок, отдохнули часа полтора. Вскоре нам стало ясно, что до Курска засветло не добраться. Мои отчаянные спутники ничем не смущались, но я не хотела ехать в темноте. И мы решили искать пристанище поближе.

Приехали в город Фатеж, о существовании которого раньше знал только Серёжа. Начали искать гостиницу, но безуспешно. Есть один Дом приезжих, но он на ремонте. Тут же один мальчик сказал нам, что в чайной при этом доме полно пьяных. Мы в этом воочию убедились и, несмотря на темноту (темнеет уже в 9 ч.), решили все же ехать в Курск. В Курске живут родители Бадикиной аспирантки Гражданкиной. Она им писала, что мы приедем. Но мы решили ехать к ним только если не устроимся в гостинице.

Как мы ехали в темноте, вы себе хорошо представляете по нашим блужданиям под Москвой, хотя движения гораздо меньше, чем по Рязанскому шоссе. Мы даже получили большое удовольствие от этой поездки. В Курске гостиница оказалась до отказа забита. Во дворе много легковых машин. Пассажиры в них и ночуют. Мы склонялись тоже разложиться во дворе, но потом решили разыскать адрес Гражданкиных. Это оказалось за городом, мы отыскали с трудом, еле дозвонились. Хотели уже уходить, но соседи Гражданкиных сказали нам, что они дома и уже второй день ждут нас. С большим трудом удалось прервать их богатырский сон. Приём нам оказали великолепный. Накормили до отвала. Мы решили хорошенько выспаться, т. к. был второй час ночи. Встали в 9 часов, но за разговорами прошло много времени. Сейчас Бадика пошёл за машиной. Она ночевала в аэропорту (наш хо-

зяин – начальник аэропорта). Сейчас собираемся заглянуть на базар. Он здесь, говорят, очень обилён. Затем на почту – и в путь. Куда доедем – не загадываем.

Как вы живете, доченьки? Как бабушкино здоровье? Как Аня и малятка? Довольна ли бабушка путёвкой Сеи? Девочки, меня совесть грызёт, что я не написала Андрюше. Напишите ему открыточку по правильному адресу. Всё-таки, вдруг и он беспокоится, хотя это маловероятно. Ну, всего хорошего. Крепко вас целую. Жду частых писем в Курпаты. Дайте мне телеграмму, как перебрались в город и в Свердловск. Мама.

10 августа 1954 г.

Дорогие мои, любименькие деточки, бабушка, Аня и Володенька! Пишу я вам из деревни Зелёный Гай (Гай, а не Чай). Здесь на въезде построена гостиница и авторемонтная станция. Мы подъехали вчера сюда уже в темноте (в десятом часу) и остались тут. Нам дали отдельный номер из пяти коек. Машину должны смазать и посмотреть. Эта станция работает круглосуточно, но наша очередь была только в 7 часов утра, столько стояло тут уже легковых машин. Предоставили место в гараже на ночь, так что можно было не разгружать машину. В общем, «сервис».

Бадика сейчас у машины на осмотре, а я решила пока начать письмо. Предыдущее письмо было опущено позавчера в Курске. Вчера так и не собралась писать. Мне кажется, что мы продвигаемся необычайно быстро, но по сравнению с москвичами мы ползём, как черепахи. Все, с кем мы встречались вчера утром, собирались вечером быть в Симферополе, а мы будем там только сегодня к вечеру. А сегодняшние встречные, конечно, будут сегодня в Ялте. Я сознательно задерживаю темп поездки. Москвичи не проделали предыдущего пути и не накопили усталости. Кроме того, их гонка мало напоминает путешествие с остановками в интересных местах и привалами в пути и вполне отражает сумасшедший темп московской жизни. В общем, мы и в этом провинциалы. Едем, слава Богу, без приключений.

Позавчера, покинув гостеприимных хозяев, мы вернулись в Курск, посмотрели немного город, заехали на базар, купили яблок и слив на дорогу, заехали на телеграф и только в два часа дня, в самое пекло, выехали из города. Нас столь обильно накормили, что до вечера мы не помышляли об еде. Устраивали остановки лишь для отдыха да подъедали фрукты. Место для отдыха выбрать трудно. Кругом бескрайние поля, довольно часты типичные украинские деревушки с белыми и голубыми мазаными хатками и соломенными крышами, которые у некоторых хаток сделаны довольно кокетливо с каким-то смешным начёсом. Зной. Со стороны солнца все хатки стоят с закрытыми ставнями. Проехали мы места боёв на Курской дуге. Почти в каждой деревне памятники и братские могилы. В городах видны брошенные разрушенные дома. Страшно при мысли, как эти места были обильно политы кровью человеческой.

Запорожье делится на две части – старый и новый город. Мы этого не знали и, заехав в старое Запорожье, думали, что это центр города. Там много красивых зданий, прекрасный театр. Там же неважно пообедали в ресторане и решили ехать к плотине. Но отъехав 4 км от старого города, попали в прекрасное новое Запорожье. Не могу даже передать вам, какой это прекрасный город. Какие красивые, большие дома своеобразной, нестандартной архитектуры, широкие улицы, огромные магазины, прекрасные кинотеатры и театр. Проехали по плотине, видели шлюзы. С одной стороны плотины – широкое, спокойное Днепровское море, с другой – живописные пороги. На море масса лодок, рыбаки, парусные яхты, хороший пляж. Но солнце уже садилось, и мы поспешили обратно. Уже в сумерки попали на трассу. Около часу ехали в темноте, потом засверкали огни гостиницы, и вот мы здесь. Бадика пришёл, торопит, кончаю. Всех крепко целую. Мама.

12 августа 1954 г.

Деточки! Вы так ждёте писем, а я вчера не сумела даже закончить письма. На отдых в Курпатах оказалось меньше времени, чем в пути! Сегодня я получила ваше письмо, и Л.М. получила большое письмо из Свердловска. Продолжаю свою корреспонденцию. Около Симферополя на горизонте уже показались горы, и это скрасило унылый пейзаж. Так как было только 5 ч. дня, мы решили в Симферополе не останавливаться, а ехать до Алушты, т. е. проделать в тот же день половину пути, которым нас все так пугали. В Симферополе мы не останавливались, хотя мне очень хотелось посмотреть домик бабы Веры. От Симферополя до Алушты 50 км. Сначала дорога поднималась полого вверх в гору, потом были селения, огромные фруктовые сады с деревьями, сплошь усеянными плодами – грушами, яблоками, абрикосами. Потом начались выкрутасы – крутые зигзаги, подъёмы и спуски. Самое страшное при этом – встречные машины, а их довольно много. Ехали довольно медленно, с большим напряжением, всё вверх и вверх. Останавливались разок у ручейка, немного Бадика вымыл машину (от птичьих следов). Виды восхитительные. Громадные горы, поросшие густым лесом, местами огромные голые скалы. Видели вершины Чатыр-Дага и Ай-Петри. На 34-м км достигли перевала. Отсюда 16 км спуска до Алушты. На самом перевале построен ресторанчик, где нас вкусно и быстро покормили.

Осторожно начали спуск, катили без мотора – «по инерции». И вдруг Бадика замечает, что мотор не включается, пропало зажигание. Вот ужас-то! Бадика считает, что это было у нас самым острым переживанием за всю дорогу. Но всё же на удобном месте, где можно было свернуть в сторонку, остановили машину. Бадика начинает проверять деталь за деталью – нет зажигания! Мы с Л.М. отчаянно вдвоём крутим ручку. А мимо мчатся «Победы», полные пассажиров, которые смотрят на нас явно с участием. Наконец, я вижу такси и поднимаю руку. Шофёр – пожилой израильтянин. Три пассажира. Я быстро описываю им положение: первый раз здесь едем, наш шофёр-любитель, нет зажига-

ния. Шофёр такси в течение 5 минут понял, в чём дело, дал совет и умчался. Всю дальнейшую дорогу Серёжа поминутно желал ему здоровья.

В Алушту приехали в темноте. Недавно, видимо, прошёл дождь, и стояли лужи. Где-то вблизи невидимо вздыхало море. Побежали в гостиницу – ни одного места. Опять в темноте по узким улочкам Алушты ехали вверх и вниз в поисках турбазы. Там оказался настоящий модернизированный цыганский табор. Куча машин. В них располагаются спать пассажиры. На крышу вывешиваются платя, майки и прочие принадлежности туалета. Мы вытащили обе кровати, а Бадика лег в машине. Мы боялись, как бы ночью не пошёл опять дождь. Но небо скоро расчистилось, и мы провели незабываемую ночь. Ночью выпала обильная роса, мы совершенно отсырели, особенно платя, которые мы на ночь сняли. С машины текло, как после дождя. Оделись во всё мокрое и в 6 часов утра поехали. Дорога невероятно трудная, Бадика весь вспотел. Крутейшие зигзаги – «тещины языки», местами дорога очень узкая, много встречных машин. Нас совсем не укачало, а говорят, что в автобусах всех рвёт.

Наконец показалась Ялта. Как видите, славное было проделано путешествие. Здесь жизнь пойдёт размеренно, однообразно, не о чём будет и писать. Нам сразу показали, куда поставить машину. Там уже стояло пять таких машин. Мы прекрасно отдохнули и уже с большим удовольствием думали об обратной поездке.

4 сентября 1954 г. Зелёный Гай.

Здравствуйте, мои дорогие деточки и бабушка! Вот опять мы на колёсах, и опять я берусь за свой дневник. Вы, конечно, уже получили нашу телеграмму из Симферополя. Последние дни в Курпатах прошли очень суматошно. Оказывается, перед отъездом надо бросить в море монетку, чтобы ещё вернуться. Бадика с солидным запасом таких монет, на часть которых он заставил меня плюнуть (это от меня!), и с фотоаппаратом спустился по круче к морю. Там он прыгал по камням с какими-то ужасными заклинаниями, бросал монеты, фотографировал волны и был от души счастлив. После обеденного отдыха до ужина собирались, пригнали машину, укладывались. После ужина сходили в кино в последний раз. Потом все вместе немного прошли на обрыв, но было очень темно и холодно. Вообще последнюю неделю погода была прекрасная. Днём жарко, но не изнуряюще, ночью прохладно. На другой день будильничек был поставлен на 4 ч. 30 м. утра. Было ещё темно. Море шумело. Пока уложились, пока Л.М. бегала за забытыми очками (не переступая порога), «расцвело», и в 5 ч. 45 м. мы тронулись в обратный путь, отдохнувшие, полные благодарности к чудесному солнцу и морю, полные энергии встретить храбро все препятствия, которые могут возникнуть на обратном пути.

Харьков, 5 сентября 1954 г., 11 часов вечера.

Так и не успела закончить вам письма. Сейчас поздно, завтра в 5 часов утра вставать, поэтому сколько успею за полчаса, столько напишу

и отправлю завтра утром. Мы решили на обратном пути ехать не через Алушту, а через Бахчисарай. Мотивы: 1 – новый путь, 2 – в общей сложности меньше крутит, так как после Ай-Петри дорога прямая, 3 – гораздо меньше встречных машин, 4 – дорога исключительной красоты. Так мы и сделали. Подъём на Ай-Петри 22 км, но есть очень крутые повороты. Панорама изумительная. Местами неприступность скал напоминает путь на озеро Рицу. По дороге встретились старинные пещеры, где археологическая экспедиция АН СССР производила раскопки на стойбищах каменного века. Я, конечно, сразу вспомнила Андриюшу. В Бахчисарае осмотрели Ханский дворец, видели фонтан слёз, воспетый Пушкиным. На нём теперь всегда лежат две свежие розы, какими положил их Пушкин, когда был здесь. Нам очень поэтично рассказали легенду возникновения этого фонтана. Без всяких приключений покатали дальше. В Симферополе заехали на базар, купили домой зелёных и твёрдых груш в надежде довезти их, хотя судьбу посылки так и не знаем.

Дальше ехали по прежней дороге. Останавливались на тех же площадках отдыха. Кругом выжженная степь. На Украине неурожай. Стоят поля сгоревших подсолнухов. Хлеб (сколь было) уже убран. Убирают следы картошки. На рынках всё до последней картошечки привозное и очень дорогое. Как больно смотреть на эту картину после цветущего сплошного фруктового сада – Крыма, где деревья буквально гнутся под тяжестью груш и яблок. Уже в темноте, но не поздно (в 9 часов) и совершенно не уставшие приехали в гостиницу Зелёный Гай. Утром встали в 6 часов, позавтракали на улице на столике под тентом и поехали по направлению к Харькову. В Харьков приехали рано – в 5 часов утра. Очень хорошо устроились все вместе в номере люкс из двух комнат. Умылись, переоделись (при разгрузке разбили большой термос), пошли все прогуляться по городу – воскресенье, на улицах и в садах масса народу, чувствуется южный город. Потом мы пошли с Бадиной к его родным, двум сёстрам-ровесницам и дальним родственникам Софии Ивановны. На следующее утро Бадика уже укладывает вещи.

Едем с удовольствием. Пока не устали, но мечтаем уже о дороге с лесами. Из Горького пришёл малоутешительный ответ насчёт парохода. Если поедем «пешком», то другой дорогой, чем ехали сюда. Запаслись адресами по всей трудной трассе, т. к. наш сосед по столу в Курпатах работает там в МТС. Машина наша подготовлена в путь гораздо тщательнее, чем в Свердловске, опыт уже большой есть, так что не страшно, и вас прошу не волноваться. Вообще мы уже совсем поглощены путешествием. Курпаты вспоминаются, как в далёкой дымке. Вот и всё. Заканчиваю, люблю, целую, едем. Мама.

Горький, 11 сентября 1954 г., 7 часов утра.

Дорогие мои, любимые бабушка и Зиночка! Сiju в гостинице «Россия», по странному совпадению – в том же самом номере, что и месяц тому назад (только без Л.М., которая покинула нас в Москве),

опять люблюсь в окно на красавицу Волгу, над которой сейчас струится пар (утро ясное и холодное), и строчу вам, дорогие! Месяц тому назад все трудности пути были уже позади, впереди было «преддверие рая» (дорога Горький – Москва) и дальше – «рай» (солнечная трасса). Впереди был отдых у моря. Сейчас, наоборот, самое тяжёлое и неизведанное впереди. Но настроение сейчас даже лучше и бодрее, чем тогда. Ведь близок дом, встреча со всеми любимыми и друзьями. Кроме того, мы отдохнули, твёрдо верим в удачу.

Теперь вы уже виделись с Л.М. и много от неё знаете. Мы говорили, что она пожнёт все лавры нашего путешествия. Грустно было расставаться с ней, очень сблизилась за эти полтора месяца.

Последнее письмо моё было из Харькова, поэтому немного опишу наш дальнейший путь. Раненько в чудное, тёплое утро выехали из Харькова. С одним привалом для завтрака к 12 часам прибыли в Курск к радушным хозяевам. Жара была ужасная. Угнетающе действуют бесконечные братские могилы, памятники. Проезжали места боёв на Курской дуге. Вскоре по выезде из Харькова попали в полосу густейшего тумана. Машины ехали с включёнными фарами. Двигаться можно было только потому, что дорога идеальная. В Курске мы провели 5 часов, пообедали и полностью отдохнувшие двинулись в путь.

На предыдущем участке пути мы рисковали ехать в темноте, было даже приятно, но с сегодняшнего дня мы это прекращаем, что сильно укоротит наш рабочий день. В 9 ч. 30 м. приехали в чудную гостиницу на шоссе за Мценском. Вечером видели далёкую грозу, очень красивые зарницы, которые освещали огромные чёрные тучи, но мы так её и не догнали. Утро встретило нас ясным солнцем и теплом. Но машину очень задержали на профилактике, поэтому удалось выехать только в 12 часов.

Сразу после выезда из Мценска, в 5 км от трассы находится музей-усадьба И.С. Тургенева – Спасское-Лутовиново. Мы давно уже решили, что посетим его, и, несмотря на сильное опоздание, свернули туда. За этим именем не следят так, как за Ясной Поляной. Дорога проезжая только в сухую погоду, в дождь они отрезаны от мира. В то время как в Ясной Поляне толпы посетителей, тут мы были одни. Мы «шиканули», наняли себе экскурсовода, очень скромного и милого, и, беседуя с ним, обошли дом и огромный парк. Парк великолепен. Толстой, будучи как-то в гостях у Тургенева, спорил с ним, чей парк лучше, и оба остались при своём мнении. Действительно, трудно сказать, чей лучше. Огромные вековые деревья – клёны, ясени, липы – составляют широкие, длинные аллеи, в которых настолько тесно, что соловьи отказываются сюда залетать. Эти аллеи пересекаются, образуют площадки, на которых стояли или стоят столики, скамейки, беседки. Здесь Тургенев создал свои основные произведения. Опять испытывали «священный трепет», как и в Ясной Поляне, даже разговаривать громко не хотелось. Мы пробыли там два часа.

Дальше ехали почти без остановки. Пообедали в Туле. В Москву приехали в темноте. По Москве мы ездим довольно оригинально, дела-

ем только правые повороты. Чтобы повернуть влево, надо пересечь улицу, для этого сложные правила. Это вообще-то трудно, а в темноте невозможно. Вспоминая «трудный переулочек» Рины Зелёной, поворачивая только вправо, мы в конце концов довольно причудливым путём попали к бабе Вере. У неё провели 2,5 суток прекрасно.

Теперь краткий отчёт о Москве. Первый день выспались, поели, Серёжа отдыхал, а мы отправились обзирать магазины. К трём часам вернулись, отобедали и вместе с бабой Верой поехали на выставку (на троллейбусе!). Было ясно, но прохладно, Бадика даже замёрз без пальто. О выставке писали много. Попадаешь в сказочное царство, со сказочными дворцами, один лучше другого, легкими, воздушными, совершенно различными. Внутри мы зашли только в несколько восточных павильонов. Роскошь и изобилие. Хорошо, если бы так всюду и было. Самый замечательный момент – это когда в сумерки зажигаются огни и фонтаны начинают светиться всеми цветами. Позолоченные фигуры на фонтане Дружбы мне не понравились – дешёво выглядит. Вернулись домой без ног. Меньше всех устала ... баба Вера. Вот молодец! – 64 года, а всех нас за пояс заткнёт. На другой день в 9 ч. утра к Бадике пришёл Гусев, рассказывал много интересного. Пока они беседовали, мы поехали в ГУМ, но ничего особенно интересного там не достали. Легли в 11 часов вечера. В 5 ч. утра встали и около 6 ч. уехали, помахав на прощание бабе Вере, которая вышла нас проводить. Только выехали из ворот, начали делать единственный, хорошо продуманный заранее, левый заворот в пустой Москве (6 ч. утра!), и нас сразу же оштрафовали. Дальше уже не было никаких неприятных впечатлений. Дорога от Москвы до Горького исключительно живописная. Мы получили вчера наслаждение, чуть ли не самое сильное за весь путь. Мы движемся не только в пространстве, но и ускоренно движемся во времени. Мы постепенно въезжаем в осень. На юге осень ещё совсем не чувствуется. А здесь на сплошном зелёном фоне чудесных лиственных лесов, живописных перелесков вкрапливаются как отдельные седины даже не жёлтые деревья, а ярко-жёлтые (берёзы) и ярко-красные (осины) гроздья листьев ещё на зелёных деревьях. Воздух чист и как-то по-осеннему прозрачен. Прохладно, ехали в пальто, но на привалах солнышко греет. Мы наслаждались несказанно. На Урале, наверное, леса уже совсем золотые. Остановились во Владимире. Почти три часа отдыхали в лесу. Мы соскучились по лесу, может быть, поэтому сейчас на обратном пути больше наслаждаемся природой. В Горький приехали в сумерки, сразу устроились, хорошо выспались. Уже в 9 ч. 30 м. Серёжа встал, побрился, нарядился в серый костюм. Пора начинать трудовой день. Всего хорошего, любимые мои. Крепко вас целую. Мама.

На этом репортаж обрывается. Дальнейшие события восстанавливаем по памяти в апреле 1956 г. в предвидении нового путешествия. А здесь начался один из самых трудных участков нашего обратного пути. Мы въехали в Удмуртию, и нас поражали

имеющиеся почти в каждой деревне поэтические кладбища с большими могильными плитами из плохо отёсанных камней. Дороги в Удмуртии оказались ужасными.

Хочу привести наш маршрутный лист. Вот он:

Маршрутный лист

группы туристов, организованной ТЭУ ВЦСПС. Начальник группы ВОНСОВСКИЙ Сергей Васильевич, Уральский филиал Академии наук СССР. Число участников – трое. Дата выезда 25 июля 1954 г. Дата возвращения 19 сентября 1954 г.

1. Маршрут группы: Свердловск, Молотов, Ижевск, Казань, Горький, Москва, Тула, Орёл, Курск, Харьков, Симферополь, Ялта и обратно.

2. Состав группы: 1. Вонсовский Сергей Васильевич, 44 г., б/п, науч. раб., Свердловск, ул. Шейнкмана, 19, кв. 108. 2. Шубина Любовь Абрамовна, 45 л., б/п, дом. хоз., адрес тот же. 3. Проталинская Лидия Михайловна, 45 л., б/п, главн. хирург области, Свердловск, ул. Шейнкмана, 19, кв. 11.

3. Задание группе туристов для выполнения в походе: Изучение профиля дороги и достопримечательностей социалистического строительства. Маршрут, состав группы и руководитель похода утверждены Уральским ТЭУ ВЦСПС. Подпись руководителя учреждения, выдавшего маршрутный лист: В. Чурков. Дата – 21 июля 1954 г. Печать.

К маршрутному листу начальника группы тов. Вонсовского С.В.

Группа туристов под начальством члена-корреспондента Академии наук СССР тов. Вонсовского Сергея Васильевича на собственной автомашине М-20 («Победа»), государственный знак СЛ 70-39, совершает путешествие от г. Свердловска через города Молотов, Ижевск, Казань, Горький, Москва, Тула, Орёл, Курск, Харьков, Симферополь до г. Ялта и обратно. Просьба к хозяйственным и советским организациям оказывать всемерную помощь путешественникам, изучающим социалистическую Родину.

Начальник Уральского ТЭУ ВЦСПС П. Томбасов. г. Свердловск, 21 июля 1954 года.

На этом я заканчиваю описание нашего путешествия.

СТАРИННЫЙ ДРУГ

Хочу привести единственное сохранившееся письмо из Якутска от Гриши Кокшарского. Вот оно:

«Дорогой Серёжа! Большое спасибо за тёплое поздравление, которое было для меня в Москве приятной нежиз-

данностью. С того момента, как мы с тобой расстались в Ленинграде, прошло уже очень много времени, но добрая память о скромном и тихом Серёже никогда не угасала у меня. Я был всё время в курсе твоих больших успехов в науке и одну из твоих последних работ видел у Тamarы Александровны. Очень и очень рад за тебя.

Что касается меня, то, сам знаешь, продвижение в науке не могло быть быстрым и успешным, ибо я всё время работал и работаю на Крайнем Севере и всё почти время на практической – лечебной работе. Благодаря тому что в Якутске в 1950 г. был организован филиал Института туберкулёза АМН СССР, в котором я стал работать в должности заведующего отделением лёгочной хирургии, мне удалось закончить и успешно защитить диссертацию на соискание учёной степени кандидата медицинских наук.

Встретиться с тобой мне очень хотелось, и я уже чуть не телеграфировал о вылете, но затем воздержался и был прав. Дело в том, что из расписания мы уже вышли в Москве, вылетев 22 ноября в 0 ч. 25 м. на Казань, вскоре вернулись обратно в Москву, так как нас там не принимали из-за непогоды. Далее продержали в Москве до 3 ч. 30 м. и неожиданно выпустили сразу на Свердловск. Складывалось так, что встретить самолёт было очень трудно, и я, зная твою занятость, не стал телеграфировать. 23 ноября я был уже в Якутске и вновь окунулся в свою работу. Дорогой Серёжа! Зная теперь точно твой адрес, я в 1955 или в 1956 г. попытаюсь связаться с тобой и встретиться. Желаю всего наилучшего. Твой Григорий . 19/ХІІ–54 г.»

Но мы так и не встретились, а Гриша скончался! В Ленинграде мы с Любочкой хорошо побывали в гостях у Тamarы Александровны Колпаковой. Она много рассказывала о Грише Кокшарском, о его тяжёлых последних днях жизни. Он умер в больших мучениях от рака позвоночника.

Моя основная научная работа в 1954 г., как и в предыдущие годы, велась в области атомной теории твёрдого тела. Важнейшие исследования велись мною и моими сотрудниками и аспирантами в отделе теоретической физики Института физики металлов УФАИ и на кафедре теоретической физики УрГУ.

Есть письмо из редакции журнала «Природа» от 30 ноября 1954 г. от члена-корреспондента А.И. Шальникова. В нём он просит написать популярную статью по магнетизму страниц на 20–22 на машинке.

В газете «Красный боец» за 8 июля 1954 г. помещена моя популярная статья о «меченых» атомах.

Из журнала «Книжное обозрение» поступило предложение написать статью о роли книги в моей жизни. Я сначала отказал-

ся, потом написал. Но, видимо, она так и не была опубликована. Может быть, несколько позже я её приведу в тексте.

26 июня 1954 г. я получил письмо от П.Л. Капицы:

«Многоуважаемый Сергей Васильевич! Большое Вам спасибо за Ваше любезное приглашение на конференцию в Харьков по вопросам магнетизма при низких температурах. Вопрос, конечно, очень интересный, но пока ещё мои интересы не вернулись к этому кругу научных вопросов, и я не смог бы быть полезным членом Вашей конференции. Сергей будет в Харькове и мне расскажет о представленных на конференцию работах. Желаю Вам успеха. Когда будете в Москве, буду рад Вас видеть и поговорить с Вами об интересующих Вас вопросах и Вашей работе. Привет. Искренне Ваш. П. Капица.

PS. Это письмо Вам передаст мой сын Сергей».

29 октября 1954 г. я получил из «Международной книги» письмо такого содержания: «Издательство “Дойчер ферлаг дер интершафтен” предполагает перевести на немецкий язык и издать нашу книгу “Современное учение о магнетизме”. Издательство обратилось к нам с просьбой переговорить с автором, и если у последнего имеются какие-либо добавления или исправления к книге, выслать их издательству. Сообщая о просьбе немецкого издательства, просим информировать нас по затронутому вопросу для ответа в ГДР. Директор Конторы по отбору книг для экспорта и издания за границей. Н. Огуреев».

Я ответил на это письмо, сообщив, что у меня будет небольшое добавление. Указываю срок, когда я его вышлю.

Имеется небольшая переписка по поводу статьи В. Бренига и Г. Хелер.

В начале мая 1954 г. я послал письмо первому секретарю Свердловского обкома по поводу увольнения М.М. Носкова председателем президиума УФАН Н.В. Деменёвым с просьбой восстановить Носкова. Есть также письмо от Гены Шрейбера о помощи в его докторской диссертации.

Ранее (2 июня 1952 г.) я получил письмо от Л.Д. Ландау об устройстве в Свердловске только что реабилитированного Ю.Б. Румера. Но он устроился в Новосибирске, а мне через два года написал очень ласковое благодарственное письмо за мои оказавшиеся излишними хлопоты. Приведу первую фразу письма Ю.Б. Румера: «Ваше письмо очень тронуло меня своей сердечностью. Лишний раз приятно убедиться в том (и мой богатый жизненный опыт убеждает меня в этом), что порядочных и милых людей на свете подавляющее большинство, а непорядочных очень мало».

Имеется также переписка, инициированная А.П. Комаром, тогда директором ЛФТИ, с участием Я.И. Френкеля и П.И. Лукирского с просьбой ко мне сделать доклад в ЛФТИ по антиферромагнетизму.

Вот мое письмо в партийные органы Свердловска с просьбой о возвращении в штат Института физики металлов Евгения Акимовича Турова. Кроме того, есть два личных письма от бывших моих учеников. Одно «покаянное» от Патрахина в связи с его покупкой на рынке облигаций государственного займа, в результате чего его уволили с работы, и второе благодарственное от А. Пашилова в связи с успешной защитой кандидатской диссертации.

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ. КОМАНДИРОВКИ. ЗАРУБЕЖНЫЕ ДРУЗЬЯ

В 1956 г. в марте в Москве проходил учредительный съезд Общества по распространению политических и научных знаний. Я был делегатом этого съезда, но у меня сохранился только делегатский блокнот. Из этого блокнота я могу сообщить, что председателем президиума Общества был избран академик РАН Артоболевский и что 21 марта 1956 г. в 20 ч. 30 м. был концерт. К сожалению, это практически всё, что я могу сказать. В Свердловском отделении этого общества я принимал активное участие и в организационной деятельности, и в чтении лекций.

Год 1956 был отмечен двумя важными событиями в моей научной жизни: это приезд в Москву впервые большой группы иностранных учёных из различных стран, специалистов в области физики конденсированных систем и магнетизма, и мой первый выезд за границу – в научную командировку в Польшу. Но об этих событиях потом. Сначала остановлюсь на жизни нашей семьи.

Здесь письма начинаются только с июня 1956 г., и самые первые от бабушки Анны Израилевны. В письме от 22 июня она волнуется из-за моего заболевания. Папа в письме от 20 июля в Пярну на непонятную улицу Суур-Сева сообщает о присланных мне письмах и среди них упоминает о 9 оттисках от Бейтса. Это уже реакция на пребывание Бейтсов в Москве.

Мамочка в письме от 20 июля пишет, почему она так скоро уехала из Пензы – у Островских очень плохие бытовые условия, и в Пензе нет белого хлеба. Но несмотря на это, и Островские, и мама остались очень довольны свиданием. Ведь мама не виделась с Тосей 40 лет, с чудесного лета в 1917 г. в Артамасе. Игра мадам Кано! Тося даже упростила маму сыграть «Элегию» Калининкова. Очень много интересного рассказывал Серёжа о войне. Он воевал в Турции. Доходил до Тигра и Евфрата. Мама пишет, что Тося никак не может представить себе меня профессором и большим учёным.

В своём письме от 29 июля папа сообщает о смерти геолога Аркадия Александровича Иванова. Это большая потеря для геологической науки Урала!

В письме из Пярну 5 августа я описываю наше с Андрюшей и Зиной путешествие из Пярну в Ригу. На этот раз нам удалось достаточно полно ознакомиться с этим интересным городом. При нас был визит в Ригу шведских военно-морских кораблей. Мы даже поговорили со шведскими моряками (по-английски).

В письме от 10 августа папа пишет о получении адресованных мне писем от Кубо из Японии, Шенберга из Кембриджа. Это всё отклики на их московский визит в мае этого года.

А вот следующее моё письмо от 11 ноября из Киева. От этого города я в восторге, только занятость на конференции не позволяет мне больше с ним познакомиться. Я делал доклад, конечно, очень волновался, но прошёл он хорошо. Было много вопросов и оживлённая дискуссия. Уезжаю из Киева в Москву, где 13 ноября будут выборы президента Академии наук. В Свердловске собираюсь быть числа 20-го.

Перехожу к изложению главных научных событий, которые произошли в моей жизни в 1956 г.

Первое – совещание по физике магнитных явлений, которое было организовано Отделением физико-математических наук АН СССР, Комиссией по магнетизму АН СССР при УФАНе и МГУ с 23 по 31 мая. Это было третье совещание по магнетизму, проведённое в СССР за послевоенные годы (первые два проходили в декабре 1946 г. и в ноябре 1951 г. в Свердловске). В отличие от первых двух в работе данного совещания приняли участие наряду с советскими учёными также около 30 иностранных учёных из 11 зарубежных стран: Англии (Д. Шенберг из Кембриджа, Л.Ф. Бейтс из Ноттингема), Венгрии (Л. Пал, Т. Тарноци, П. Денеш), ГДР (А. Леше, Г. Гебер), Голландии (С.Дж. Гортер), Индии (А. Бозе, Дж.С. Саньял), КНР (Кэ Тинсуй), Польши (С.О. Щеневский, Г. Цофта, Ст. Лория), США (А. Кип, Р.М. Бо-

зорт, К.П. Бин), Франции (Л. Неель, Ю.С. Вайль), Чехословакии (Л. Валента, Я. Пачес, Я. Кацер, К. Вотруба), Японии (Р. Кубо). В пленарных и секционных заседаниях приняли участие около 700 физиков-магнитологов, инженеров-электриков, металлургов, представляющих различные учреждения академий наук республик СССР, промышленных заведений 20 различных городов СССР – Москвы, Свердловска, Харькова, Казани, Ленинграда, Киева, Красноярска, Риги, Молотова, Челябинска, Ашхабада, Баку и др. Было прочитано свыше 80 докладов и сообщений по различным вопросам физики магнитных явлений.

Магнитные свойства материи имеют необычайно широкий диапазон в явлениях природы. С одной стороны, магнетизмом обладают элементарные частицы, а с другой, магнитные поля межгалактических пространств играют существенную роль в жизни Вселенной. Такая широта магнитных явлений привлекает к ним пристальное внимание физиков. Вместе с тем разгаданные тайны магнитных свойств вещества открывают перед нами широкие возможности для их практического использования в технике. Именно поэтому, кроме физиков, магнетизмом очень интересуются инженеры-электрики, металлурги, радиотехники и металлурги, а также специалисты других естественных наук. Такое важное значение магнетизма в науке и технике делает весьма желательным широкое деловое общение всех специалистов, в той или иной степени заинтересованных в развитии как теории, так и технических применений магнетизма. Одной из наиболее действенных форм такого общения являются совещания и конференции как по общим, так и по частным вопросам магнетизма. Естественно, на одном, даже широком, совещании невозможно обсудить все вопросы данной отрасли науки. Поэтому на совещании, о котором я говорю, в повестку дня были включены доклады и сообщения лишь по ограниченной совокупности важнейших разделов магнетизма, а именно по вопросам: а) магнетизма слабомагнитных веществ и низкотемпературного магнетизма, б) парамагнитного и ферромагнитного резонанса, в) физики ферро- и антиферромагнитного состояния вещества, г) физики технической кривой намагничивания и магнитных материалов.

В первом разделе приведены исследования осцилляций магнитной проницаемости, т. е. эффект де Гааза – ван Альфена, а также гальваномагнитных явлений – изменения электросопротивления в магнитном поле и эффект Холла. При изучении этих явлений удаётся непосредственно выяснить характер электронных движений в кристаллах, а именно определить зависимость энергии от квазимомента для квазичастиц – носителей тока фер-

миевского типа, выяснить форму поверхности Ферми и т. п. Эти сведения важны для проверки наших современных теоретических представлений об электронной структуре твёрдых тел, с одной стороны, а также для построения более адекватных теоретических моделей для расчёта электронных энергетических спектров – с другой.

Интерес второго раздела обусловлен тем, что, наблюдая влияние высокочастотных полей в резонансном режиме или релаксационные эффекты, мы получаем подробные и непосредственные сведения о самых тонких деталях электронных движений в атомах, молекулах и конденсированных телах. Именно поэтому методы магнитного резонанса уже нашли широкое практическое применение в различных разделах физики и химии. Существенно также отметить, что высокочастотные методы позволяют подойти к решению тех же важных теоретических задач, как и в уже упомянутом разделе.

Переходя к третьему разделу, следует сказать, что среди различных вопросов магнетизма особенно важное значение имеют вопросы ферромагнетизма. Это обусловлено тем, что явление ферромагнетизма нашло широчайшее практическое применение в современной технике: ни одна электротехническая машина или аппарат, ни один радиотехнический прибор не могут обойтись без использования тех или иных магнитных материалов, которые изготавливаются из ферромагнитных веществ. Вместе с тем изучение ферромагнитных свойств вещества имеет и большой перспективный научный интерес, так как это явление связано с весьма сложными и тонкими свойствами электронной системы твёрдых тел, и поэтому его изучение открывает перед нами возможность исследования большой совокупности других физических свойств твёрдых тел и, следовательно, перспективы их практического использования. На совещании предметом обсуждения были следующие проблемы ферромагнетизма: природа ферромагнитного и антиферромагнитного состояний вещества и связь их с другими (немагнитными) свойствами, магнитная структура ферромагнетиков, определяющая их технические магнитные свойства, а также вопросы физики магнитных материалов.

Серия сообщений и докладов была посвящена вопросам изучения немагнитных свойств ферромагнетиков. Эти исследования представляют особый интерес, так как открывают новые возможности и для уточнения наших представлений о природе ферро- и антиферромагнитного состояния вещества, и для выяснения закономерностей в твёрдом теле, связанных с другими его свойствами (электрическими, тепловыми, механическими и др.).

Среди проблем теории технической кривой намагничивания ферромагнитных веществ весьма большое, а в ряде случаев определяющее место принадлежит исследованиям структуры областей самопроизвольной намагниченности (доменов). Величина и форма последних, их условия зарождения и изменения под влиянием различных воздействий, природа граничных слоёв между доменами – всё это определяет характер протекания процессов намагничивания в ферромагнетиках, вид их кривых намагничивания и петель гистерезиса, т. е. всю совокупность его технических магнитных свойств. Именно поэтому такое большое внимание уделяется в настоящее время всестороннему изучению структуры ферромагнитных доменов. Ввиду малых масштабов этих образований, часто сложной их конфигурации, а также резкой структурной чувствительности, их экспериментальное наблюдение оказывается весьма затруднительным. Эти трудности с неизбежностью приводят к поискам различных методов исследования, которые позволили бы изучить свойства доменов с различных сторон. Одним из наиболее простых и непосредственных способов наблюдения доменов с поверхности образцов является так называемый метод порошковых осадков. Он основан на том, что неоднородности осадка ферромагнитного порошка на поверхности ферромагнитных образцов находятся в прямой связи с неоднородностями магнитных полей рассеяния вблизи поверхности, которые, в свою очередь, связаны с наличием доменов и граничных слоёв между ними. Усовершенствование методов порошковых осадков (открытых ещё в 1931–1932 гг. Биттером в США и Акуловым у нас в СССР) позволяет выяснить весьма мелкие детали структуры доменов при различных условиях наблюдения, их связи с кристаллографией образцов, влияние искажения кристалла, закономерности появления зародышей доменов при перемагничивании и т. п. Кроме того, доклады этого раздела совещания были посвящены вопросам влияния фазовых превращений, кристаллографической и магнитной текстуры на магнитные свойства ферромагнитных материалов, явлениям магнитного гистерезиса, вопросам магнитной вязкости ферромагнетиков и магнитных измерений.

По всем докладам и сообщениям было задано множество вопросов и проходила оживлённая дискуссия, которая продолжалась не только на официальных заседаниях совещания, но и при личных встречах участников вне этих заседаний. Значение настоящего совещания заключается не только в том, что на нём было подвергнуто обсуждению много интересных и важных вопросов физики магнитных явлений, подведены известные итоги

работы физиков-магнитологов различных стран и намечены пути дальнейших исследований, но и в том, что в ходе работы совещания были установлены тесные научные контакты между советскими физиками и физиками ряда зарубежных стран. Широкий обмен мнениями, дружеская обстановка во время всех заседаний и взаимная информация, безусловно, оказали своё плодотворное влияние на дальнейший прогресс в науке о магнетизме во всех странах. Важно также отметить, что совещание закончилось дружеской встречей зарубежных и советских физиков, как участников, так и неучастников совещания (например Л.Д. Ландау), в самом престижном ресторане Москвы – «Праге».

Второе важное научное событие в моей жизни в 1956 г. было инициировано письмом профессора Л. Сосновского, председателя организационного комитета конференции по физике твёрдого тела, которая по инициативе Польской и Чехословацкой академий наук должна была состояться с 5 по 11 ноября 1956 г. в г. Сопоте (Польша), с приглашением меня на эту конференцию. По распоряжению президиума Академии наук Союза ССР я был командирован в ноябре в Польшу вместе с Вулом Бенционом Моисеевичем – членом-корреспондентом АН СССР.

Из моего отчета: «Делегатами СССР было прочитано три доклада, два на пленарных заседаниях (С.В. Вонсовский) и один на секции А (Б.М. Вул). Доклады С.В. Вонсовского – “Некоторые вопросы кватерно-механической многоэлектронной теории полупроводников”, “Некоторые вопросы квантово-механической теории металлических и полупроводниковых ферромагнетиков”. Доклад Б.М. Вула – “Нелинейные эффекты в титанате бария”. По докладам были заданы вопросы и развернулась детальная дискуссия. Кроме указанного, мы принимали участие в подготовке проекта резолюции конференции и её обсуждении на заключительном заседании. В перерывах между заседаниями имели многочисленные беседы с польскими и чехословацкими физиками по различным вопросам физики твёрдого тела».

Во время пребывания в Сопоте между заседаниями мы успели побывать в соседних городах – Гдыне, Гданьске и Оливе. Постарались всё там посмотреть, а в Оливе даже послушать один из самых известных органов. Кроме того, были на месте знаменитого сражения поляков с немцами в Вестерплатце, где стоит величественный памятник.

После окончания конференции в Сопоте мы выехали в Познань, где ознакомились с физическими лабораториями Познаньского университета и Института физики ПАН, в которых ведутся работы по изучению свойств ферромагнетиков и диэ-

триков (под руководством профессоров Пекара и Лория), а также по теории ферромагнетизма (под руководством профессора С. Щеневского). Ознакомившись с работами, которые ведутся в их лабораториях, мы имели подробные беседы с сотрудниками по различным вопросам физики твёрдого тела.

Из Познани мы выехали в Варшаву. Здесь мы прежде всего ознакомились со структурой Института физики ПАН и затем осмотрели лаборатории этого института, расположенные в Варшаве. Присутствовали также на защите диссертации на соискание учёной степени кандидата физико-математических наук на заседании учёного совета физико-математического факультета Варшавского университета и приняли участие в обсуждении диссертации. В Польше тогда всё бурлило в связи с возвращением Владислава Гомулки. У меня сохранился заглавный лист польского журнала «Swiat» от 28 października 1956 г., где сообщается, что на VIII пленуме польской компартии В. Гомулка единогласно избран первым секретарем Центрального Комитета партии. Это было целое событие для всей Польши, и мы с Паулиной Ящин все это оживленно обсуждали.

О поездке в Италию я не нашёл соответствующих документов. Но помню, что эта поездка была вызвана вступлением СССР в Международный союз чистой и прикладной физики. Председателем нашей делегации был академик Абрам Фёдорович Иоффе. Он же рекомендовал и нас, троих делегатов: академика Георгия Вячеславовича Курдюмова, а также двух членов-корреспондентов АН – Ивана Ивановича Новикова и меня. Мои спутники были чрезвычайно симпатичные люди, так что компания была прекрасная. Моя первая открытка – с дороги в Италию, из аэропорта Вильнюса, от 17 сентября. Но мы запоздали с вылетом, поэтому в Праге уже не застали самолёта, который летит в Рим через Цюрих. Следующее письмо из Рима от того же 17 сентября. Я его приведу целиком:

«Дорогие мои, любимые Любочка, мамочка, папочка, детки и Анна Израилевна. Только что устроились в гостинице “Палаццо” в номере 217 (адрес Roma Via del Corso 126 Hotel Palaza № 217). Будем жить в этом номере все втроём. Номер стоит 8000 лир. Из Москвы вылетели в 11 ч. 00 м. (вместо 5 ч. по расписанию). Самолет задержался ещё по пути из Вильнюса из-за грозы и прилетел в Москву вместо часу ночи только в 9 ч. 30 м. утра. До Праги долетели за 8 часов. В Праге пришлось заночевать. Новиков случайно встретил знакомых физиков-чехов, которые отвезли нас в город и устроили в гостиницу. Абрама Фёдоровича с его супругой Анной Васильевной встретили в Праге – они тоже в

этот день не улетели. Сегодня утром и вчера вечером немного осмотрели Прагу. На улице ещё встретили двух знакомых физиков-чехов – Кацера и Пачеса. Вот, действительно, права пословица, что “мир тесен”! Сегодня в 10 ч. по пражскому времени за нами заехала машина и мы, проехав через Пражский кремль, в 10 ч. 30 м. были на аэродроме. Там же встретились с Абрамом Фёдоровичем. Он улетел в 11 ч. 35 м. через Цюрих, а мы в 14 ч. 50 м. прямо в Рим на четырёхмоторном самолёте индийской компании “Air-India”. Летели всего 2 ч. 30 м. Чудесные виды австрийских Альп, видели лагуну Венеции (не на р. Белой!), Адриатическое море, Аппенины. Из аэропорта позвонили в посольство, и нам выслали машину и заказали номер в гостинице. Но на совещание мы, конечно, опоздали. Пойдём завтра. Прямо не верится, что за окном шум древнего города. Шофёр вез нас мимо Колизея и других знаменитых мест. Улицы полны машин и людей. Крепко вас целую и люблю, мои дорогие. Жду от вас известий и звонка по телефону».

У меня сохранилась карточка ресторанного меню из Остии от 20 сентября, где был прощальный ужин. Из неё я знаю, что заседания Международного союза чистой и прикладной физики (куда нас приняли) проходили с 17 по 30 сентября. На первом из заседаний, на которых мы присутствовали, нас страшно поразил громкий голос говорившего по-английски с американским акцентом известного физика США Ван Флека. 18-го числа между заседаниями мы были во Фраскати. Там в ресторане обедали. У меня есть фото столика, за которым сидят Абрам Фёдорович, Анна Васильевна и бразильский физик русского происхождения Глеб Ватагин, с которым мы познакомились. Были мы также в Старой Атике и подробно осмотрели её развалины. У меня также много фото этого древнего города.

А 18 декабря 1957 г. я посылаю открыточку из Вильнюса из аэропорта. Улетаю дальше в Англию, куда меня опять отправил Абрам Фёдорович. 19-го числа я уже пишу папе из Праги. Сообщаю, что надеюсь сегодня же попасть к месту назначения, т.е. в Англию. Я пишу, что всё время очень волнуюсь о состоянии здоровья папы, который теперь, после ухода из жизни мамы, остался для меня самым дорогим и близким человеком. Я пишу, что вспоминаю наши совместные с мамой поездки ещё в детстве и юности и сожалею, что папа очень часто не ездил с нами. Например, в Артамас и Крым. Пишу, что очень хочу по возвращении домой разобрать с папой наши старые фото и письма. Спрашиваю папу, удалось ли ему с Надюшей за это время побывать на дорогой могилке? Прошу поцеловать Надюшу и поблагодарить её за заботу о папе.

Ничего не найдено о моей поездке в тот период в Англию, но сохранилось много фото, которые я наклеил в мой зарубежный альбом. Видимо, я должен был заменить Абрама Фёдоровича на конференции в Лондоне, куда он не смог поехать. По-видимому, я на неё несколько опоздал, и вообще меня там не ждали. По всей вероятности, я на этой конференции ничего и не докладывал. После окончания конференции Бейтс пригласил меня к себе в Ноттингем. Он поселил меня в своем доме, в комнате, которую занимал его сын (в то время он уже женился и жил в другом городе). В Ноттингеме я побывал в университете. Познакомился со многими сослуживцами Бейтса, побывал в гостях у них. Это были праздничные дни Рождества, одного из самых больших праздников в Англии. И я принимал участие в милых встречах, на которых были и любительские выступления – музыкальные трио, квартеты, пение арий и т. п. Англичане оказались не такими чопорными, как я до этого себе представлял. Много гуляли по городу.

На машине Бейтс свозил меня в деревушку недалеко от Ноттингема – родину Ньютона. Был в его домике, где сейчас музей и жилой дом местной сельской учительницы, с которой мы познакомились. Были праздники, и музей закрыт, но когда Бейтс сказал, что я русский физик, который хотел бы посмотреть дом Ньютона, она нас любезно приняла и всё показала. Были и в ближайшем городке, где Ньютон учился в начальной школе. Видели на подоконнике в столовой школы нацарапанную собственноручную подпись Ньютона. Он очень любил это везде делать в юношеские годы. Вот всё, что я пока могу сообщить о первом посещении Англии.

По дороге из Ноттингема в Лондон я ещё заезжал к пригласившему меня английскому физику доктору Р.Д. Лауде. Он работал в английском ядерном центре, где читал лекции И.В. Курчатов. В разговоре с Лауде Курчатов упоминал меня, и того заинтересовали мои работы. Он знает русский язык. Видимо, из Ноттингема я позвонил ему, и мы договорились о встрече. Он жил рядом с Харуэлом в местечке Абингдон. Я был у него в гостях в его домике в Абингдоне. Познакомился с его женой. Она по национальности бельгийка. Была участником Сопротивления и получила серьезное ранение ноги. У них есть дочка, тогда она была милая маленькая девочка. Кроме того, я заезжал в Оксфорд, и там познакомился с другим английским физиком Блини, который мне подарил написанную им вместе с сыном монографию «Electricity and Magnetism», изданную Oxford Clarendon Press в 1957 г. (676 стр.). В Оксфорде я также познакомился с физиком

доктором Р. Эллиоттом. В Кембридже были встречи с Моттом и Шёнбергом.

По дороге из Англии обратно в Москву случилась неожиданная остановка в Париже из-за плохой погоды. Нас отвезли в центр города в гостиницу «Palais d'Orsay», которая расположена на берегу Сены, напротив Лувра. Мы сразу побежали в музей. Конечно, получили много удовольствия и от музея, и от всего «парижского духа». У меня около полутора десятка снимков. Таким образом, 1957 год в смысле знакомства с заграничницей оказался очень насыщенным. Я официально познакомился с Италией и Англией, куда меня посылали, из-за случайных остановок самолётов на полпути – ещё с Прагой и Парижем.

Я принимал самое активное участие в подготовке и проведении совещания по физике ферромагнитных доменов в Красноярске в июне 1958 г. как председатель научного совета АН СССР по проблеме «Физика магнитных явлений». Участвовал также в подготовке и проведении международной конференции по магнетизму, которая проходила во Франции в г. Гренобле со 2 по 5 июля 1958 г., как член комиссии по магнетизму Международного союза чистой и прикладной физики. На этой конференции мной был прочитан доклад на тему «Работы советских физиков в области магнетизма за последние годы». Об этой конференции я представил отчёт в бюро ОФМН и президиум АН СССР.

На конференции в Филадельфии из-за уважения к иностранным гостям первый доклад предлагалось сделать уважаемому зарубежному учёному, а именно профессору Л. Неелю. Но он перед приездом в Филадельфию был по делам в Чикаго, должен был прилететь к началу конференции. А тут неудача – забастовка пилотов, и рейс из Чикаго в Филадельфию задерживается. Неель едет поездом, но наверняка опоздает к началу конференции. И устроители нажали на меня, чтобы я сделал первый доклад. Вот было страху. Я умолял Георгия Анатольевича Смоленского быть на страже, чтобы помочь мне в случае какой-либо заминки. И вот перед тысячной аудиторией я выхожу с докладом и со своим слабым владением английским разговорным языком. Но, к моему удивлению, прошло всё благополучно. Были аплодисменты и удачные и смешные ответы на вопросы. В общем, «Бадика был на высоте!» Мы очень хорошо встретились с Бозортом. Я был у него дома. После Филадельфии были в Вашингтоне и Нью-Йорке. У меня довольно много фотографий этого путешествия. Есть даже ночной снимок Бродвея.

В марте 1961 г. я посетил Польшу по приглашению Польской академии наук. Мной был прочитан цикл лекций по вопро-

сам квантовой теории ферромагнетизма в Институте физики ПАН и в Политехническом институте в Варшаве. Посетил лабораторию ферромагнетизма ПАН и физический факультет Познаньского университета. Был в политехническом институте и в лаборатории низких температур во Вроцлавле, в Институте чёрных металлов в Гливецах. Кроме этого, я посетил Институт технических проблем ПАН и Атомный центр в Шверке в Варшаве, политехнический институт в Кракове.

В Институте физики металлов УФАН СССР с 13 по 16 ноября 1961 г. был с визитом американский физик из Массачусетского технологического института доктор Дж. Гудинаф, руководитель группы в Линкольнской лаборатории в г. Лексингтоне. Он ознакомился с рядом лабораторий ИФМ и на научном собрании института сделал доклад на тему «Электронные переходы в некоторых окислах переходных металлов», а также вёл беседы с рядом научных сотрудников института. Я без разрешения начальства даже немного повозил его на своей машине по окрестностям Свердловска.

На Международной конференции по магнетизму ICM-2 в Киото, Япония, 25–30 сентября 1961 г. Е.И. Кондорский зачитал мой доклад «Some Recent Works of Soviet Physicists on the Theory of Ferro- and Antiferromagnetism». По-видимому, я по каким-то причинам не смог лично присутствовать там. Доклад опубликован на английском языке в японском физическом журнале «Journal of the Physical Society of Japan» (1962. Vol. 17, suppl. b-1. P. 44).

С 7 по 11 сентября 1964 г. в Ноттингеме, Англия, проводилась очередная конференция по магнетизму. На ней я прочитал свой доклад «Некоторые работы советских физиков по теории ферромагнетизма и антиферромагнетизма за последние годы» и доклад трёх авторов – мой, Ю.А. Изюмова и М.С. Свирского «К электронной теории *d*- и *f*-металлов».

Советская делегация состояла из 10 человек. Руководителем делегации был я, остальные – С.В. Тябликов, Ю.А. Изюмов, Е.И. Кондорский, К.П. Белов, К.П. Кринчик, Е.П. Свирина, А.А. Галкина, К.М. Поливанов. Кроме того, в конференции принимал участие А.М. Прохоров, который присутствовал в основном на другой конференции, и сроки его пребывания в Англии были другие. Я тогда с ним впервые встретился. Поскольку командировка советских делегатов была оформлена через Интурист, то в делегацию ещё включили представительницу этого общества – В.М. Трейнич. Директивные указания для делегации были следующие: *a* – участие в магнитной конференции в Нот-

тингеме, *б* – посещение Ноттингемского, Оксфордского и Кембриджского университетов, *в* – установление личных деловых научных контактов с зарубежными учёными, *г* – получение печатных и других материалов, а также иной информации о работах в области магнетизма и физики твёрдого тела. Общие «внешние» сведения о проведении командировки: 5 сентября – вылет из Москвы из аэропорта Шереметьево. Часовая остановка для пересадки в аэропорту Копенгагена. Вылет и прилёт в аэропорт Лондона. На аэродроме в Лондоне делегация была встречена представителем туристической фирмы «Фреммс» и размещена в гостинице «Кора» (Аппер, Вобёрн Плайс, Лондон W, CI).

6 сентября (воскресенье) до 4 часов дня осматривали Лондон. В 5 часов дня вся делегация отбыла на специальном поезде в Ноттингем, куда прибыла в 8 часов вечера. Конец дня ушёл на размещение в студенческих общежитиях Ноттингемского университета и знакомство с материалами конференции (программой, списком участников, тезисами докладов и т. п.). С 7 до 11 сентября включительно – участие в заседаниях и других мероприятиях конференции в Ноттингемском университете. 11 сентября в 7 часов вечера делегация, за исключением меня, Кондорского и Смоленского, выехала на автобусе фирмы «Фрэмс» в Оксфорд. Трое упомянутых членов делегации остались в Ноттингеме до утра 12-го числа, так как были приглашены к председателю организационного комитета конференции профессору Л. Бейтсу на прощальный приём. 12-го утром мы выехали на легкой автомашине доктора В. Маршала (физика из Харуэлла) в Оксфорд, куда и прибыли в 12 часов дня, и присоединились к основной части делегации. В Оксфорде было краткое посещение Кларендонской лаборатории, которое проводил её научный руководитель профессор Блини. Вечер был посвящён экскурсии по шекспировским местам. 13-го утром вся делегация выехала из Оксфорда в Лондон (воскресенье). В Лондоне всё время было посвящено посещению музеев: Галереи Тейта, Национальной галереи и Британского музея. Вечером в тот же день делегация в полном составе отбыла (на автобусе) в Кембридж. 14 сентября утром было посещение Кембриджского университета – Мондорской лаборатории, а потом выезд автобусом в Лондон. 15 сентября утром – вылет из лондонского аэропорта прямым самолётом в Москву.

Это была третья ИСМ. Первая состоялась в 1958 г. в Гренобле, вторая – в 1961 г. в Киото. И вот теперь ИСМ-3 (1964 г., Ноттингем, Англия). (Иногда считают и конференцию в Москве в 1956 г., тогда это – четвёртая.) По инициативе профессора

Л. Бейтса, члена Королевского общества, руководителя физфака Ноттингемского университета, учёного секретаря магнитной комиссии IUPAP, третья конференция была созвана в Ноттингеме, тем более что дата ее проведения совпала с вводом в эксплуатацию нового здания Ноттингемского университета. Общее число участников более 600 человек, из них 300 англичан. Среди иностранных делегаций преобладали американцы – более 120 человек. Японцев было свыше 30 человек, граждан ФРГ – 25, французов – 33, голландцев – 26, швейцарцев – 13 человек. Советская делегация состояла всего из 10 человек. Международный характер конференции определялся тем, что в ней участвовали представители 28 стран Европы, Азии, Африки, США и Австралии. Наши делегаты прочитали 10 докладов (плюс шесть от не присутствовавших авторов). Всего же было зачитано 230 докладов. Содержание докладов отражало главные направления, по которым в последние годы развивалась во всём мире физика магнетизма.

В моем архиве хранится грамота от УрГУ, которой я был награжден 2 октября 1957 г. «за многолетнюю безупречную работу и в связи с пятидесятилетним юбилеем Уральского государственного университета» за подписью министра Столетова.

В 1958 г. были три большие конференции по магнетизму, в которых я принимал активное участие: это совещание по физике ферромагнитных областей в июне в Красноярске; международная конференция по магнетизму в Гренобле, Франция, в июле; американская национальная конференция по магнетизму и магнитным материалам в ноябре в Филадельфии.

Приведу список моих зарубежных друзей, с которыми я состоял в переписке.

Англия: *Prof. L.F. Bates*, Department of Physics, The University Park Nottingham, *Prof. B. Bleaney*, Clarendon Laboratory, Oxford, *Dr. R.J. Elliott*, Clarendon Laboratory, Oxford, *Prof. D. ter Haar*, Department of Theor. Phys., Oxforde, *Dr. E.W. Lee*, *Dr. R.D. Lowde*, *Dr. W. Marshall*, *Prof. N.F. Mott*, Gonvill and Caius College, Cambridge, *Prof. D. Shoenberg*, Cambridge, *Prof. E.P. Wohlfarth*, Department of Mathematics Imperial College.

Болгария: *Др. Е. Леяровский*, Ин-т физики твёрдого тела, БАН, *др. П.М. Минчев*, *проф. Г.Н. Рашиев*, София.

Венгрия: *Prof. Lenard Pal*, *Dr. T. Siklos*.

Венесуэла: *Prof. W. Giriat*.

Вьетнам: *Проф. Нгуен-Нугуен-Ху*.

ГДР: *Prof. W. Andra*, Institutsteil für magnetische Werkstoffe, *Prof. P. Gorlich*, Schriftleitung «Physica status solidi», Berlin, *Prof. G.*

Heber, Bereich Thejretische Physik, Technische Universität, Dresden, *Prof. U. Hofmann*, der Vice-Präsident der Akademie der Wissenschaften, Berlin, *Prof. H. Klare*, der Präsident der Akademie der DDR Wissenschaften, Berlin, *Prof. A. Losche*.

Индия: *Prof. A. Bose*, Indian Association for the Cbltivation of Science Jadavpur, Calcutta.

Польша: *Prof. H. Cofta*, Poznan, *Dr. K.D. Leibler*, Warszawa, *Prof. J. Mazur*, *Prof. A. Smolinski*, Warszawa, *Prof. M. Suffcynskii*, Warszawa, *Prof. S. Szczeniowski*, Warszawa, *Prof. B.J. Trzebiatowska*, *Prof. W. Trzebiatowski*, Warszawa, *Dr. B. Wyslocki*, Czestochowa.

Румыния: *Prof. A. Cjrciovei*, Institutul Fizica Atomica, Bucuresti.

США: *Prof. R.M. Bozorth*, *Dr. B.R. Cooper*, *Prof. A.J. Freenan*, *Prof. J.B. Goodenough*, *Prof. L.D. Jennings*, *Dr. E.C. van Reuth*, *Prof. H.E. Stanley*, *Prof. J.H. Van Vleck*.

Франция: *Prof. J.C. Barbier*, Grenoble, *Prof. E.F. Bertaut*, Grenoble, *Prof. P. Fleury*, Institut Optique, Paris, *Prof. Ch. Guillaud*, *Prof. L. Neel*, *M-me J. Parpan*.

ФРГ: *Prof. J. Appel*, *Prof. S. Methfessel*, Institut für Experimental Physik, Bochum.

Чехословакия: *Prof. J. Broz*, *Prof. Z. Frait*, *Prof. J. Kaczer*, *M. Kazdova-Hirkova*, *Prof. S. Krupicka*, *Dr. Z. Malek*, *Dr. J. Paces*, *Prof. L. Valenta*, *Prof. M. Valouch*, *Dr. K. Wotruba*.

Япония: *Prof. K. Ariyama*, *Prof. S. Chikazumi*, *Prof. S. Kaya*, *Prof. R. Kubo*, *Prof. T. Nagamiya*, *Prof. M. Shimizu*, *Dr. K. Yamamoto*, *Prof. N. Watanabe*.

К этим фамилиям я буду ещё возвращаться. Это в основном те зарубежные учёные, с которыми я поддерживал связь. У меня в архиве – огромное количество новогодних поздравлений на красивых открыточках, также есть книжечки, в которых я вёл детальный реестр моей зарубежной переписки начиная с новогодних поздравлений 1 января 1958 г.

СМЕРТЬ МАМЫ. ЕЕ РОДОСЛОВНАЯ

Январские письма папы к маме 1957 г. направлены, по-видимому, в Москву или в Большево (точнее сказать не представляется возможным). Вот мамочкино письмо от 6 февраля 1957 г., в котором она упоминает Даню Часовитину. Это дочь от побочного брака Великого Князя, сосланного в Ташкент. Дальше мама

пишет, что Нина (видимо, Воскресенская) предложила остаться у них до моего приезда в Москву. Есть письмо из Москвы от 21 февраля, где мама пишет о моём приезде в Москву и о том, что какая-то Ожегова (видимо, врач) уложила её в больницу на месяц. Есть письмо от 17 апреля 1957 г. от Людмилы Владимировны Кашкаровой, где она пишет много о музыке. Следующее сохранившееся письмо уже от 19 мая от бабушки Анны Израилевны из Ленинграда. Она страшно обеспокоена болезнью своей сестры тётки Рахили.

Моё письмо из Кисловодска (видимо, из санатория им. Горького), в котором я очень обрадован более бодрым тоном мамочкиного письма. Очень прошу маму не торопиться с выездом из Свердловска и дожидаться путевки в Большево. У нас бывают гости. На днях из Пятигорска приезжал Эля Шубин, и мы собираемся съездить к ним в Пятигорск, где они и живут. Был из Баку мой бывший аспирант Сеидов, мы его случайно встретили на прогулке. Вообще в Кисловодске много знакомых из Свердловска. Очень большое удовольствие доставили концерты ленинградской филармонии. Мы с Владимиром Ивановичем Архаровым по просьбе И.П. Бардина пишем обзорную статью «Современное состояние физики металлов» для юбилейного сборника «Советская металлургия за 50 лет». Писать её нам изрядно надоело, но пишем! О моих предполагаемых поездках в Италию и Чехословакию – пока молчок!

Папа в письме от 5 сентября 1957 г. сообщает, что мама упала и сильно расшиблась. Врач Фадеева считает, что я должен попросить И.В. Беляева до Большева устроить мамочку в больницу, чтобы её предварительно подлечили. У меня осталась заявка на получение путёвки в санаторий Большево. Так эта заявка и осталась неиспользованной. А мамочка так была довольна, что путёвка уже есть.

В Москве я получил письмо Любочки от 24 сентября, в котором она пишет, что Нина Гавриловна Гусева сегодня устроила маму в больницу в нервное отделение. Видимо, решили перед Большево подлечить маму в нервном отделении Физинститута.

Дальше перерыв в эпистолярном архиве. Это связано с кончиной моей любимой Мамочки. Я приехал в Свердловск, видимо, 10 или 11 октября 1957 г. Сразу пошёл навестить Мамочку, и она на моих руках скончалась. Для нас с папой это был страшный удар. Хоронили маму по христианскому обычаю. И вот у нас с папой и Надюшей появилась дорогая могилка. Всё это было, конечно, неожиданно и страшно горько. Я помню, как меня утешал врач, который присутствовал при Мамочкиной кончине. Но

Бог захотел, чтобы я был при этом рядом с мамой. Видимо, это Божье предопределение за что-то мне было дано. С 12 по 16 октября мы получили свыше тридцати телеграмм и много писем с соболезнованием о Мамочкиной кончине от друзей из Москвы, Ташкента, Харькова и Ленинграда. Надюша в это время была в Одессе в семье брата, её пришлось телеграммой вызвать, и она успела приехать к похоронам.

Потом я пишу папушке уже из Ленинграда 5 декабря, куда я уехал на конференцию. Приехало 120 делегатов, ожидают ещё добрую сотню. Я очень волнуюсь за здоровье папы, прошу его беречься. Я всё грущу о мамочке, вспоминаю наши совместные поездки. Прошу не забывать поклониться от меня, когда папа с Надюшей бывают на дорогой могилке. 9 декабря папа отвечает на моё письмо от 5-го числа. Пишет, какие и куда он послал письма с описанием мамочкиной кончины. Интересуется, как прошла наша конференция. Пишет, что должен благословлять судьбу, которая в лице мамочки была ему полувековой верной и горячо любимой подругой жизни.

Своим последним письмом за 1957 г. от 25 декабря папа отвечает на моё письмо с дороги в Англию. Пишет, что послал письмо Воскресенским и получил очень грустное письмо от Дани Часовитиной. Со слезами читал моё ласковое письмо из Праги. Плакал от того, что Бог послал ему такого сына! Он пишет, что такие письма выливаются из груди, где бьется благородное, чистое, сверкающее, как алмаз, сердце! От этого же числа и последнее в 1957 г. письмо Любочки. Только что вернувшись домой, она застала всё в порядке, а папа её просто радуется – он ровен и даже весел. Бабушка Анна Израилевна и Надя за ним нежно ухаживают. И он это чувствует и относится к ним прекрасно. Люба пишет, что папа, прочтя моё письмо к ней, недоумевал, кто такой «Бынчуг»? И Люба призналась смеясь, что это очень важная персона, т. е. она.

Из личной переписки 1960 г. важно сохранившееся письмо – от папы. Прежде всего он сообщает, что 10-го числа ездили на кладбище. Была годовщина мамочкиной кончины. Надюша проделала сама огромную работу по подготовке поминок. Приготовить стол к гостям ей помогала Танюшка. Из приглашенных из-за гриппа не были Буйновы и Исупов. Были Грибовские, Нина и Вера Андреевны, Ирочка Исупова, Нина Гавриловна Гусева, Лидия Михайловна, Иван Иванович, Улияния Осиповна, Валентина Ивановна, Яков Савельевич, Михаил Николаевич и своих 8 человек. Папа сказал о Мамочке очень прочувствованное слово. Всё прошло торжественно и мило.

В нашем семейном архиве есть описание генеалогического древа славного рода академика С.В. Вонсовского по линии матери – Софии Ивановны. Её удалось воссоздать благодаря длительным и кропотливым исследованиям В. Ткаченко-Гильдебранта*. Изображение герба нашей семьи по маминной линии – Гильдебрантов прислала из Санкт-Петербурга И.П. Дричко.

Социальная история фамилии свидетельствует о ее расслоении с течением столетий на различные сословные и имущественные группы, среди которых были элитные русские военные начальники (генералы, штаб-офицеры и т. д.), высокопоставленные доктора медицины, богатые прусские помещики, лютеранские теологи и пасторы, замечательные музыканты, крепкие купцы – с одной стороны, и младшие бюргеры, державшие мелкую торговлю, портные, сапожники, скорняки, пивовары и другие скромные ремесленники – с другой**.

467 лет отделяют меня, далекого потомка, от моего предка, жившего в иной стране и говорившего на ином языке. Много это или мало? Для мировой истории немного, но для истории рода – существенно. Горькое своеобразие нашей текущей современности заключается в том, что в людском сознании полнотью отсутствуют остаток последних символов прежних христианских времен – символов рода, символов крови. Ибо вера в своего предка – это не просто вера в обычного физического человека, жившего на Земле, скорее, это вера в человека-символ, реально продолжающего жить во времени своей тонкой духовной оболочкой. Греческое слово *symboli, symbolon* по-русски оз-

Герб Гильдебрантов

* В. Ткаченко-Гильдебрант. От древа Гильдебрантова (родословные записки о потомках). М., 2000.

** История рода рассказана С.В. Вонсовским в первой части «Воспоминаний» (Вонсовский С.В. Воспоминания. Ч. I. Екатеринбург, 1999).

начает «предзнаменование, связь, соединение», причем последнее соответствует латинскому *religio*.

Вот описание герба, сохранившееся в семейном архиве: на гербе изображен золотой щит, который слева направо пересекает черная перевязь, в ней поочередно расположены три золотых «гранатовых яблока», сверху над перевязью и внизу под перевязью – коричневая ветка, горящая сверху в трех местах, в клейноде – выходящий бородатый человек в черно-золотом плаще и золотом берете, держащийся руками за черно-золотые и золото-черные рога, из жерл которых пылает огонь. Герб в общих чертах повторяет гербовый оттиск гютингенского преподавателя Иоганноса Гильтебрандта* от 1562 г. и герб возведенных в имперское дворянство в 1621 г. его внуков – Конрада, Каспара и Андреаса. Этот герб на новую родину прибыл с Йодикусом, уроженцем Швабии и первым штеттинским аптекарем из рода Гильтебрандтов.

В России обосновались два брата: Амвросий из Наугарда и Густав Адольф Гильтебрандт (вормская ветвь). У последнего был внук Доротеус Гильтебрандт, успешный лекарь в Аренбурге (Эстония), в 1747 г. родился сын Иоганн Конрад (Иван Дорфеевич), в 1770 г. он стал служить лекарем, вступил в российскую службу. В 1771 г. был в «походе за ушедшими калмыками», в 1774 г. делил тяготы четырехмесячной осады г. Уралска во время Пугачевского восстания. В 1789 г. стал профессором Московской медико-хирургической школы. В 1797 г. Российская государственная медицинская коллегия признала его своим почетным членом. В 1810 г. ему пожалован диплом с гербом на дворянское достоинство. Отныне он Всероссийской Империи коллежский советник, помещик из села Обухова Клинского уезда Московской губернии. Умер в 1831 г.

Ранее, в 1790-х гг. им был вызван из Вормска племянник Фридрих (1773 г. р.), который в 1804 г. стал профессором Московского университета. После смерти дяди вступил в права наследования, стал помещиком и в 1812 г. пожаловал 150 рублей на нужды российской армии. У него было трое детей: Иван (1806 г. р.), Анна (1807 г. р.) и Елизавета (1810 г. р.). Воспитывал племянников, детей умершего в 1822 г. своего брата Ивана Андреевича: Платона (1817–1886) – будущего генерала, Аполлона (1815–1877) – придворного лекаря в Петергофе и Андрея (1803–1870) – педагога, который осел в Перьях Каси-

* Оставлены все варианты написания фамилии, которые встречаются в записях С.В. Вонсовского.

мовского уезда Рязанской губернии, неоднократно избирался уездным предводителем дворянства.

У Андрея Ивановича было 10 детей – 7 сыновей и 3 дочери. Сын Петр (1840–1905) окончил МГУ, стал известным историком и филологом, внес большой вклад в литературу о русской церкви и русской палеографии. Имел работы в соавторстве с выдающимся русским историком Николаем Ивановичем Костомаровым. Петр Андреевич первым заинтересовался родословной Гильтебрандтов. Остальные дети – сыновья Николай (1830–1880), Сергей (1841–1910), Иван (1842–1897), Федор (1843–1882), Александр (1843 г. р.), Андрей, дочери Мария (1832 г. р.), Наталия (1848–1920) и Юлия (1849–1930) – моя бабушка. Юлия Андреевна в 1867 г. закончила Екатерининский институт в Санкт-Петербурге. От первого брака с земским врачом Иваном Николаевичем Никульшиным родились сын Александр (1873 г. р.) и дочь София (1876–1957) – моя мама. Мой дедушка умер от сыпного тифа в 1878 г. От второго брака (второй муж – Федотьев Николай Степанович – педагог, метеоролог, интересовался растениеводством и огородничеством в условиях средней полосы России) у бабушки родились Николай и Валерий, оба рано умерли. За труды по исследованию возможности разведения шелкопряда в Рязанской губернии выдающийся академик Вильде в порядке исключения выхлопотал Николаю Степановичу 14-й класс в табели о рангах, а после выхода его на пенсию Вильде пригласил его в качестве смотрителя Политехнического музея прикладных знаний в Москву.

София Ивановна – моя мама – закончила гимназию в Рязани и получила свидетельство, что она может преподавать музыкальные дисциплины. Вышла замуж за военного В.В. Федотьева (родственника своего отчима) и уехала в Мерке (в 417 км от Ташкента). У меня появился брат Колюша. Вскоре муж мамы заболел, и по состоянию его здоровья (согласно поданному рапорту) семье было разрешено переехать в Ташкент, где мама овдовела и осталась с маленьким сыном 2 лет на руках. Поступила на работу в ташкентскую гимназию, была классной надзирательницей и преподавателем музыки.

Мой папа Василий Семенович Вонсовский происходил из очень бедной многодетной семьи. Его обучение в смоленской гимназии оплачивал священник из того местечка, откуда папа был родом. Затем Василий Семенович поступил в Московский университет на естественное отделение, физико-математический факультет, который блестяще закончил в 1900 г. Во время

учебы давал частные уроки по физике, математике. Среди его учеников были племянники Саввы Морозова. Благодаря этим частным урокам Василий Семенович материально помогал не только своим родителям, но и трём братьям и сестре, получающим образование.

По рекомендации профессора Московского университета Анучина едет в Ташкентскую женскую гимназию в качестве преподавателя физики и математики. Здесь мои родители и познакомились, в 1908 г. обвенчались, а в 1910 г. 2 сентября в 4 часа утра появился на свет я, Сергей Васильевич Вонсовский.

«ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ». ПЕРВЫЙ ВНУК. РАБОТА

В эпистолярном архиве 1958 г. первая открыточка от 15 марта от В.Л. Гинзбурга, где он пишет о моих статьях и о том, что Игорь Евгеньевич Тамм уезжает за границу и просит срочно прислать ему текст мемориальной статьи для УФН о Семёне Петровиче. 16 апреля президент АН Латвийской ССР Я. Пейве просит меня сообщить моё мнение в связи с выдвижением И.М. Кирко на выборах членов-корреспондентов в АН Латвии. Есть мой ответ, в котором я горячо поддерживаю это выдвижение.

В начале апреля получено письмо от руководства Сталинградского сельскохозяйственного института с извещением, что 26 апреля отмечается 60-летие со дня рождения и 35-летие научно-педагогической и производственной деятельности доцента, заведующего кафедрой металловедения и технологии металлов, кандидата технических наук Моисея Григорьевича Пятигорского. Просят принять участие в чествовании юбиляра.

В письме от 15 мая Евгений Михайлович Лифшиц не советует помещать мою статью с Л. Кобелевым о выводе уравнений теории ферми-жидкости. И вообще, он очень низкого мнения о моём соавторе и рекомендует мне «не связываться» с ним. Пишет, что получил милое письмо от Р. Бозорта из США с приглашением приехать, которым он, к сожалению, не может воспользоваться.

Есть письмо от Михаила Николаевича Михеева с приглашением на торжественное заседание 31 мая, посвящённое 50-летию

С.В. Вонсовский (в центре) с Л.А. Шубиной (слева) на пароходе (1960-е годы)

со дня рождения и 25-летию научной деятельности Яши Шура. Есть письмо от М.Г. Пятигорского от 16 июня. Я привожу его:

«Дорогие Сергей Васильевич и Яков Савельевич! Ваши тёплые поздравления меня очень обрадовали. Чем-то светлым повеяло от воспоминаний о нашей совместной работе в столь тяжёлые военные годы. Ваше исключительно чуткое товарищеское отношение навсегда оставило во мне память о Вас как о лучших людях, которых я когда-либо встречал. Прошу Вас с моей благодарностью принять наилучшие пожелания здоровья и счастья Вам и Вашим семьям. Ваш М. Пятигорский».

Мое письмо в президиум АН СССР в связи с предстоящими выборами в Академию о полной поддержке кандидатуры профессора, доктора А.С. Займовского, выдвигаемого в члены-корреспонденты АН СССР.

Есть открытка от 1 декабря 1957 г. от моего бывшего студента Юры Герулайтиса. Он устроился на работу в ФИАНе. Пишет также, что никогда не забывает своего дорогого учителя Семёна Петровича, которому он обязан всем, что у него есть. Приглашает к себе, когда я буду в Москве.

Дальше идут июльские письма папы. Первое от 29 июля, в котором он пишет о получении трех моих открыток: из Кунгура,

из Перми и с пристани Беляевка. Папа очень рад, что перед своим отъездом (в Подмосковье, куда мы выехали в отпуск – С.В.) я успел побывать на священной могилке. У нас с погрузкой машины на пароход произошла заминка, так как мы были четвертые в очереди, а капитан парохода «Одесса» брал только три машины. Пришлось грузиться на другой пароход, «Мамин-Сибиряк», который шел только до Горького, а не до Москвы.

Во всех письмах папа подробно описывает их с Надюшей посещения мамочкиной могилки. Это как-то немного успокаивает его. Он пишет, что мама была бы бесконечно рада моему успеху в Гренобле на конференции. Он также сообщает, что Валентина Ивановна Дрожжина на время отъезда на дачу принесла к нему свой аквариум, и вот теперь он с наслаждением занимается кормлением рыбок в этом аквариуме.

В письме от 31 июля папочка пишет, что во время последнего посещения маминой могилки она выглядела очень нарядно – цветут настурции, маки и анютины глазки. Папа называет меня неустанным тружеником, удивляется, что на отдыхе я уже начал писать очередную статью.

В письме от 5 августа я даю подробный отчет о нашем путешествии и прибытии в конечный пункт. До Перми нас часто задерживали спущенные колёса. Много возились с бензобаком, который во время поездки на пароходе должен был быть заполнен водой. Еще до высадки в Работках мы обогнали пароход «Одесса», на который нас не взял упрямый капитан. В Горьком с удовольствием осмотрели кремль и побродили по улицам. Жили в прекрасной гостинице, расположенной на высоком берегу Волги с чудесным видом. По дороге в Москву только один раз останавливались из-за спущенного колеса. Минувя Москву, объехали её по окружной дороге и попали в Истру. Около Поворовки (это станция на Октябрьской железной дороге, где мы вместе с семьёй Рот в 1925 г. жили с моей ненаглядной Мамочкой на даче) мы пересекли Ленинградское шоссе и через 30 км попали на Волоколамское шоссе. От него было всего 5 км до нашей дачи.

За эти дни уже два раза ездили в Истру, а завтра собираемся побывать в Москве. Я хочу в академическом гараже проверить и смазать свою бедную «Победу»! Дача у нас чудесная, и такие же чудесные её окрестности. В лесу много ягод, которые мы поглощаем в изрядных количествах. Прошу папу никогда не забывать поклониться от меня праху мамы.

Есть папочкины три письма в Истру от 10, 13, 18 августа. Жизнь у папы с Надюшей течёт нормально. Их регулярно навещает врач Нина Андреевна Карпова, наша знакомая, всегда ос-

матривает папу и измеряет его кровяное давление. Оно всё это время нормальное.

Вот моё письмо в Сталинград М.Г. Пятигорскому от 18 сентября:

«Ещё в конце июня получил Ваше дружеское письмо и вот только сейчас, вернувшись из отпуска и разбирая свою корреспонденцию, отвечаю Вам. У меня и у Яши тоже остались самые тёплые воспоминания о нашей тагильской жизни в годы войны и о Вас, дорогой Моисей Григорьевич! Очень жаль, что нам не удалось повидаться за эти годы. С ВМЗ у нас связь оборвалась, хотя с институтом она сохранилась, в частности, наш директор М.Н. Михеев ведёт с заводом работу. Иногда бывает у нас Турчинский, помните его? Его дочь закончила наш физмат и теперь работает у нас в институте в лаборатории низких температур. По-прежнему работают в нашем институте В.Д. Садовский, К.А. Малышев, А.И. Стрегулин, Н.М. Родыгин и другие, кого Вы встречали в Нижнем Тагиле. Как-то приезжал к нам Генаша Шрейбер. Он, бедняга, несколько лет тому назад попал в страшную автомобильную аварию и только чудом выжил. Он был весь искалечен, и только огромный оптимизм и любовь к жизни спасли его от верной смерти. Но вот уже несколько лет тоже не виделись с ним. Было бы очень приятно узнать о Вашей жизни подробнее, а также повидаться с Вами. Мы могли бы послать Вам приглашение на какое-нибудь из совещаний, организуемых нами в Свердловске. Напишите мне, кому такое приглашение следует послать (на чьё имя из Ваших “начальников”?). Передайте привет Вашей супруге. Ваш С. Вонсовский».

22 декабря в Большой физической аудитории Физического института Ленинградского университета было торжественное заседание, посвящённое чествованию академика Владимира Александровича Фока в связи с его 60-летием со дня рождения и 40-летием научной деятельности. Мне было прислано приглашение на это заседание.

Перехожу к описанию событий 1959 г. Сохранилось платёжное подтверждение о том, что 26 января я пожертвовал в Фонд мира 2223 рубля, а в письме 27 января сообщение из бухгалтерии АН СССР, что моё пожелание выполнено и моя зарплата за звание перечислена в Фонд мира.

Одним из самых важных событий этого года было появление на свет первого в нашем семействе внука – сыночка Сергуна у Танюши. Сохранились чудесные Танюшины записочки из родильного дома перед рождением и после появления на свет Сергуна. Произошло это событие 7 мая 1959 г., как пишет Танечка:

Первый внук (1959 г.)

«Младенец родился без двадцати час». И дальше: «Мне показали его, ужасно смешного и головастого, но я, конечно, очень плохо ещё его рассмотрела. Закричал он сам без шлепка и орал уже всё время, пока его не унесли из палаты. На меня и на него навесили номерок (№ 27), и на номере написали: “№ 27, Шубина Татьяна, мальчик”».

В письме от 10 сентября в Алупку–Сару мне и Зиночке, куда мы уехали к родственникам Веры Львовны, Любочка пишет, что трудно представить себе, что меньше чем через сутки после уральских холодов мы можем купаться в тёплом море. О папе она сообщает, что он благополучен и поит всех вкусным кофе. Сергун отказывается лежать один и плачет, когда от него отходят. Люба беспокоится молчанием бабушки Анны Израилевны. Напоминает, что у Галочки Якуниной 18-го день рождения и надо не забыть её поздравить.

Сообщает, что звонил из Москвы Кондорский. Хотел уточнить дела с поездкой в Чехословакию и сообщил, что для меня есть приглашение в США на конец ноября сего года. Отметим день рождения Галочки. От всех получила подарки, и все заграничные, кроме папиного чудесного букета русских цветов, которые Таня по поручению папы купила.

Плотичкин поставил на кандидатском экзамене Микулинскому неуд. Все в страшном волнении. С приездом Михаила Николаевича хотят урегулировать эту неприятность.

Немного из моего индивидуального отчёта в Президиум АН СССР о научно-исследовательской работе в 1959 г. Как и раньше, она велась главным образом в области микроскопической теории твёрдого тела мной и моими сотрудниками и аспирантами в отделе теоретической физики ИФМ УФАИ и на кафедре в УрГУ. В 1959 г. это были четыре главные направления: 1) по теории ферро- и антиферромагнетизма, 2) по теории металлов переходных групп, 3) по многоэлектронной теории полупроводников и 4) по теории прочности металлов и сплавов. Как и в предыдущие годы, я продолжал собирать материалы к написанию отдельных разделов нового издания «Ферромагнетиз-

ма». Готовились также статьи для «Физического словаря» (издания БСЭ). Для издательства «Иностранная литература» отредактировал перевод книги Ч. Киттеля «Статистическая физика». Продолжалась работа по философским вопросам современной физики. В связи с празднованием 50-летия со дня выхода труда В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» мной написан доклад на тему: «О значении ленинской идеи о неисчерпаемости материи для современной физики», который был зачитан на торжественной сессии Института философии АН СССР. Подготовил совместно с сотрудниками доклад для львовской конференции по теории полупроводников. Доклад зачитал Г.Г. Талуц. Принимал участие в республиканской конференции по физике металлов, проводимой АН УССР в мае 1959 г. в Киеве. Сделал доклад на пленарном заседании: «Феноменологическая теория ферро- и антиферромагнетизма». Участвовал в подготовке и проведении VI Всесоюзной конференции по физике низких температур в июне 1959 г. в Свердловске. На ней выступал с тремя докладами: о теории Холл-эффекта в ферромагнетиках, о влиянии обменного взаимодействия на свехпроводимость, о критерии сверхпроводящего состояния. На эту конференцию мы очень приглашали Л.Д. Ландау, но он не смог приехать и прислал мне любезное письмо, которое я привожу здесь полностью.

«26 июня 1959 г. Дорогой Сергей Васильевич! Мне очень жаль, что я так и не смог приехать к Вам. Я уже совсем решил поехать, как мне пришёл в голову ряд мыслей по поводу построения новой теории. Я во что бы то ни стало должен привести их в вид к киевской конференции, а до неё осталось всего три недели, что, как Вы понимаете, совсем не долго. Поверьте, что мне очень жаль, что я не смогу сейчас побывать у Вас, и мне хотелось бы очень поблагодарить Вас за тёплое отношение. С наилучшими пожеланиями Ваш Л. Ландау».

Участвовал в подготовке и проведении в декабре 1959 г. в Свердловске Всесоюзного совещания по физике прочности. Во время заграничной командировки в Чехословакию прочёл цикл докладов по квантовой теории ферромагнетизма для физиков-магнитологов физических институтов АН ЧССР. Как член Общества по распространению политических и научных знаний выступал с различными докладами. Напечатал в областных газетах несколько статей на научные темы. Продолжал интенсивную работу как главный редактор журнала ФММ. Много времени уделял работе в различных учёных советах в СССР и зарубежных. Руководил десятком аспирантов в ИФМ и в УрГУ. В 1959 г.

защитили диссертации мои аспиранты Г.Г. Талуц, М.Ш. Гитерман, В.Т. Шматов.

Был приглашён в МИАН на торжественное заседание, посвящённое 50-летию со дня рождения и 35-летию научно-педагогической деятельности академика Н.Н. Боголюбова 24 сентября 1959 г. 6 ноября этого же года постановлением Президиума АН СССР утверждён заместителем директора ИФМ УФАН. Очень большой доклад мной написан в связи со 100-летием со дня рождения Александра Степановича Попова. Среди величайших достижений человеческого гения изобретению А.С. Попова принадлежит, бесспорно, одно из первых мест. Для того чтобы показать действительно массовый характер радио в наши дни, можно назвать такие цифры: радиовещательные программы мира принимаются 250 миллионами радиоприемных устройств, а в СССР в 1960 г. будет свыше 60 миллионов радиоприемных точек и 24 миллиона приемников.

Перехожу к описанию событий 1960 г. Здесь первое письмо – от М.А. Леонтовича из редакции ЖЭТФ по поводу рецензии на нашу со М.С. Свирским статью «О взаимодействии электронов проводимости, индуцированном спиновыми волнами ферромагнетика».

Письмо от 2 февраля от директора ЛФТИ Б.П. Константинова:

«В связи с Вашим предстоящим посещением ЛФТИ я обращаюсь к Вам с просьбой выступить на общеполитинститутском семинаре (или в более узкой аудитории, если Вы это предпочтёте) с докладом. Рассмотрение вопроса о присуждении учёной степени доктора технических наук Н.М. Рейнову намечается нами на понедельник 15 февраля в 16 часов. Я надеюсь, что этот срок будет для Вас удобен и Вы сможете присутствовать при рассмотрении этого вопроса».

На философском семинаре ИФМ 15 февраля 1960 г. я сделал доклад «Проблема измерений в квантовой механике». Приведу начало доклада: «Структура физической теории – две дополняющие друг друга части: 1) математический аппарат – устанавливает связь между различными величинами; 2) связь между величинами аппарата и физическими объектами (осуществляется по конкретным рецептам – конкретные объекты и конкретные измерительные процессы). Без пункта 2 теория пуста, без пункта 1 вообще нет теории. Между классической и квантовой механиками есть различие: в первой от 2 к 1, а во второй от 1 к 2. Далее – перечень затронутых в докладе вопросов: Два типа измерений – прямые и косвенные. Специфика квантовых измерений, её отличие от классического подхода. Математическая схема процесса измерений.

Есть выписка из протокола № 4 заседания бюро ОФМН АН СССР от 2 марта 1960 г. п. 55. О распределении обязанностей между членами бюро ОФМН. Мне поручено курировать физику магнитных явлений. Протокол утверждён академиком Л.А. Арцимовичем. А в постановлении президиума АН СССР от 11 марта 1960 г. за № 179 утверждается решение общего собрания ОФМН от 26 февраля, в котором я был избран членом бюро ОФМН АН СССР.

9 апреля я написал письмо Якову Григорьевичу Дорфману, в котором прошу извинить меня, что долго не продвигаю его просьбу к президенту А.Н. Несмеянову об устройстве в каком-нибудь из физико-химических институтов АН СССР.

Сохранилось распоряжение президиума АН СССР от 27 мая 1960 г.: «1. Удовлетворить просьбу академика А.Ф. Иоффе об его освобождении от исполнения обязанностей председателя Национального комитета Международного союза чистой и прикладной физики. 2. Возложить выполнение функций Национального комитета IUPAP на группу физиков, входящих в бюро ОФМН (я там тоже упоминаюсь). 3. Возложить исполнение обязанностей председателя Национального комитета на академика Л.А. Арцимовича».

Папа в письме нам с Любой в Кисловодск пишет, что милый и славный малыш Серёженька посещает дедушку, при этом старательно закрывает за собой дверь, и они дружно просматривают разные книжки с картинками. Крышечкой от золотых часов папа хлопает его в носик, что Сергун очень любит, также любит послушать и тикание часов. Очень любит пугать тетю Надю и играть папиной тросточкой. Вообще, по словам папы – премилое существо. Только был бы здоровеньким. Нам с Любочкой папа желает «взять всё от Кисловодска и вернуться к ним отдохнувшими и в здоровье укрепленными».

В письме от 17 октября Зиночка пишет, что все были потрясены известием о кончине Абрама Фёдоровича Иоффе.

Есть очень хорошее письмо от 25 октября от Яши Шура, в котором он тоже сокрушается о кончине Абрама Фёдоровича.

Вот текст телеграммы, который мы с Любочкой послали супруге покойного, Анне Васильевне:

«Потрясены глубины души известием о кончине дорогого Абрама Фёдоровича. Невозможно поверить что больше никогда не увижу его не буду согрет доброжелательным взглядом. Навсегда сохраню в сердце горячую любовь признательность за внимание заботы поддержку окружавшие меня моих товарищей самых первых рабочих шагов науке. Мы потеряли крупнейшего учёного большого человека».

принесшего столько добра пользы родной стране Дорогая Анна Васильевна в эти скорбные дни желаем Вам душевных сил Помните наши мысли с Вами мы так же как Вы бесконечно скорбим невозвратимой утрате Ваши Вонсовский Шубина».

50-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ

23 ноября 1960 г. отмечался мой 50-летний юбилей. Дома я получил самое дорогое для меня поздравление: «Все мы рады, горды, поздравляем, любим. От капитана домашнего лайнера (министра) Любы. От папы и Нади. От Тани и Саши (“середняков”). От Зины и Алика (“бедняков”). От няни Любы. От Пани. От Валентины Ивановны».

В «Уральском рабочем» 24 ноября появилась заметка «Чествование юбиляра»: «Вчера сотрудники Института физики металлов Академии наук СССР собрались на расширенное заседание учёного совета, посвящённое 50-летию со дня рождения и 30-летию преподавательской и научной деятельности члена-корреспондента Академии наук СССР, профессора, доктора физико-математических наук Сергея Васильевича Вонсовского. За выдающиеся достижения в области теоретической физики и металлостроения член-корреспондент Академии наук СССР С.В. Вонсовский награждён орденом Трудового Красного Знамени. Заместитель председателя областного Совета депутатов трудящихся В.Т. Безуглов вручает юбиляру высокую награду. В адрес юбиляра поступили приветствия, поздравления, телеграммы – от областного и городского комитетов партии, от Кировского районного комитета партии, Совета народного хозяйства, президиума Академии наук СССР, Уральского государственного университета, Верх-Исетского металлургического завода и многих организаций Свердловска, Москвы, Ленинграда, Киева и других городов».

А 1 декабря в 13.00 ч. состоялось заседание большого совета Уральского государственного университета, где тоже первым пунктом проводилось чествование меня в связи с юбилеем. Сохранилась стенограмма этого совета, проводимого ректором С.В. Карпачёвым. Приведу отрывок из неё:

«Профессор С.В. Карпачёв: Товарищи, позвольте объявить заседание учёного совета открытым. Сегодня вашему вниманию предлагает-

ся следующая повестка дня: 1) Чествование члена-корреспондента АН СССР, профессора, доктора С.В. Вонсовского в связи с 50-летием со дня рождения и 30-летием научно-педагогической деятельности ... Я думаю, что мы попросим Сергея Васильевича сюда, за стол президиума (аплодисменты). Разрешите мне воспользоваться правом председателя, может быть, не совсем бескорыстно в данном случае, чтобы первым поздравить нашего дорогого Сергея Васильевича (аплодисменты). Всем ясно, что Сергей Васильевич – крупный учёный, много сделавший для развития нашей советской теоретической физики, много сделавший для воспитания и подготовки прекрасных кадров физиков-теоретиков в нашем университете. Я думаю, что мы пожелаем ему ещё больших успехов в развитии советской физики, ещё больших успехов в деле подготовки квалифицированных кадров в стенах нашего университета (аплодисменты). Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что наши студенты-физики счастливы тем, что они могут работать и учиться под руководством Сергея Васильевича (продолжительные аплодисменты). Позвольте от всей души пожелать Вам здоровья и всего, всего хорошего! (бурные аплодисменты)».

Далее А.Ф. Герасимов зачитывает приказ ректора университета в связи с юбилеем. Ассистент Ю.А. Шерстков зачитывает поздравление от имени сотрудников кафедр и студентов физического факультета. С поздравительными адресами к юбиляру обращается доцент Б.В. Падучев с докладом, вызвавшим у всех членов совета хорошее настроение и приведшим в бурный восторг студентов, в большом количестве присутствовавших на заседании, а главное – улучшившим настроение и самого юбиляра.

В заключение под аплодисменты вносится предложение: 1) обязать юбиляра заняться практическим решением проблемы охоты на диких зверей и осуществлением заботы о судьбе забытого *carasius* и многих других представителей класса *Pisus*; 2) вручить юбиляру некие материальные ценности: а) строгий (по-военному) чехол типа хаки и б) совершенно мирный рюкзак цвета водорослей.

Доцент Ф.Н. Дунаев с помощью лупы зачитывает некоторые заполненные страницы «вечного календаря» – название научных работ юбиляра, «известных на всём земном шаре, а может быть, и за его пределами», и прогноз в отношении открытия нового химического элементов (900-го в таблице Менделеева, под названием «вонсовий») (аплодисменты).

Ассистент Е.Ф. Шебалина при посредстве остроумной таблицы, составленной на «оригинальном фактическом материале», неопровержимо доказывает, что С.В. Вонсовский – больше магнитчик, нежели физик-теоретик (под общий смех и аплодисмен-

ты). И в заключение: «Уважаемый Сергей Васильевич! Поздравляем Вас именно с 30-летием! Будьте здоровы и счастливы! Живите 100 лет!» (аплодисменты).

С.В. Карпачёв опротестовывает: «Сто лет при современных понятиях – не мало ли?» Все согласны: «Мало!» (аплодисменты).

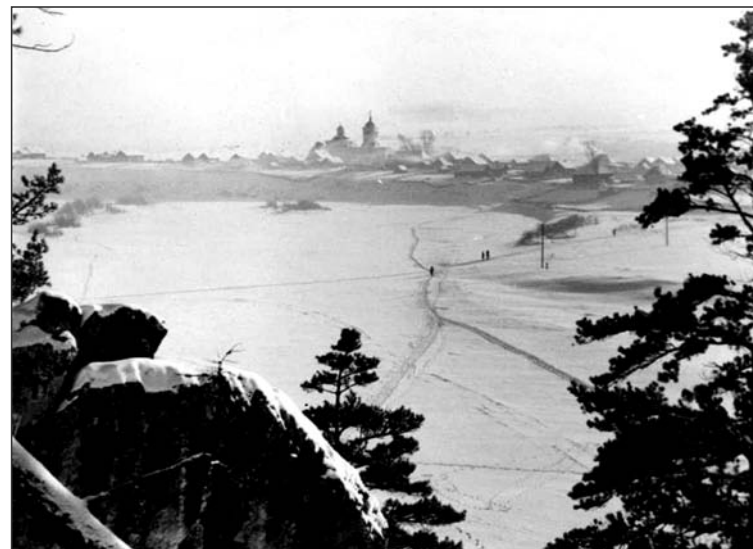
Профессор М.М. Носков, сразу по существу: «Жидкость в сосуде приводится в движение простым нажатием пробки (демонстрирует). Так вот, она – обменная модель, внутри которой в данном случае находится маленькая фигурка её создателя (это при его-то росте! – С.В.) (общий смех и бурные аплодисменты).

Выступающие продолжают сменять друг друга на трибуне: доценты К.А. Бархатова, В.В. Парфёнов, Ф.П. Рыбалко, от имени студентов 5-го курса – Никулин и Мищенко. Приборы и карты, цветы и книги, и столько тёплых слов!

Член-корреспондент АН СССР профессор С.В. Вонсовский поблагодарил своих уважаемых коллег, многочисленных учеников и последователей за тёплые поздравления. Речь его была выслушана с большим вниманием, неоднократно прерывалась аплодисментами. И сама выдавшая виды 13-я аудитория констатирует, что физики, всегда серьезные, вдумчивые и сосредоточенные, могут быть весёлыми и остроумными, не лишены чувства юмора – благодушного и доброжелательного, сделавшего юбилейную дату С.В. Вонсовского такой приятной и интересной.

«КОУРОВКИ»

В середине зимы 1960 г. два уральских физика как-то решили пройтись в перерыве между работой. Одним из физиков был Нахим Вениаминович Волкенштейн, а другим я. Мы гуляли и мирно беседовали о нашей физике, день был чудесный, солнечный, морозный. Я не помню, кому первому пришла счастливая мысль, что хорошо бы вот так собраться небольшой группой физиков-единомышленников, побеседовать о физике, пообсуждать интересные проблемы и одновременно воспользоваться всеми прелестями прекрасного зимнего уральского леса, покататься на лыжах. И как-то эта мысль не пропала, когда мы вернулись из леса домой. Поделались ей с коллегами. И через некоторое время уже втроем (к нам присоединился Юра Изюмов) мы на нашей машине в сопро-

Окрестности дома отдыха, где проходили первые «Коуровки»

вождении секретаря Тамары Павловны отправились в ближайший дом отдыха «Коуровка», расположенный на берегу реки Чусовой. Поехали, чтобы договориться с директором о некотором количестве путевок на один из ближайших заездов, причем Н.В. представил меня не членом-корреспондентом, а профессором – это солиднее для директора дома отдыха звучит.

И вот событие совершилось: первая школа состоялась в январе 1961 г. и получила название «Коуровка». Тогда мы еще не знали, что, по словам известного московского физика, одного из первых участников школы – В.Л. Бонч-Бруевича, это будет неповторимая уральская научная школа, по своему духу на уровне мировых стандартов. На первой школе собралась в основном молодежь, еще без всяких званий. В последующем докторами наук стали почти все первые «коуровцы», среди них академики и члены-корреспонденты АН. Школа стала поставщиком кадров для Академии наук.

На первой «Коуровке» рассматривались три проблемы: 1. Теория переходных металлов. 2. Проблема поверхности Ферми. 3. Приложение квантово-механических методов в теории твёрдого тела. В занятиях школы приняли участие 50 физиков-теоретиков из Свердловска, Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Челябинска и Казани.

Первая «Коуровка», 1961 г. Банкет (слева С.В. Вонсовский)

С 14 по 25 января 1962 г. проходила вторая «Коуровка». На ней было уже 118 человек, из них приезжих 53 человека из разных городов – Москвы, Харькова, Ленинграда, Киева, Горького, Красноярска, Кишинёва, Баку и Челябинска. В программе школы рассматривались четыре проблемы: 1. Кинетические явления в электронной системе кристаллов в сильных магнитных полях. 2. Эффект Мессбауэра и его использование для различных проблем физики твёрдого тела. 3. Антиферромагнитные и слабоферромагнитные структуры. 4. Кинетические уравнения для электронно-ионной плазмы. В промежутках между лекциями, как всегда, были увлекательные прогулки на лыжах по окрестностям Слободы.

В 1963 г. проходила третья по счёту школа физиков-теоретиков в Коуровке с 11 по 24 января. В школе читались лекции и велись дискуссии по пяти проблемам: 1. О природе обменного взаимодействия. 2. Мессбауэр-эффект и его применение в физике твёрдого тела. 3. Кинетические явления в твёрдых телах. 4. Спин-орбитальное взаимодействие. 5. Нейтронографические исследования. В работе школы принимали участие 150 человек из 14 городов и 42 организаций. Первое из сохранившихся писем в 1963 г. – Любочкино мне в Коуровку. Любочка мечтает, чтобы девочки съездили в Коуровку. Но пока это не удаётся.

В соответствии с планом проведения конференций и совещаний ИФМ на 1964 г. с 21 февраля по 2 марта проходила четвертая школа физиков-теоретиков в Коуровке, где читались лекции

Участники первой «Коуровки» (1961 г.)

и проводилось их обсуждение по четырём проблемам: 1. Электронный и ядерный резонанс в металлах. 2. Существование сверхпроводимости и ферромагнетизма. 3. Ферроакустические явления. 4. Явление переноса в магнитном поле. В работе школы приняли участие 130 человек, из них 90 иногородних. Вынесена рекомендация проводить такие школы ежегодно.

В 1965 г. с 22 по 29 марта была проведена пятая зимняя школа физиков-теоретиков «Коуровка-5». В её работе принимали участие 170 человек, представляющих различные направления физики твёрдого тела: исследование электронного энергетического спектра в металлах и сплавах; численные методы расчёта электронного энергетического спектра в твёрдых телах; зонная теория ферромагнетизма металлов; комбинированный резонанс в полупроводниках; явления вблизи точек фазового перехода 2-го рода и критических точек и др.

В 1966 г. состоялась уже шестая, школа физиков-теоретиков «Коуровка-6». И на этот раз я тоже был её председателем. Она проходила с 17 по 23 февраля в доме отдыха «Уральские зори» в Челябинской области. Главную работу по подготовке и проведению этой школы взял на себя М.С. Свирский.

В 1969 г. ИФМ принимал непосредственное участие в организации и проведении традиционной девятой зимней школы физиков-теоретиков, которая проходила с 21 февраля по 4 марта в доме отдыха «Сокол» в Пермской области. В работе школы при-

няли участие 230 человек, представляющих 62 организации из 18 городов СССР. Многолетний опыт проведения таких школ показывает, что такая практика весьма целесообразна, так как обеспечивает возможность наиболее полного обсуждения как проблемных тем, так и результатов выполняемых научных исследований по теории твёрдого тела. Кроме того, устанавливаются научные контакты между физиками-теоретиками страны.

В архиве есть письмо от В.Л. Бонч-Бруевича, которое я приложу целиком:

«Глубокоуважаемый Сергей Васильевич! Я беспокою Вас этим письмом по следующим причинам абсолютно личного характера. 1. Мне очень совестно, что я должен был надоедать Вам по поводу приезда моих “мальчиков” и “девочек” на “Коуровку” (говорят ведь, что наш семинар поставляет девочек на всю теорию твёрдого тела). Поверьте – это делалось не по бестактности, а в связи со следующим пунктом (кстати, как я и ожидал, всё благополучно разрешилось, за что спасибо). 2. Я хотел бы ещё раз поздравить Вас с десятилетием востигну великого предприятия, имя коему, где бы оно ни проводилось, всегда будет “Коуровка”. Прошу Вас, не сочтите нежелезующее за бахвальство, но мне кажется, что лица, регулярно ездящие на “Коуровку” (и потому составляющие предмет моей неистребимой зависти), столь к ней привыкли, что как-то даже не полностью представляют себе, что это такое. Сравнивая “Коуровку” со всеми летними, весенними, осенними и прочими школами, в которых мне приходилось участвовать, могу свидетельствовать: ничего подобного нет нигде. Даже знаменитая Летняя школа имени Ферми в Италии по духу своему ни в какое сравнение с неповторимой “Коуровской” обстановкой не идёт. Я бы добавил, что и по научному уровню “Коуровка”, как правило, превышает мировые стандарты, если бы не боялся обвинений в нескромности. 3. Из содержания п. 2 ясно видно, сколь я несчастен. Единственное, что мне сейчас осталось, это в ожидании известного Вам восклицания, мрачно сидя на чемодане, пить за здоровье “Коуровки” и её создателей. Ей-богу, напьюсь. 4. В связи с п. 2 не могу не вспомнить известную теорему о корреляции между свойствами попа и его прихода. Знаете ли Вы, сколько людей и с каким откровенным удовольствием будут пить за Ваше здоровье? Я знаю только одно: см. конец п. 3. Прошу Вас передать мой привет Любви Абрамовне и всему Вашему семейству. Ваш В. Бонч-Бруевич. 5/II 1970 г.

а) Перечитав письмо, ясно вижу, что п.п. 2, 4 носят отнюдь не чисто личный характер. б) К сему прилагаю плакат, исполненный в Вашу честь (по собственному побуждению) лично Василием Викторовичем, вдохновленным рассказом его отца про “Коуровку”».

В феврале 1970 г. в доме отдыха «Коуровский» проведена ставшая традиционной X уральская школа физиков-теоретиков «Коуровка». На следующей «Коуровке (XI) в Кирове я не смог присутствовать и послал телеграмму её участникам. Вот её текст: «Привет участникам школы Наилучшие пожелания успехов работе. Передайте мою искреннюю благодарность Кировским партийным советским и профсоюзным организациям и администрации дома отдыха обеспечившим успех организации и проведения школы. Академик Вонсовский». «Коуровка» продолжалась с 26 января по 5 февраля. Участников было 357 человек из 93 научных учреждений, в том числе 46 докторов и 157 кандидатов наук.

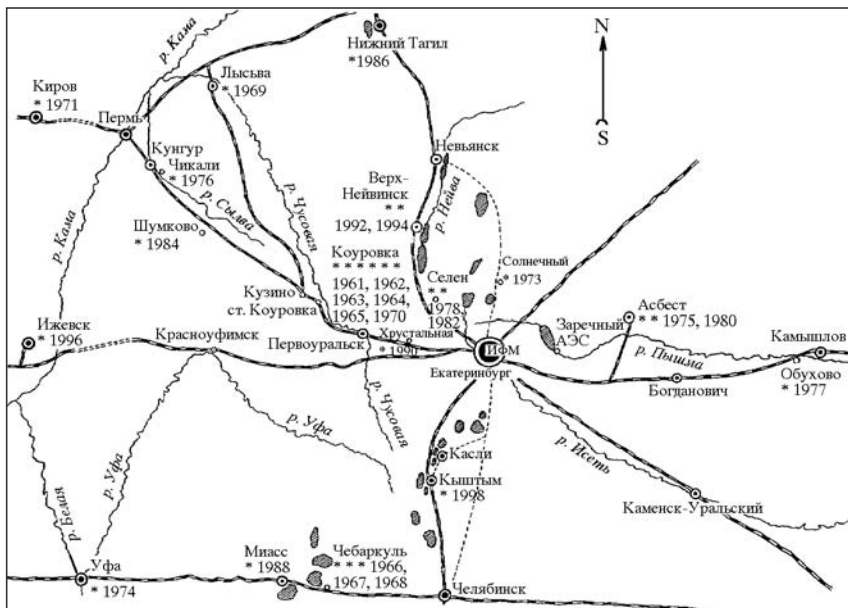
Ставшая традиционной уральская зимняя школа физиков-теоретиков в 12-й раз проходила с 29 января по 9 февраля 1973 г. на базе дома отдыха «Солнечное» в окрестностях Свердловска. Вот её программа: 1. Диэлектрический формализм в теории сверхпроводимости (4 часа). Хомский Д.И. 2. Анализ фононного механизма сверхпроводимости (6 часов). Гейликман Б.Т. 3. Слабая сверхпроводимость (6 часов). Кулик И.О. 4. Влияние электронных и структурных фазовых превращений на температуру сверхпроводящего перехода (6 часов). Копаев Ю.В., Кузьмин Е.В. 5. Модель узких зон с кулоновским взаимодействием (10 часов). Вонсовский С.В., Ирхин Ю.П. 6. Зонная теория магнетизма (6 часов). Кузьмин Е.В.

В 1974 г. в доме отдыха «Уфимский» была очередная «Коуровка». Занятия в школе проводились с 24 января по 4 февраля. В работе школы приняли участие 228 человек из 22 городов СССР, в том числе 33 человека из ИФМ УНЦ. Всего во время этой школы рассматривалось 13 проблем.

С 9 по 20 февраля 1976 г. в доме отдыха «Песчанка» (г. Пермь) ИФМ совместно с отделом физики полимеров УНЦ АН СССР и Пермским государственным университетом проводили 15-ю школу физиков-теоретиков «Коуровка». В её работе приняли участие 180 человек из 20 городов СССР, представляющие 50 научных учреждений. Занятия в виде еже-

Л.А. Шубина на заседании одной из «Коуровок»

География «Коуровок» (1961–1998). Схема В.Е. Найша

дневных лекций и семинаров были посвящены теории фазовых переходов и сверхпроводимости. Был прочитан также курс лекций по современным вопросам физики элементарных частиц. Программа полностью выполнена. Участники ещё раз подтвердили полезность «Коуровок» и приветствовали их продолжение.

В феврале 1977 г. проведена очередная Всесоюзная школа физиков-теоретиков по проблемам теории твёрдого тела и магнетизма «Коуровка-16». Э.А. Канер прочёл лекции на тему: «Циклотронный резонанс и электромагнитные волны в металлах. Аномальное проникновение электромагнитного поля в металл и радиочастотные резистерные эффекты, фононы в металлах в магнитном поле». Была лекция В.П. Силина о взаимодействии электронов и высокочастотных свойствах металлов. В.А. Голенищев-Кутузов рассказывал об акустическом магнитном резонансе в металле. Е.А. Туров обсуждал свойства металлических стёкол и аморфный магнетизм. А.В. Ведяев рассказывал о методе когерентного потенциала в теории неупорядоченных сплавов. Г.С. Кринчик читал лекцию о поверхностном магнетизме. А.Г. Миронов рассматривал вопросы теории неупоря-

доченных полупроводников. Велись также семинарские занятия на различные темы (размерные эффекты, звук в металлах, магнетизм и неупорядоченные системы и др.). Всего в «Коуровке-16» участвовали 106 человек.

В 1978 г. (с 20 февраля по 3 марта) была следующая «Коуровка» в пансионате «Селен», еще одна «Коуровка» – с 23 февраля по 4 марта 1980 г. под Свердловском около г. Асбеста.

В пансионате «Селен» состоялась еще одна «Коуровка» – с 17 по 26 февраля 1982 г. Число участников 170 человек. Основная проблема, которая рассматривалась «коуровцами», касалась вопросов квантовой теории переходных металлов, их электронной структуры и различных физических свойств.

На турбазе «Ильменская» вблизи г. Миасса Челябинской области со 2 по 11 марта 1988 г. проходила 22-я школа физиков-теоретиков. В её работе приняли участие 200 человек, в том числе 50 из ИФМ УрО АН СССР. Научным руководителем был я, а председателем оргкомитета профессор Ю.А. Изюмов. Научная тематика школы включала вопросы физики фазовых переходов (10 лекций), неупорядоченных систем (2 лекции), нелинейных явлений (5 лекций), т. е. отражала самые актуальные проблемы физики твёрдого тела. Успешно был проведен семинар по проблеме ВТСП. «Коуровка» по-прежнему подтвердила свою актуальность.

ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Перехожу к изложению событий по годам. В 1962 г. есть мои два письма от 24 июня из Красноярска: одно папе, а другое Любочке. Я приведу одно из них, чтобы было понятно, почему я очутился в Красноярске.

«Дорогой мой, любимый папулька! Вот я уже сижу в своей каюте на трехпалубном пароходе «Александр Матросов» у дебаркадера Красноярского речного вокзала. Долетел я из Москвы до Красноярска благополучно, летели мы без промежуточных посадок 6 часов. Вчера и сегодня были напряжённые дни, так как по поручению президента академика Келдыша я назначен председателем комиссии по обследованию Красноярского института физики. Красноярск – очень большой город, который широко раскинулся по обеим сторонам красавицы-реки Енисей. Обе стороны города соединены изящным железобетонным мостом. Окрестности Красноярска очень красивые – это отроги Саян-

А.И. Шубина, С.В. Вонсовский и В.С. Вонсовский на даче на Шарташе (1963 г.)

ских гор, покрытых густым хвойным лесом. Река широкая, полноводная и быстрая. Пароход очень хороший. Съехало много людей. Кроме физиков, которые будут участвовать в конференции, едут ещё члены их семей. Всего около 250 человек. Работать мы начнём послезавтра. До Дудинки будем спускаться вниз по Енисею 4 дня. Потом 2 дня остановка с экскурсией в городе Норильске, а потом – обратный путь. Вернемся в Красноярск вечером 6-го. Я задержусь ещё дня на полтора-два, чтобы закончить знакомство с институтом. Дорогой папулька, крепко тебя целую и люблю. Поцелуй от меня Надюшу. Очень прошу тебя беречься. Твой Серёжа».

На симпозиуме в Красноярске сделал доклад на тему «Электронная теория переходных и редкоземельных металлов».

В 1963 г. произошло важное событие в моей общественной деятельности. По решению Свердловского обкома КПСС меня выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. Я был избран депутатом этого Совета 6-го созыва на срок с 1963 по 1967 г. (4 года) по Кировскому избирательному округу Свердловской области. Сохранился депутатский билет за № 637. Кроме поездок на сессии я ежемесячно проводил приёмы изби-

рателей. Моим неизменным секретарём была Нина Ивановна Гаранина. Приёмы мы проводили в здании Кировского райсовета. Сначала он помещался в здании на углу улиц Первомайской и К. Либкнехта. Сохранился огромный архив этих приёмов. Депутатом я избирался шесть раз до 11-го созыва, который заканчивался в 1989 г., когда всё изменилось!

На городском семинаре физиков мной был прочитан доклад «Проблемы использования магнитных полей для исследования структуры твёрдого тела». На совещании по теории твёрдого тела в Москве в декабре я сделал доклад на тему «Магнитные свойства редкоземельных металлов».

1964 г. был ознаменован проведением очередной международной конференции по магнетизму, которая была созвана IUPAP в Англии с 7 по 11 сентября.

В течение года я продолжал интенсивно работать с М.С. Свириком. В частности, мы дали обобщение квантово-механической теории сверхпроводимости с учётом синглетных и триплетных куперовских пар, а также с учётом мультиплетной структуры внутренних недостроенных электронных слоёв ионов переходных и редкоземельных металлов. Последнее имеет существенное значение для дальнейшего уточнения квантовых теорий как сверхпроводимости, так и ферромагнетизма.

Продолжает регулярно выходить из печати журнал ФММ, главным редактором которого я являюсь с 1955 г., года основания этого издания. В 1964 г. выпущено 12 номеров, в которых опубликовано 360 научных работ.

Я прочёл цикл лекций по квантовой химии для научных работников Института химии УФАН.

22 июля 1964 г. я получил от начальника научно-организационного отдела президиума АН СССР В.А. Филиппова просьбу, которую привожу здесь:

«Глубокоуважаемый Сергей Васильевич! В связи с подготовкой в президиуме АН СССР проекта постановления о развитии исследований в области сверхпроводящих материалов обращаюсь к Вам с просьбой изложить свои соображения о всех возможных применениях сверхпроводящих материалов и сильных магнитных полей в науке, технике и промышленности (научные и технические задачи, которые позволят решить применение сверхпроводников). Такая справка необходима к 1 сентября с. г. Ваш В.А. Филиппов».

31 августа 1964 г. я послал эту справку со следующим письмом:

«Глубокоуважаемый Валентин Александрович!
В Вашем письме № 33-633/288 от 22 июля с. г. Вы про-

силы подготовить для президента справку о сильных магнитных полях и сверхпроводящих материалах и об их применениях в науке и технике и представить её к 1 сентября с. г. Я это выполнил и с опозданием на один день представляю Вам такую справку. В ней я особенно подробно остановился на проблеме применения сильных магнитных полей в твёрдом теле, поскольку этот вопрос мало обсуждался (точнее, практически совсем не обсуждался), а именно в этих применениях, как мне кажется, большие и важные перспективы практических применений. Я особенно хочу обратить внимание Мстислава Всеволодовича на возможности, которые открывают применения сильных магнитных полей в “твердотельской” радиоэлектронике, поэтому я даже осмелился ввести новый термин “магнитная радиоэлектроника”, или “радиоэлектроника в квантовых магнитных полях”. С искренним приветом Ваш С. Вонсовский».

«Записка» о возможных применениях сильных магнитных полей и сверхпроводящих материалов в науке и технике, напечатанная на 14 страницах машинописи, хранится в архиве ИФМ.

Первое письмо из личного архива за 1965 г. – от Любочки от 11 сентября из больницы. Туда она попала из-за почечных коллик, которые вызывал камень. Её, бедную, всё время мучили повторяющиеся колики. Дома тоже не всё в порядке. У Андрюши большое огорчение по поводу того, что в Москве отказали с защитой диссертации. Теперь будет пытаться защищать её в УПИ.

Очень был рад, когда узнал, что Зорге посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

За 1965 г. со Свирским продолжали исследовать влияние отличного от нуля орбитального момента на обменное взаимодействие в редкоземельных металлах. Объяснён минимум электропроводности, обусловленный необменной связью электронов проводимости с электронами внутренних недостроенных оболочек переходных металлов. Исследован эффект взаимодействия тока проводимости с этими оболочками. Разработана также общая теоретическая трактовка сверхпроводимости с учётом синглетных и триплетных куперовских пар. Исследованы особенности сверхпроводящего состояния в кристаллах, содержащих примеси ионных обменно связанных пар. Изучено влияние возбуждения мультиплетности примесных парамагнитных ионов на величину критической температуры сверхпроводящего перехода, а также влияние квазикулоновского s - f -взаимодействия на

сверхпроводимость кристаллов с примесью ионов переходных и редкоземельных металлов.

В самом конце 1965 г. Институт физики металлов УФ Академии наук СССР, Свердловский педагогический институт и Свердловская областная организация общества «Знание» провели семинар физиков, который состоялся 27 декабря в 6 час. 30 мин. вечера в актовом зале нового здания Института физики металлов (ул. Софьи Ковалевской, 18). Тема семинара: «60 лет теории относительности». Докладчик – член-корреспондент АН СССР профессор С.В. Вонсовский. Прочитан также доклад «Теория относительности и экспериментальная физика». Докладчик – кандидат физико-математических наук А.К. Кикоин.

Глава II

НАУКУ ДВИГАЯ ВПЕРЕД

ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА. ИЗБРАНИЕ АКАДЕМИКОМ АН СССР

КОНФЕРЕНЦИИ В САГАМОРЕ, БОСТОНЕ, ЕРЕВАНЕ

ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

СМЕРТЬ ПАПЫ. МОЯ БОЛЕЗНЬ

ДРУЗЬЯ-ОДНОКЛАССНИКИ

ОБРАЗОВАНИЕ УРАЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА

**МОНОГРАФИЯ «МАГНЕТИЗМ».
ИЗБРАНИЕ ЧЛЕНОМ АКАДЕМИИ НАУК ГДР**

40-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ИФМ

**КОНФЕРЕНЦИЯ IURAR ПО МАГНЕТИЗМУ (ГРЕНОБЛЬ).
ИСМ-6 (МОСКВА). ПОЕЗДКА В ЯПОНИЮ**

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

НАУЧНЫЕ КОМАНДИРОВКИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ. ДЕЛА ДЕПУТАТСКИЕ

**НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ИЗБРАНИЕ АКАДЕМИКОМ ПАН**

МКМ-79

1980-е ГОДЫ. СМЕРТЬ ЛЮБОЧКИ

ТАШКЕНТЦЫ

НАУЧНАЯ РАБОТА. ПИСЬМА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА. ИЗБРАНИЕ АКАДЕМИКОМ АН СССР

В конце января 1966 г. я получил письмо от Я.Б. Зельдовича, которого приглашал на «Коуровку», но он не смог приехать. Вот его письмо:

«Дорогой Сергей Васильевич! Я очень тронут Вашим письмом. Надеюсь видеть Вас лично и поблагодарить Вас на сессии Отделения и поэтому отвечаю не сразу. К сожалению, дочке назначили защиту как раз на время школы, так что беспокоил я Вас напрасно. Мне очень хотелось бы встретиться с Вами в Москве, поговорить (очень интересный и модный вопрос – металл–неметалл – восходит к работе Вашей и Шубина, я это помню!) – в частности о том, что Вы и Ваши сотрудники могут дать для “Успехов физ. наук”. С приветом Ваш Я. Зельдович. 24/1–66».

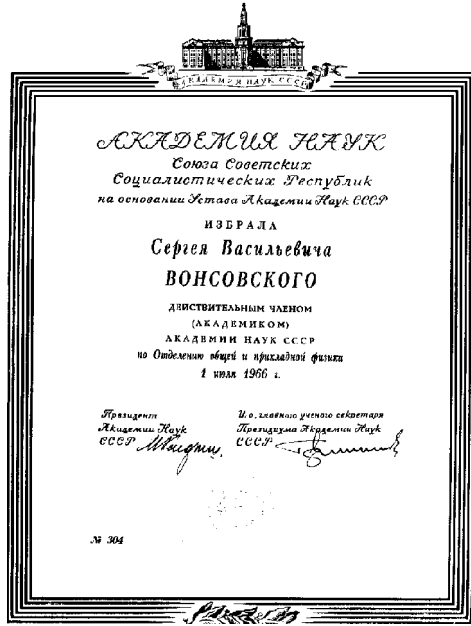
Самое большое событие в 1966 г. произошло 1 июля, когда меня избрали действительным членом АН СССР по Отделению общей физики и астрономии. К сожалению, я до сих пор не обнаружил переписку, когда в июне был в Москве на общем собрании Академии, где и был избран. Правда, есть приглашение от Л.А. Арцимовича:

«Глубокоуважаемый Сергей Васильевич! Отделение общей и прикладной физики Академии наук СССР приглашает Вас принять участие в общем собрании Отделения, которое состоится 28, 29 и 30 июня 1966 г. в Физическом институте им. П.Н. Лебедева (Москва, Ленинский проспект, 53). Начало заседаний: 28 июня в 16 часов, 29 и 30 июня в 10 часов. Повестка дня прилагается».

До этого события в феврале 1966 г. на годичном общем собрании Академии наук СССР я делал доклад «Физика магнитных материалов». Это было моё основное предвыборное выступление.

На пленуме Научного совета по физике и химии полупроводников мной был сделан обзорный доклад «Магнитные свойства полупроводников». А в мае 1966 г. в Москве на научной сессии Отделения общей и прикладной физики АН СССР я прочёл доклад «Современное состояние физики магнитных явлений», по теме № 1 Отделения – «Исследование физических свойств переходных металлов, их сплавов и соединений» был основным руководителем. В разделе темы «Разработка новых сверхпроводящих материалов из сплавов, содержащих переходные элементы» я был одним из семи руководителей.

После избрания я получил приглашение от президента АН СССР: «Президент Академии наук Союза ССР академик М.В. Келдыш приглашает Вас на товарищескую встречу с вновь

Удостоверение академика С.В. Вонсовского

избранными академиками и членами-корреспондентами Академии наук СССР. Встреча состоится в здании Президиума АН СССР: Ленинский пр., 14, 1 июля 1966 г. в 19 часов».

Среди многих поздравлений, наверное, самое трогательное — от челябинских школьников, которое я приведу целиком:

Челябинское городское научное общество учащихся.

Челябинск, ул. К. Маркса, 123^б.
Дворец пионеров и школьников.

Вонсовскому Сергею Васильевичу,
действительному члену Академии наук СССР,
почётному члену научного общества учащихся
г. Челябинска.

Уважаемый Сергей Васильевич!

Мы, члены научного общества учащихся г. Челябинска, с радостью узнали об избрании Вас действительным членом Академии наук СССР. Сердечно поздравляем Вас. Гордимся: Вы первый из почётных членов нашего общества стали академиком. Желаем ещё больших творческих успехов и крепкого здоровья. Мы хорошо запомнили нашу встречу с Вами, которая состоялась в марте этого года. Надеемся, что она была

только первой. А вопросов к Вам у нас в следующую встречу будет ещё больше. Ученический Совет НОУ от имени всех ребят просит Вас приехать к нам на традиционную сессию, посвящённую началу 4-го учебного года научного общества учащихся. Сессия состоится 9 октября с. г. в 10 часов утра в актовом зале Дворца пионеров и школьников. О возможности приезда сообщите, пожалуйста, заранее.

Председатель ученического совета НОУ
ученик 9 кл. шк. 31 (А. Поляк).

Я был председателем Научного совета АН СССР по проблеме «Физика магнитных явлений». Учёным секретарём был Евгений Васильевич Трушин. Технического секретаря он выбрал сам. Это была милая женщина Галафеева Людмила Александровна. Она была очень опытным техническим секретарём и весьма исполнительным, поэтому с ней можно было быть вполне спокойным за порядок в канцелярии совета. Когда мы ездили с институтом Киренского по Енисею, она тоже ездила с нами. Это Трушин и я сделали для неё как награду за прекрасную работу. Она проработала у нас до середины 1976 г., а потом ушла, и на её место поступила не менее опытная и добросовестная женщина Лидия Матвеевна Шахина, с которой я до сего дня поддерживаю переписку и телефонные разговоры, хотя она уже не работает в совете и я не являюсь его председателем.

КОНФЕРЕНЦИИ В САГАМОРЕ, БОСТОНЕ, ЕРЕВАНЕ

В сентябре 1966 г. в Москве проходила 10-я международная конференция по физике низких температур. От уральской делегации было семь докладов, среди них мой в соавторстве с М.С. Свирским на тему: «Существование сверхпроводимости и магнитного порядка».

ИФМ совместно с кафедрами физики свердловских вузов организовал в 1966 г. работу городского семинара физиков под моим руководством. На нём я прочитал доклад на тему: «Физика магнитных материалов».

Главным событием 1967 г. была 4-я международная конференция по магнетизму – ICM-4, которая проходила в США в Бостоне–Кембридже с 11 по 15 сентября. До неё на летней базе Сиракузского университета в штате Нью-Йорк на озере Сагамор с

5 по 8 сентября работала 2-я Сагаморская нейтронная конференция по изучению электронной и зарядовой плотности.

Моя надежда, что в марте я освобожусь от депутатских обязанностей, не увенчалась успехом. Опять я был избран и в 7-й созыв с 1967 по 1971 г. по тому же Кировскому округу с депутатским билетом № 637.

Мой эпистолярный архив за 1967 г. начинается с письма Надежды Николаевны Кулябко-Корецкой от 9 июня:

«Серёженька, дорогой! Сегодня ровно месяц, как ты писал мне сюда в Ташкент о своей поездке в Японию. Не удивляйся, что я только сегодня собралась тебе написать. Что-то всё время болею. Сегодня должна была вылететь в Москву, но пришлось сдать билет и отложить поездку из-за сердца, думаю, на несколько дней. Тут уже наступили жаркие дни, и мне уже трудно переносить жару. Хорошо, что ещё мы живём в своем старом доме, есть остатки сада, вода и хорошие грустные воспоминания о детстве и юности. Дом пока ещё не снесли, и он ещё стоит на прежнем месте, но кругом высотные дома и разрушения. Тебе было бы грустно здесь. Спасибо тебе за письмо и карточку. Если бы ты не написал, что налево это ты, я бы тебя не узнала, возможно, из-за окраски. Дорогой, я прекрасно знаю, как ты занят, поэтому всегда рада твоим таким интересным письмам, радуюсь, что у тебя такая разнообразная жизнь, полная творческих достижений и возможности повидать чуть ли не весь свет. Если когда-нибудь вспомнишь – напиши, но не насилуй себя, ведь самое главное – «память сердца». Мне трудно – тоскую без Вадимушки невероятно, жить почти невозможно. Вижу плохо, хожу тоже, и всё ещё живу, зачем, никому не нужна. Одиночество – страшная вещь. Это дано в наказание. Но говорят – надо жить, сколько положено. Обнимаю, целую тебя. Да, на всякий случай пишу тебе свой московский адрес: Москва 123480, Тушино, ул. Героев-панфиловцев, дом 5, корп. 2, кв. 38, мне, Корецкой Н.Н., а в Ташкенте остаётся пока тот же: Ташкент, 17, ул 1 Мая, дом 6, мне (или 700017). В московской квартире есть у нас свой телефон № 495-20-94. Вдруг пригодится. Береги себя. Обнимаю, нежно целую. Всегда помню. Н.Н. (Надя)».

Есть моё письмо из аэропорта Шереметьево от 4 сентября, где мы сидим в ожидании посадки. Все формальности почти прошли. Как долетим – не знаю, ведь лететь нам около 10 часов. Я сейчас звонил по телефону бабушке и проинформировал её о своих делах. Дальше письмо от 4 сентября 1967 г. с борта самолёта ТУ-114:

«Дорогая Любочка! Сейчас 21 ч. московского времени (или 14 ч. местного). Мы уже пролетели мимо Гренландии.

А сейчас уже показался берег Канады. В 23 ч. Москвы будем в Монреале. Пока летим прекрасно. Ясный день и изумительно синяя Атлантика. Видели около Гренландии целую армию айсбергов. Я сижу около окна, и почти всё время нос мой приклеен к стеклу (хотя некоторое время, пока было облачно, я занимался докладом). Самолёт на Нью-Йорк будет через 2 ч., после нашего прилёта в Монреаль. Вот как будет с перелётом из Нью-Йорка в Сиракузы, пока ещё неизвестно. Машина в Сиракузах нас будет ждать завтра в полдень. Надеемся, что всё же доберемся вовремя. Не знаю только, где и как будем ночевать. Настроение у нас хорошее, и компания приятная. Кроме нас ещё едут 6 физиков-полупроводниковцев (должен с ними лететь ещё Бончик, но ему пока не дали визы). Сейчас посмотрел в окно и увидел бесплодный ландшафт канадской земли. Среди голых скал кое-где разбросаны озера. Берега очень изрезаны. Растительности почти нет. Буду очень волноваться о вас, мои дорогие. Уже слишком сложное наше семейство, и всегда есть опасность, что где-то может наступить неприятность. Будем надеяться, что всё будет в порядке. Ваш Серёжа, Бадика и деда-ворчун!

P.S. Уже 22 Москвы. Покормили второй раз. Появились облака, и земля скрылась, а у нас ослепительное солнце (местное время 15 ч.) Сейчас буду запечатывать письмо».

Дальше моё письмо из Нью-Йорка от 5 сентября:

«Дорогая Любонька! Целую вас всех крепко. Сейчас едем из гостиницы (где, видимо, ночевали? – С.В.) на аэродром Нью-Йорка, чтобы лететь в 8 ч. 45 м. утра в Сиракузы, где нас будет ждать машина в Сагамор. Из Монреаля долетели очень хорошо. Крепко всех целую и люблю. Ваш Серёжа, Бадика и деда».

О самой Сагаморской конференции у меня нет в эпистолярном архиве ничего. Только официальный институтский отчёт. Но я помню, что нас хорошо встретили в Сиракузах на аэродроме и довели благополучно в Сагамор. Это чудесное место около прелестного озера в дремучем лесу. Летняя база Сиракузского университета. Из ИФМ там были я, Женя Туров и Юра Изюмов. Я был руководителем всей советской делегации, которая по списочному составу состояла из 17 человек – 6 делегатов и 11 из группы научного туризма. Но не всем удалось или вовремя, или вообще приехать. В соответствии с директивными указаниями, задачи командировки состояли в следующем: а) участие во 2-й Сагаморской конференции по электронной зарядовой и спиновой плотности с 5 по 8 сентября 1967 г.; б) участие в ICM-4 в Бостоне с 11 по 15 сентября; в) участие в международном симпозиуме по тонким плёнкам в Бостоне 17–18 сентября; г) посе-

шение ряда НИИ и физических лабораторий вузов США: 1 – лаборатории фирмы «Белл Телефон» в Мэррей Хиллз штата Нью-Джерси, 2 – НИИ фирмы «Дженерал Электрик» в Скенектеди, 3 – лаборатории IBM в Йорк Тауне, 4 – Брукхейвенской национальной лаборатории в Уптоне, штат Нью-Йорк, 5 – национальной магнитной лаборатории при MIT в Кембридже–Бостоне, 6 – лаборатории MIT в Бостоне, 7 – Йельского университета в Нью-Хейвене; д) установление личных деловых научных контактов с рядом американских и других зарубежных физиков, работающих в области магнетизма и физики твёрдого тела; е) получение печатных и других материалов по тематике конгресса, конференций и посещаемых лабораторий.

Итак, 2-я Сагаморская конференция по электронной зарядовой, спиновой и импульсной плотности проходила через три года после первой конференции, которая была в 1964 г., и отчёт о которой опубликован: R.J. Weiss, *Physics Today*, April, 1965. Председателем оргкомитета был проф. С.С. Shull из MIT. Это один из пионеров исследований в области нейтронной дифракции. Учёным секретарём и организатором всей работы, как и на первом Сагаморе, был R.J. Weiss. Всего на конференции было шесть пленарных заседаний. Я выступал на утреннем 4-м заседании 7 сентября с кратким заключительным докладом «Краткие замечания об общем теоретическом подходе к расчёту электронной и спиновой плотности». В целом конференция в Сагаморе была очень полезной для всех её участников и по своему содержанию, и по возможности установления взаимных научных контактов.

Перехожу к описанию ICM-4. Она была организована комиссией по магнетизму IUPAP, представителем от СССР был Л.В. Киренский. Вот список проведённых ICM:

1. Гренобль (Франция), 1958.
2. Киото (Япония), 1961.
3. Ноттингем (Англия), 1964.
4. Бостон (США), 1967.
5. Гренобль (Франция), 1970.
6. Москва (СССР), 1973.

Интервал в три года между соседними по времени конференциями и их широкая представительность позволяют использовать их не только для обсуждения текущих вопросов магнитной науки и техники, но и для подведения некоторых итогов развития за довольно заметный по современным темпам развития науки срок в три года. В связи с этим оргкомитеты конгрессов уделяют этому особое внимание, значительно увеличивают удель-

ный вес «заказных» докладов-лекций ведущим специалистам, имеющих в значительной степени обзорный, итоговый характер. На конгрессе в Бостоне в 1967 г. из 436 докладов число «заказных» достигло 50, т. е. около 1/8 части от числа всех докладов. По странам доклады делились так: США – 218 (такая высокая доля докладов из США объясняется тем, что конгресс проходил одновременно с Национальной конференцией США по магнетизму), Англия – 52, Франция – 34, Япония – 32, СССР – 16, ФРГ – 14, Израиль – 12, Нидерланды – 9, ГДР, Индия и Канада – по 6, Польша – 5, Венгрия и Италия – по 4, Румыния и Австралия – по 3, Чехословакия, Швеция и Норвегия – по 2, Австрия, Швейцария, Дания, Бельгия и ЮАС – по одному. Советская делегация была встречена очень дружелюбно. Многие учёные оказали большую помощь в проведении посещений различных научных учреждений. В тематику конгресса входила 21 проблема: Общие вопросы ферро- и антиферромагнетизма (коллективная модель, прямой и косвенный обмен, Гейзенберговская модель и спиновые волны). Магнитные фазовые переходы и критические явления. Магнитная нейтронография. Сверхтонкое взаимодействие. Резонанс, релаксация и свойства в высокочастотных полях. Магнетооптика. Электрические, гальваномагнитные явления, ЭПР и эффект Яна–Теллера. Примеси. РЗМ металлы, сплавы и их соединения, 3d металлы и сплавы. Магнитная анизотропия. Магнетоупругие явления. Влияние высоких давлений. Домены. Процессы намагничивания. Тонкие ферромагнитные плёнки. Мелкие частицы, порошки, суперпарамагнетизм. Приборы и другие применения. Разные вопросы из других областей физики в связи с магнетизмом. В целом конгресс в Бостоне – большое творческое событие в мировой науке по магнетизму.

В Свердловске с 10 по 12 октября 1967 г. УФАН, ИФМ, Свердловское отделение ИМЕТА проводили юбилейную сессию, посвящённую 50-летию Октября. На вечернем заседании 10 октября я делал доклад «Проблемы физики магнитных явлений и задачи физиков Урала». Я руководил секцией физики твёрдого тела на двух заседаниях: утреннем 11 октября и утреннем и вечером 12 октября.

Дальше в архиве мои письма из Еревана. Первое от 26 ноября. Из него следует, что туда я приехал на симпозиум по РЗМ. Устроили меня великолепно в отдельном номере с ванной, душем и горячей водой. Я встретил здесь знакомых: Щеневского и Тжябетовского из Польши, Крупиčku из Праги и Розенберга из Бухареста. С последним я был у Гудинафов. Он привез цветное фото с Гудинафами. Я очень рад, что приехал сюда – интересная

страна, симпозиум и люди. Уже сделал свой первый доклад. С Гусевым я встречался перед отъездом из Москвы. Встречусь ещё, когда буду возвращаться из Кисловодска. Утром завтра первым выступает Е.И. Кондорский, вторым И.Е. Дзялошинский, а потом я. Вечером будут выступать от нас Женя и Юра. Кроме них приехали Самохвалов и Гражданкина, которая тоже делает доклад. Я очень интересуюсь, поправилась ли Машута. Звонить отсюда почти безнадежно, трудно. Поэтому откладываю звонок до Кисловодска. Я отложил свой отъезд с 1 на 3 декабря, так как хочу побольше узнать об Армении. В санаторий я опоздал на полдня, и то это было воскресенье.

Второе моё письмо из Еревана от 1 декабря:

«Только что вернулся из “Ласточки” (это название турбазы, где у нас проходили занятия школы – С.В.) с последнего заседания и совершенно неожиданно получил твоё письмо № 1, чему был очень рад. Здесь оказалось очень много интересного. 27-го был мой второй доклад. Перед ним я, конечно, очень волновался, но всё прошло хорошо. 28-го я уже чувствовал себя свободным, и в этот день местный физик-теоретик Ян Ши пригласил нас посетить выставку “непризнанного” художника из Еревана, который только выставлялся в Курчатовском институте. Его картины нам очень понравились. Вечерком посидели у меня в номере с Дзялошинским и Евгением Васильевичем Трушиным и распили две бутылочки сухого винца. 29-го был свободный день, и мы совершили две чудесные экскурсии. Одну – на озеро Севан (это 65 км от Еревана, который на высоте 800 метров над уровнем моря, а Севан – на высоте 2000 метров). Вторая экскурсия сразу за первой после небольшого заезда в Ереван была в Эчмиадзин. Это центр армянской церкви в 30 км от Еревана (в другую сторону по отношению к озеру Севан). Там мы основательно осмотрели музей, в котором видели кусочек Ноева ковчега (!) и наконец-то копия, которым римский солдат ранил Христа на Голгофе. В общем, обе поездки были восхитительны. Погода нам благоприятствовала. Вчера, т. е. 30-го, прослушал одну лекцию Тжябетовского из Вроцлава об актинидях и их соединениях. Потом беседовал с директором Физического института Армянской АН, после чего он показал нам некоторые их лаборатории. После обеда мы поехали на подножие горы Арагац в Бюраканскую астрофизическую обсерваторию... (Здесь письмо прерывается, так как я уходил на заключительный банкет, и продолжаю письмо 2 декабря утром – С.В.).

Накануне также видели прекрасный памятник жертвам турецкой резни 1915 г. Вообще в Ереване много очень кра-

сивых памятников: Давиду Сасунскому, памятник двух мраморных рук – подарок из Италии. А вечером были в гостях в семье одного армянского физика, бывшего аспиранта К.П. Белова. Его отец – известный армянский историк. Осматривали у Алиханьяна его ускоритель на 6 миллиардов вольт».

ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

В марте 1969 г. вышли указы Президиума Верховного Совета СССР: 1) о награждении Академии наук СССР орденом Ленина; 2) о награждении Академии наук Украинской ССР орденом Ленина; 3) о награждении ряда научных учреждений Академии наук СССР орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени; 4) о присвоении звания Героя Социалистического Труда наиболее отличившимся учёным.

В последнем содержится и моя фамилия. Я получил прекрасно оформленную грамоту. На первой странице:

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГРАМОТА
ГЕРОЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

И на развороте на двух страницах:

Президиум Верховного Совета СССР
ГЕРОЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА
Тов. ВОНСОВСКОМУ
Сергею Васильевичу
За большие заслуги в развитии советской науки
ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР УКАЗОМ от 13 марта 1969 г.
ПРИСВОИЛ ВАМ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА
Председатель Президиума Верховного Совета СССР (Н. Подгорный)
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР (М. Георгадзе)

И здесь же была вложена выписка из указа. Эти указы были опубликованы во всех газетах. В университетской газете А.А. Бердышев написал очень хорошую статью под названием «Золотая Звезда академика», которую я приведу:

«В 1950 г. я окончил УрГУ и был оставлен в аспирантуре у профессора С.В. Вонсовского. Студентом мне не пришлось слушать его лекции. Успешно сдав экзамены его сотрудникам, в октябре я явился в закуток, отгороженный в старом здании ИФМ. Это было буквально по Тарапуньке и Штепселю – что-то среднее между подвалом и чердаком. Здесь, в холодном и тесном помещении, за столами, поставленными впрытык друг к другу, сидел почти весь цвет теоретической физики Свердловска. Я с некой робостью ждал прихода шефа. Наконец, открылась дверь малюсенького кабинета, отгороженного от отдела фанерной перегородкой, и Сергей Васильевич, взглянув на часы и что-то быстро прикинув в уме, позвал меня в кабинет, одновременно скомандовав, что через 15 минут начнется семинар. Действительно, за четверть часа он очень деликатно и незаметно меня, так сказать, “проэкзаменовал” и дал первое задание. Начался семинар. Сергей Васильевич сел прямо перед доской, достал тетрадь и стал старательно, почти как студент, конспектировать выступление докладчика. По ходу изложения он много спрашивал, просил восстановить наиболее важные выкладки, сам вставлял и набрасывал схемы расчёта. Если встречалось что-то непонятное, требовал это отметить и разобраться на следующем семинаре. Я бывал потом на многих семинарах, они проходили по “железному” расписанию: пятница, 3 часа. Что бы ни случилось, семинар состоялся. И на каждом Сергей Васильевич конспектирует выступление докладчика. Вначале я недоумевал, но теперь делаю то же самое: так лучше и глубже понимаешь, лучше запоминаешь, легче оттенить наиболее важное.

Как много самых разнообразных обязанностей выполнял Сергей Васильевич: заведующий кафедрой теоретической физики УрГУ, заведующий теоретическим отделом, потом заместитель директора ИФМ, председатель Всесоюзной комиссии по магнетизму. И в то же время он ухитрялся изучить всю научную периодику, не упуская практически ни одной важной идеи или эксперимента. Каждую неделю на семинаре или в перерыве между лекциями можно было слышать: “Анатолий! Вы читали то-то? Женя, там для Вас появилась новость, я тут записал...” И часто сотрудник впервые узнавал о важнейшей для него информации именно от Сергея Васильевича. Он и от других требует внимательно следить за периодической печатью. Когда я закончил вычисления по диссертации, Сергей Ва-

сильевич тщательно прочитал весь текст, по его указанию я дважды переделывал каждый параграф. А ведь у него ежегодно было по 3–4 аспиранта! Как только он выкраивал для нас время? Сейчас больше 20 его учеников стали кандидатами наук, четверо или пятеро – докторами. Ещё несколько человек скоро защитят докторские диссертации. Однако степени – это в основном вопрос квалификационный. Тот большой коллектив физиков-теоретиков, та школа, которая выросла под руководством Сергея Васильевича, сейчас уже не маленькая группа энтузиастов, а сильный, уверенно движущийся вперёд организм. Сейчас в Свердловске ведутся теоретические исследования практически по всем разделам теории твёрдого тела (хотя главное, конечно, ферромагнетизм). Работы свердловских теоретиков вышли на мировой уровень, и их всё чаще и чаще цитируют, на них чаще опираются в своих исследованиях учёные СССР и других стран. Я не буду говорить о всех сторонах деятельности Сергея Васильевича, а коснусь близкого мне вопроса. В 1946 году С.В. Вонсовский разработал так называемую *s-d* обменную модель переходных металлов, которая удачно объединила достоинства модели локализованных спинов Гейзенберга и зонной теории металлов. Сейчас эта модель легла в основу теории магнитных и электрических свойств редкоземельных металлов, их сплавов и соединений. Одно теоретическое исследование на базе этой модели сейчас содержат сотни работ во всех странах мира. Помимо объяснения уже открытых фактов теория позволила предсказать ряд новых явлений, позже подтверждённых на опыте. Хочу ещё сказать об одном: в 1948 году Сергей Васильевич вместе с профессором Я.С. Шуром опубликовал монографию по ферромагнетизму, а в этом году выходит его новая фундаментальная книга по теории ферромагнетизма. Написание каждой такой книги требует гигантского многолетнего труда: нужно критически обобщить весь мировой опыт и выделить главное. Это драгоценный талант – просто и ясно рассказывать о сложнейших вопросах. Каждая такая книга определяет уровень подготовки специалистов во всей стране, и я уверен, что новая монография станет настольной книгой для физиков-магнитчиков в Советском Союзе. Недавно мы решили записать лекции Сергея Васильевича на магнитофон и подготовить их к изданию. Студенты, впервые слушающие Сергея Васильевича, говорят, что его лекции звучат как увлекательная повесть о тайнах природы.

А.А. Бердышев, доцент, заведующий кафедрой теоретической физики УрГУ».

Можно ещё привести маленькую заметку из газеты «Вечерний Свердловск» от 4 апреля 1969 г. «Академик Вонсовский»:

«Недавно на вечере по поводу присвоения академику С.В. Вонсовскому звания Героя Социалистического Труда его коллеги и аспиранты добродушно шутили, что им, наконец, удалось увидеть своего шефа не занятым делами более пяти минут – это был момент, когда его снимала на киноплёнку Свердловская киностудия. Целеустремлённость, работоспособность Сергея Васильевича поистине удивительны. Его время рассчитано поминутно, и, наверное, потому в сутках у него оказывается гораздо больше 24 часов. Как же иначе он успевает за день пересмотреть ворохи научной литературы, ответить на письма многочисленных коллег из разных городов, помочь ученикам (а среди его воспитанников 4 доктора наук и более 20 кандидатов), заниматься беспоконными обязанностями депутата Верховного Совета РСФСР. Вонсовский – глава уральской школы физиков-теоретиков и экспериментаторов. Недавно он закончил новый научный труд объёмом более 70 печатных листов “Магнетизм вещества”. А ещё это исключительно интеллигентный и добрый человек. Спросите любого, кто с ним сталкивается по работе или обращался к нему за советом и помощью, – все подтвердят это».

В мой адрес поступило много поздравительных писем и телеграмм из разных городов.

СМЕРТЬ ПАПЫ. МОЯ БОЛЕЗНЬ

Этот год (1969) был омрачён великим горем: я потерял своего любимого папочку. Он уже тихо начал угасать, и Бог так захотел, чтобы он тихо без всяких мучений скончался. И я в этот момент был рядом с ним. Мне тоже Бог позволил присутствовать, когда душа моего ненаглядного папочки улетела в мир иной! Вот так два моих дорогих и любимых человека ушли от меня. Они не только родили меня, но и сделали всё, что было в их силах, чтобы я был честным человеком, полезным для людей. Дали мне возможность без труда получить высшее образование. И всем, что во мне люди находят и чувствуют хорошего, я обязан им – моим дорогим, незабвенным и любимым. Я во многом виноват перед ними, моими дорогими и ненаглядными, и самое главное, что не смог сделать спокойной и безоблачной их ста-

рость, особенно мамочкину. Да простит мне Господь наш мою вину перед моими самыми дорогими и самыми близкими мне людьми – мамой и папой.

Папа скончался 3 апреля 1969 г. На мое извещение о кончине папочки я получил много писем (17) и телеграмм (23) из разных городов. От близких знакомых и папиных учеников. Два письма я хочу привести. Одно письмо Надюше от Сени Спиридонова из Ташкента:

«Глубокоуважаемая Надежда Михайловна! Получил Ваше письмо с описанием последних дней жизни Василия Семёновича. Радуюсь за него, что он перешёл в другой мир без мучений, тихо и спокойно, с выключенным сознанием. Так умирают праведники, люди чистой души, а он и София Ивановна были именно такими. Не грустите с Серёжей, хотя трудно отрешиться от мысли, что больше никогда не увидишь дорогого человека. София Ивановна очень была привязана к Вам, так хорошо говорила о Вас, когда приезжала ко мне, и мне было радостно видеть, что Вы были истинным родным членом семьи. Вы до конца выполнили свой долг родного человека, и я рад, что у Серёжи и у Вас должно быть прочное и горячее чувство, которое даёт возможность не чувствовать себя одинокими, пусть будет всегда у Вас мир на душе! Серёже желаю того же. Передайте ему, что он как брат Колюши и Вы как его жена мне очень близки и дороги, как родные. Обнимаю и целую Серёжу и целую Вашу ручку, добрейшая Надежда Михайловна! Будьте оба здоровы, и жизнь Ваша будет приятна Вам. Уважающий Вас С. Спиридонов. 10 апреля 1969 г.».

Ещё одно письмо – от бывшего ученика папы А. Дружкина:

«Глубокоуважаемый Сергей Васильевич! От свердловчан, побывавших в Москве, я узнал о кончине Вашего отца и нашего учителя физики Василия Семёновича. Разрешите выразить Вам своё соболезнование, хотя и с опозданием. На днях я получил весьма подробное и тёплое письмо от Л.С. Мелодиева – нашего земляка и бывшего ученика школы Песталоцци, в которой и мы с Вами учились. В этом письме Лев Сергеевич пишет и о том, что получил у Вас некоторую консультацию о моей работе. Боюсь, что она была недостаточной. А ещё один ташкентец проф. Б.А. Удовиченко информировал Льва Сергеевича о том, что я занимаюсь чуть ли не телепатией. На самом же деле и в Институте интроскопии, и в секции физики МОИЛ, председателем которой я являюсь, занимаюсь теорией поля и разработкой её новых методов, которые я пытаюсь применять в различных отраслях науки и техники. Одновременно с этим письмом посылаю Вам выпуск материалов с небольшими моими публикациями. Буду рад видеть Вас у себя в Москве.

Мои телефоны: 241-58-59 дом. и 245-54-80 служ. В прошлом году я был в командировке в Ташкенте. Здания нашей доброй старой школы уже нет, и вообще город очень сильно изменился. Последний раз перед землетрясением я был там в 1953 г. Примите мои наилучшие пожелания. С уважением А. Дружкин. 9.06.69 г.»

Конец 1969 г. и начало 1970-го были омрачены моей болезнью. Заболел я в Москве и попал там в больницу.

«Сегодня уже почти неделя, как я в больнице. Я в четырёхместной палате. Кроме меня, ещё трое больных. Один из них выздоравливает после инфаркта. По специальности литературный критик (сп.) Интересный человек. Много интересного рассказывает. Он уже начинает садиться. А 4 января первый раз дошел до двери палаты. Второй больной тоже перенес инфаркт. Я знаком с ним. Это сотрудник одного из отделов Президиума АН. Час тому назад он уехал домой. На его место уже лёг новый больной – перешел из другой палаты от храпунов. С ним мы ещё не познакомились. Третий больной ходячий. По-моему, он просто здоров. Он спортсмен – морж, ходит босиком по снегу.

Теперь о моём здоровье. По сравнению с тем, как меня оставил Алик, я себя чувствую более окрепшим. Кашель практически прошёл. Температура нормальная. Сон хороший. Днём в тихий час тоже сплю. Анализы и ЭКГ делают регулярно. Кормят здесь обильно и вкусно. В воскресенье были у меня Сея и Рая, с обоими хорошо поговорили. Любочка, моя родная, я же очень люблю и крепко связан с вами. А о Л.А. ты не должна беспокоиться. Я её знаю с 1962 года. Все эти годы мы работаем по совету, и кроме хорошего я ничего не могу сказать о ней, поэтому её внимание к больному человеку вполне естественно. Ты не придумывай себе лишних мучений. Поздравляю всю нашу большую семью с Новым годом».

Есть и поздравительные открытки с Новым 1970 годом.

Ещё два письма Любочки от 29 и 31 декабря. Любочка очень беспокоится, как после отъезда Алика проходят мои дни в больнице. Она очень хочет, чтобы я скорее вернулся домой. Пишет, что многие спрашивают о моём здоровье: Шуры, Михеевы, Халилеевы, Садовские, Бела Исааковна, Моисей Соломонович. Все искренне встревожены и передают приветы.

Вчера Люба обсуждала с Тамарой Павловной вопрос, как лучше меня устроить в Коуровке. Она хочет туда поехать со мной. Алик благополучно вернулся из Москвы якутским рейсом на самолёте. Вчера дома справляли ёлку. Было очень весело и хорошо. Роль Деда Мороза артистически исполнил Миша Шур. На свой день рождения Зикушка ждёт много народу – человек

25! У Танюши большие волнения в связи с защитой Арика. Зиночка осваивает свою новую должность. У неё уволили старшую сестру. Были какие-то злоупотребления материального характера ещё до назначения Зикушки. У Андрея с Мирой что-то полный разлад. Она ходит очень грустная. На Арика уже есть доносы по поводу несамостоятельности его диссертации. Таня в страшном расстройстве.

Сегодня у нас встреча Нового года. Будут Таня, Андрей, кажется, Мира, а после 12 Зика собирается позвать молодежь – Шууров, Черниховских и др. Люба напоминает, что 11-го надо послать телеграмму Зике. Любочка всё мучается, что я далеко, в Москве, и не она около меня, а чужая женщина. И вообще, что я живу с ней только из жалости, а любви настоящей нет. Вот такая обычная песнь! И в то же время Люба просит простить её, что она огорчает меня своими жалобами. Мне, конечно, её очень жаль, искренне хочу, чтобы она была спокойна.

В своём новогоднем письме я подробно описываю номер люкс, в котором живу. Привожу его план. Это большая комната с тремя окнами. Комната угловая, так что весь день солнце (когда оно есть!).

В письме от 8 января Люба пишет, что Танюша собирается с Тамарой Павловной поехать посмотреть условия в Коуровке своими глазами. У Андрюшки был суд. Конечно, он в ужасном состоянии. Любе и мне его бесконечно жаль. Танюша плачет по поводу сегодняшней защиты Арика. Гельд вне себя. О Зиночке Люба пишет: «Наш маленький начмед работает вовсю. Пока затоплен оргделами и уже скучает без больных».

Последнее моё письмо из Москвы пришло очень удачно, как раз 11 января, так что Люба сразу «Зиночке вручила твоё чудесное искреннее письмо, которое нас с Танюшей даже в слезу вогнало. Так же, как Нюточке мы всегда говорили, что никто не будет её любить так искренне и бескорыстно, как деда Вася, так же и Зиночке никто (во всяком случае, сейчас) не сумеет найти таких искренних и тёплых слов, какие нашёл ты в своём письме». Любочка пишет, что первый раз праздновали Зиночкин день рождения без одновременного празднования дня рождения деда Васи. «Милый деда Вася! Я поверила в реальность его ухода, лишь когда заняла его комнатку, которую очень люблю. И то, когда надо взять что-нибудь из шкафа, мы говорим: взять из шкафа деда Васи!».

В письме от 4 января пишу:

«Сначала мне хочется поздравить (предварительно) нашу милую Зиночку, нашего дорогого врачешку, с днём

рождения и пожелать ей всего, всего хорошего и доброго. Я почему-то уверен, что она очень хорошо справится со своей новой работой, и всё будет в полном порядке. Я очень люблю нашу Зикишку за её доброе сердечко и ласковую душу, и мне очень хочется, чтобы она всегда была счастлива во всей своей жизни. Крепко целую и обнимаю моего дорогого и любимого Зикундрильчика и ещё раз поздравляю с днём его рождения».

В письме от 6 января я пишу:

«...Был перерыв – приходила Софья Михайловна. Давление 140/75. В легких всё чисто. Сердце тоже. Но пока выходить ещё не позволила. Врач мой мне очень нравится. Она очень спокойная и вдумчивая. Сестры здесь – искусные укольщицы, я часто ничего не чувствую при уколе. Я очень рад, что ты во время встречи Нового года позвонила. Я как будто бы побыл дома! Хочу вложить поздравление Зикишке в письмо тебе. Ведь в этом году первый раз мы отмечаем этот день без дня деда Васи. Как-то до сих пор я часто ловлю себя на том, что думаю о папе как о живом человеке.

Меня 2 января навещала Танечка Козляковская, но её не пустили. Разговаривали по телефону. Она передала мне цветы и бутылочку домашнего компота. С литературой для А.А. Гусева разберусь дома. Как мне жаль Танюшку в связи с этой историей с диссертацией Арика. Носков – известный склочник.

Сейчас надо согласовывать вопрос о выдвижении кандидатов по выборам в Академии от ИФМ. В академики – В.Д. Садовский, а в члены-корреспонденты – Яша, Сидоров, Туров и Буйнов.

Я всё печалюсь о судьбе Андрюшки. Стольким людям со стороны я помог встать на ноги, а вот своим парням, и в первую очередь Андрею, ничего не сделал в этом отношении. Мой сосед по моей бывшей палате рассказывал мне, что заведующий отделением говорил им, что я произвожу впечатление ненастоящего академика – не требовал люкса, и мы, мол, его туда сами перевели. Да ты и сама знаешь, что на люксы меня не подцепишь, видно, это уж с детства такая “закваска”. Да, мне повезло, что и в семье у нас царит “здоровый скепсис” ко всем “почестям”...»

Люба отвечает, что они были очень довольны, что администрация больницы из-за моей скромности усомнилась, настоящий ли я академик. И даже проверяла по книжечке, не Остап ли я Бендер? «Т. е. вообще-то он годен, но к “академическим почестям” не годен!» Дай Бог, чтобы так и было до конца дней.

В ИФМ большое горе – умер очень талантливый металлург Соколков.

Танюша уже собирается заказывать билет на Москву, куда поедет за мной. Хочет ехать поездом из-за неустойчивой погоды, а не самолётом.

В письме от 14 января я отвечаю на Любино письмо от 8 января:

«Я и сам не знаю, почему мне не рекомендуют ехать в Узкое. Ну, да Бог с ним. Я уже полностью переориентировался на Коуровку. Очень я огорчён состоянием Андрюшки. А история с Ариком не такая уж трагичная. Не такой он крупный учёный, чтобы так огорчаться из-за задержки защиты диссертации.

Из Лозанны – это письмо от моей учительницы французского языка. Забыла, я тебе о ней рассказывал. После смерти своего мужа Павла Ивановича Короткова, который был у нас в школе учителем черчения, ей удалось уехать на родину в Швейцарию, где правительство устроило её в дом престарелых.

Вчера вечером у меня было два гостя. Один – учёный секретарь УФАНа Любимов, а другой – Георгий Анатольевич Смоленский, который приехал в Москву, так как их институт отчитывается на Отделении АН СССР. Сегодня день рождения папочки. И я опять пережил в памяти уход его из жизни, с чем я как-то до сих пор не могу свыкнуться. Как всегда при таких минутах воспоминаний, становится нестерпимо больно и стыдно за те минуты раздражения, которые я позволял себе в отношении папы, и сердце сжимается от бесконечной жалости к нему. “Нет хуже наказания, как задним горевать числом”. Как это справедливо сказано! Уж очень я хочу скорее домой. Всех люблю и целую.

У меня вчера был первый выход на прогулку. Продолжительность её в первый раз 15 минут, что я по своим часам пунктуально и выполнил. Сегодня получил разрешение на вторую прогулку уже на 25 минут. Завтра, если будет всё в порядке, может быть, выйду два раза. Гуляю я пока по ровному месту около здания больницы. Рот плотно закрыт – дышу носом. Я очень рад, что моё письмо к Зике попало к ней вовремя! Уж что-то вы очень расхвалили меня за него. Даже слезу пустили. Я только могу повторить, что я очень люблю Зикишку, и для меня она всегда будет чудесным, добрым и ласковым человеком, который живет на свете на радость людям.

Мой сосед по бывшей моей палате Мошинский втравил меня в написание статьи “Роль книги в моей жизни” для “Книжного обозрения”.

О большом числе выдвинутых от института на выборах – ты, наверное, права. Мне очень хотелось бы, чтобы

А.С. Шубин с племянником Сергеем (начало 1970-х годов)

выбрали Яшу. Для его психического настроения это было бы очень хорошо. Поговорить с Сергеем Васильевичем Карпачевым об Андрюше стоит, надо, чтобы он обратил на него внимание.

Уж очень комично рассказывал мой сосед по бывшей палате, как меня приняли за Остапа Бендера! Из больницы в нерабочие дни и понедельник не выписывают, поэтому мне придётся выписываться в пятницу 23-го или в порядке исключения 24-го. 23-го я оформлю все документы, а поскольку вещи все со мной, то я могу эвакуироваться вместе с Танюшей после обеда. Она ведь приедет в 12 дня и успеет заехать за мной, ЭКГ и анализами. Перед выпиской меня хотят показать консультанту. Видимо, задержка в больнице необходима, и с этим надо смириться. Жаловаться на условия пребывания здесь грешно. Я всё время занят. То газеты, то радио, то работа над статьёй».

Теперь немного о научной продукции. Регулярно выходит ФММ, в 1969 г. вышло 12 номеров в 27-м и 28-м томах. Журнал ФММ завоевал себе прочные позиции в мировой научной литературе. Очень помогает его популярности английская версия.

На основании ранее установленной в ИФМ связи антиферромагнетизма с неопределённостью мультиплетности кристалла

решена проблема основного состояния антиферромагнетизма. Найден общий вид гамильтониана, который, описывая состояние с неопределённой мультиплетностью, позволил впервые в принципе объяснить устойчивость антиферромагнитного состояния как для коллинеарных, так и для неколлинеарных (например спиральных) антиферромагнитных структур (авторы С.В. Вонсовский и М.С. Свирский).

Мной была почти целиком подготовлена к печати большая монография «Магнетизм».

Сохранился черновик моей статьи «Книга в моей жизни» (заметки и размышления). Я приведу её аннотацию: «Получив предложение выступить на страницах “Книжного обозрения”, я испытывал вначале некоторое неудобство. Мне показалось, что я не смогу сказать ничего сколько-нибудь интересного и поучительного для читателей.

Но дальнейшие размышления над этим “заданием” заставили меня изменить мой скороспелый вывод, и я решил выступить с этими заметками. Действительно, во всей моей жизни, моей научной и общественной деятельности книга сыграла огромную роль, подчас, возможно, и определяющую».

ДРУЗЬЯ-ОДНОКЛАССНИКИ

Письмо от Нины Мелодиевой уже времен «перестройки»:

«Милый Серёжа! Давным-давно, очень давно тебя называют Сергеем Васильевичем, но в памяти о днях далёкой юности моей ты был и продолжаешь оставаться Серёжей, мальчиком с ясными синими глазами и доброй улыбкой на лице, ещё даже не покрытом мальчишеским пушком. Видела тебя недавно по телевизору, при беседе с Михаилом Горбачёвым. Что же, узнать, как видишь, можно, но время не щадит никого. Я давно не писала, болела, а недавно случилось ещё одно несчастье – бандиты убили мужа моей внучки, с которой мы вместе живём. Это происшествие совсем выбило из колеи. Осталась девочка вдовой в 33 года. Обидно и очень, очень горько.

Встреча одноклассников в этом году уже не состоялась, и, очевидно, больше встреч не будет. Так пусть хоть редкие письма или открытки напоминают о далёком прошлом, о людях, которые навек оставили след в душе и сердце. Развороченное прошлое страны, разрушенные авторитеты, в

которые верили, с именами которых жили и работали, показали, какими же слепыми были целые поколения людей, и дай Бог, чтобы хотя бы нашим правнукам достался кусочек счастливой жизни. Но знаешь, Серёжа, оглядываясь назад на всё многотрудное время, думается, а жили мы все-таки хорошо и интересно. Мне искренне жаль современное поколение, обидно за его бездуховность, злобу, бездушие, какую-то обречённость. Поражает отсутствие интересов, глубоких мыслей, вещизм и страсть к обеспеченной жизни без труда и ответственности. Любовь к “зелёному змию”, наркотикам и сексу. Даже дети не умеют играть в обыкновенные жмурки, пятнашки, прятки, казаки-разбойники. Вспоминаю наш школьный двор, экскурсии, походы... Да что там говорить? Всё это ты знаешь лучше меня. Разбирая свои архивы, нашла Мишино стихотворение. И захотелось мне послать его тебе. Пусть оно напомнит Ташкент и всех твоих ушедших друзей. Вот оно:

“Друзьям одноклассникам из 9А класса школы им. Песталоцци!

Как много дней прошло с момента,
Когда, закончив школьный путь,
Мы улетели из Ташкента,
Чтоб в жизни горы повернуть!

Промчались сорок и три года.
Иных друзей на свете нет.
Неумолимая природа –
Таков известный всем ответ.

Война всю землю опалила.
Ташкент смело с лица земли –
Землетрясение не сломило
Людей советских – всё снесли!

Где в школе Песталоцци знанья
Семья друзей приобрела,
Стоит теперь жилое зданье
Из камня, стали и стекла.

Суров Василий был Семёныч,
А Углицких всех нас любил,
В сердца мальчишек и девчонок
Он жажду знанья заронил.

9 А наш был искусник
Прозванья меткие давать:
Ляйляк, Тюя Слёдка, Суслик,
Кобыла, Дьяк – всех не назвать!

Профессий много есть хороших,
Своею каждый увлечён:
Сергей Вонсовский – академик.
Абляля Кензер стал певцом!

Одна из встреч школьных товарищей в Ташкенте
(С.В. Вонсовский – в верхнем ряду)

Школьный товарищ
Гриня Мирошниченко
(Самарканд, 1970 г.)

Во время поездки в Самарканд
в 1970 г. (С.В. Вонсовский –
третий слева)

Среди нас много кандидатов,
Сельскохозяйственники есть,
Плановики и финансисты –
Профессий всех не перечесать!

Мирецкой Нины путь неожиданный
Когда-то всех интриговал.
Он в альбион завёл туманный.
У Детердинга след пропал.

Чигринский Женя по призванию
Конька любимого взнуздal:
На ежегодные собрания
Он одноклассников сзывал!

Меня сегодня с вами нету,
Но класс наш в памяти сидит.
Я не хочу пролезть в поэты,
Но лщусь, что тоже не забыть!

Так пусть же в день Победы каждый
Про юность вспомнит и вздохнёт,
Бокал поднимет не однажды,
А валидол – пусть подождёт!

Миша Протождяконов (Дьяк или Поп) 1 мая 1970 г.”

Звонил Гриня, он тоже уже сдаёт – болят ноги, уже не бегают, а главное, слепнет – катаракта. Операцию делать боится, да и врачи говорят, что рано. Ждёт осени. Ну, вот и всё. Всего тебе хорошего. Ира Барташевская тебе передаёт привет и удивляется, что ты не отвечаешь. Будь здоров – это главное. Знай, что встречи не будет. Целую тебя. Нина Мелодиева».

ОБРАЗОВАНИЕ УРАЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА

Перехожу к описанию событий 1971 г.

«Ты напрасно беспокоишься из-за моего нового назначения в связи с организацией научного центра на Урале*. Я из института никуда не уйду, и кабинет мой останется на ме-

* В 1971 г. С.В. Вонсовскому предложили возглавить Уральский научный центр АН СССР, образованный 1 марта. В состав УНЦ вошли девять институтов с двумя научно-исследовательскими стационарами в Салехарде и Кунгуре, два отдела в городах Свердловске и Перми, а также Ильменский государственный заповедник.

сте. У меня будет твёрдое расписание, где я сегодня! И портрет Сенин останется на своём месте. А также и письменный стол. Я хочу сохранить свой “святой” вторник” Три знаешь, я сам себе удивлялся, когда так спокойно воспринял факт организации Уральского центра. Конечно, уфановцы будут пытаться сохранить свои позиции. Но я как-то очень спокойно смотрю на это. Твёрдо верю, что опыт организационной работы Сергеева очень поможет нам во всех строительных делах. В них лежит главная трудность, а всё остальное – гораздо более простая задача. Так что ты, Бынечка, не волнуйся о моём “возвышении”, оно ведь только с внешней стороны, а внутри это ведь тот же дед Бадя!»

Это из письма Любе.

В своём письме от 26 января я пишу, что получил ответное Любочкино письмо от 20 января. Оно было очень интересно для меня. Письмо я продолжаю 27 января:

«Получил твою тревожную телеграмму. Вот что наделала нелётная погода. Мы с Рябининым долго смеялись нашему “вторичному” знакомству с СВ². У меня вчера в Красных Камнях были интересные встречи. Здесь отдыхал Петр Леонидович с супругой Анной Алексеевной. Там же были слепой академик математик Понтрягин и член-корреспондент Мещеряков. Вечером, когда я возвращался с прогулки и проходил мимо Красных Камней, я встретил Петра Леонидовича и Анну Алексеевну, и они пригласили меня с ними пройтись. Они, оказывается, тоже облюбовали “мою” пикетную дорожку. Только что мы направились к ней, как нас догнал киевский академик Пекар. Я с ним тоже знаком. И вот мы все очень хорошо прогулялись. Довели Капицу до Красных Камней, а потом Пекар довёл меня до нашего санатория.

Я так и не описал тебе президиум, на котором произошло утверждение выделения квартир под поликлинику. Кроме того, В.Л. Гинзбург рассказывал о сверхпроводимости, а Халатников – о твёрдом водороде. И была целая куча оргвопросов. Перед самым началом выяснилось, что Келдыша срочно вызвали на политбюро. Поэтому он пробыл только на нашем вопросе, а потом уехал. Вообще на этом президиуме многих членов не было. Сообщение о нашем вопросе сделал зам. главного учёного секретаря президиума Афанасьев. Потом было краткое выступление Келдыша, несколько вопросов – и всё. Проект постановления был принят с небольшими поправками. Меня, Сергеева и Спасского утвердили постоянными, а остальной президиум – временно. Окончательный состав я должен представить в президиум АН к определённому сроку. Вот, кажется, и весь мой отчёт тебе об этом заседании президиума».

МОНОГРАФИЯ «МАГНЕТИЗМ». ИЗБРАНИЕ ЧЛЕНОМ АКАДЕМИИ НАУК ГДР

Меня опять выбрали на 4 года (с 1971 по 1975) в Верховный Совет РСФСР по тому же Кировскому округу. Но теперь номер билета другой – 644.

13 апреля 1971 г. я получил письмо от президента Академии наук ГДР профессора доктора Н. Кларе с извещением, что на пленуме 25 февраля 1971 г. я был избран почётным членом Германской академии наук в Берлине. А 30 июля 1971 г. я получил также поздравительное письмо по этому поводу от У. Гоффмана, в котором было также приглашение приехать к ним 4 ноября этого года. 19 августа я ответил Гоффману, что из-за занятости делами по УНЦ я, видимо, не смогу приехать в этот срок и в письме от 19 октября прошу перенести мой приезд в Берлин на март–май 1972 г.

Большим событием в моей научной жизни был выход из печати моей переработанной монографии по магнетизму.

Монография посвящена светлой памяти моего учителя и друга Семёна Петровича Шубина, погибшего в сталинской ссылке в 1938 г. в Колымском крае, идеи которого широко использованы в этой книге.

Приведу общую аннотацию к монографии:

«Цель книги – изложить современное состояние физических представлений о физических свойствах различных твёрдых тел. В первой части изложены основные сведения об электродинамике, термодинамике и статистической механике магнитных сред, дана также общая классификация магнитных веществ. Вторая часть книги посвящена физике магнетизма слабомагнитных веществ, не обладающих атомным магнитным порядком, т. е. диа- и парамагнетиков. Здесь рассмотрены диамагнетизм немагнитных тел, магнитные свойства сверхпроводников, парамагнетизм атомов, молекул и кристаллов, магнитные свойства слабомагнитных металлов и полупроводников, рассмотрен электронный парамагнитный резонанс (ЭПР), гальвано- и термомагнитные свойства, магнетооптические явления и методы магнитного охлаждения тел. Третья часть посвящена описанию сильномагнитных веществ, обладающих атомным магнитным порядком, т. е. ферро-, ферри- и антиферромагнетиков, теории молекулярного поля, квантовой теории ферро- и антиферромагнетиков – *d* и *f*-металлов и сплавов: приводятся основные положения современной теории технической кривой намагничивания, проблемы

магнетодинамики ферромагнетиков, немагнитные свойства магнитоупорядоченных веществ. В конце книги описаны ядерные эффекты в веществах с атомным магнитным порядком».

Осенью 1971 г. я уезжал отдохнуть в Болгарию. Был в Софии в Академии наук у Рашеева. А потом на Чёрном море на «Золотых песках» около Варны. Жил в отеле «Интернационал». В Софии я останавливался в отеле «Плиска».

Есть в архиве очень подробное и интересное письмо Жени Турова, в котором он высказывает свои опасения за судьбу ИФМ в составе УНЦ. Во многом он прав, но все потом как-то утряслось, и ИФМ остался неразрушенным. Женины тревоги мне понятны, и я был очень благодарен ему за его письмо.

Итак, моя поездка в ГДР в связи с избранием почётным членом Академии наук этой страны состоялась с 3 по 11 мая 1972 г. Я получил приглашение от председателя физического общества ГДР профессора доктора Ромпе и вице-президента Академии наук ГДР профессора У. Гоффмана. А 19 апреля 1972 г. в Москве мне был вручён диплом иностранного члена ГАН президентом ГАН профессором доктором Кларе на приёме в посольстве ГДР в Москве. 12 апреля этого года я получил от академика-секретаря ООФА АН СССР Л.А. Арцимовича разрешение прочесть в ГДР доклад на тему «Проблема мультиплетности и псевдомultiплетности в спиновых и электронных системах кристаллов».

Рейсом SU-113 3 мая в 15 ч. отбыл с Шереметьевского аэродрома в Берлин, куда прибыл по местному времени в 15 ч. 20 м. На аэродроме Шенфельд меня встретили представители физического общества и доставили на авто в гостиницу «Штадт Берлин», где был бронирован номер. Там же во время оформления номера мы составили программу на все дни моего пребывания в ГДР до 11 мая. Вот эта программа:

3 мая, среда: устройство в гостинице, вечерняя прогулка по Берлину с профессором У. Гоффманом. 4 мая, четверг: научный доклад на заседании физического общества, вечером – приём участников сессии общества. 5 мая, пятница: посещение советского посольства, а также Центрального института электронной физики в Берлине, вечер – прием у профессора У. Гоффмана. 6 мая, суббота: посещение музеев в Берлине, поездка в Потсдам, вечером – переезд в г. Дрезден. 7 мая, воскресенье: прогулка по окрестностям г. Дрездена, товарищеский ужин с ведущими дрезденскими физиками. 8 мая, понедельник: посещение Центрального института физики твёрдого тела ГАН в г. Дрездене. 9 мая, вторник: посещение Дрезденского технического университета, Дрезденской картинной галереи и переезд в Йену. 10 мая, среда:

посещение филиала Центрального института физики твёрдого тела в Иене, Института магнитных материалов и завода ферритов в Хермсдорфе; переезд в Берлин; ужин с Ромпе и Гоффманом. 11 мая, четверг: посещение посольства СССР, визит к президенту ГАН, доклад в Физическом обществе; отъезд в Москву. Вся эта насыщенная программа была с немецкой педантичностью выполнена целиком и полностью.

В Центральном институте электронной физики в настоящее время развиваются исследования по двум основным направлениям: 1) физика полупроводников и 2) физика плазмы газового разряда (в контакте с ФИАН). В Дрезден я переезжал на легкой машине ГАН. Великолепна была экскурсия по Саксонской Швейцарии в окрестностях Дрездена, которую я совершил с дрезденскими коллегами 7 мая. Очень интересно было посещение Института твёрдого тела в Дрездене 8 мая. Здесь ведутся исследования прецизионных сплавов, в частности сверхпроводящих. Также исследуются сплавы с особыми магнитными и электрическими свойствами. Интересным было также посещение Технического университета. Приятное впечатление оставило и посещение научных учреждений в Иене. Интересен был завод ферритов в Хермсдорфе. 11 мая у меня были насыщенные визиты в советское посольство и Академию наук ГДР, где состоялась дружественная беседа с президентом Х. Кларе и вице-президентом У. Гоффманом. Потом был обед и мой доклад в Физическом обществе, в 17 ч. 10 м. – отлёт в Москву. В целом поездка в ГДР была полезной.

40-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ИФМ

В июне 1972 г. отмечалось 40-летие Ордена Трудового Красного Знамени Института физики металлов УНЦ АН СССР. Первое заседание торжественной сессии состоялось 14 июня в Окружном доме офицеров (ул. Первомайская, 27) в 18 часов. В программе заседания было три вопроса: 1. О научной деятельности Института физики металлов УНЦ АН СССР (доклад доктора технических наук, профессора, директора ИФМ М.Н. Михеева). 2. Выступление представителей общественных организаций, промышленных предприятий, научных учреждений. 3. Художественная часть.

15 и 16 июня заседания сессии проходили в Институте физики металлов УНЦ АН СССР (ул. С. Ковалевской, 18). Начало утренних заседаний в 9 часов, вечерних в 15 часов. На этой сессии я делал большой научный доклад: «Развитие теории твёрдого тела Уральской школой физиков». Вот разделы доклада: 1. Полярная модель металла и полупроводника. 2. $s-d$ модель и ферромагнетизм. 3. Сплавы и дислокации, внутреннее трение. 4. Ферро- и антиферромагнетизм, феноменология (статистическая термодинамика, теоретико-групповой подход, слабый ферромагнетизм, домены). 5. Квантовая теория, α -косвенный обмен (ферриты), β -спиновые волны, γ -магнитоупругое взаимодействие, магнитострикция, δ -кинетические эффекты, ϵ -мультиплетность. 6. Нейтронография. 7. Примеси. 8. Сверхпроводимость и атомный магнитный порядок. 9. ЯМР и ФМР. 10. Оптика и магнетизм.

Из откликов на мою монографию «Магнетизм», вышедшую в 1972 г., упомяну письмо от Ц. Херринга из Белл Лаборатории, в котором он задаёт ряд вопросов по истории создания монографии, а в заключение пишет: «Примите мои поздравления с тем, что Вами создана эта веха в истории магнетизма!», 23 марта получена также благодарность от Ч. Киттеля за присланную книгу.

КОНФЕРЕНЦИЯ IUPAP ПО МАГНЕТИЗМУ (ГРЕНОБЛЬ). ISM-6 (МОСКВА). ПОЕЗДКА В ЯПОНИЮ

В 1970 г. была VII Международная конференция IUPAP по магнетизму во Франции, в Гренобле, с 14 по 19 сентября. К сожалению, у меня сохранились только цветные слайды Парижа и Гренобля. Делегация от СССР состояла из 26 человек. Из Свердловска в нее входило шесть делегатов: я, Я.С. Шур, Ю.П. Ирхин, Ю.А. Изюмов, А.С. Носков, С.К. Сидоров. Я делал доклад (совместный мой и М.С. Свицкого) «Indeterminacy of multiplicity (IM) and pseudomultiplicity (IPM) of crystals with magnetic and other order». Это исследование проводилось по теме «Электронная теория переходных металлов, их сплавов и соединений». В рамках псевдоспиновой трактовки в нем установлена связь между неопределённостью населённости (псевдомультиплетности) элек-

тронов в фазовом пространстве и энергетической щелью в энергетическом электронном спектре. Показано, что в системе фермионов, описываемой гамильтонианом БКШ, «упорядоченное» состояние электронов проводимости как в случае эффективного притяжения, так и в случае эффективного отталкивания энергетически оказывается более выгодным, чем нормальное состояние фермионной системы.

Продолжал успешно издаваться общеакадемический журнал ФММ. В 1970 г. вышло 12 номеров в двух томах – 29-м и 30-м. При активном участии ИФМ в январе 1970 г. проведена научная сессия совета уральских учреждений АН СССР на тему «Ленинское теоретическое наследие и задачи науки на Урале», посвящённая 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. В июне этого же года ИФМ провел Всесоюзный симпозиум по магнитным материалам на основе редкоземельных металлов. В этом же году на общем собрании АН СССР действительным членом (академиком) был избран Виссарион Дмитриевич Садовский по Отделению физико-химии и технологии неорганических материалов и членом-корреспондентом АН СССР по Отделению общей физики и астрономии – Яков Савельевич Шур. С.В. Вонсовский подготовил к изданию большую монографию «Магнетизм».

События 1973 г. следует начать с описания одного из самых важных в этом году, которое надолго запомнилось мне и моим близким, а также сотрудникам Института физики металлов и всем моим коллегам, в особенности магнитчикам. Это Международная конференция по магнетизму ИСМ-6, которая проходила в Москве в здании МГУ с 22 по 28 августа 1973 г. по решению Международного союза чистой и прикладной физики (IUPAP), а также АН СССР. Председателем оргкомитета конференции пришлось быть мне. Все тяготы организации, да ещё в другом городе, легли на мои плечи. Материалы конференции ИСМ-6 опубликованы в специальных выпусках издательством «Наука» в 1974 г. Всего вышло 6 томов, из них первый том – в двух выпусках тиражом 1100 экз. Вот аннотация, помещенная в первой части первого выпуска:

«В Москве с 22 по 28 августа 1973 г. проходила Международная конференция по магнетизму МКМ-6. Настоящие Труды публикуются в соответствии с решением Комиссии по магнетизму Международного союза чистой и прикладной физики на основе постановления президиума Академии наук СССР. Из докладов, прочитанных на конференции, составлено шесть томов. В каждый том вошли доклады, прочитанные в течение одного дня. Расположение докладов в томе определяется

программой конференции. Часть I первого тома содержит доклады от 23 августа. Сводный перечень всех докладов и авторский указатель приведены в шестом томе».

Приведу также предисловие, написанное мной:

«Международная конференция по магнетизму (МКМ-6, 1973), проходившая в Москве 22–28 августа 1973 г., проводилась Международным союзом чистой и прикладной физики (IUPAP) и Академией наук СССР. Организаторы конференции стремились сохранить дух аналогичных международных конференций, собираемых регулярно с периодичностью раз в три года. Московская конференция оказалась весьма обширной и собрала 1358 активных участников, из которых зарубежными было 685 человек, представляющих 32 страны. Наиболее представительными оказались делегации Советского Союза (678 участников), Франции (131), Польши (85), США (79) и ФРГ (52 участника). Программный комитет конференции рассмотрел все представленные доклады и включил в рабочую программу около 500 докладов, тезисы которых были опубликованы в специальном томе и разданы участникам до начала конференции. Кроме того, было заказано 42 обзорных доклада по различным разделам магнетизма. Рабочая программа была реализована на 21 пленарном и 163 секционных заседаниях. Магнитная комиссия при IUPAP на заседании, состоявшемся в Москве в период работы МКМ-6, приняла решение провести очередную конференцию по магнетизму в 1976 году в Амстердаме. Мы надеемся, что прошедшая в Москве конференция МКМ-6 способствовала не только обмену научной информацией в области магнетизма, но и углублению научных и личных контактов между учёными различных стран, а тем самым улучшению взаимопонимания и укреплению дружбы между народами.

Председатель Оргкомитета Международной конференции по магнетизму академик С.В. Вонсовский».

Первый доклад мы попросили сделать патриарха в области науки о магнетизме академика Петра Леонидовича Капицу. Он назывался «О некоторых этапах развития исследований в области магнетизма». Его дипломная работа по окончании политехнического института в 1918 г., сделанная в лаборатории А.Ф. Иоффе, относилась к магнетизму, с тех пор он оставался верным этой области физики. Доклад Петра Леонидовича был необычайно интересен и блестящ по форме. Но особенно замечательна его концовка, которую я хочу привести здесь:

«Теперь я коснусь вопроса, чего можно предвидеть в будущем в области электромагнитных явлений. Многие утверждают, что в металлах, полупроводниках и диэлектриках теперь все электромагнитные явления могут быть достаточно хорошо поняты и количественно описаны и что все дальнейшие исследования будут сводиться только к де-

тализированию этих явлений. Мне думается, что это неправильно. Возьмем хотя бы полимеры, которые, как известно, состоят из атомных цепей и в которых ряд основных процессов ещё совсем не понят. Ведь живой организм состоит из таких цепочек, и из них формируются мускулы, нервные волокна. Теперь мы знаем, что все жизненные процессы имеют электромагнитную природу и связаны с прохождением тока по этим волокнам. Но мы до сих пор не знаем физической природы этих процессов, хотя биологи и говорят, что они их понимают. Но, несмотря на это, я буду скептиком до тех пор, пока полимерные волокна – как нервные, по которым передаётся информация, или мускульные, которые могут сокращаться – не будут воспроизведены искусственно в лаборатории. Только тогда эти процессы можно будет считать разгаданными.

В молекулярных цепях можно ждать много новых явлений. И не только сверхпроводимость, но и сверхэлектричность. Возможно, открытие сверхдиэлектриков с достаточно высокой диэлектрической постоянной, способных совсем без потерь отражать высокочастотные поля, имело бы большое практическое значение не только при передаче информации по волноводам на большие расстояния, но и в энергетике больших мощностей. Только за последние годы интерес к этой области исследований начал развиваться. Учёным следует помнить, что самые важные и интересные научные открытия – это те, которые нельзя предвидеть. Ещё Шекспир сказал устами Гамлета: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Поэтому не следует бояться, что в будущем настанет время, когда на конференции по магнетизму не будет интересных вопросов для обсуждения. Открывая конференцию по магнетизму, я не сомневаюсь, что она будет интересной. Желаю вам плодотворной работы!»

После такого замечательного открытия конференции мы заслушали приветственный адрес председателя Комиссии по магнетизму IUPAP известного американского физика G.T. Rado. Затем был мой доклад, который назывался «Развитие магнетизма в СССР». В нем имелось около 150 ссылок на работы советских авторов. В целом конференция прошла очень удачно, и я могу считать, что мой труд не пропал даром.

С 26 марта по 9 апреля 1973 г. я находился в зарубежной поездке по Японии. Основная задача поездки советской делегации заключалась в выяснении перспектив установления научных контактов между советскими и японскими учёными и научными учреждениями, которые способствовали бы развитию науки в обеих странах. В своих воспоминаниях я хочу остановиться на вопросе о том, в каком состоянии находятся научные исследования по физике твёрдого тела, ведущиеся в Японии, какое место занимают эти исследования в мировой науке и по каким конкретным вопросам этой проблематики было бы полез-

но в первую очередь установить контакты с нашими японскими коллегами.

Проблемы физики твёрдого тела имеют уже большую традицию в истории японской науки. В качестве иллюстрации здесь можно привести исследования японских учёных в области физики магнитных свойств вещества. Ещё в начале нашего века получили всемирную известность исследования японского физика К. Хонда (учителя С. Кайя). Не меньшей известностью пользовались работы учеников К. Хонды по исследованию магнитных свойств монокристаллов магнитных металлов (железа, никеля и кобальта) – это работы Кайя, Мазимото и других учёных, которые сыграли весьма заметную роль в создании современных теоретических представлений о природе ферромагнетизма, нашедшего необычайно широкое практическое применение в ведущих отраслях современной техники.

Важные работы японские учёные проводили в области физического металловедения по созданию магнитных материалов, что привело к своего рода «революции» в этой области (сплавы для постоянных магнитов имени японского учёного Мишима, сплавы «сендаст» и т. п.). Характерной особенностью исследований японских физиков-магнитологов стала их тесная связь с техникой, активное участие в создании и широком внедрении новых магнитных материалов. Известно, какими высокими параметрами обладает японское трансформаторное и динамное железо – эти основные технические листовые магнитные материалы. Итогом работ японских учёных к концу 1960-х годов в некотором смысле стала монография профессора Токийского университета Тикадзуми, переведённая на русский язык (С. Тикадзуми. Физика ферромагнетизма. Т. I. Магнитные свойства вещества. М.: Мир, 1983. Т. II. Магнитные характеристики и практические применения. М.: Мир, 1987). Оба тома подарены мне автором, кроме того, он подарил мне ещё в декабре 1973 г. и английский перевод его монографии издания 1964 г. в ответ на присылку ему моей монографии «Магнетизм».

Очень сильна и группа японских физиков теоретиков-магнитологов. Здесь в качестве блестящего примера можно упомянуть работы Р. Кубо. Он разработал общую теоретическую статистическую трактовку «твёрдотельных» проблем – так называемый «метод Кубо». Большое значение имеют работы Каномори, Иосиды, Касуи и Нагамия и, наконец, теоретика Кондо, получившего мировое признание принятием термина «эффект Кондо».

Во время моего пребывания в Японии мне удалось побывать в следующих научных и производственных учреждениях и достаточно подробно ознакомиться с ними.

1. Институт физики твёрдого тела Токийского университета. Основан в 1957 г., его организатором и первым директором был профессор доктор Кайя. Ныне директор – Сузуки. Институт объединяет 21 исследовательскую лабораторию. В их число входят две теоретические, две магнитные, лаборатории по ядерной физике и кристаллографическая, по квантовой электронике, полупроводникам, по низким температурам, по оптике, по высоким давлениям, пластичности, радиоспектроскопии, техническим материалам, поверхностным свойствам, нейтронной дифракции, дефектам кристаллов и молекулярной физике. Кроме исследовательских лабораторий в институте имеется 13 методических: низких температур, химического анализа, высоких давлений, излучений, нейтронной дифракции, высоких магнитных полей, изготовления монокристаллов, вычислительный центр, циклотрон, наконец, знаменитый электронный микроскоп на 500 кэВ фирмы Хитачи. Работы на этом микроскопе представляют особый интерес, поскольку дают возможность исследовать очень тонкие структурные превращения, динамику образования и распространения дислокаций и т. п., что позволяет получать совершенно уникальные сведения об изучаемых материалах. В институте работает 220 сотрудников, включая инженеров, техников и мастеров (53 человека) и административный аппарат (39 человек). Кроме того, в институте обычно работают иностранные учёные, учёные других японских институтов и студенты-дипломники. В целом Институт физики твёрдого тела Токийского университета производит очень хорошее впечатление и может быть прекрасной базой для работ наших учёных, в особенности молодёжи.

2. Национальный институт металлов. Создан в 1956 г. Его научная тематика концентрируется в четырех направлениях: 1) физическое и металловедческое изучение свойств и разработка новых технических материалов; 2) исследование механических свойств материалов, а также разработка неразрушающих методов контроля и измерений; 3) разработка металлургических процессов; 4) обработка материалов. Директор института – профессор Кавада. В институте имеются следующие отделы: металлофизики, металлохимии, металлургических процессов железа и стали, нежелезных и специальных материалов, электрических и магнитных материалов, материалов для ядерных реакторов и др.

Большой интерес представляют исследования сверхпроводящих материалов в виде ленты и проволоки. По этой линии полезно установить контакты с нашими учёными. Этот институт тоже произвел хорошее впечатление, хотя он и значительно хуже нашего ИМЕТА.

3. Исследовательский институт атомной энергии в г. Ратсуре. Директор – профессор Ямамото. В этом институте, наряду с основной тематикой по ядерной физике и ядерной энергетике, проводятся также исследования по физике твёрдого тела. В основном это нейтронографические исследования – магнитная и структурная нейтронография образцов, которая представляется лабораториями исследовательских институтов, работающих в различных областях физики твёрдого тела.

4. Осакий университет. Он является одним из крупнейших высших учебных заведений, в него входят факультеты естественных, гуманитарных и технических наук. Всего 10 факультетов с 40 отделениями и огромным числом кафедр. При университете имеется несколько научно-исследовательских институтов: микробиологии, научно-технических исследований, социальных и экономических исследований, институты белка, сварки. Число сотрудников 4500 и число студентов 43 000. В институте научных и технических исследований широко представлены работы по физике твёрдого тела. Институт имеет уникальную установку – микроскоп фирмы Хитачи на 3 млн эВ. Даже при пониженном вольтаже до 2 млн эВ удаётся изучать образцы в 12–13 раз более толстые, чем на электронных микроскопах в 100 кВ. Это значительно расширяет возможности использования электронно-микроскопических исследований различных физических свойств и процессов в массивных материалах, что имеет огромное значение для уточнения всех наших основных представлений о строении твёрдых тел.

5. Институт теоретической физики университета в Киото. Организован лауреатом Нобелевской премии известным японским физиком-теоретиком Юкавой. Хотя основное внимание в работах этого института уделяется проблемам физики элементарных частиц, квантовой электродинамике и т. п., в нём также ведутся работы по общим вопросам теории конденсированных систем. Поэтому весьма целесообразно посылать в этот институт в научные командировки физиков-теоретиков, специализирующихся в области теории твёрдого тела.

6. Сталелитейный завод фирмы Japan Steel Corporation в Шимицу. Это предприятие насыщено большой автоматикой, широко и интенсивно использует вычислительную технику, неразру-

шающие методы контроля. Однако исследовательские центры этой корпорации находятся при других её предприятиях.

На основе перечисленных посещений научных учреждений Японии можно сделать такие выводы:

1. В Японии ведутся большие и интересные исследования по различным проблемам физики твёрдого тела.

2. Масштабы и глубина тематики сравнимы с исследованиями в России.

3. Большим преимуществом японских физиков является то, что их лаборатории оснащены самым совершенным оборудованием, в частности это относится к электронно-микроскопическому оборудованию – электронные микроскопы на 500 кэВ и 3 млн эВ фирмы Хитачи.

4. Существенно также отметить, что японские физики оперативно воспринимают новые идеи своих зарубежных коллег и самое главное – доводят эти идеи до практической реализации.

В России необходимо срочно разработать план длительных и краткосрочных научных командировок молодых физиков-экспериментаторов и теоретиков в физические институты Японии. В первую очередь те, о которых шла речь выше. Необходимо просить руководство АН России о приобретении мощных электронных микроскопов, подобных упомянутому японским. Весьма полезны оперативные русско-японские симпозиумы по отдельным вопросам физики твёрдого тела и особенно по разработке новых материалов с различными специальными свойствами.

18 мая была сдана в набор моя монография «Магнетизм микрочастиц», которая вышла из печати в конце года тиражом 7500 экз.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Из личной переписки сохранилось письмо от 5 июня из Риги от Б.А. Ручковского. Хочу привести его полностью:

«5.06.73 г. Уважаемый Сергей Васильевич! Ваше ответное письмо на посланное Вам письмо нашего сына вызвало у меня и жены много добрых воспоминаний о Средней Азии, о жизни в течение 7 лет в Ташкенте, о милой семье С.И. и В.С. Вонсовских, с которыми у нас были исключительно хорошие, дружеские отношения на протяжении всех этих 7 лет, вплоть до нашего отъезда из Ташкента в 1945. В

Ташкент мы переехали из г. Сталинабада в 1938 г., и с этого времени между нами и Вашими мамой и папой установились те отношения, о которых я сказал выше. В тяжёлые годы войны мы часто общались, делились своими горестями и радостями и в пределах своих небольших возможностей даже помогали друг другу. София Ивановна, не занимаясь в те годы преподаванием музыки, всё же не отказала моей жене в просьбе давать ей уроки музыки и, любезно согласившись на это, 2–3 раза в неделю посещала нас на дому. Мы хорошо помним эти её визиты. Василий Семёнович или сопровождал Софию Ивановну, или мы приходили за ней. После каждого такого урока они обычно оставались у нас, и или за обедом, или за чаем мы мило проводили время в беседах, которые нередко принимали душевный характер, так как я и моя жена были во многом созвучны Софии Ивановне и Василию Семёновичу. По своим высоким человеческим качествам это были люди из числа “последних могилок”. Но былая искренне-дружеская связь между нами с нашим выездом из Ташкента прервалась. К баловням жизни я и жена не принадлежим, а поэтому житейские заботы на новом месте настолько нас поработили, что мы со многими друзьями и добрыми знакомыми утратили всякую связь и их потеряли. Потом родился сын, ему были отданы все заботы и внимание, и жизнь наша замкнулась в маленьком семейном мирке. Но, совершая иногда экскурсии памяти в область прошлого, мы нередко вспоминали в кругу своей небольшой семьи Софию Ивановну и Василия Семёновича Вонсовских, что и послужило причиной того, что наш сын, проявив инициативу, обратился к Вам с письмом из желания установить для нас их судьбу. Мы же считали, что среди нас, пока ещё живущих, их нет. И всё же, когда сын дал нам прочесть Ваше письмо, то мы, будучи огорчены его начальным содержанием, в то же время были и удивлены тем, что оба они скончались в таком преклонном возрасте, как 83 и 96 лет. По-видимому, это их долголетие надо отнести за счёт того, что последние годы они довольно долго жили вблизи Вас и Вашей семьи, а не одинокими в далёком Ташкенте. Ведь в 1945 г., когда мы покидали Ташкент, если София Ивановна выглядела относительно бодрой в её в то время 71 год, то Василий Семёнович в его 72 года выглядел много слабее Софии Ивановны. Моя жена Елена Фёдоровна вспомнила, как ставила Вам банки, когда Вы по дороге в Ташкент основательно простудились и во время своего недолгого пребывания в Ташкенте были одолеваемы сильным кашлем. В каком году это было, она, конечно, не помнит. А я помню, как мне удалось избавить Софию Ивановну и Василия Семёновича от грозившего им в

то время уплотнения. На память об этой “операции” София Ивановна принудила меня взять и, конечно, сохранить массивный серебряный подстаканник. Да, много вот сейчас возникает в памяти. Как давно всё это было – почти 30 лет тому назад!! Как грустно, что многое из этого теперь только в далёком, добром прошлом. Добром уже по одному тому, что были все мы тогда моложе ... почти на 30 лет!

Мне в настоящее время 75 лет, Елене Фёдоровне 64. У нас один сын Саша 26 лет. Внуку Вове 6 лет. Саша окончил факультет иностранных языков университета. Работает в научно-исследовательском институте планирования Госплана Латвии, в отделе научно-технической (в том числе и зарубежной) информации в качестве переводчика (и в частности синхронного). Его жена в этом июне оканчивает Рижский медицинский институт. Я и Елена Фёдоровна – пенсионеры. Конечно, мы никогда не попадём в Свердловск и, следовательно, почтить память Софии Ивановны и Василия Семёновича посещением их могилки не сможем. Но если Вам когда-либо пришлось бы попасть в Ригу, то мы были бы искренне рады видеть Вас у себя и вместе с Вами помянули бы тёплым, добрым словом Ваших милых маму и папу, очень Вас любивших. Будем рады видеть у себя и любого члена Вашей семьи, если кому-либо из нихжелалось бы познакомиться с Ригой и её взморьем. Сердечный привет и пожелания здоровья Вам и Любви Абрамовне от Елены Фёдоровны и от меня.

С большим уважением. Ваш Б. Ручковский».

С 29 сентября по 16 октября 1973 г. после трудного лета из-за конференции в Москве, где мне пришлось вынести всю тяжесть её организации, я отдыхал в пансионате «Пицунда», где очень хорошо устроился и провёл время.

22 октября 1973 г. я получил большое письмо от бывшего папиного школьного ученика Ашота Аракеловича Саркисова, ныне академика. Его письмо я тоже хочу привести полностью, поскольку оно является прекрасным памятником моему дорогому папочке. Вот оно:

«Уважаемый Сергей Васильевич! Сознывая Вашу большую занятость ответственными делами по руководству УНЦ и научной работой, решил всё же написать это письмо. Сразу же представлюсь: я один из многих учеников нашего дорогого и незабвенного Василия Семёновича Вонсовского. Недавно, будучи в командировке в Москве, случайно стал свидетелем телевизионной передачи, посвящённой Уральскому научному центру. В этой передаче много рассказывалось о Вас и между прочим сообщалось, что Вы сын школьного учителя физики из Ташкента. При этом показали фотокарточку Василия Семёновича. Я и раньше

встречался с Вашей фамилией в журналах и на обложках монографий, предполагая, что Вы являетесь сыном Василия Семёновича, тем более что он ещё до войны рассказывал намёно о Вас нам, ученикам старших классов.

В течение ряда лет до выпуска Василий Семёнович был куратором нашего класса и самым любимым учителем. Несмотря на его строгость и даже внешнюю суровость обращения с нами, мы не могли не видеть в Василии Семёновиче душевного и доброго человека. Как искренне он радовался тем или иным нашим успехам и достижениям и как эмоционально огорчался при тех или иных неудачах! Почти все мы, выпускники 1941 г., в годы войны были на фронте. Мои родные, оставшиеся в это время в Ташкенте, рассказывали, как интересовался Василий Семёнович нашей судьбой. Из мальчиков выпуска 1941 г. (класса Василия Семёновича) лишь несколько человек осталось в живых. Встречаясь (а это бывает нечасто) со своими бывшими одноклассниками, мы вспоминали школьные годы, друзей, учителей и всегда возвращались к образу самого уважаемого и авторитетного из них – Василия Семёновича. В эти дни я, используя свой отпуск, приехал в Ташкент к своим родным.

Сегодня перебирал школьные карточки, на которых класс сфотографирован вместе с Василием Семёновичем. Как много времени прошло с тех пор. Многих уже нет в живых, а оставшимся уже под пятьдесят лет! Я больше знаю о том, как сложилась жизнь у наших парней. Все честно трудятся, многие достигли больших успехов в своём деле. Обидно, что мы не можем отчитаться Василию Семёновичу за прожитую половину века. Вот только несколько иллюстраций: Николай Белоусов проявил себя отличным организатором и активным коммунистом. Он был главным инженером завода, секретарём обкома партии, а сейчас заместитель председателя Ташкентского облисполкома. Владимир Стригин – сейчас полковник-инженер, кандидат технических наук, старший преподаватель Военно-инженерной академии имени Можайского. Инас Акаев – доктор биологических наук, заместитель директора по научной работе Всесоюзного научно-исследовательского института биофизики в Пуццино на Оке. У меня судьба сложилась не совсем обычно. Являясь уроженцем сугубо сухопутного Ташкента, я всё же связал себя с морем. Сразу после войны (а я в течение 4 лет был на фронте) поступил в Высшее военно-морское инженерное ордена Ленина училище имени Дзержинского. Окончил его в 1950 г., затем плавал на боевых кораблях. В 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию и с того времени перешёл на научно-педагогическую работу в системе высших военно-морских учебных за-

ведений. Несколько лет тому назад защитил докторскую диссертацию, сейчас в звании контр-адмирала-инженера руковожу Севастопольским высшим военно-морским училищем. Список выпускников – наших одноклассников, которые так или иначе связаны с наукой, можно продолжить. Почему же в числе только 25 выпускников более 10 человек (это ведь очень много!) оказались представителями творческого труда? И здесь я снова должен вернуться к Василию Семёновичу.

У меня нет никакого сомнения, что именно он привил нам вкус к углублённому анализу явлений природы, к творческому образу мышления. Занятия, проводимые Василием Семёновичем, не отличались ни особой яркостью, ни особой четкостью, ни особой занимательностью. Он не читал лекции, а беседовал с нами и в ходе беседы вовлекал в активную работу по поиску правильных ответов и решений. Дух творчества и состязательности (а Василий Семёнович умел похвалить за глубокий и правильный ответ), который царил на уроках физики, побуждал нас заниматься самостоятельно, тщательно готовиться к новым занятиям. У меня два сына, один из которых уже окончил школу, другой учится в 8 классе. Даже сравнивать нельзя уровень вооружённости сегодняшних школьников с тем, что имели мы. По существу, кроме стабильного учебника (сейчас Фалеева и Пёрышкина, а затем Соколова) и очень скромной лаборатории, мы ничем не располагали. Теперь в распоряжении школьников прекрасный журнал “Квант”, десятки отечественных и переводных курсов физики, задачник, прилично оснащённых лабораторий. И всё же наши дети порой не имеют самого главного, что определяет их подготовку, знания, навыки, не имеют таких прекрасных педагогов, отсутствие которых не может быть компенсировано никакой технической вооружённостью. Именно таким педагогом был для нас Василий Семёнович. Уважаемый Сергей Васильевич! Написать это письмо побудила меня потребность высказать слова глубочайшей благодарности Василию Семёновичу. Когда мы учились, он был уже в преклонном возрасте и часто болел. Но любовь к своему делу, уважение к нам, ученикам, исключительная ответственность определяли высокую эффективность его деятельности, которую мы ощущаем до сих пор и будем чувствовать всегда. Мы, ученики Василия Семёновича, рады Вашим успехам, как радовались бы успехам и счастьем Василия Семёновича. Разрешите пожелать Вам новых достижений в труде и благополучия в жизни. Я был бы очень рад, если бы Вы нашли возможность при благоприятных обстоятельствах приехать ко мне в гости. 25 октября я возвращаюсь домой. Мой адрес:

Севастополь-15, ул. Курчатова, 18, кв. 10. Домашний телефон: 9-12-61. Служебный адрес: Севастополь-33. Саркисову Ашоту Аракеловичу. Служебный телефон: 6-62-39. Д.свидания, с глубоким уважением А.Саркисов. 22.10.73 г.»

Это письмо написано от чистого сердца и представляет собой торжественную оду, посвящённую памяти моего дорогого незабвенного папочки. Дорогой Ашот Аракелович, крепко, крепко обнимаю Вас и целую Вас, бесконечно благодарен Вам за Ваше чудесное письмо.

8 ноября 1973 г. датировано письмо из Чехии от Святополка Крупицки с благодарностью за получение моей монографии «Магнетизм». Он прислал также свою монографию по ферритам, которая была в то время лучшим руководством по этой проблеме.

Из личной переписки 1973 г. есть ещё письмо из Люберец от двоюродного брата Володи Вонсовского. Его я тоже хочу привести здесь:

«26/XI–73 г. Здравствуй, Сергей Васильевич и Ваша жена Люба! Сообщаем, что все живы, здоровы, чего и Вам желаем, и хотим поздравить всей своей семьёй с наступающим Новым годом, пожелать Вам в новом 1974 г. большого счастья в жизни и здоровья на многие годы. Жизнь у нас течёт очень быстро, не поспеваем и оглянуться, как один день сменяется другим, а также и годы. Растут дети, а теперь и внук. Надя перешла работать на завод, где работаем всей семьёй. Так что скоро будет там наша династия. На работу устроилась оператором на машине М-220. Тамара собирается пойти на работу после Нового года, так как ей нужно скоро защищать диплом и это необходимо. От Василия писем ещё не получал. Надеюсь к Новому году получить. Вот все наши новости. Остаёмся Ваши: Володя, Вера, Тамара, Надя, зять Геннадий и внук Толя. И от всех нас большой, искренний привет и ещё раз большие добрые пожелания к Новому году. Ждем от вас ваших новостей».

Теперь об опубликованных в этом году работах. Прежде всего, монография «Магнетизм микрочастиц». Объём 280 стр. Приведу аннотацию: «В книге излагается современное состояние физических представлений о магнитных свойствах элементарных частиц – электрона, позитрона, мю-мезона, протона, нейтрона и других адронов, а также электронных оболочек атомов и атомных ядер. Знакомство с магнитными свойствами микрочастиц имеет не только самостоятельный интерес, но также даёт нам весьма полезную информацию об их внутренней структуре. Достаточно подробно рассматриваются вопросы об аномальных магнитных моментах как лептонов, так и адронов. Излагается современная ситуация теории и экспериментальных поисков ди-

раковского магнитного монополя. Кратко рассмотрены некоторые нелинейные квантово-электродинамические эффекты в магнитном поле. Книга рассчитана на широкий круг научных работников, инженеров и студентов старших курсов, специализирующихся в области атомной и ядерной физики, физики твёрдого тела и всех смежных с ними областей естествознания». Книга содержит 41 рисунок, 18 таблиц, библиография отечественной и зарубежной литературы насчитывает 910 наименований. Эпиграфом к книге я взял начало стихотворения Валерия Брюсова «Мир электрона»: «Быть может, эти электроны – миры, где пять материков»...

В этом же году по линии общества «Знание» мной была прочитана лекция для Свердловского ГК КПСС на тему: «Современная физика и технический прогресс». Её текст хранится в моём архиве.

Монографии «Магнетизм» и «Магнетизм микрочастиц» были выдвинуты на соискание Государственной премии СССР 1974 г.

В 1973 г. научное собрание ИФМ было преобразовано в научное собрание физиков города Свердловска и проходило в здании ИФМ раз в месяц. На одном таком собрании я сделал доклад на тему: «Магнетизм в мире элементарных частиц».

В 1974 г. научное собрание физиков города Свердловска проходило в ИФМ во вторую пятницу каждого месяца (кроме летних отпускных). Всего было проведено восемь собраний. Авторами одного из докладов были я, Михаил Николаевич и В.Д. Садовский: «250 лет АН СССР и развитие академической науки на Урале».

Есть мои отчёты о заграничных поездках. Сохранилась переписка с переводчицей моей книги «Магнетизм микрочастиц» на английский язык для издательства «Мир» О.А. Гермогеновой. Перевод вышел из печати уже на будущий (1975) год. Имеется переписка с зав. английской редакцией издательства «Мир» Левантом.

НАУЧНЫЕ КОМАНДИРОВКИ

В двух заграничных поездках я был руководителем наших делегаций в конце сентября и начале октября 1974 г. – в Польшу и в конце октября – в ФРГ. Командировка в Польшу была организована в связи с обращением президента Польской АН (ПАН)

академика В. Тжябетовского к АН СССР, в котором было высказано предложение провести в Польше польско-советский симпозиум на тему «Магнитное упорядочение и фазовые переходы», посвящённый 250-летию образования АН СССР. Он предлагал прислать делегацию из 20 человек, но к сожалению, по ряду обстоятельств в ней оказалось только восемь человек. Вот её состав: Вонсовский С.В. – руководитель делегации, Туров Е.А. (УНЦ), Сидоров С.К. (УНЦ), Каганов М.И. и Прозорова Л.А. (ИФП АН СССР), Дзялошинский И.Е. и Покровский В.Л. (Институт им. Ландау из Черногловки), Прохоров А.С. (ФИАН). Делегация в полном составе выехала поездом из Москвы 26 сентября и пересекла границу с Польшей 27 сентября. В Варшаве нас встретили представители ПАН. После ознакомительной экскурсии по Варшаве вся делегация самолетом отправилась в г. Вроцлав, где была встречена президентом ПАН В. Тжябетовским и председателем оргкомитета симпозиума профессором Б. Сталинским. Не заезжая в г. Вроцлав, все отправились к месту проведения симпозиума – в пригород Бьерутович курортного города Карпач вблизи границы Польши и ЧССР.

Симпозиум продолжался три дня – с 28 по 30 сентября. В нём приняли участие около 70 человек. Кроме восьми русских учёных, одного чеха и одного немца остальные были поляки. Симпозиум показал, что в Польше выросли кадры физиков-экспериментаторов и теоретиков, успешно работающих в различных областях физики твёрдого тела. Хотя они ещё уступают советским учёным, но по отдельным направлениям польская физика имеет явный приоритет, оригинальную окраску и достаточно большие успехи. Во-первых, в изучении магнитных свойств актинидов, их сплавов и соединений, во главе этого направления стоят супруги Тжябетовские. И, во-вторых, в Польше достаточно большое развитие получили исследования по магнитной нейтрографии.

Симпозиум проходил в исключительно дружеской обстановке. После завершения его работы советская делегация с вечера 30.09 и до утра 3.10 пробыла в г. Вроцлаве. За это время мы ознакомились с тремя научными учреждениями: Институтом низких температур и структурных исследований ПАН, Международной лабораторией сверхсильных магнитных полей, финансируемой СССР, Польшей, ГДР и Венгрией, и Институтом химии Вроцлавского университета.

Утром 3 октября самолётом мы перелетели из Вроцлава в Варшаву, куда прибыли в 9 ч. утра, а в 15 ч. нас ждал самолёт в Москву. Мы смогли очень кратко познакомиться с Институтом физики ПАН. В нём работает всего 600 человек, из них 150 на-

учных сотрудников. Институт расположен в новом специализированном здании на окраине Варшавы. Его директор – профессор, член-корреспондент ПАН Колодзиевский. Институт имеет филиал во Вроцлаве. В целом институт производит весьма солидное впечатление хорошо налаженного научного учреждения, с очень сильной производственной базой (мастерские, заводы и т. п.). Он уже имеет хорошие и крепкие связи с наукой СССР.

Теперь остановлюсь на описании поездки в ФРГ, которая состоялась с 21 по 31 октября 1974 г. Это была поездка по приглашению общества, объединяющего всех физиков ФРГ. Общество выполняет по существу роль АН, координируя деятельность научных учреждений и распределяя между ними финансы. Делегация СССР состояла из семи человек. Программа была рассчитана на 10 дней. Поскольку в это же время намечался визит канцлера ФРГ в СССР, было трудно достать билет на прямой самолёт, и мы вместо Франкфурта попали в Париж. Три часа катались по Парижу, побывали на Монмартре, во всех красивых местах этого чудесного города. Затем вылетели в Дюссельдорф, из Дюссельдорфа автомашиной заехали в Бонн. Там мы разработали нашу программу посещения научных учреждений ФРГ.

По плану, предложенному Немецким исследовательским обществом (далее НИО), за время пребывания в ФРГ мы посетили следующие физические учреждения:

1. Институт теоретической физики Гамбургского университета. Этот университет был создан в 1919 г. Ректор его профессор доктор П. Фишер-Аппельт. Число студентов около 25 000 человек, из них более 2/3 мужчин, в том числе 1250 иностранцев из разных стран Европы, Африки и Южной Америки. В университете 17 факультетов – от евангелической теологии и философии до химии, физики и математики. При каждом факультете имеется один или несколько научно-исследовательских институтов, в которых работают профессора и преподаватели, аспиранты, а также широко привлекаются студенты старших курсов. Это весьма характерно для всех вузов ФРГ. Общее число преподавателей 1500 человек, из них 200 профессоров. При физическом факультете работает шесть НИИ: 1-й и 2-й экспериментальной и 1-й и 2-й теоретической физики, прикладной физики и астрономии. Я имел встречу с руководителем 1-го института теоретической физики. В нём исследования ведутся по трем основным направлениям: 1) теория твёрдого тела (руководители профессора В. Дёринг, Я. Аппель и Х. Хейзенау); 2) общая теория относительности (руководители профессора Кундт и Гейслер); 3) ядерная физика (руководитель профессор Линдер). Темы ра-

бот созвучны нашим, поэтому было очень приятно, что немцы высказали желание пригласить к ним в институт нашего профессора Ю.А. Изюмова для чтения лекций, имеющих взаимный научный интерес.

В Гамбурге находится один из самых мощных электронных ускорителей в ФРГ – на $7,2 \cdot 10^9$ эВ. На нём ведутся исследования по физике твёрдого тела. Физики Гамбургского университета имеют хорошие связи с этим центром. Они связаны также с Гамбургским филиалом Голландской центральной лаборатории фирмы «Филлипс».

2. Институт океанографии Кильского университета. На меня как физика этот институт произвёл самое благоприятное впечатление как по масштабам, так и по глубине физических и биологических исследований морей и океанов.

3. Институт физики плазмы ОМП в Гархинге. Это ещё очень молодое научное учреждение, созданное в 1960 г. Главная его научная задача – решение проблемы управляемой термоядерной реакции. В настоящее время в институте работают свыше 1000 человек, из них более пятой части – научные работники. Институт имеет девять отделов. Из них четыре – по экспериментальной физике плазмы (получение и удержание плазмы в магнитных ловушках различной конструкции), специальный теоретический отдел, отдел физики поверхности тел, подвергающихся облучению ионами, отдел релятивистской плазмы и два инженерных (по экспериментальной технике и электронике). Пока этот институт ни в коей мере не может конкурировать с подобными исследовательскими учреждениями в СССР, но он быстро развивается, набирает темпы и в ближайшее время станет весьма крупным научным центром. Таково, например, мнение крупнейшего советского специалиста в этой области науки академика Б.Б. Кадомцева, который лично знаком с деятельностью этого института ОМП.

4. Институт экспериментальной физики Мюнхенского технического университета в г. Гархинге. Этот университет (ранее Высшая техническая школа) основан в 1868 г. Он имеет 12 факультетов, начиная от математического и физического и кончая факультетом пивоварения. Большинство факультетов расположено пока в самом городе Мюнхене, и только два факультета (физический и химический) помещаются в прекрасных новых зданиях в научном городке в предместье Мюнхена – г. Гархинге. Число студентов в университете свыше 11 000 человек, а преподавателей – свыше 600 человек. Институт был основан при активном участии нынешнего президента НИО профессора докто-

ра Мейер-Лейбница. Большое участие в развитии института принимал и принимает известный во всём мире учёный лауреат Нобелевской премии профессор Р. Мессбауэр. В институте регулярно работает еженедельный общий научный семинар. В каждой научной группе с руководителем работают 4–5 ассистентов, до 10 аспирантов, 12–15 дипломников. В каждой группе имеется небольшая механическая мастерская с высококвалифицированными мастерами. Ведутся низкотемпературные исследования эффекта Кондо, влияния магнитных примесей, аморфных полупроводников, применения эффекта Мессбауэра к изучению жидких кристаллов, в биофизике и т. п. В отделе теоретической физики ведутся работы по ряду вопросов теории твёрдого тела профессорами Бренигом, Шмидтом, Гетце и Фишером, а также по ядерной физике профессорами Манге, Вилдом и Дифрихом. Институт очень хорошо оснащён экспериментальной техникой, что позволяет вести исследования на высоком научном уровне.

5. Институт экспериментальной физики Рурского университета. Это новое учреждение, созданное в 1961 г. как первый вуз Рура – главного промышленного района ФРГ. В настоящее время в университете обучаются свыше 11 000 студентов на 19 факультетах. Из них только около 18% – дети рабочих или сами рабочие Рура. Институт экспериментальной физики находится при факультете физики и астрономии. На факультете до 600 студентов. Во главе факультета и института три профессора: два экспериментатора – профессор С. Метфессель и профессор Камке и один теоретик – профессор Вагнер. Исследования ведутся по ядерной физике, физике плазмы, физике систем многих частиц, биофизические исследования с использованием многих физических методов (ЭПР, ЯМР и др.), весьма широко представлена астрономическая и астрофизическая тематика. По физике твёрдого тела институт поддерживает тесные контакты с институтом ОМП в Штутгарте, по ядерной физике – с ядерным физическим центром в Юлихе. Экспериментальные исследования по физике твёрдого тела посвящены в значительной степени изучению свойств ферромагнитных полупроводников – соединений $3d$ - и $4f$ -элементов. Широко используются высокие давления и сильные магнитные поля для изучения спиновых стёкол. Директор института профессор С. Метфессель долгое время (в течение 7 лет) руководил физической лабораторией фирмы ИВМ в США, поэтому хорошо знаком с физикой магнитных и других материалов для ЭВМ. Профессор С. Метфессель является также крупнейшим физиком-магнитологом, специалистом по физике ферромагнитных полупроводников.

6. Институт электротехнических материалов Рурского университета. Это тоже интересное научное учреждение. К сожалению, я не смог повидаться с его директором профессором доктором Е. Кнеллером (автором широко известной монографии по ферромагнетизму, вышедшей в 1963 г.) из-за его болезни и имел из-за недостатка времени только краткую беседу с его заместителем. Однако уже из этой краткой беседы для меня стало очевидным, что в институте ведутся очень интересные работы по изучению широкого класса магнитных материалов.

7. Институт теоретической физики Кельнского университета. В нём обучается до 22 000 студентов. Научная работа по физике ведётся в четырёх исследовательских институтах при факультете естественных наук и математики. Это Институт ядерной и теоретической физики. Директор института профессор М. Мюльшлегель. С ним работают ещё пять профессоров. В институте ведутся исследования по теории твёрдого тела. Наибольшее внимание уделяется: 1) изучению природы кинетических явлений в металлах и полупроводниках, 2) изучению влияния магнитных и немагнитных примесей в различных магнетиках и сверхпроводниках, 3) теории фазовых переходов в твёрдых телах.

При оценке состояния науки в ФРГ, в том числе физической, необходимо помнить, что немецкая наука с приходом к власти Гитлера в 1933 г. понесла тяжелейшие потери. Во-первых, из-за массовой эмиграции ведущих учёных за границу, во-вторых, из-за физического истребления многих учёных. Отток учёных продолжался и после войны, главным образом в США, из-за отсутствия должных условий для научной работы. Однако с конца 1950-х и начала 60-х годов правительство ФРГ и отдельные промышленные фирмы начали вкладывать большие средства в создание мощной экспериментальной базы для науки. Создаются новые университеты, новые НИИ в рамках ОМП, строятся с большим размахом современные здания и целые комплексы – научные городки. Постепенно начинается обратный процесс – возвращение немецких учёных в ФРГ. Например, это уже упоминавшиеся профессоры Ф. Кох, С. Метфессель и др. Стала очень сильно привлекаться к науке способная молодежь. Хотя наука в ФРГ ещё не достигла прежних высот, которые были у неё до 1933 г., теперь созданы все предпосылки, все материальные и кадровые условия для резкого скачка на высоту. Обращает на себя внимание хорошая организация науки в вузах. Каждый университет в ФРГ – это большой комплекс НИИ, как правило, с хорошей тематикой и хорошим экспериментальным оснащением.

ем. Вузовская наука в ФРГ уже накопила силы для ещё большего рывка вперёд. Не надо также забывать о 50 НИИ в ОМП и большой науке в фирмах. Существует постоянная практика организации временных групп из учёных разных учреждений для решения какой-нибудь актуальной проблемы. В настоящее время в ФРГ до 150 таких групп. Итак, хотя наука в ФРГ ещё не достигла такого развития, как в СССР, но мы должны внимательно перенимать всё, что там делается нового и полезного для развития науки. Следует также отметить, что на протяжении всей командировки в ФРГ советская делегация встречала всегда доброжелательный и предупредительный прием со стороны своих немецких коллег, которые также заинтересованы в развитии контактов с нашей наукой.

5 октября 1974 г. от одного из самых близких моих школьных товарищей Миши Протодьяконова я получил в подарок книжку о его папе, крупнейшем советском учёном-горняке профессоре Михаиле Михайловиче Протодьяконове, которого я очень хорошо знал, поскольку в школьные годы и позже часто бывал в их домике и даже зачастую у них ночевал. Михаил Михайлович и его супруга Зоя Николаевна ласково и внимательно всегда ко мне относились. Долгое время Михаил Михайлович жил и работал в Екатеринославле. В конце 1918 г. он, несмотря на тяжёлую болезнь позвоночника, переехал с семьей в Ташкент и стал активно работать: сначала в Туркестанском народном университете, а с сентября 1920 г., после декрета Ленина об организации Туркестанского государственного университета, – в нём. В 1921 г. университет переименовали в Среднеазиатский госуниверситет (САГУ), где я начинал своё высшее образование. В САГУ М.М. Протодьяконов проработал до своей кончины 5 апреля 1930 г. в возрасте всего 55 лет, будучи полным мечтанием о развитии любимой горной науки.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ. ДЕЛА ДЕПУТАТСКИЕ

В 1975 г. я в четвёртый раз был избран по тому же Кировскому округу г. Свердловска депутатом Верховного Совета РСФСР сроком до 1979 г. Опять приёмы, письма, работа в планово-бюджетной комиссии.

Во второй половине 1975 г. произошло важное событие. Моим монографиям по магнетизму и магнетизму микрочастиц присудили Государственную премию. Мне присудили медаль и выдали диплом лауреата Государственной премии СССР.

Сохранилось письмо от ленинградского знакомого, с которым мы когда-то вместе жили в доме отдыха «Чайка» в Юрмале, – Ильи Марковича Рейза. Он пишет:

«Уважаемый Сергей Васильевич, сердечно Вас приветствую и от всей души поздравляю с высоким званием лауреата Государственной премии. Первый раз мы с Вами встретились в 1949 г. в доме отдыха в Майори под Ригой, а затем через год на станции Свердловск, около поезда Ленинград–Хабаровск, на котором я ехал к месту своей службы в Совгавани. Много лет прошло с тех пор, но тёплое чувство уважения и симпатии к Вам всё время со мной. Я искренне желаю Вам здоровья, успехов и радостей в жизни и в делах. Сейчас я капитан 1-го ранга в отставке, живу в Ленинграде, работаю инженером в конструкторском бюро радиозавода. Если будете в Ленинграде, если Вы найдёте время и навестите нас, будем очень рады».

Я ему с благодарностью ответил.

Перехожу к изложению событий 1976 г. В архиве сохранились письма Стенли и израильских переводчиков моей монографии «Магнетизм». Кроме них – два письма от Жени Турова по этому же поводу из West Virginia University, где он был в командировке у Фримана. Моё письмо Н.Е. Stanley в Израиль от 9 февраля и от него – 10 февраля, где он сообщает, что просил израильтян прислать мне перевод моей монографии. 2 марта Стенли получил оттуда отказ, так как по закону они имеют право не посылать задаром переведённые книги. В письме от 5 марта я благодарю Стенли за его хлопоты и сообщаю, что в сентябре собираюсь в Амстердам на магнитную конференцию. В письме от 2 апреля Стенли прислал мне рецензию на перевод моей монографии из «Physics Today», написанную его коллегой Шварцем.

Есть также два письма (от 4 и 19 апреля) из г. Иваново от племянника моей тёти Оли, жены маминого брата дяди Коли, врача. В этих письмах он пишет, что тётя Оля Федотьева скончалась 20 марта 1976 г. на 93-м году жизни. Её похоронили на московском кладбище в Тёплом Стане.

По поводу вручения г. Свердловску ордена Ленина я получил приглашение на ужин в ресторан «Космос» от горкома КПСС на 28 мая 1976 г.

Сохранился мой краткий отчёт о научной и научно-организационной деятельности за 1976 г. Прежде всего перечислю все

11-я сессия Верховного Совета РСФСР 9-го созыва.
Москва, Кремль, декабрь 1979 г.

служебные должности, научно-организационные и общественные обязанности:

1. Член президиума Академии наук СССР.
2. Председатель президиума Уральского научного центра (УНЦ) АН СССР.
3. Председатель Межведомственного совета по координации научных исследований по естественным и общественным наукам при УНЦ АН СССР.
4. Председатель Научного совета по проблеме «Физика магнитных явлений» при ООФА АН СССР.
5. Член Объединенного научного совета по комплексной проблеме «Физика твёрдого тела» при ООФА АН СССР.
6. Заместитель директора по научной части Института физики металлов (ИФМ) УНЦ АН СССР.
7. Профессор кафедры теоретической физики физического факультета Уральского государственного университета (УрГУ) им. А.М. Горького.
8. Член совета при ИФМ УНЦ АН СССР по защитах докторских и кандидатских диссертаций по физике твёрдого тела.
9. Член аналогичного совета (только по кандидатским диссертациям) при УрГУ.

10. Главный редактор общеакадемического научного журнала «Физика металлов и металловедение» (ФММ).

11. Член редакционной коллегии международного физического журнала по магнетизму и магнитным материалам.

12. Член пленума Государственного комитета по ленинским и государственным премиям в области науки и техники.

13. Член секции физики того же комитета.

14. Депутат Верховного Совета РСФСР по Кировскому избирательному округу № 653 г. Свердловска.

15. Член планово-бюджетной комиссии Верховного Совета РСФСР.

Свою научную работу в 1976 г. я продолжал вести в области квантово-механической теории твёрдого тела, в первую очередь его магнитных и сверхпроводящих свойств. Совместно с Ю.А. Изюмовым и Э.З. Курмаевым завершили написание монографии «Сверхпроводимость переходных металлов и сплавов». Редактировал переводы монографий физика из США Дж. Слейтера «Методы самосогласованного поля для молекул и твёрдых тел» и английского учёного Н. Мотта «Переходы металл–изолятор». Продолжал составление и редактирование статей для нового издания БСЭ и для украинской БСЭ. Продолжал работу над учебником по теории твёрдого тела для физического факультета УрГУ. На основе полярно-экситонной модели вёл расчёт по индуцированному магнетизму (в частности по ван-флековскому парамагнетизму).

Научно-педагогическая деятельность и пропаганда науки: в первом полугодии 1976 г. (второй семестр) мной были прочитаны лекции (65 часов), проведены консультации и экзамены по курсу квантовой теории твёрдого тела для всего потока 4-го курса физического факультета (кроме группы теоретической специальности). Во втором полугодии лекционной работой не занимался, был занят на основной работе и общественной: продолжительная заграничная командировка, работа в планово-бюджетной комиссии и на сессиях Верховного Совета РСФСР, на выборном общем собрании АН СССР. В течение всего года выступал с научными докладами и лекциями перед различными аудиториями города (в институтах УНЦ, вузах, отраслевых НИИ, по поручениям областной, городской и районной партийных организаций и т. п.). Тематика выступлений касалась как современных научных проблем, так и научной деятельности учреждений УНЦ.

Осенью 1976 г. я возглавлял советскую делегацию и был членом международного программного комитета Международной конференции по магнетизму (МКМ-76), которая проходила в Гол-

ландии в г. Амстердаме с 5 по 10 сентября, а также сателлитной конференции по цилиндрическим магнитным доменам в г. Эйндрховене с 13 по 15 сентября. О их работе мной составлен подробный отчёт. Любопытно, что я остановился в отеле под названием «Шура». Его хозяин – русский по фамилии Пустыльников. Вот моя открыточка, посланная 7 сентября 1976 г. из Амстердама Анечке:

«Дорогая моя Анечка! Сегодня начинается второй день работы конференции. Вчера было открытие и первый рабочий день. Определилось и наше пребывание в Голландии. В Амстердаме мы пробудем до воскресенья 12-го, когда поедем в Эйндрховен на вторую конференцию. В среду (завтра) поеду после утреннего заседания в Лейден. Вчера вечером был приём в чудесном национальном музее, где много картин Рембрандта, в том числе и «Ночной дозор». Вообще, здесь очень интересно. Крепко тебя целую. Передай приветы и поцелуй маме, бабе, Сашуне, тётке Тане, Машуне. Очень скучаю о вас, хотя здесь и много интересного. Ещё раз всех целую и обнимаю. Ваш дед Серёжа».

В моём архиве этого времени я не нашёл личной переписки с Любочкой, поэтому остановлюсь лишь на сохранившихся письмах и отчётах. 12 января 1977 г. я получил письмо от моей кузины Сони Гржешкевич, урождённой Мансуровой, из Москвы:

«Дорогой Серёжа! Поздравляю тебя с Новым годом! Мы все часто вспоминаем тебя и радуемся твоим успехам. Ты, вероятно, хорошо помнишь Шуру Островскую. Много лет тому назад твоя мама познакомила меня с ней, объяснив, что мы близкие родственники, которые не знали о своём существовании. С тех пор я поддерживаю с ней самые тёплые отношения. Шуре 79 лет, она очень больной человек, родные из Пензы её совсем забросили, она плохо видит, работать уже не может и чувствует себя очень одинокой. Из своей пенсии в 45 рублей кроме питания и платы за коммунальные услуги она должна платить за уборку в общей квартире, лекарства и разные мелкие расходы. Я систематически помогать ей не могу. Материально – нет средств, а фактически, вернее, физически – живу на другом конце Москвы и только изредка могу её навестить и что-нибудь привезти. Ведь мне уже тоже 72 года. Из близких родственников у неё остались ты да я. Если ты сможешь каждый месяц высылать ей хотя бы 15 рублей – это было бы для неё неожиданным и радостным сюрпризом. Старички, как правило, никому не нужны, ну да ведь и жить-то им осталось не так уж много. Шура не знает, что я тебе пишу, но я-то знаю, как она нуждается!! Передай от меня самые сердечные поздравления с наилучшими пожеланиями Любове Абрамовне и всей твоей семье. Я только недавно приехала из Ташкента. Больше месяца жила у Кости с Шурой».

Вдоволь насладились прекрасной стариной (Самарканд, Бухара, Хива), да и в самом Ташкенте много нового и интересного. Костя чувствует себя неважно после перенесённых операций, но держится хорошо. Если вздумаешь ему написать, ничего не говори обо мне, пусть он знает, что ты сам о нём вспомнил. Ну вот и всё. Если у тебя найдётся свободная минутка, напиши – буду рада. Будь здоров и счастлив. Твоя сестра Соня (бывшая Мансурова)».

Дальше адреса её и Шуры. 6 февраля я получил письмо от Шуры после того, как я ей написал и послал деньги:

«Дорогой Серёжа! Получила от тебя деньги. Не могу выразить словами, как я тебе благодарна за них и за дальнейшее твоё желание регулярной мне помощи. Ведь этим ты снял с меня тяжкую заботу материального характера, но и поддержал морально. Ведь одна мысль, что кто-то думает о тебе и заботится, уже даёт совсем другое настроение и согревает душу. Спасибо тебе, бесконечное спасибо. Ведь много сама сейчас делать не могу, я говорю о домашних работах, а теперь пригласить человека иногда для уборки и помощи уже гораздо легче... Москва вся занесена снегом, чистят плохо, к автобусам и троллейбусам не подойти. Здоровы ли твои домашние? У нас в Москве свирепствует грипп. Целую тебя крепко, крепко, крепко. Поцелуй Любу (надеюсь, она разрешит так её называть) и хоть изредка черкни. Твоя Шура. Ещё раз спасибо».

Вот так я и помогал Шурочке до её кончины.

НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИЗБРАНИЕ АКАДЕМИКОМ ПАН

Сохранился краткий отчёт за 1977 г. Список должностей такой, как и в прошлом году. Научная работа велась в области квантовой теории твёрдого тела, по общим вопросам и по теории магнитных и сверхпроводящих свойств. Особое внимание уделялось развитию полярной и $s-d$ -обменной теории переходных металлов. В частности, дана схема полярной модели взаимодействия с максимальной полярностью и выяснена возможность использования полярной модели для описания фазового перехода металл–диэлектрик. Вышла из печати монография «Сверхпроводимость переходных металлов, их сплавов и соединений»

(изд-во «Наука», 24 печ. листа), написанная мной совместно с Ю.А. Изюмовым и Э.З. Курмаевым. Закончено научное редактирование перевода монографии физика из США Дж. Слейтера «Методы самосогласованного поля для молекул и твёрдых тел». Продолжал научное редактирование перевода монографии Н. Мотта «Переходы металл–изолятор». По-прежнему вел работу по составлению и редактированию статей по магнетизму для нового издания БСЭ и учебного пособия для физического факультета УрГУ по квантовой теории твёрдого тела. Кроме того, систематически вёл работу по рецензированию диссертаций, обзорных статей, отвечал на многочисленные письма по различным научным вопросам. В первом семестре 1976/77 учебного года прочитал курс по квантовой теории твёрдого тела, а также проводил по этому курсу консультации и экзамены. Во втором полугодии из-за занятости по основной работе и работе в Верховном Совете РСФСР педагогической работы не вёл. В продолжение всего года вёл научно-популяризаторскую и пропагандистскую работу, написал около десятка научно-популярных статей для различных журналов и газет, выступал с научными докладами и лекциями перед различными аудиториями. Как член президиума АН СССР и уполномоченный президиума в УНЦ принимал участие в заседаниях президиума АН СССР, а также в заседаниях ООФА и общих собраниях АН СССР (годовом, а также юбилейном собрании в ноябре 1977 г.).

Вёл систематическую работу по руководству президиумом УНЦ. Эта повседневная работа отнимала у меня большую часть рабочего времени и требовала максимального внимания из-за большого разнообразия вопросов, которые приходилось решать с моим непосредственным участием. Много времени отнимали подбор и расстановка руководящих научных и управленческих кадров, строительство зданий УНЦ, а также «представительство» в различных формах и местах.

В июле был большой сбор в г. Кургане, где обсуждались вопросы связи УНЦ с курганской наукой и промышленностью. В июне в связи с приездом в Свердловск вице-президента АН СССР академика В.А. Котельникова много пришлось работать с выездами в Заречный, Челябинск и Миасс. В декабре отчитывался на заседании президиума АН СССР о работе УНЦ за всё время существования Центра. Важной была и моя работа в Межведомственном совете по координации научных исследований при УНЦ, а также его связи с промышленностью. По распоряжению председателя Госкомитета по науке и технике при СМ СССР академика В.А. Кириллина я был назначен председателем

Научного совета ГКНТ по проблеме «Машины и материалы, отвечающие требованиям эксплуатации в различных климатических зонах страны». В 1977 г. было проведено два заседания пленума этого совета. Образовано бюро совета и девять отраслевых секций. Проведено также два заседания бюро совета.

Продолжал работу как председатель Научного совета АН СССР по проблеме «Физика магнитных явлений». В указанный год проведены три обычных и одно юбилейное заседания. В апреле в г. Свердловске состоялось Всесоюзное совещание производителей и потребителей электротехнических магнитных материалов, выработана программа работ по улучшению свойств этих материалов и создана специальная секция совета по этим материалам. В УНЦ создана межинститутская группа по проблеме электротехнических материалов, руководителем которой стал я.

Проведена очередная Всесоюзная конференция по физике магнитных явлений в сентябре 1977 г. в г. Донецке. Совместно с Е.А. Туровым на ней сделан доклад по аморфному магнетизму. Как депутат Верховного Совета РСФСР участвовал в работе трёх сессий (июль, ноябрь и декабрь). Также принимал участие в заседаниях планово-бюджетной комиссии Верховного Совета РСФСР. В Свердловске продолжал ежемесячные приёмы избирателей и вёл переписку с избирателями и различными ведомствами.

Как главный редактор журнала ФММ проводил регулярно заседания редколлегии, просмотр чистых листов и др. Принимал участие в заседаниях Госкомитета по Ленинским и Государственным премиям в области науки и техники. Участвовал в заседаниях учёных советов ИФМ УНЦ и УрГУ по защите докторских и кандидатских диссертаций.

В апреле 1977 г. был членом советской делегации учёных, выезжавших в Польшу в связи с организованной там Академией наук СССР и ГКНТ юбилейной выставкой советской науки и техники. Специальный стенд был посвящён УНЦ. В Польше выступал с докладом на заседании Польской академии наук, а также в ряде институтов физики Варшавы, Кракова и Вроцлава. В декабре 1977 г. был избран иностранным действительным членом Польской академии наук.

Перейду к описанию событий 1978 г. В архиве сохранилось наше семейное новогоднее поздравление семье Игоря Евгеньевича Тамма:

«Дорогая Наталья Васильевна! Мы поздравляем всю Вашу семью во главе с Вами с Новым годом. Желаем Вам здоровья, душевного покоя, долгих лет жизни. Я считаю приятной и неуклонной обязанностью ежегодно обращать-

ся к Вам с этим приветствием в память о дружбе наших мужей и надеюсь, что когда меня не будет, эту эстафету переймут дети и внуки. Надеюсь, что мы не обременяем Вас сильно. Искренне преданные Вам Любовь Шубина, Сергей Вонсовский и вся семья».

От имени свердловских физиков и себя поздравление к 70-летию со дня рождения и 50-летию научной и педагогической деятельности отправлено директору Объединенного института теоретической физики Дмитрию Ивановичу Блохинцеву:

«Дорогой Дмитрий Иванович! От имени физиков Урала и от себя сердечно поздравляю Вас со знаменательной датой Вашей жизни и Вашей плодотворной творческой деятельности выдающегося физика нашей страны. Я имел возможность всегда внимательно следить за Вашими новыми работами по квантовой теории металлов. Особенно мы хотим поблагодарить Вас от себя и наших студентов за Ваш прекрасный учебник квантовой механики. Шлю Вам самые добрые пожелания здоровья, всякого благополучия и новых больших успехов в науке. Люба также шлёт Вам свои поздравления. Искренне Ваш С. Вонсовский».

Приведу также два письма от Анны Васильевны, жены Абрама Фёдоровича Иоффе, от 7 июля и 15 сентября.

«Дорогой Сергей Васильевич! У меня к Вам просьба, и большая. Физтех выпускает юбилейный сборник (в 1980 сто лет со дня рождения Абрама Фёдоровича) физических статей. Вы, наверное, уже получили письмо из ФТИ об издании сборника. Мне, конечно, хочется, чтобы сборник получился интересным. Поэтому я очень прошу Вас прислать статью. Мне говорил Дукельский, что Вами недавно написана интересная книга по магнетизму. Поздравляю Вас, я Вас неоднократно видела по телевизору. Вспомнила, как мы одновременно с Вами отдыхали в Узком. Вы сказали Абраму Фёдоровичу, что считаете себя его учеником, на что Абрам Фёдорович сказал, что это очень приятно. Я бываю всегда очень тронута Вашими поздравлениями, а ответить не могу собраться. Большой привет Вашей жене. Всем вам желаю всего лучшего. А. Иоффе».

Это июльское письмо. Теперь второе письмо от 15 сентября:

«Дорогой Сергей Васильевич, мне привезли Ваше письмо. Я очень рада, что Ваша статья будет в сборнике и что она связана с вопросом, которым Абрам Фёдорович интересовался. Вероятно, Вам небезынтересно будет знать, что в одном из разговоров Абрама Фёдоровича с И.Е. Таммом Тамм назвал С.П. Шубина одним из талантливейших теоретиков. Спасибо Вам за тёплые слова об Абраме Фёдоровиче. Привет Вашей жене, Вам и всей Вашей семье желаю всего самого лучшего. А. Иоффе».

Теперь о научной работе. Общественные обязанности те же, что и в прошлые годы. Научная работа, как и ранее, посвящена проблемам теории твёрдого тела. Подготовлена к печати работа «Квантовые флуктуации физических величин в стационарном состоянии». Написана вводная статья к переводу монографии Н. Мотта «Переходы металл–изолятор», в которой использована наша полярная модель. Составлен и доложен на юбилейной сессии во Вроцлаве в Международной лаборатории сильных магнитных полей большой обзорный доклад о связи магнетизма и сверхпроводимости, основанный на наших работах. Сделан доклад о некоторых вопросах нейтрографии магнитных веществ на Всесоюзном совещании по работам исследовательских атомных реакторов в СССР, которое состоялось в июне 1978 г. в Свердловске под председательством президента АН СССР академика А.П. Александрова. Доклад издан отдельной брошюрой для служебного пользования. И еще два доклада: «УНЦ и его роль и задачи научно-технического прогресса» и «Проблемы организации науки в эпоху научно-технической революции» – были прочитаны в июле 1978 г. на всесоюзной научной конференции под председательством вице-президента АН СССР академика П.Н. Федосеева в г. Свердловске. Закончил редактирование монографии Н. Мотта (см. выше). Вышел из печати перевод монографии Дж. Слейтера «Методы самосогласованного поля для молекул и твёрдых тел», редактором которой я являюсь совместно с А.А. Чирковым. Отправлены в международный журнал, издающийся в Англии (J. Phys., ser. C), две статьи, написанные совместно с М.И. Кацнельсоном. Одна касается вопроса о состоянии максимальной полярности в полупроводниках, а другая – критерия устойчивости металлического состояния.

Как член президиума АН СССР участвовал во всех заседаниях в Москве, а также в работе общего годовичного собрания АН. Работа председателя президиума УНЦ по времени отнимала его максимум. В апреле было выездное заседание президиума УНЦ в Ижевске, посвящённое открытию и обсуждению программы работ этого отдела УНЦ. Летом в июне и июле проведены две всесоюзные конференции по работе исследовательских ядерных реакторов и идейно-теоретическим проблемам научно-технического прогресса. Большое внимание нам (и в частности отделу в Заречном) уделил президент АН СССР А.П. Александров.

Многое было сделано и по линии Межведомственного совета по координации научных исследований в УНЦ. Много времени отнимала работа председателя Научного совета ГКНТ по проблеме «Машины и материалы, отвечающие требованиям

эксплуатации в различных климатических зонах страны». В течение 1978 г. было проведено два пленарных заседания и одно заседание бюро Научного совета по проблеме «Физика магнитных явлений». В сентябре в г. Челябинске провели Всесоюзное совещание по электротехнической стали. В феврале–марте была очередная «Коуровка». Велась подготовка к всесоюзной конференции в Харькове, которая намечалась на 1979 г. Как депутат Верховного Совета РСФСР участвовал в двух сессиях в июле и декабре, работал по-прежнему в планово-бюджетной комиссии Верховного Совета по подготовке плана и бюджета республики на 1979 г. А в Свердловске были ежемесячные приёмы и бесконечная переписка!

За границей в 1978 г. был дважды: в Польше в г. Вроцлаве на юбилейной сессии Международной лаборатории сильных магнитных полей (там я делал обзорный доклад), а также в Болгарии, в Софии и Варне, по приглашению от АНБ, где принимал участие в беседах с болгарскими физиками, рассказах и лекциях о советских работах.

МКМ-79

Сохранились копии наших поздравительных телеграмм Таммам и Баразам к Новому 1979 году, письмо от Тамары Александровны Колпаковой от 23 февраля из Ленинграда с просьбой прислать глазные капли от катаракты. В майской поздравительной открытке она уже благодарит за выполненную просьбу: «Дорогой Серёжа! Горячо благодарю за быструю доставку полезного мне лекарства. Желаю Вам здоровья в Вашей большой деятельности. Поздравляю с предстоящим весенним праздником 1 Мая Вас и Вашу семью. Всего наилучшего. Премного Вам обязанная. Тамара Александровна».

Есть письмо от Н. Мотта из Кембриджа, где он пишет о предполагаемой подготовке моего большого обзора по истории развития физики твёрдого тела.

С 3 по 7 сентября 1979 г. в ФРГ в Мюнхене проводилась очередная Международная магнитная конференция МКМ-79. 4 сентября вечером были два приёма: сначала – у Баварского министра-президента в антиквариуме мюнхенской резиденции с 6 до 7 ч. 15 мин. вечера; после этого профессор Фримен пригласил

всех членов редакционного совета журнала «Магнетизм и магнитные материалы» в ресторан «Torgellstube» в 8 часов вечера.

В советской делегации была большая группа научных туристов (10 человек). Я был членом международного программного комитета (от СССР в нём были ещё Барьяхтар и Боровик-Романов). На все пять дней конференции была подробная программа, работали с 9 утра до половины 6-го вечера с перерывом на lunch с 13 до 14 ч. 15 мин. Ещё два перерывчика по полчаса в разное время – на coffee. Мои доклады с М.И. Кацнельсоном, а также с М.И. Кацнельсоном и М.И. Ауслендером были следующие: “Possible effect of exciton condensation of properties of ferromagnetic metals” and “Energy and mobility of spin polarons in ferromagnetic semiconductors”.

Основные обязанности в 1979 г. такие же, как в прошлом. Продолжалась разработка многоэлектронной полярно-экситонной модели, а также s - f обменной модели. Была написана статья совместно с Мишей Кацнельсоном и опубликована в ФТТ (см. ниже). Кроме того, на основании этих же исследований были подготовлены два доклада, которые доложены в Мюнхене (см. выше).

Большое внимание уделено составлению и редакции серьёзного научного доклада УНЦ «О развитии производительных сил Уральского экономического района на период 1990–2000 гг.». На основе этой работы сделан доклад в декабре на общем собрании АН СССР. Его краткое изложение было опубликовано в газете «Известия» 11 января 1980 г., а подробно он изложен в «Вестнике АН СССР». В ноябре в Свердловске проходила всесоюзная конференция по этим вопросам, я был председателем оргкомитета.

В первой половине года, как обычно, читал 55-часовой курс лекций по теории твёрдого тела для физиков-экспериментаторов УрГУ, проводил консультации и экзамены. Во втором полугодии педагогической работы не было, так как был занят другими делами, но вёл в течение всего времени популяризаторскую работу. Ездил в научную командировку в г. Курган, где много выступал с докладами. В Мюнхене участвовал в общей панельной дискуссии по истории развития современного учения о магнетизме. В мае 1979 г. выступал с докладом о современных представлениях в физике элементарных частиц.

В конце сентября и первой половине октября 1979 г. я с большим удовольствием отдыхал в санатории «Янтарный берег», опять в моём старом одноместном номере люкс 202. Моим врачом была Галина Андреевна Линкевич. Теперь она уже хорошо

знала мои «загогулины» благодаря ЭКГ, и поэтому я получил разрешение пользоваться бассейном с 26 до 29 сентября по пять минут, а с 1 октября даже по 10 минут! Также был записан в группу гимнастики с некоторыми ограничениями и под контролем ЭКГ, принимал кислородный коктейль, массаж, из медикаментов регулярно принимал кордерон. Ну, конечно, было разрешено и гулянье, чем я также регулярно пользовался, в зависимости от погоды это был пляж или лес.

25 сентября 1979 г. я получил письмо от казанского физика Г.А. Забирова по некоторым вопросам магнитных измерений, с фотокопией его статьи в № 2 журнала «Техника и наука» за 1978 г.

Есть также письмо из Кишинева от Берсукера от 4 сентября с благодарностью за поддержку его выдвижения на Государственную премию, которую он получил, и с желанием установить научные контакты.

Есть поздравительная открытка от семьи Ларионовых из Риги (30 октября) и письмо (18 ноября) от В.А. Губанова из Эванстона (от Фримена), где он был в командировке. Он довольно подробно описывает лабораторию Фримена и подчёркивает её международный характер.

Наступил 1980 г. Вот копия нашего поздравления семье Таммов, которое скопировала Любочка:

«Дорогие Наталья Васильевна и Ирина Игоревна! Поздравляю всю Вашу большую семью в четырёх поколениях с Новым годом! (1980). Желаем Вам здоровья, счастья и душевного покоя! Молодым – больших успехов в учебе и жизни! Мы очень благодарны Вам, дорогая Ирина Игоревна, что Вы написали всё, что относится к семье незабвенного и любимого Игоря Евгеньевича, это нам очень дорого и близко. Мы, слава Богу, приближаемся к Новому году в полном и даже пополнившимся составе. Правда 4-го поколения у нас ещё нет, но у нашего старшего сына Андрея (сына Семёна Петровича) появилась малышка – Наташенька. Ей сейчас 11 месяцев, так что у нас 7 внуков (как я их называю, “великолепная семёрка”). Сейчас, на восьмом десятке, я считаю это основным жизненным итогом. У нас трое студентов (единственный внук на 4 курсе МГУ – экономист, кибернетик, старшая внучка на 2 курсе медицинского института и новая студентка в УПИ). Три девочки учатся в 9, 4 и 3 классах, и вот Наташенька. Сергей Васильевич продолжает упорно трудиться. Мы сменили адрес: у нас теперь большая просторная квартира, с нами живёт младшая дочь – врач с семьёй. Наш телефон прежний. Всегда преданная Вам семья Вонсовских–Шубиных».

Доброе письмо от двоюродного брата Васи и его жены Нади из Крыма (от 9 апреля). Вася пишет, что познакомился в 1943 г., когда был проездом в Ташкенте, с моими мамой и папой. Его брат Володя из Люберец прислал им наши фото и фото моих папы и мамы, дяди Паши и Васиных родителей (тоже моего дяди Иосифа). Вася очень приглашает к себе в гости. Особенно он приглашает Анечку, которой врачи рекомендуют для поправки здоровья побыть в Крыму. Он поздравляет меня с избранием депутатом Верховного Совета РСФСР и членом президиума АН СССР.

Есть поздравительная открытка с 1 Мая от Юханаса. Благодарит за поддержку.

Такое же поздравление из Сочи от Олега Петрова. Он спрашивает, как ему объяснить студентам феномен НЛЮ, потому что в литературе об этом полная сумятица. 1 июля я ему подробно ответил.

В письме от 12 мая Витя Френкель огорчён моей очередной болезнью. Он тоже побаливает – давление! Вышел на работу и корректирует сборник с моей статьёй. Он спрашивает меня об учебнике А.Ф. Иоффе, за которым мы стояли в очереди в публичной библиотеке в Ташкенте, когда я учился в САГУ.

В двадцатых числах мая я получил второе письмо от Васи. Он подробно отвечает на вопросы моего письма, которому был очень рад.

15 июня – письмо от А.А. Абрикосова, где он пишет о «пересечении» наших бесцелевых дел в комитете по Госпремиям.

1 июля – письмо от избирателей как депутату Верховного Совета РСФСР с просьбой о помощи закрыть винный магазин, а вместо него открыть овощной.

6 августа – письмо из редакции УФН, в котором заведующий редакцией пишет, что все дела по переводу статьи Мория сделаны и я могу приступить к переводу.

1980-е ГОДЫ. СМЕРТЬ ЛЮБОЧКИ

Теперь об этом «чёртовом» банкете. Я внимательно прочёл список приглашенных и нашёл в нём некоторые изъяны, которые хочу исправить. Надеюсь, что этот «юбилей» пройдёт спокойно.

Разговаривал по телефону с Москвой. В отправленный мной вариант списка гостей на юбилей забыл включить: Трапезнико-

ва, Широковского, Щербинина и Драгошанского. Прочел статью академика Пиотровского. Я его хорошо знаю, мы с ним часто сидим рядом на заседаниях в АН СССР.

В 1980 г. я в предпоследний раз был избран депутатом Верховного Совета РСФСР 10-го созыва до 1985 г.

13 сентября было научное собрание физиков при ИФМ УНЦ с докладом ФИАНовского старшего научного сотрудника Д.И. Хомского «Редкоземельные металлы и соединения с промежуточной валентностью».

16 сентября исполняется 70 лет со дня рождения и 50 лет научно-педагогической и общественной деятельности заведующего кафедрой физической и коллоидной химии Томского политехнического института Стромберга Армина Генриховича. Я получил такое извещение и послал соответствующее поздравление. Армин отказался от официального празднования.

17 декабря 1980 г. пришло письмо из Москвы от К.М. Поливанова, я его приведу полностью:

«Благодарю за постоянное внимание, дорогой Сергей Васильевич, шлю Вам лучшие и самые добрые пожелания. С любовью и уважением вспоминаю Ваших родителей. Вспоминаю, как 25 лет тому назад София Ивановна была у нас, в той же квартире, где я живу до сих пор. Но хотя сын и “отделился”, нас здесь 12 человек. Дети работают, внуки маленькие, и много семейных забот падает на долю Маргариты, а ей тоже за 70 лет, она очень устаёт. Я пытаюсь заниматься наукой, сидя за своим письменным столом. Но с каждым годом это труднее. Ещё раз шлю привет и дружески обнимаю. С искренним расположением. Ваш К. Поливанов.

P.S. Как много хорошего у меня связано с Вами».

Эти последние слова я могу повторить и в адрес покойного теперь Константина Михайловича.

22 декабря исполняется 75 лет Михаилу Николаевичу Михееву. От официального празднования юбиляр отказался.

Вот некоторые сведения из моего краткого отчёта за 1980 г. По-прежнему развивал полярную, полярно-экситонную и $s-d$ обменные модели. Большое внимание было уделено редактированию перевода статьи японского учёного Мория для УФН по последним достижениям теории магнетизма коллективизированных электронов. Продолжал анализ работ по переходу металл-изолятор.

Участвовал в открытии и работе очередной «Коуровки», которая проходила с 23 февраля по 4 марта под Свердловском около г. Асбеста. Давал научные консультации по составлению ре-

цензий на различные научные работы, в том числе и диссертации. Один семестр читал лекции в УрГУ физикам-экспериментаторам по квантовой теории твёрдого тела.

Выступал с докладом на коллегии Госплана СССР по вопросам развития производительных сил Уральского экономического района. В итоге УНЦ дано задание составить большую территориальную научно-техническую программу по интенсификации производительных сил Уральского экономического региона на 12-ю пятилетку. Её окончательная разработка будет продолжаться в 1981–1983 гг., УНЦ принадлежит здесь головная роль.

Большая работа была также проведена мной как председателем УНЦ и как депутатом Верховного Совета РСФСР. В апреле был сделан доклад на расширенном пленуме Госплана СССР с участием председателя Совета Министров РСФСР, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС М.С. Соломенцева по развитию научного прогресса на Урале до 1990–2000 гг.

В ноябре принял участие в работе общего собрания АН СССР, которое было посвящено связи АН СССР с Академией медицинских наук и внедрению достижений естествознания в медицинскую науку и практику. На собрании я выступал с докладом, где изложил основные результаты работ научных учреждений УНЦ в содружестве с медицинскими научно-исследовательскими и практическими заведениями.

Много времени и сил отнимало руководство УНЦ. Много внимания было уделено строительству зданий УНЦ и преобразованию отдела полимеров в Перми в Институт сплошных сред. Немало времени требовала и работа председателя Научного совета ГКНТ по проблеме «Машины и материалы, отвечающие требованиям эксплуатации в различных климатических зонах страны». В этом году отчитывался по этой работе в Госплане СССР. Два заседания были проведены мной в комиссии по проблеме «Физика магнитных явлений» АН СССР, составлен план её работы на 1981–1985 гг.

Как депутат вновь избранного 10-го созыва участвовал в первых двух сессиях – в марте и ноябре. На первой сессии был избран председателем вновь организованной постоянной комиссии по науке и технике, которая выделилась из планово-бюджетной комиссии. Здесь мне, как всегда, очень много помогал В.Н. Рясин. На первом заседании этой комиссии в ноябре рассматривался вопрос о работе научных учреждений УНЦ по внедрению достижений науки в практику народного хозяйства РСФСР. По этому вопросу была создана специальная комиссия под председа-

тельством вице-президента АН СССР академика Е.П. Велихова. Комиссия работала в Свердловске, а её члены посетили все областные центры Урала. В результате было принято большое постановление, в котором в адрес УНЦ высказано много конкретных предложений по улучшению и дальнейшему развитию связи с народным хозяйством РСФСР, в первую очередь с Уралом. На заседании комиссии по науке и технике Верховного Совета РСФСР рассматривались и другие вопросы: по народному образованию, культуре и науке Северокавказского научного центра Минвуза РСФСР, по состоянию внедрения достижений науки в деятельность ряда министерств. Принят план работы комиссии по науке и технике на 1981 г. В Свердловске вёл обычные приёмы избирателей и большую переписку.

Руководил редколлегией журнала ФММ, принимал участие в заседаниях пленума Госкомитета по Ленинским и Государственным премиям в области науки и техники. Участвовал в заседаниях ученого совета по защитах диссертаций при ИФМ. Слава Богу, в 1980 г. заграничных поездок не было!

Витя Френкель в письме от 13 декабря 1980 г. просил быть официальным оппонентом на защите его докторской диссертации по истории физики твёрдого тела. Я ему ответил согласием в письме от 5 января 1981 г., но предупредил его, что могу его подвести, если у меня что-нибудь подвернется в день защиты и я не смогу приехать. В письме от 23 января Витя благодарит меня за согласие быть у него оппонентом.

Есть поздравление с Новым 1981 годом от Евгении Михайловны Рыжиковой.

21 января получил письмо от сына Аси Колпаковой – Жени Филиппова. Он просит похлопотать об его сыне Саше, физике. Я написал соответствующее письмо ректору МГУ Логунову.

Есть письмо от Надежды Степановны Никульшиной (ей 82 года) и С.И. Поваренных (ему 93 года), её мужа. Они благодарят за память и новогоднее поздравление.

В своём печальном письме от 2 апреля 1981 г. Таня Козляковская пишет:

«Не могу не написать тебе, Сергей, о постигшем нашу семью горе – сегодня ночью умерла Мануся. Видимо, у неё был инфаркт, с которым она ходила, не зная об этом. А вчера (1 апреля) боли в левом боку у неё усилились, и к середине дня пропал голос. К вечеру она стала себя чувствовать лучше и даже спокойно заснула. Но в 3 ч. 30 мин. ночи боли усилились, она разбудила Лену, которая и вызвала скорую помощь. Очень затруднилось дыхание, и появился сильный хрип в горле. Ей стало совсем плохо. Все усилия

докторов не могли спасти положения, и Мануси не стало. Вся жизнь моя была связана с ней, и теперь будет страшно тяжело. Береги себя! Зря не взял у меня набор гомеопатических лекарств. При твоём заболевании они принесли бы пользу. Ну, пока всё. Очень устала. Сегодняшний день мне показался вечностью. Таня».

С 12 по 16 мая в Ташкенте проходила 38-я сессия Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик. У меня есть пригласительный билет с подробной программой. Сессия проходила под председательством президента АН СССР академика А.П. Александрова. Я выступал в прениях по докладам. 15-го числа ездили на экскурсию в Самарканд. Жил в гостинице «Ташкент». Сохранились три номера газеты «Правда Востока» от 13, 14 и 15 мая с краткими заметками об этой сессии.

В архиве есть решение расширенного заседания Научного совета ГКНТ по проблеме «Машины и материалы, отвечающие требованиям эксплуатации в различных климатических зонах страны» от 28 мая 1981 г. и приглашение на такое же расширенное заседание этой же комиссии ГКНТ, которое состоится 4 декабря в 10 часов в Москве в здании президиума АН СССР на Ленинском проспекте, 14, в корпусе № 7.

Есть присланные А.Г. Любиной из Горького пригласительный билет на торжественное заседание ряда вузов и НИИ, посвященное 80-летию со дня рождения академика А.А. Андропова, и специальный номер газеты «Горьковский университет», посвященный воспоминаниям и замечательным датам, а также трудам академика. Это был действительно замечательный учёный и человек. Он был одним из самых близких друзей Семёна Петровича Шубина.

Есть приглашение на общее собрание УНЦ АН СССР 15 апреля 1981 г., где я выступал с моим вступительным словом на тему: «10 лет УНЦ АН СССР».

С 7 по 13 сентября проходила XV Всесоюзная конференция по физике магнитных явлений в г. Перми. Вот план моего вступительного слова: 1. Сегодня начинает работать XV ВКФМЯ. Интересно вспомнить географию этих конференций: Свердловск (1947, 1951), Ленинград, Харьков, Донецк, Красноярск, Баку, Москва. 2. Развитие магнетизма – новые аспекты. 3. На настоящей конференции более 20 проблем. 4. Число участников – 465 человек от 105 организаций: АН СССР и союзных республик – 26, университетов – 23, других вузов – 29, отраслевых – 27, всего из 43 городов страны. 10 сентября под моим руководством

была проведена дискуссия по актуальным проблемам ферромагнетизма, а 12 сентября Е.И. Кондорский руководил семинаром по магнетобиологии.

Продолжался выпуск журнала ФММ, вышли 24 номера (тома 51 и 52). Я по-прежнему главный редактор. Проводил еженедельные заседания редколлегии. В УрГУ совместно с ИФМ создана базовая кафедра физики металлов, ее заведующим назначен я. Эта кафедра будет готовить физиков-экспериментаторов. Наряду с другими физиками ИФМ я буду читать лекции студентам.

Перехожу к описанию событий 1982 г. Вышел подробный буклет об ИФМ УНЦ в январе 1982 г., где много фото разных лабораторий и сотрудников ИФМ.

17 января мне послала очень хорошее письмо Танечка Козьяковская. Вот оно:

«Бесконечно благодарна тебе, Серёжа, за твой милый новогодний подарок – книжку о тебе. Она пришла ко мне сегодня, когда в 5ч. 30 мин. утра Миша уехал на Кавказ кататься на лыжах в Приэльбрусье. Я очень привыкла к тому, что он рядом со мной, и переживала своё одиночество. И вдруг твоя книга! Как она вовремя получена, чтобы скрасить моё одиночество. Спасибо тебе! У меня горит елочка. В этом году она очень удачная – стройная и зелёная. Миша её очень хорошо убрал в новогоднюю ночь. Новый год я встречала первый раз без Мануси. Встречала дома с Мишей, Алёшей и Наташей (это без особых серьезных поводов). Ольгушка с мальшами, Володей и Евгенией Павловой были дома. Так вот, в соседстве со светящейся лампочками елкой я начинаю читать твою книгу. Она хорошо написана и хорошо, что она написана. Много вспомнилось, многое узналось и многое подумалось. Очень понравился снимок “слушая товарищей”. Представила ясно те реплики, которые мама и Тоня отпустили бы по поводу него. Желая тебе здоровья и счастья. Таня.

P.S. А Женька Фёдоров не будет на нашем юбилее».

Вот приглашение на 10-летие института Г.А. Илизарова в Кургане, которое отмечается 26 января в 16 часов.

29 января мне послал письмо кузен Володя из Люберец. Он благодарит за память и присланный подарок – книгу. Володя в прошлом году гостил у Васи в Крыму одновременно с Сашенькой, которая ему очень понравилась. Просит меня, когда я буду в Москве, заехать – навестить их в Люберцах.

Есть наши новогодние поздравления семьям Таммов и Барзозов, снятые Любочкой.

От 26 января – благодарность от малой академии за поддержку.

19 января Лидочка Тихонова благодарит меня за подарок ей книги Путилова обо мне. Из неё она много узнала и обо мне, и вообще о нашей семье. Что дядя Вася был учителем физики, а не литературы, как раньше думала Лида. И о том, что у меня был брат Коля. После прочтения книги хочет с дочерью Галей сразу послать её Коле в Москву.

Раечка Шур 28 января также благодарит за книгу Путилова обо мне. Сейчас её читают Юра и Оля – её молодые.

7 января предстоит защита диссертации сыну Жени Филиппова Саше. Благодаря моим просьбам Сашу зачисляют на работу в МГУ, и он тоже благодарит меня за помощь.

Поздравление с Новым годом – от Маргариты из Ташкента.

Супруги Кензеры в письме от 3 февраля также благодарят за книгу Путилова. Им особенно приятно было читать о моих школьных годах. В своем *P.S.* Елена Михайловна не может удержаться, чтобы не рассказать одну смешную историю из далёкого прошлого Ташкента: «Во время пребывания в Ташкенте на гастролях Григория Пирогова, он, исполняя партию Демона, дважды пустил “петуха” в фразе: “И будешь ты царицей мира...” В рецензии на этот спектакль М.Н. Кулябко-Корецкий написал, что Пирогов взялся петь не свою партию. Выходя на заключительный концерт на сцену, Пирогов увидел сидящего в первом ряду Кулябко-Корецкого и громко сказал ведущему концерт: “Уберите из зала этого Тяпкина-Ляпкина, тогда я буду петь, – и ушёл со сцены. Вообще Пирогов отличался буйным темпераментом».

Февраль 1982 г. стал очень тяжёлым для нашей семьи. Нас покинула навсегда наша дорогая и любимая всеми в семье и глубокоуважаемая наша Любочка, наш истинный глава семьи. Ей делали операцию кишечника, так как боялись заворота кишок. Зиночка думает, что врачи пытались бороться с её полнотой и сделали операцию очень глубокой. Сильно подшили разрез и этим погубили Любочку. Для нашей семьи это была невосполнимая утрата. Родная моя, Любочка, прости меня, моё дорогое солнышко, за все те тяжелые минуты, которые я доставлял тебе своим поведением. Ты должна быть «там» спокойна за жизнь детей, внуков и правнуков. Этот часто неправый перед тобой Бадика никогда, до последнего своего вздоха, не покинет их своей любовью и заботой! Спи, мой дорогой дружок, спокойно в своей могилке!

Все мои друзья и знакомые откликнулись на наше великое горе. У меня хранится около 100 писем с соболезнованием по поводу нашей утраты, а также около 50 телеграмм. Среди послед-

них есть телеграммы от А.П. Александрова, Б.Н. Ельцина и многих других. В «Вечернем Свердловске» и в «Уральском рабочем» были помещены траурные объявления от властей области и города и от учёных УНЦ. Вот текст телеграммы от А.П. Александрова:

«Дорогой Сергей Васильевич глубоким прискорбием узнал постигшем Вас глубоком горе безвременной кончине Любви Абрамовны примите моё глубокое соболезнование желаю вам сил перенести эту тяжёлую утрату Ваш Александров».

Из писем я приведу письма Рахили Давыдовны Сироткиной и Тани Козляковской. Письмо Рахили Давыдовны:

«Дорогие Сергей Васильевич, Зиночка и Танечка! Безмерно тяжела ваша утрата. Вместе с Вами скорблю по ушедшему из жизни такому прекрасному человеку, какой была Любовь Абрамовна. Не буду Вас утешать, тут слов не подберёшь, горе непоправимое, но жить нужно для детей, внуков, для дела, которому вы отдаёте себя целиком».

Письмо от Танечки Козляковской:

«Дорогой Серёжа! Как-то налаживается твоя жизнь теперь? Трудно привыкнуть к той пустоте, которую неумолимо ощущаешь после ухода человека, заполнявшего твою жизнь и любимого тобой. Часто хочется написать тебе, но ведь при жизни Любы я этого не делала, и поэтому письмо моё ещё больше подчеркнёт безнадёжность случившегося. Сейчас мне хочется написать тебе о том, что в Ленинграде при нашей встрече твоё отсутствие будет очень ощущаться. Не потому что ты знаменитая фигура на нашем курсе, потому что ты – Серёжа Вонсовский, который заслужил у нас искреннюю любовь. Не объединяйся в этом плане с Яшей Шуром и Мишей Носковым и приезжай. Конечно, тебя могут задержать какие-то неотложные дела в твоих многогранных обязанностях, но если их можно будет как-то упорядочить на день-два, то сделай нашу встречу более радостной. Нас осталось очень мало, и это, конечно, уже последнее сборище такого плана. Все твои товарищи по университету, о котором у тебя осталось теплое воспоминание, просят тебя приехать. От оргкомитета Таня Козляковская. 12/V–82 г.».

12 декабря получили письмо от Анны Васильевны Иоффе:

«Дорогой Сергей Васильевич, только что я узнала из Вашей открытки о постигшем Вас и Вашу семью большом горе. Примите мои самые искренние соболезнования. Хорошо, что у Вас есть семья. Я помню, как трудно мне было после смерти Абрама Фёдоровича, до сих пор мне больно вспомнить об его смерти. Долгое время не хотелось жить, трудно было справиться со своим горем. Может быть, пото-

му, что мне хотелось оправдать отношение и любовь ко мне Абрама Фёдоровича, я взяла себя в руки. Я подумала, что смогу как-то помочь успеху дела, главного в его жизни. Не знаю, удалось ли это, не мне об этом судить. Во всяком случае, это удерживало меня в жизни. Позвольте, дорогой Сергей Васильевич, поздравить Вас и Вашу семью с наступающим Новым годом и пожелать всем вам самого хорошего. Если Вам захочется написать мне, напишите мне о Вашей семье. Я только знаю, что у Вас есть две дочери – и больше ничего. Письму буду рада. А. Иоффе».

14 апреля в Киеве проходила объединенная сессия АН СССР и АН УССР, посвящённая 1500-летию юбилею города Киева. Председателем сессии был А.П. Александров.

Со 2 по 4 июня 1982 г. я принимал участие в совместном заседании президиума Кольского филиала АН СССР, Научного совета по проблеме «Легкие металлы и сплавы в народном хозяйстве» и научного совета ГКНТ по проблеме «Машины и материалы, отвечающие требованиям эксплуатации в различных климатических зонах страны». Заседание проходило в г. Апатиты в конференц-зале Кольского филиала АН СССР.

В начале июня заседала 39-я сессия Совета по координации научной деятельности АН СССР и союзных республик в Тарту. 8 июня в 19 часов 30 минут я был приглашен президентом Эстонской АН Карлом Карловичем Ребане на коктейль в зал президиума Эстонской АН, а также ЦК компартии Эстонии, Верховным Советом и Советом министров в 20 часов – в ресторан «Пирита».

В письме от Миши Веселова приглашение приехать в июне в Ленинград, чтобы участвовать в товарищеской встрече выпускников физфака ЛГУ 1932 г. выпуска.

7 июля Юра Изюмов прислал мне письмо в больницу, куда я попал. Благодарит за создание лаборатории теории твёрдого тела и мой переход туда. Передает привет от Руслана Озерова, который гостит у него на Таватуе. Они встретятся в ближайшее время на Иссык-Куле, где собираются попутешествовать.

31 августа туда же в больницу пишет Женя Туров. Очень сожалеет, что мне не удастся поехать на ИСМ-82 в Киото. Он так любит наши совместные поездки за границу, когда можно легко и долго пообщаться.

Есть подробный план работы «моего» комитета ГКНТ по кварталам: от 4-го квартала 1982 г. по 4-й квартал 1985 г., составленный мной.

Есть письмо от 11 августа от Лёвы и Нины Мелодиевых. Они тоже отметили свою «золотую» свадьбу. Жалуются, что на последней традиционной встрече было очень мало народу.

14 декабря 1982 г. в 17 часов во Дворце молодёжи состоялось торжественное заседание, посвящённое вручению коллективу УНЦ АН СССР ордена Октябрьской Революции.

Теперь из краткого отчёта за 1982 г., хранящегося в архиве ИФМ. Должности прежние. Из новых – председатель постоянной комиссии Верховного Совета РСФСР по науке и технике, которая выделилась из планово-бюджетной комиссии. Научная работа, как и раньше, велась в области квантово-механической теории твёрдого тела и физики магнетизма. В содружестве с А.А. Самохваловым и его сотрудниками был подготовлен доклад для ICM-82 в Киото в Японии. Продолжались работы с М.И. Кацнельсоном. Мы закончили написание большой монографии (30 печ. листов) по квантовой теории твёрдого тела, которая в 1983 г. выйдет из печати в издательстве «Наука». В 1982 г. без соавторов закончил написание популярной монографии «Магнетизм» (15 печ. листов), которая также принята к печати в издательстве «Наука». В книге излагаются традиционные вопросы квантовой теории твёрдого тела, рассеяние нейтронов, эффект Мессбауэра, переходы металл–изолятор, псевдопотенциал, плазменные явления и другие многоэлектронные эффекты. Особое внимание уделено общим вопросам квантовой теории твёрдого тела (уравнение Шрёдингера с периодическим потенциалом, приближение самосогласованного поля, границы применимости зонной теории).

Как обычно, продолжал вести консультации по написанию рецензий по различным разделам квантовой физики твёрдого тела. В первой половине года читал свой курс в УрГУ. Большую работу, как всегда, вёл в президиуме АН СССР и как руководитель УНЦ АН СССР. Выступал с сообщениями на заседаниях коллегии Госплана СССР и президиума АН СССР по вопросам, касающимся развития хозяйства Уральского экономического региона, систематически вёл работу по составлению большой территориальной программы интенсификации промышленного производства Урала (программа «Урал»). В Верховном Совете РСФСР, помимо двух сессий, проводил заседания комиссии по науке и технике. Принимал участие в двух общих собраниях АН СССР, а также в совместной сессии ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и РСФСР, посвящённой 60-летию СССР; руководил аналогичной сессией в УНЦ АН СССР.

В этом году отдел ИФМ в г. Ижевске был преобразован в самостоятельный Физико-технический институт УНЦ со специальным конструкторским бюро и производственной базой.

Участвовал в большом совещании в Кольском филиале АН СССР, посвящённом проблеме алюминия для северной техники. Проводил очередное заседание совета ГКНТ в Москве, вёл систематическую работу по подготовке к заседанию коллегии ГКНТ по вопросу горнодобывающей техники. Участвовал в выездной сессии совета по координации АН СССР и союзных республик в г. Таллине (июнь). В этом году было три заседания по проблеме «Физика магнитных явлений», одно из них юбилейное, посвящённое 60-летию СССР. Как депутат Верховного Совета РСФСР проводил, как всегда, ежемесячные приёмы избирателей и вёл большую переписку.

В Свердловске в Доме учёных была устроена выставка в связи с 50-летием академической науки на Урале. Этой выставке была посвящена специальная телепередача, где рассказывалось и о моей научной деятельности.

Начинается 1983 г. В мае я был в Москве на заседании совместной коллегии Министерства и президиума АН СССР, которое состоялось 20-го числа.

ТАШКЕНТЦЫ

1 февраля 1981 г. мне написал письмо Миша Протоdjяконов. Вот оно:

«Дорогой Серёжа! Меня очень тронула твоя телеграмма в связи с моим 70-летием! Так приятно получить поздравление от друга детства и юности, о которых у меня сохранилось самое лучшее воспоминание. Лет прошло много, и многих из одноклассников уже нет на этом свете. Однако я получил поздравления от многих из одноклассников: от Юли Кузичкиной, Лёвы и Нины Мелодиевых (хотя Нина была и не из нашего класса), от Абляли Кензера, от Тамары Чернышёвой, от Иры Барташевой, Вали Львовской, Люси Самвеловой, Гали Морозовой, Алёши Горбачёва и, конечно, от Златы и Серёжи Тимофеевых. Есть у меня переписка и с ленинградцами – Ксаной Знойко, Аней Дурановской и Диней Котляр. А вот найти, где живет Женя Кравченко, так и не смог. Мне дали её адрес в Чернигове. Я написал туда, но ответа не получил и решил, что, возможно, её уже нет в живых. Хочется отдать должное роли Жени Чигринского, отдавшего много сил и забот, чтобы свя-

зять бывших одноклассников, которых жизнь разбросала в разные стороны. Как жаль, что он уже умер! Я храню до сих пор письмо, полученное из Свердловска от Василия Семёновича. Громадное тебе спасибо за добрую память. Желаю тебе здоровья, здоровья и здоровья. Миша Протодяконов. 1 февраля 1981 г.

P.S. Извини за опечатки, видимо, сказывается возраст, внимание ослаблено».

Письмо от Гали Ивановой от 12 февраля 1981 г.:

«Здравствуйте, Серёжа! Получив Ваше письмо, я тоже очень ясно почувствовала и вспомнила наш чудный бывший сад и уютный тенистый прохладный Ташкент. В общем, я, конечно, не забывала, но старалась не вспоминать, ведь ничего похожего не осталось. И Ташкент стал совсем другой, и от нашего сада не сохранилось ни одного уголка. Жильцы почти всё новые, им ничего не жаль, всё уничтожили, захлामीли и даже вековые деревья вырубали. Последнее, что Вы видели в Ваш приезд, и то уничтожено, на месте бывшего цветника всё вырублено и посажены узбеками помидоры. Не хочется ни вспоминать, ни говорить. Серёжа, Вы интересуетесь судьбой моих братьев? Володя был кадровый военный – артиллерист. Конечно, с первого дня был на войне. Во время Сталинградской битвы получил звание генерал-майора. Войну закончил живым, но ранения были очень тяжёлые. Последняя его работа была в Свердловске. Володя был командующим артиллерией округа и первым заместителем командующего округом. В 1960-х годах в конце по болезни вышел в отставку уже генерал-лейтенантом, переехал в г. Горький, в 1970 г. умер от 3-го инфаркта. Семья его и сейчас живёт в Горьком. Шурик по образованию инженер-механик. С первого дня войны в танковых войсках. С войны вернулся целым, ранения не очень тяжёлые. Из армии не пустили, работал в Прикарпатском военном округе. Три года (62–64) работал на Кубе, потом опять в Прикарпатском округе. Недавно вышел в отставку в звании полковника. Живёт в г. Львове и работает в политехническом институте, преподаёт военную историю... Будьте здоровы, всего Вам наилучшего. Галя И. Сегодня ко мне заходила Наташа Барановская, шлёт Вам привет».

Вот письмо от Ляли Блех, которое я хочу привести здесь:

«Дорогой Серёжа! Большое спасибо за твоё письмо. Рада, что тебе удаётся подышать свежим воздухом. Теперь я получила полное представление о твоей большой семье. Очень хорошо, что твоя Люба – помощница в работе. Внуков у тебя богато, а у нас две девочки у сына и маленький

Мишенька у старшей дочери, имеет очень пылкий характер и больше всего любит крутить мясорубку, и вообще, машины внушают ему нежность. Младшая дочка принимает участие в 26-й антарктической экспедиции, в скромной роли математика, подсчитывающего результаты наблюдений. Вышла очень хорошая книжка воспоминаний о Ташкентском университете. Много знакомых имен упоминается: Даниил Николаевич Кашкаров, Николай Леопольдович Коржиневский, много других знакомых имён. Многие почтенные люди упоминаются как юноши и девушки, мелькнули имена Протодяконовой и Прянишникова. В этой же книжке дневники В.А. Бугаева, принимавшего участие в 3-й антарктической экспедиции, что и заставило меня прочесть всю книгу... Передай мои запоздалые поздравления к 8 Марта своей жене и многочисленным женщинам и девочкам. Маргарите давала читать твоё письмо, причём она осталась недовольна твоим почерком. Ещё раз спасибо за письмо. Мужу сегодня чуточку лучше, и я снова надеюсь на улучшение его состояния. Ляля. 8.Ш.81. Ташкент».

Вот письмо от 4 декабря 1981 г. от Марины Крапухиной-Шелудковой:

«Дорогой Серёжа! Не знаю, кто кого “телепал” (так теперь выражаются), но я как друг в октябре всё думала и вспоминала тебя, и вдруг твоё письмо. Очень обрадовалась! 2 декабря увидела тебя по телевизору – ты выступал и говорил всё, что полагается в этих случаях сказать, а по твоему лицу было видно, что мысли твои в другом месте, и даже немного улыбался. Я смеялась и говорила, что эта улыбка для меня, – конечно, шутя. Мои тоже смеялись надо мной – дочь Наташа 46 лет, Евгений Михайлович, мой муж 76 лет (мы с ним живём уже 51 год, в прошлом году отметили “золотую”) и внук Петя 15 лет, он в 9-м классе. Мне же в конце января 71 год. В Запорожье живёт также мой сын Миша 40 лет, у него в августе появился сыночек Евгений и ещё есть дочь Юлия 9 лет. Видишь, я богатая внуками бабушка. Здесь мы живём уже 10 лет, переехали сюда из-за сына, но потеряли друзей, скучаем о них, иногда всё же встречаемся, раз в два-три года. А здесь мы одиноки. Окружающая среда – ведущий класс, поговорить можно только по бытовым вопросам – стирка, готовка пищи и мытьё полов. Чудно! Никто ничего не читает, даже мало интересуется телевизор, но, по правде, и смотреть-то нечего. Я в последний раз была в Ташкенте в 1964 г. несколько дней. Ходила по знакомым местам и друзьям. Специально ходила по Первомайской, подходила к вашему дому, где вы жили прежде,

постояла на крыльце, посмотрела на водосточную трубу, где я обмывала ноги, если был дождь, прежде чем зайти в дом, и ждала на крыльце, пока вода стекала с ног. Я ведь до холода ходила босая, не было обуви, а Юля там же мыла каалоши впоследствии. Заглянула через едва висящую, покрывившуюся калитку в ваш двор! Потом пошла дальше в бывший наш дом, там ещё были некоторые прежние жильцы. Все встретили приветливо. Зашла в сад, прошлась по дорожкам, всё такое неухоженное, многое посохло из деревьев. Увидела досчатый тротуар вдоль террас, ещё сделанный папой, а потом маленькое решето над нашей террасой, прибитое папой для гнездования горлинки, и тут моё сердце не выдержало, расплакалась. Такие простые вещи, свидетели моего счастливого детства, живут, а любимого отца нет... Эти последние впечатления крепко запали в душу и память. Наверное, не надо бывать в местах, где было счастливо, всегда нахлынут воспоминания о людях, иногда уже ушедших из жизни, а в сердце – сладкая, щемящая грусть. Всегда тянет туда, а прежнего вернуть нельзя. Лучшие годы – это детство и друзья детства, при встрече с ними всегда хорошо, есть что вспомнить, и всё можно сказать – старая любовь не ржавеет! Спасибо, что написал, я получила огромную радость! Кстати, борьбу помню, а синяк – кровоподтёк красный на носу был, и мама всё допытывалась причины, но мы с Юлей не сказали, что-то сослались на деревья, ведь мы постоянно висели на деревьях. А по телевизору я уже вовсю тебя рассматривала и нахожу большое сходство с Софией Ивановной не только лицом, но и комплекцией. Последний раз тебя и Софию Ивановну я видела в 1946 г., я только что вернулась из больницы, после очень тяжёлой операции. А муж мой помогал вам достать контейнер или ещё что-то, не помню. Вы уезжали совсем из Ташкента. За годы войны мы прямо обнищали, т. к. многое продали, чтобы как-нибудь прокормить своих детей. Просто страшно вспоминать это время. Я была без сил, истощённая. Позже жизнь наладилась, стало легче, а сколько горя людского было кругом. Затем в 48-м году мужа назначили в Самарканд директором железнодорожного техникума, и мне пришлось оставить свою очень интересную работу в Институте зоологии АН УзССР в Ташкенте, я уже с детьми выехала только через полгода. В конце 50-го года мужа назначили директором железнодорожного техникума в г. Черновцы. Там мы прожили 21 год, там и друзья остались, и моя преподавательская работа на биологическом факультете в университете. По выходе на пенсию получили возможность обменять

квартиру на г. Запорожье. Сейчас жизнь стала похуже, но пусть будет так, лишь бы не было войны, этого ужаса. Так смотрят большинство людей... Ты, конечно, будешь работать до предела своих сил – такова твоя жизнь. Вообще, о тебе я мало знаю. Поздравляю с наступающим Новым годом. Самые лучшие пожелания, от мужа привет. Твоя Марина».

В письме от 20 августа 1982 г. Ира Янау (Барташевская) пишет, что наши одноклассники похоронили Тамару Чернышёву. В мае все, кто остался жив, были на юбилее и золотой свадьбе у Кензеров. Хорошо все встретились. Сильно болеет Злата Протодьяконова-Тимофеева.

15 мая 1987 г. мне пишет Ира Барташевская:

«Дорогой Серёжа! По поручению 9а класса пишу тебе, т. к. давно о тебе ничего не знаем. Жизнь друзей течёт так быстро, что успеваешь только отсчитывать уходящие годы, а с этим и терять друзей. 10 мая мы собирались, но было грустно, что вместо 25 человек, как в первые годы, собралось 6 человек. Гриня – молодец, похудел благодаря трусце и рыбалке, работает немного, дежурит плюс к пенсии. Юля уходит на пенсию, начинает болеть. Терситская по хозяйству, нянчит правнука и помогает на огороде зятю. Генель ходит с палочкой, немеют ноги, недавно похоронила дочь в 52 года. Ляля Кензер – 80 лет, всё плачет. Собирались у меня, все остались довольны, приготовила вкусное. Ведь нам было на 60 лет меньше, когда мы кончили школу. Всех вспомнили добрым словом, а ушедших памятью. Только школа с её прекрасными преподавателями могла нам привить такую дружбу, чтобы столько лет встречаться и помнить друг друга. Батурин, Виницкая, Мелодиевы очень болеют и быть не могли. Я работаю, Стася болеет уже 6 лет, ты знаешь его болезнь – лежит. Все гости заходили к нему, он всех знает, было очень приятно. Ну вот, Серёжа, о всех друзьях школы тебе написала, думаю, тебе будет небезынтересно читать. О тебе давно ничего не знаем, как ты живешь, здоровье, работа. Прошёл о тебе слух, мы все порадовались за тебя – одному трудно, но оказалось, что это неверно. Погода у нас уже весенняя, частые дожди замывают старые постройки и приносят много беды, а так всё цветёт и спеет. Приезжай кушать редиску. Будем все живы здоровы, 10 мая встречаемся, подъедешь и ты. Ну, будь здоров, если будет желание и минута, черкни о себе, всем будет интересно. Привет от всех друзей 9а класса, лично от меня и моей семьи. Ира».

В июне получил письмо от Миши Протодьяконова:

«Дорогой Серёжа! Очень рад восстановлению дружеских встреч. Дело не только в школьной дружбе. И ты, и я заинтересованы в судьбе Златиной дочки Тани. Мы оба хотим ей помочь. Хотелось, чтобы ты почаще бывал у нас. Мы всегда будем тебе рады... Мало нас уже осталось – одноклассников. Твой Миша Протодьяконов. 30 июня 1983 г.».

Письмо – от Гали Ивановой от 10 февраля:

«Здравствуй, Серёжа! Я уже на ул. 1 мая не живу, но твою открытку получила благодаря любезности бывшего нашего почтальона, она мне её переслала. Я давно собиралась сообщить тебе свой новый адрес, но было много разных хлопот и болезней. Переселять нас начали в феврале 1983 г., но я фактически переехала в мае. Живу я далеко от центра и от цивилизации. Квартира на втором этаже, комната 17 м², большая кухня, большой застеклённый балкон. Но сделано всё очень плохо. Везде щели, дыры, всё вкривь и вкось и т.п. Доделывать и перedelывать у меня нет возможностей. Сделала только самое необходимое. А самое главное – я очень одинока. Майе (дочери Наташи Говорковской) дали квартиру тоже на Юнусбаде, но очень далеко от меня. Конечно, Майя и её семейство меня навещают, но не часто. И понятно – работа, хозяйство домашнее и учёба у детей. С переездом они мне помогли, но хлопот было много разных. Я очень устала. Главное, до невозможности больно было уезжать из родного дома. От всех этих переживаний я начала сильно болеть – два раза попадала в больницу. Свой родной дом забыть не могу. А обидней всего, что дом наш до сих пор не снесён. Все узбеки там ещё живут. Мы очень просили, чтобы нас с Майей поселили рядом, но нам отказали. Зима у нас в этом году холодная. Топят очень плохо. Как твои успехи в работе? Напиши побольше о себе. О твоих успехах я частично знаю из газет и по телевидению».

НАУЧНАЯ РАБОТА. ПИСЬМА

С 24 по 26 мая 1983 г. в Свердловске проходило VII Всесоюзное совещание по упорядочению и его влиянию на свойства сплавов. Его проводил ИФМ совместно с Объединённым научным советом АН СССР по физике твёрдого тела. В работе совещания приняли участие 229 человек из академических институтов, отраслевых НИИ, вузов, промышленных предприятий Москвы, Свердловска, Томска, Киева, Харькова, Ашхабада, Баку, Ленинграда и т. д.

С.В. Вонсовский (в центре) – снова лауреат Государственной премии (1983 г.)

С 6 по 9 сентября в Туле состоялась XVI Всесоюзная конференция по физике магнитных явлений, организованная ИФМ УНЦ совместно с Тульским педагогическим институтом. В её работе участвовали свыше 550 человек. Конференция была очень полезна как подведение определённых итогов в развитии учения о физике магнитных явлений.

С 12 по 18 марта на базе дома отдыха «Академический» проведена V школа по физике и химии магнитных редкоземельных полупроводников. В её работе приняли участие 140 человек из 19 городов Союза ССР.

1984 год. Начинается с письма Саши Гусева от 23 января. Что-то мало у меня в архиве его корреспонденции. Видимо, телефон виноват. Вот это письмо:

«Дорогой Сергей Васильевич! Узнал, что Вы болели и даже были в больнице. Всё это с Вашей стороны неблагоприятно и даже легкомысленно. Видимо, Вы (как и все мы) считаете себя совсем молодым и позволяете себе более доступного. Увы, пора уже остепениться. Ваше письмо на имя А.М. (видимо, Прохорова – С.В.) вчера пришло, но до А.М. ещё не дошло, но знаю, командировка уже оформлена, и я очень рад этому. Очень хочется вырваться из суеты, в лес, в круг друзей-соратников, ветеранов первых героических «Коуровок». И даже иногда где-то из подсознания вынырнет и исчезнет мысль: “Может быть, для меня эта последняя?” Но я оптимистически надеюсь, что нет, не по-

следняя! Надеюсь также, что и Вы там будете! В конце концов, вечное – это Чусовая, лес, ”владения снежной королевы”. И это важнее, чем заседание (ещё одно), эти интригующие карьеристы, тупые чиновники, очковтиратели и т. п. Я почувствовал недавно: что бы ты ни делал – их не одолеешь. Уверен, что и Вам приходили в голову подобные мысли. Большое Вам спасибо за Ваше неизменное доброжелательство, за то, что Вы есть на свете, за то, что Вы сделали, сделаете. Надеюсь на встречу в “Красном Яре”. С наилучшими пожеланиями. А. Гусев».

8 апреля получил от Андрея Станиславовича печальную телеграмму о кончине Петра Леонидовича Капицы.

Летом я был в командировке в Якутске и получил шутивную грамоту:

«Сим подтверждает, С.В. Вонсовский в лето 1984 года блага южные презрев, посетил землю якутскую, в путь по Лене-реке – меридиану голубому Якутии пустился, дабы побывать на утёсах неповторимых крутых столбов, искупнуться в ключевой студёной водице и обрести в сердце своём красоты Севера и дивы дивные, ибо тот, кто всё это испытал, становится сердцем добрее, светлым умом шире.

(Выдана Институтом физико-технических проблем Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР)».

Есть поздравление ко дню рождения от 2 сентября от Танечки Козляковской из Москвы:

Академики беседуют
(справа В.Д. Садовский, 1980 г.)

«Милый Серёжа! Сегодня день твоего рождения, и я поздравляю тебя. Желаю, чтобы никакие недуги не омрачали наступающего для тебя юбилейного года. Сама я уже подвожу ему итог. Если моё письмо дойдёт до тебя и ты успеешь поздравить меня с 75-летием 10-го сентября, то я буду рада получить от тебя телеграмму. Мне хочется, чтобы ты этот день незримо присутствовал за моим праздничным столом и чтобы я знала, что ты жив и здоров. Теперь ведь каждый день, как год – вот она относительность времени $t = t_0 / (1 - v^2/c^2)^{1/2}$ в нашей движущейся системе отсчёта! Будь благополучен. Таня».

Зиночка с А.П. в конце сентября уехали в Кисловодск в санаторий им. Горького АН СССР. Моё письмо от 24 сентября 1984 г.:

«Дорогая моя, родненькая Кунечка! Вот Вы с А.П. уже, наверное, начинаете привыкать к санаторному порядку. Сегодня первый день – посещение врача, назначение процедур и т. д. Будем ждать от тебя подробной информации. Мы с Шурочкой стояли до тех пор около очереди, пока Вы не скрылись за дверью. За вечерним чаем Саша большой забавлял нас правилами соцсоревнования за уходом квартиры и кухонными делами. Эти правила пришили к стене на кухне, и сегодня вечером будут первые отметки. Я являюсь судьей. Моей комнатой, т. е. порядком в ней, заведует Нюта (кроме своего “фонаря”), а Шурочка своей и твоей комнатами. На кухне дежурят трое детей по очереди. Так что в этом отношении у нас пока нормальный “климат”. Все очень веселились, когда обсуждали условия соревнования. Легли спать не очень поздно. Нюточка начала меня лечить от простуды, которую я получил, когда выходил из нагретого в Ереване самолёта в холодный аэропорт Кольцово. Танечка очень хорошо проводила Сергуна. “Урал” был всегда на высоте. Сергун уехал в хорошем, бодром настроении. Когда я приехал, Сенечка только поел. Сначала он меня не узнал, видимо, из-за того, что я был в парадном костюме. Но потом всё встало на свои места и малыш полностью признал прадеда. Парень совершенно роскошный, щёчки видны со спины. Сам поворачивается на животик и очень рад, когда его сажают. После того как малого уложили спать в коляске на балконе, мы сели обедать. Потом попили чаю, я отправился домой, и Танюша проводила меня до Плотинки. Дома была только Нюта. Саша был у своих, а Шурочка ещё не вернулась. После “Времени” я начал смотреть интересный фильм “В кольце Ориона”. Это научная фантастика об инопланетянах. Авторы фильма – академик Сагдеев и один из космонавтов (забыл, кто). Довольно интересный фильм. В середине ко мне присоединились Шура и Нюта. После фильма скоро легли. Договорились, что Шурёнок разбудит меня в 6 ч. 45 м., это она точно исполнила.

Вчера же мне звонил Семён Самойлович. Он скоро уезжает в отпуск и поэтому завтра придет ко мне в Центр с материалами по чазовским делам. С Тамарой Павловной я договорился, что приду завтра. Сегодня её не будет в поликлинике, т. к. она едет на “морковку”. Доехали с С.П. в 8 ч. 5 мин. Уже меня ждали “клопы”. Их и бумаг было предо-

статочно. Г.Н. сегодня хоронил маму, и многие уехали на похороны. В среду будут ещё одни похороны. Вчера утром скончался дядя Коля Буйнов (ишемический инсульт). Я звонил Елене Васильевне и выразил от всех нас соболезнование. Они всё лето жили на Шарташе, и он хорошо себя чувствовал. А вот когда они вернулись в город, наступило резкое ухудшение, и скоро наступил конец. Ведь для нас дядя Коля – это целая эпоха, и вот всему приходит конец...

Среди “клопов” у меня в самом начале был Малов. Он говорил о проекте строительства профилактория и поликлиники и что Шульвуг отказывается быть нач. медом. На её место он хочет поставить врача (забыл её фамилию), которая недавно была в Москве на переподготовке.

Было много звонков из Москвы и в Москву. Самое неприятное, что путёвку дали хотя и на 15 октября, но в двухместный номер, куда я не поеду. Позвонил управделами Академии, просил его помочь мне, он обещал, но пока ещё всё неопределённо. Нине Ивановне ещё не отдавал денег. Перевода за журнал пока не получил. Вот, кажется, и все мои новости. Да, ещё получил очередные книжные новинки. Зиночка, когда ты точно прилетишь в Москву, чтобы я мог заказать тебе номер в гостинице? Получил из Латвии журнал со статьёй о папе. Там поместили несколько фото. Получилось, по-моему, неплохо. Уеду я, как видно, не раньше 8 октября утренним самолётом. Крепко тебя целую, обнимаю и люблю. Без тебя всем нам очень скучно, но мы рады, что ты отдыхаешь, и так хочется, чтобы твой отдых был хорошим. Большой привет А.П. Ходит ли он в далёкие прогулки? Билеты в филармонию принесли, их приняла Шура и заплатила. Твой Бадика».

Моё письмо от 29 сентября 1984 г. Зиночке в Кисловодск:

«Дорогой мой, хороший Зикунчик! Сегодня был твой звоночек, которому мы с Нюточкой были очень рады. Я очень радуюсь за тебя, что ты хорошо отдыхаешь. Как хорошо, что ты съездила в Домбай. Там, говорят, необычайно красиво. Туда я ни разу не ездил, когда бывал в Кисловодске. У нас жизнь идёт вполне нормально. За эти дни было много всяких событий. Во-первых, мы похоронили дядю Колю Буйнова. Диагноз у него был «ишемический инсульт». Хоронили его из института. Я был на панихиде и выступал. Народу было много. На кладбище и на поминки не ходил. Похоронили его там же, где и Боренька похоронён.

Дома у нас всё очень спокойно. Сашуля, как это с ней бывает в экстремальных случаях (в данном случае это твоё

отсутствие), ведёт себя очень хорошо. Я стараюсь с ней чаще общаться. Например, мы с ней с увлечением решали задачи по геометрии (с координатами!) и даже по химии, которую деда знает весьма слабовато. Оказалось, что всё решили правильно. Читала мне стихи. В общем, живём мы очень мирно. Вчера был первый выход в филармонию. Вся программа органного вечера была посвящена Баху. Органистка из Кишинёва, молодая и очень симпатичная. Нюточка не спала (чего она очень боялась), но сказала, что ей было трудновато, т. к. все вещи, кроме одной, ей были незнакомы. Кто пойдёт со мной 1-го и 2-го, вопрос ещё не решён. Я очень зову Шурочку, хотя бы на один концерт. Сегодня буквально через 15 мин. поедем в Белоярку – отмечать 25 лет лаборатории Сидорова и Гощицкого. Ну, вот и все мои главные новости. Крепко тебя обнимаю и целую. Большой привет А.П. Твой Бадика».

Глава III

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

75-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ

ПИСЬМА ДОРОГОГО ДРУГА

ИСМ-85

ПИСЬМА Н.Н. ШЕВЧЕНКО

ПЕРЕПИСКА. НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ИСМ-88. КНИГА О С.П. ШУБИНЕ

ПЕРЕПИСКА 1991–1993 гг.

ПАМЯТЬ О ПРЕПОДАВАТЕЛЯХ ЛГУ

СМЕРТЬ АНДРЕЯ

ПИСЬМА И СОБЫТИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

75-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ

События 1985 г. начинаю письмом от В.Л. Бонч-Бруевича, которое я получил 7 января:

«Глубокоуважаемый Сергей Васильевич! Насколько я помню, Вам вот-вот исполнится (или уже исполнилось) 75 лет. Зная Вас едва ли не 30 лет, я не удивился, не найдя в календаре упоминания об этой дате. Обычно употребляемые в таких случаях велеречивые (“наш высокочтимый юбилляр”!) или геометрические (“какая круглая дата”!) характеристики как-то не вяжутся с Вашей манерой поведения, всегда вызывавшей у меня откровенное восхищение. Последнее заявление – не из “великовелеречивой” области – просто представился удобный случай сказать Вам всё, что я о Вас думаю. Кстати, не я один. Насколько мне известно, это чувство разделяют многие мои знакомые, и именно с этим, воистину общественным, мнением, а не просто с тем, что Вы, к общему нашему удовольствию, дожили до названного выше возраста, мне и хотелось бы Вас от души поздравить. Можно было бы много хорошего сказать о том, что Вы сделали и делаете в физике. Не знаю, надо ли – это общеизвестно, да и без меня скажут, но об одном Вашем творении не упомянуть невозможно. Это неповторимый и ни с чем не сравнимый дух «Коуровки» (ей, кстати, исполняется 25 лет). Какая это дата – круглая? Или, может быть, продолговатая? Недаром “Коуровку”, в какой бы географической точке она ни оказывалась, называли и называют домом, где соединяются сердца... Позвольте мне, дорогой Сергей Васильевич, ещё раз Вас поздравить, а заодно и высказать твёрдую уверенность в том, что и 75 лет – “ещё не вечер”... Искренне Ваш В.Л. Бонч-Бруевич».

Сохранилась газета «Уральский рабочий» за 24 февраля – день выборов депутатов в Верховный Совет РСФСР. Есть и мой портрет.

В газете «Советская Россия» за 27 марта помещён отчёт о первой сессии Верховного Совета с моей речью на открытии этой сессии. Эту речь я не привожу – она была написана по известным тогда стандартам, с «реверансами» в сторону КПСС.

7 марта мне написала директор Свердловского НИИ вирусных инфекций доктор медицинских наук Н.П. Глинских. Это справка об институте, которая была нужна в связи с моей помощью этому институту.

5 мая Миша Протодьяконов прислал из Москвы результат коллективного творчества наших одноклассников из Ташкента:

«Дорогие наши одноклассники Оксана, Миша, Галя, Серёжа, Зина, Валя! Поздравляют вас друзья Лев, Мария, Нина, Женья, Юля, Ев-

гений, Ира, Гриня, Я (Аб + Ляля). Поздравляем с Днём победы, днём великим – торжества над врагом, принесшим беды человечеству тогда.

Мы сегодня отмечаем
День окончания школьных лет
И, конечно, вспоминаем
Живых и тех, кого уж нет.

Класс наш был весьма талантлив,
Весел и задирист был,
Острословьем прославлен,
Но и очень дружен был.

Дружбу мы не потеряли,
А задиристость прошла.
Года беспечности умчались,
Пора степенности пришла.

Да! Юность, молодость ушла,
А старость ... быстро подошла,
Теперь уж мы остепенились,
Друг другу прозвищ не даём...

Наверно, все мы изменились,
Но узы дружбы всё ж не рвём.
А в памяти живут поныне
Ребятчих прозвища потех:

Тюня, Моржиха, Аблялька, Лев,
Мы бережём их как святыню,
Они так дороги для всех.

О детство! Юность! Где теперь вы?
Года те больше не вернуть,
И лишь в день нашей тёплой встречи
О них мы сможем вспомнить.

И этот день – день нашей встречи
Мы очень ждём, так жадно ждём,
Чтоб вновь увидеть юность в лицах!...
И этим дружбу бережём.

Друзья! Ещё раз поздравляем,
От всех сердечный шлём привет!
Вам вечной юности желаем!
И миру мир на сотни лет!!!

Нина, Ира, Женя, Юля, Маруся, Гриня, Евгений и Аб + Ляля».

Этот же текст мне прислали сами авторы с приписочкой, что сбор одноклассников в этом году будет 3 мая в 3 ч. дня у Лёвы Мелодиева.

Саша и Нина Филипповы поздравляют с майскими праздниками и прислали своё фото.

26 августа получил поздравления ко дню рождения от Танечки Козляковской:

«С днём рождения тебя, мой далёкий друг! Это большой праздник в твоей семье. Она должна испытывать чувство гордости за своего юбиляра. Оля, Миша и их семьи поздравляют тебя с такой важной датой. А я желаю тебе подольше сохранить достигнутый тобой высокий человеческий уровень. Что же поделаешь, что наши годы летят так быстро...

Непонятно, хоть убей,
Снег ли это, или сокол
Гонит белых голубей
Мимо звёзд?

Сони в звёздном терему
Жмутся у оконных стёкол,
Сонно глядя в эту тьму.
Бах! Но мимо. Улетели,

Уплывают по стержню!
Молодость моя, ужели
Я тебя не догоню?
Нет, ушли, ушли вне цели!

Где ты, на свирели ивам
Подражавшая тоска?
Где форелью под обрывом
Клокотавшая река?

Не вернуть уж сиротливым
Рифмам вас издалека,
Как и не зажечь огнём
Истинного светляка.

*Г. Леонидзе в переводе
Бориса Пастернака*

А теперь ведь совсем исчезли в природе живые светлячки, которых мы с Тоней собирали на знаменитой Акуловой горе и сажали на клумбу в нашем саду, чтобы любоваться их огоньками в сумерки. А на юге такие светлячки летали, искрились зелёными таинственными точками в воздухе, а внизу шумело море. Какое счастье, ведь всё это было! Как будто другая, светлая жизнь нашего детства и ранней юности. Пусть эта лирическая вставка согреет тебе душу воспоминаниями о дорогих тебе людях.

Давно уже о тебе ничего не знаю. Хочется думать, что всё у тебя благополучно и ты активно участвуешь в выполнении современных го-

Фото юбиляра (75 лет)

сударственных планов. Я хотя и не полностью оправилась от своей последней операции, но чувствую себя неплохо. Буду ли я продолжать работать в нашем институте, ещё не решила. Постарела внешне, и это наводит на мысль, что нужно прекратить свою педагогическую деятельность. “Каждому овощу – своё время”, – говорила мама, а она была мудрая женщина. Всё лето я провела на даче с Алёшей. Миша приезжал к нам на субботу и воскресенье. Ольгушка с детишками в основном жила на Володиной даче из-за больших строительных работ, которые они там затеяли. Приезжала на нашу дачу всего на 10 дней. Вот и всё. Будь здоров и благополучен. Таня».

В письме есть фото 1951 г. Тани с Тоней, Николаем Фёдоровичем, Олей и Мишей.

ПИСЬМА ДОРОГОГО ДРУГА*

8 ноября 1986 г.:

«Здравствуй, Серёжа! Хотела написать тебе из Ленинграда, когда мы встречались у Лизы с нашими университетскими товарищами, но не получилось. Как говорил дедушка Крылов: “До того ль, голубчик, было в мягких муравах у нас, пляски, пенье всякий час...” Конечно, плясок и пенья не было, но не было и ни одного часа отдыха. За неделю моего пребывания в Ленинграде хотелось осмотреть и почувствовать эмоционально как можно больше. А придя домой к моей Ийке (Масу), должна была поговорить с ней, поделиться виденным и слышанным, что кончалось просто тем, что мы ложились спать. Хорош, очень хорош наш Ленинград. Так хотелось подольше ходить по его улицам, запоминать их “строгий, стройный вид, Невы державное течение, береговой её гранит”... Так и хотелось всё время мысленно говорить стихами Пушкина. В первый день моего приезда мы с Ией поехали в крематорий к тётке Оле. Проехали на автобусе мимо канала Грибоедова, храма На крови, Русского музея, Инженерного замка, Марсова поля, Выборгской стороны, попали в новый район площади Мужества. На обратном пути взяли в филармонии билеты на фортепьянный концерт. На следующий день я посетила сестру Николая Фёдоровича (мужа Тониного). Она тоже

живёт в новом районе. Хотела махом попасть и к жене Коли Кучерова, но она в этот день была совсем больная. Я просто поговорила с ней по телефону. На третий день с утра я пошла в Русский музей, потому что шёл дождь и ходить по улицам было мокро и холодно. Там была экспозиция картин немецких художников, поэтому многих из любимых мной картин наших художников не было на месте. Но всё равно я с удовольствием походила по залам музея. Как хорошо, что никто меня не торопил. А в 3 часа мы договорились встретиться с Ниной, Лизой и Мишей у входа в университет. Была защита докторской диссертации на учёном совете, где председательствовал Миша, там же был и Палладий (это его второй выход на учёный совет). Мы, девочки, не пошли на защиту, а встали у окна в университетском коридоре – нашем “Невском проспекте”. Смотрели на Физический институт (такой дорогой нашему сердцу), на новый памятник ушедшим в бессмертие в годы отечественной войны около механического института. Смотрели, вспоминали и ощущали глубокое счастье от того, что мы причастны к этим стенам, к зданиям университетским, к памяти погибших университетских товарищей. Потом мы с Ниной Сперанской поехали к ней. Она живёт на острове Голодае. Мы посмотрели и поклонились тому месту, где захоронены повешенные декабристы. В мой четвёртый день мы с Ией посетили Александро-Невскую лавру. Побывали в некрополе. Там появился новый памятник Николаю Черкасову. Очень хорошие памятники Достоевскому и Комиссаржевской. А вечером была филармония. Сколько воспоминаний связано с ней! Хотелось, чтобы музыка никогда не кончалась и чтобы можно было долго дышать этой праздничной и возвышенной атмосферой. Пятый день – я, наконец, пошла на свидание к Медному всаднику, Адмиралтейству, и снова Инженерный замок, Марсово поле, Мраморный дворец, в котором я, наконец, узнала, что принята в университет. А в 4 часа мы встречались у Лизы за чашкой чая. Были Палладий со своей сестрой (очень милой интеллигентной женщиной), Нина, Таня Соколова, чета Заглубских и, конечно, хозяева: Лиза и Миша. Здесь моим вниманием надолго завладел Палладий. Он много говорил о пережитой болезни и о своих достижениях по преодолению её последствий. Я думаю, что он пришёл почти в норму, но пунктик у него остался: во что бы то ни стало достигнуть уровня, чтобы ездить в Петергоф и продолжать работать. Когда мы в этот вечер расставались с Лизой, то поняли, что мы мало пообщались друг с другом, не успели поговорить по душам. И вот на следующий день, 6-й день моей ленинградской эпопеи, мне удалось получить большой эмоциональный заряд.

* Эти письма от Татьяны Козляковской были особенно ценны для С.В. Вонсовского (Прим. ред.).

Утром мы с Ией поехали на Богуславское кладбище. У неё была память о подруге, там похороненной, а я предварительно позвонила Колиной жене, узнала, как можно найти Колину могилу. Поговорив с ней, я поняла все приметы, и мы легко смогли найти Колину мраморную доску, которая прислонена к кресту матери Колиной жены Елизаветы Филипповны. Всё сделано любовно и хорошо. После кладбища я поехала на метро на Московский проспект к мемориалу “Защитникам Ленинграда”. Очень большое впечатление. Громадная розовая стела, под которой располагается музей, а на поверхности металлические группы людей, защищающих и умирающих, освещённых мерцающим светом светильников. И время от времени слышится музыка. Потом я поехала снова к Лизе и Мише. Видела станцию Пушкинскую и Пушкина на фоне царскосельского парка с зеркальным прудом и окрашенными осенью деревьями. Он сидит на скамейке (начало жизни). Лиза живёт около станции метро “Чёрная речка”. Там я увидела последний этап жизни поэта. На фоне серой кафельной стены фигура Пушкина в накидке с почти безысходным выражением лица и скрещенными руками. Она производит такое глубокое впечатление, что трудно от неё уйти. Свидание с Лизой и Мишей было очень хорошим и искренним. Очень хорошо, что оно состоялось. На обратном пути я вышла на станции метро “Горновская” и постояла немного под дождём у памятника “Стерегающему”. Назавтра я уезжала в Москву. Побыли с Ией на Большом в доме № 25, где в кабинете дяди Серёжи теперь живёт Иин сын – Саша. Там висит портрет дяди Серёжи, который был написан художником Шараповым, когда я ещё училась в университете. Вот какое тебе письмо накатала. Желаю тебе всего хорошего. Таня».

27 августа 1987 г.:

«Вот снова приближается день твоего рождения, Серёжа, и мне хочется послать тебе эту весточку, чтобы ты знал, что в моём доме тебя помнят и желают тебе здоровья и всякого благополучия. Ты приумолк. С марта месяца о тебе ничего не знаю. Как тебе живётся в условиях перестройки? Ощущаешь ли до сих пор второе дыхание или немного огорчён, что так быстро несутся года? Когда мы с тобой последний раз разговаривали по телефону, была ранняя весна. Вспоминаю и улыбаюсь твоей реакции, когда я сказала, что не могу быть дома в тот единственный день, когда тебе было удобно ко мне зайти. Ты почувствовал явное облегчение, что у тебя появилось свободное время. Это хорошо, ведь ты так напряжённо работаешь, а силы все-таки уже не те. Немного думала, что ты появишься летом, когда приезжал на сессию Верховного Совета, но, видимо, это было

трудно, так как мы всей семьёй были на даче. В это время у Миши был отпуск, и я редко приезжала в Москву.

Сейчас я одна во всей нашей большой даче. За окном гремит гроза, поэтому не хочется ложиться спать, и я решила подождать, когда утихнет гром и сверканье молнии, и села писать тебе это письмо. Сентябрь – это осень. Летние цветы – незабудки, жасмин, белые розы – сменили осенние золотые шары. Немного грустно и тревожно.

В институт я возвращаться не хочу, т. к. уже не тот вид. Но для себя у меня осталось много нереализованного в связи с перестройкой преподавания физики в вузах. Я часто думаю о том, что это задача очень важная и большая, не менее ответственная, чем технологические разработки. Как много мог бы в этой области сделать ты! У тебя есть выход на Ягодина и очень большой авторитет ведущего физика. А ты почему-то этим не интересуешься. Ведь так нужны кадры, способные умело воспитать! Нужно научно составить учебные планы для вузов и программы по отдельным дисциплинам, руководствуясь новыми методами обучения, воспитать у будущих специалистов не запас знаний, а творческие способности. Ведь сейчас так мало работников, самозабвенно занимающихся наукой. У большинства научная деятельность – это средство к существованию. Мне кажется, что вы, академики, могли бы в налаживании процесса высшего образования оказать действенную помощь. Ведь это тоже большая наука, для неё нужен широкий кругозор и очень глубокое знание самого предмета. Мне давно хотелось поговорить с тобой об этом, но когда мы видимся у меня, ты бываешь очень усталым, и я чувствую, что тебе просто хочется отдохнуть от всех твоих дел. А у меня для фундаментального труда не хватает настоящей строгости и глубины изложения, но интуитивно я, мне кажется, нащупываю верное направление в такой работе. Я много читаю периодической литературы, которую мы выписываем и которую мне приносит Миша. Но это все-таки не то.

Сейчас Оля переехала на новую квартиру, которая расположена ближе к школе ребят. Дети смогут добираться за 25 минут от дома до школы пешком, а не ехать на метро с двумя пересадками. И в музыкальную школу они могли бы добираться частично самостоятельно. Но, конечно, ещё много осталось нерешённых проблем. Так обстоят дела у меня и моей семьи.

Давно не имела никаких известий от Лизы. Последние сведения от неё были очень тревожные. Миша ушёл на пенсию и сразу потерял форму. Стало шалить сердце, появились перебои, отёки – в таком состоянии его положили в больницу. Так я и не знаю, как он себя сейчас чувствует. А

в этом году тоже был наш 55-летний юбилей, никак нами не отмеченный. Все сильно постарели и как-то ушли в себя. У меня пока хватает сил на все эти воспоминания. Я бережно храню в своей душе воспоминания о моей ленинградской юности. Как я счастлива, что училась именно в Ленинградском университете. У таких педагогов-учёных! Это был период необыкновенного душевного счастья, несмотря на то что мне приходилось переживать тяжёлую собственную утрату. Ну, вот утихла гроза. Далеко за полночь. Можно ложиться спать. Ещё раз поздравляю тебя, Серёжа, с днём рождения – это праздник твоих родителей. Как они были бы счастливы, что у них родился такой сын. Будь здоров и благополучен. Таня».

28 февраля 1995 г. я получил, как всегда, чудесное, доброе письмо от Танечки из Москвы:

«Мой дорогой, далёкий Друг! Знаю, что у тебя сейчас не очень хорошо со здоровьем, мне об этом сообщила Лидия Матвеевна после твоего телефонного разговора с ней. Хочется поговорить с тобой и ободрить. Но теперь письма от Урала и до Москвы идут очень долго. Я всегда очень радовалась этой осенью, когда получала твои регулярные сообщения с напечатанным на машинке текстом очередных лекций, которые ты читал в Гуманитарном университете. Я чувствовала твой душевный подъём и очень радовалась за тебя. И в меня это вселяло бодрость. Ясно и творчески работала твоя мысль, и получились такие хорошие результаты, и самочувствие твоё физическое тоже тебя не подводило. Но, видимо, такая напряжённая умственная работа оказалась большой нагрузкой. А потом наступила сразу резкая разрядка, которая кончилась больницей. В нашем возрасте такие резкие повороты от большого напряжения к покою проходят не просто. Конечно, тебя окружают внимательные и знающие своё дело врачи. Они, конечно, оказывают тебе необходимую лекарственную и процедурную помощь. Но я вспоминаю, что мама и Тоня использовали в подобных случаях такое лекарство, как гипотиазид. Его же рекомендовали и Евгении Соломоновне. Не знаю, используется ли это лекарство сейчас? Или уже изобретены какие-то новые для таких случаев препараты? Но иногда старые добрые лекарства не нужно забывать, они долгое время приносили быструю и эффективную пользу. Мне ещё хотелось написать тебе и о том, что по радио и телевидению широко рекламируются и другие нестандартные методы лечения, которые основаны на активации самого организма человека, чтобы использовать его собственные возможности. Может быть, нужно повнимательней ко всему этому отнестись? Ведь ты, Серёжа, пробовал летом лечить

свою катаракту, пользуясь народными средствами? Я не знаю, помогли ли они тебе осязаемым образом? Но по твоим правкам машинного текста лекций мне кажется, что тебя не тормозило зрение в этой работе. Подумай о моих советах, Серёжа, и сделай сам возможные выводы. В природе заложено ещё много нераскрытой человечеством мудрости. Учёные изучают законы природы, создают свои гипотезы, нащупывают для своих поисков новые пути, чтобы постичь замысел Бога. Можно ли этого достичь только научным логическим путём? Видимо, нужно верить и пробовать разные пути. А ты хороший человек. Ты сделал много доброго в жизни, не теряя надежды и не падай духом. Хотя наши жизненные ресурсы уже сильно истощены и растрочены, но всё же ещё не всё использовано. Никто не знает, каков их предел. Примером может служить жизнь Павлика. Ведь он давно уже прикован к постели. Он живёт с трубкой в боку и с сердцем, пораженным четырьмя инфарктами. Да и жизнь в Киеве во много раз труднее, чем у нас, с их купонами, на которые так мало чего-либо купить. А он, несмотря на всё это, живёт, пишет письма друзьям с добрыми пожеланиями. В своём последнем письме, в котором он поздравляет меня с Новым годом, просит передать тебе самые тёплые пожелания и написать, что они с Лидушей не забывают вашу встречу в Киеве, когда ты к ним заходил с моим приветом. Павлик живёт уже не телом, а только духом, который держит его на этой земле. Давай радоваться, что наступает весна. Сегодня солнышко, наконец, заглянуло через мою балконную дверь в комнату и бросило узкий блик на тёмную стену около моей кушетки. Зимой оно не могло это сделать. Значит, действительно идёт весна. Если сможешь, то черкни мне хоть пару слов. Теперь трудно пользоваться телефоном из-за его дороговизны. Но хоть что-то хочется узнать о тебе. Наше свидание в Москве в марте месяце теперь не состоится. Тебе не удастся приехать на общее собрание АН. Я хочу тебе посоветовать, если кто-то из твоих близких коллег должен быть на этом собрании, то, может быть, ему можно было бы доверить Лизину папку, которую она пересылала тебе для работы над “летописью”. Она у тебя пролежала не зря, и ты выполнил свою часть работы о кафедре теоретической физики. Ты молодец, и с чистой душой можешь вернуть весь материал Лизе. Я думаю, что это можно было бы передать Людвигу через твоего поверенного коллегу. Тогда тебе не нужно будет делать это через почту. Я со своей стороны в письме попросила Лизу, чтобы она сообщила Людвигу мой телефон, а я бы тоже встретилась с ним и передала бы Мишину статью “Как я поступал в Ленинград-

ский университет” из рук в руки. Ну, а теперь до свидания, Серёжа. Не падай духом. Ты нам всем нужен и дорог. Мы все думаем о тебе. Все мои дети и внуки передают тебе пожелания всего, всего доброго. Таня».

12 апреля 1995 г.:

«Дорогой Серёжа! Знаю из твоего последнего письма, что к вам в гости собиралась приехать Нюта из Америки. Очень хочу, чтобы этот приезд доставил тебе радость и ты встретил её в здоровом состоянии. Я привыкла за месяцы твоих учебных лекций иметь систематические сведения о твоём самочувствии. А после твоей болезни такая информация прервалась, и иногда становится тревожно, как-то ты там себя чувствуешь? Видимо, не бодро, раз не хватило сил приехать на общее собрание АН. Мне звонила в это время Лидия Матвеевна и подтвердила, что ты не приехал и что не передал для Людвигу Мишину папку. Но это ничего. Мне написала Лиза, что у неё есть свой материал в таком же количестве, как она передала нам с тобой. Так что ты не должен больше беспокоиться об этом. Она тебе обо всём этом написала сама, и ты уже это знаешь без меня. Меня интересует, как-то ты сам там живешь? Идёт весна! Правда, она идёт очень робко. День прибавляется, а тепла настоящего нет. Все знаменательные дни марта, по которым можно было бы прогнозировать, какое будет лето – хорошее или плохое, дали невесёлый прогноз. 14 марта в день именин Евдокий и моих Антонин, когда курочка должна была написать из лужи тёплой водицы, был трескучий мороз, какого не было и зимой. 30 марта день Алексея – Божьего чело- века, должны были быть потоки с гор, и опять было холодно, и вместо потоков дул холодный ветер. От всего этого как-то невесело на душе. Правда, вчера, 11 апреля, и сегодня, 12 апреля, тепло, и на душе стало уже повеселей. Сегодня день рождения моей Тошки – ей исполнилось бы 89 лет, а она дожила только до 62. А кроме того, сегодня День космонавтики. В 1961 г. в космос полетел Юрий Гагарин. Я просмотрела по телевизору все передачи, которые были посвящены этому событию. Сколько радости и гордости все мы испытывали за свою страну! Радуюсь, что Юраша был ещё свидетелем этого события. Как оглянешься назад – сколько было у нас замечательных достижений, которыми мы гордились. Сначала челюскинцы, потом полёт Чкалова, Байдукова и Белякова через Северный полюс в Америку, потом папанинцы, 3 наших лётчицы – Раскова и др., первый спутник вокруг земли 4 октября 1957 г. и многое другое. А теперь так много огорчений, из которых так трудно выкарабкаться. А ведь у нас, т. е. нашего поколения, осталось уже мало сил. Мы их добросовестно отдавали сво-

ей Родине, в зависимости от наших способностей. А потом наша победа в Великой Отечественной! Её 50-летие ещё впереди. Володя взялся напечатать мой труд. Если это произойдёт, то тогда я пришлю тебе экземпляр. По телевизору была передача, посвящённая памяти Анатолия Петровича Александрова. Говорилось о его большой научной работе, которую он выполнял во время войны, связанной с потоплением подводных лодок и кораблей, основанной на магнитно-электрическом воздействии. Я это не очень хорошо поняла, но вспомнила, что ты был тоже участником, а может быть, и самым главным консультантом в этих работах. Это оценили как действенную помощь в завершении нашей победы.

Знаешь, мой дорогой, мы все за эту зиму как-то ослабели и устали – и Женя, и Миша, и Олина семья. Вот она сейчас вернулась с работы и потащила свою семью на полчаса пройтись по воздуху. Знай ещё, что Алёшка хорошо защитил свой диплом и рекомендован в аспирантуру. Нужно сдавать экзамены, а ему уже хочется немного отдохнуть, а не готовиться к ним. Но, видимо, это все-таки придётся делать. Вся Ольгушкина семья переболела тяжёлым гриппом с высокой температурой. Все они ослабели от Великого поста перед Пасхой, в течение которого можно было даже рыбу есть всего 2 раза за 7 недель поста. Это в Благовещение – 7 апреля и в Вербное воскресенье 16 апреля. А на первый день Пасхи 23 апреля пост кончается, Пасха совпадает с Вариным днём рождения. Ей исполнилось 17 лет – юность наступила!

Вспоминается и наша юность. Как мы ездили вчетвером за город – в Павловск: Адька, ты, я и наша Ийка – тогда она называлась “Мас” (от слова маленькая). Мы тогда нарвали много пушистой вербы и привезли её к нам домой. Нас встретила тётя Оля. Она меня полюбила, хотя вначале и не была рада моему приезду к ним. Потому, что я сейчас прилежно пишу об университетских годах, всё это живо встаёт в памяти. Я переживала тяжёлое горе в ту пору – смерть папы, но молодость помогала мне реагировать и на радостные минуты и ощущения в период той жизни.

Если не очень плохо себя чувствуешь, то напиши мне. Я узнаю о тебе только когда мне позвонит по телефону Лидия Матвеевна. У неё сейчас ужасно грустная жизнь с этой старой её тётушкой. А 16 день её рождения. Но ты уже сможешь воспользоваться этой моей подсказкой, чтобы поздравить её и немного порадовать. Я желаю тебе здоровья, мой дорогой друг! Пусть приход весны подбодрит тебя. Привет мой всем твоим родным. А Саше твоей желаю радости от её маленькой дочки. Таня».

2-го сентября 1995 г.:

«Дорогой мой Друг! Сердечно поздравляю тебя с твоим жизненным 85-летним юбилеем и, конечно, желаю тебе ещё так же достойно держаться на поверхности нашей непростой жизни и вносить в неё, как всегда, достойный вклад ума и сердца, как всегда это было свойственно Тебе, чем и заслужил любовь и уважение людей, с которыми ты общался. Вся моя многочисленная семья Тягуновых и Воробьёвых присоединяется к моему поздравлению и полностью разделяет с искренностью и любовью наши общие добрые пожелания. Я всегда вспоминаю твои лекции, которыми ты аккуратно делился со мной прошлой осенью, и испытываю радость от того, что они так глубоко затронули твоё сердце и ум, что ты сам осмыслил научно в процессе долгой жизни ума и сердца. Со своей стороны мне захотелось сделать тебе скромный подарок – мои воспоминания о Великой Отечественной войне, которые я писала прошлой зимой в преддверии празднования 50-летнего юбилея нашей победы в войне с гитлеровской Германией. Эти воспоминания очень дороги мне, они искренни и правдивы и до сих пор очень чувствительны для меня. Всё, что удалось сделать в те годы, составляло смысл моей жизни тех военных лет. Весь народ тогда жил одной целью – победить, сохранить свою Родину. Описанное скромное моё участие тогда было центром тяжести моих жизненных и духовных сил. И была награда судьбы – рождение моей дочки 20 июня 1942 г. Желаю тебе, мой дорогой Друг и Товарищ, всего самого доброго, что может осуществиться в нашей земной жизни. Я поздравляю всех членов твоей семьи, с которыми лично незнакома, кроме Нюты и Сашы. С чувством светлой памяти в этот твой юбилейный день я думаю о твоих Маме и Папе Вонсовских. Таня».

13 декабря 1995 г.:

«Дорогой мой друг! Наступает неотвратимое время, когда надо обменяться новогодними поздравлениями и добрыми пожеланиями, а они между нами всегда были теплыми и искренними. Я желаю тебе подольше шагать по этой земле, принося окружающим тебя людям ласку и добро, которого ты за свой век сделал немало. Желаю, чтобы надоедливые немощи не мешали твоей творческой жизни. Ведь ты немало накопил тех знаний, которые неведомы нашим современным середнякам. Я уверена, что “опустеет без тебя земля” – так дорог в наше время каждый хороший человек. Желаю всей твоей семье здоровья, жизненных успехов, а Саше – человеческого, настоящего тепла, которое греет и тогда, когда оно потеряно по законам судьбы, неведомым нам, земным людям. В этом году 5 декабря исполнилось 33 года моего одинокого пути. У меня собралась в этот ве-

чер вся моя семья, включая и семью моей Мануси. Было много звонков с кафедры Юраши, говорящих о том, что его помнят, любят и всегда готовы мне помочь в наше трудное время. Одновременно все поздравляли меня с защитой Мишей докторской диссертации на тему об искусственном интеллекте. Это большой подарок памяти отца. Видишь, мой дорогой друг, несмотря на суровые жизненные потери, человеческая память радуется, как будто она может поделиться с тем, кто их не сможет услышать. О другом радостном событии в нашей семье – рождении у меня маленькой правнучки Женечки, ты уже слышал от своих гостей Володи и Наташи. Сейчас беспокоит только то, что вся Олина семья заболела гриппом с высокой температурой, включая и кормящую мать – мою внучку Катю. Это плохой грипп, и нужно сделать всё, чтобы не заболело это маленькое беззащитное существо. Оно ведь ещё только приспосабливается к жизни. Напиши мне, Серёжа, как твои глаза? Сумел ли ты прочесть мои воспоминания о Великой Отечественной войне? Или твоя катаракта помешала тебе в этом? Я тоже впервые при посещении окулиста увидела, что поле зрения в правом глазу закрыто чёрным пятном, и очень огорчилась, что не могу так свободно читать, как прежде. Посоветуюсь со специалистом, но понимаю, что постепенно утрачиваются те возможности, которые были неотъемлемыми условиями моей жизни. Но “воспоминания” я все-таки пишу. Если не передам в музей университета, то пусть останутся моим детям и внукам. Это правдивое повествование о том времени, которое наши современные политики критикуют для оправдания своих неудач. Вот, мой друг, конец моего новогоднего поздравления завершаю моим политическим сарказмом. От всей моей семьи, Миши и Жени, Димки и Алёши тебе новогодний привет. На всякий случай, посылаю и от Олиной семьи, если они не соберутся этого сделать. А также от Манусиной семьи – Лены и Юры, которых ты знаешь, с самыми добрыми пожеланиями. Таня».

28 декабря 1996 г.:

«Дорогой мой Друг! Поздравляю тебя и всё твоё семейство с наступающим Новым годом. И, конечно, шлю вам всем самые хорошие сердечные пожелания от всей нашей семьи. Через всю нашу долгую жизнь мы пронесли чудесные воспоминания о нашем Ленинградском университете, о наших учителях и о том, что мы всегда были нравственно чисты и ответственны перед ними. Ведь в нашей бригаде вы с Адькой были много сильнее нас с Лидой, но мы с ней старались вдвоём весь учебный материал разобрать так, чтобы не получить нашу общую “удочку” (уд) незаслуженно. Чудесная неповторимая пора честности и духовного достоинств-

ва, и как хорошо, что удалось сохранить её. Только что мне звонила по телефону Оля. Она получила твоё новогоднее поздравление. Не знаю, сумеют ли они поздравить тебя, но, конечно, они хотят это сделать. С самыми добрыми пожеланиями вся наша семья. Таня».

В это же письмо Танюша вложила своё старое письмо, которое писала 6 сентября:

«Дорогой мой друг. Первый раз за все годы я не поздравила тебя 2 сентября с днём рождения. Конечно, я не забыла его. Все даты очень твёрдо держатся в моей памяти, хотя глаза сильно ослабели. Я составила тебе телеграмму и хотела идти на почту, но не смогла – повысилась давление и очень плохо себя чувствовала. А когда состояние чуть-чуть улучшилось, то Варенька увезла меня ко мне на дачу. Пробовала разыскать по телефону Лидию Матвеевну, чтобы узнать у неё о тебе, но её телефон не отвечал. Сейчас я снова в Москве и снова не очень бодр. И чем это кончится – неизвестно. Поэтому пишу это письмо. А когда собиралась с мыслями, то почувствовала себя немного лучше. Все пожелания к твоему дню рождения написаны мной на листочке, который я вкладываю в это письмо. Сегодня Оля должна приехать в Москву с дачи, чтобы осуществлять великий переезд на новую 6-комнатную квартиру, которую они приобрели за счёт той, что была у Белого дома и в которой у них произошёл пожар. Всю зиму они мыкались по разным квартирам друзей, и, наконец, семья может снова собраться вместе. Всю квартиру отделали заново, она расположена на Ново-Кузнецкой ул., недалеко от Володиной церкви. Вот такое у нас событие. Нужно пожелать, чтобы всё у них было благополучно со здоровьем. Ведь Володе стукнуло 55 лет, а Оля достигла возраста своего отца – 54 года. Мало нас, моряков прошлых лет, осталось на этой земле. Но я радуюсь тому, что жила именно в “то” время. Не знаю, сможешь ли ты прочитать эти мои письма, но надеюсь, что узбекская медицина позволит твоему здоровому глазу держаться на рабочем уровне. Я очень желаю, чтобы это было так. Если не забудешь, что 10 сентября – день моего рождения, то, может быть, мы поговорим с тобой по телефону, прежде чем ты получишь это моё письмо. День моего рождения мне дорог потому, что это память о моих самых близких и незабываемых людях – моих родителях. Всего тебе хорошего – сил и мужества на последнем этапе жизненного пути. Таня».

Ещё одно письмо от Танечки Козляковской из Москвы, которое она прислала мне с мужем её внучки Кати, отцом Николаем, в декабре 1997 г.:

«Дорогой мой Друг! Это письмо я посылаю тебе, пользуясь случаем, что в ваши края едет муж моей внучки Ка-

ти – отец Николай. Там у Богословского института, который создал Володя, имеются студенты-заочники, и Коля едет принимать у них экзамены. Если он сумеет зайти к тебе, то может подробно рассказать о нашем житье-бытье. Только вчера, 5 декабря (когда-то был днем нашей конституции, а вчера был днём общероссийского траура, на который выпал день памяти Юраши – 35 лет назад его не стало), у меня собралась вся родня – дети, внуки и правнуки, и мы вспомнили всех тех, кто ушёл из жизни – наших дорогих родных: моего папу, двух моих деток Наташу и Митеньку, маму, Тошку и Николая Фёдоровича, Манусю. Манусина семья в лице Лены (дочки), её мужа и внуки тоже была с нами. Видимо, эта память и позволяет мне жить, несмотря на трудности современной жизни. Ты мне часто звонил по телефону в связи с переговорами о моём приезде. Поэтому я знала, что ты жив, а вот в последнее время звонков нет и потому я беспокоюсь. А теперь я пользуюсь возможностью поездки Коли в Екатеринбург, чтобы узнать подробнее о твоём житье, самочувствии, жизненных возможностях. Он тебе расскажет о недавнем юбилее. Не знаю, сумеешь ли прочесть мои каракули? Очень постарайся. Лиза уже наловчилась, а я её письма читаю, пользуясь глазами Миши. Он мне с интересом читает Лизины письма, а она ему присылает отдельно свою благодарность за его участие в нашем общении. Ты теперь удивишься, насколько я потеряла зрение и потому отрицала возможность своего приезда, чтобы познакомиться с твоей семьёй и побыть у тебя. Я благодарю тебя за твоё желание познакомить меня с Зиной и Таней. Сашу я знаю. Меня немного взволновал сон, который я видела, совсем не думая о тебе. Как будто мы втроем – моя мама, ты и я стоим в какой-то неизвестной квартире (как будто она моя) около плиты, а на стене развешано много фотографий, которые я показываю тебе, и согласна с тобой, что они развешаны плохо. Я обещаю их развесить более разумно, чем это сделано, а ты просто всё это выслушиваешь, как будто соглашаясь со мной. Последнее время я редко вижу сны, а если вижу, то забываю, о чём они были, а вот этот сон помню ясно. Ты был не старый, а молодой. Хотела позвонить Лидии Матвеевне, но не дозвонилась. С моими глазами звонки по телефону составляют для меня нагрузку, которую я с трудом преодолеваю. Хочу знать, всё ли у тебя благополучно? С Колей можно говорить откровенно, он мне всё передаст как следует. Хочу сообщить тебе, что у меня тоже теперь две правнучки. Одна – Женечка – дочка Коли и Кати, а другая – Танечка, дочка Мишиного сына Алёши, а его мать Наташа стала бабушкой. Если всё у тебя благополучно, то расскажи Коле, до

каких пор ты написал свои воспоминания. Я желаю всяческого добра тебе и всей твоей семье. Пусть все её члены знают, что хотя мы ни разу не видели друг друга, но через тебя мы близко знакомы и симпатизируем друг другу. До свидания, дорогой друг. Таня».

ИСМ-85

С 25 июля по 1 августа 1985 г. я и М.П. Свешников ездили в Австрию в Вену к Куржанским. Это была чудесная ознакомительная поездка. В пятницу 26 июля была встреча с профессором А.Б. Куржанским – лидером Методологической программы НИАСА, знакомство с их вычислительным центром, экскурсия по Шлоссу (главное здание НИАСА). Обед с В.С. Кафтановым, А.Б. Куржанским и др. В понедельник 29 июля – встреча с доктором Л. Хордайком – лидером проекта «Кислотные осадки», профессором Н. Кейфицем – лидером проекта «Народонаселение», доктором А. Яшиным, а также с профессором Т. Манном – лидером программы «Окружающая среда». Обед с А.Б. Куржанским и Т. Манном и встреча с лидером проекта «Биосфера» доктором В. Кларком. Во вторник 30 июля – встреча с профессором А.В. Кочетковым – сотрудником «Регионального проекта», профессором К. Париком – лидером программы «Сельское хозяйство». В среду 31 июля – весь день Вена и Венский международный центр.

8 июля я послал первому секретарю Свердловского обкома КПСС тов. Ю.В. Петрову представление к почётному званию «Заслуженный деятель науки РСФСР» профессора С.С. Бараца с таким же представлением (в копии) от Е.И. Чазова.

26–30 августа в Сан-Франциско проходила Международная магнитная конференция ИСМ-85. Ещё 25 марта я получил информацию об этом из Сан-Франциско с описанием формы тезисов докладов. 25 июля получил ещё письмо с указанием, куда надо посылать деньги. Есть мой краткий отчёт о поездке в Сан-Франциско советской делегации в составе руководителя А.В. Боровика-Романова, меня и В.В. Ерёменко. Наш авиамаршрут: Москва–Шеннон (Ирландия) – Гавана (Куба) – Мехико. Пересадка в Мехико на Сан-Франциско. В Сан-Франциско мы останавливались в отеле «Hilton and Tower». Проблемы конференции: аморфный магнетизм, магнитные возбуждения, зародыши и спи-

новые флуктуации, многослойные магнетики, случайные поля, новые проблемы магнетизма, магнетооптика. Магнитная запись, магнитострикция, интерметаллиды, нейтроны, магнитные фазы, домены и микромагнетизм, сопутствующие проблемы (медицина и др.), поверхности, церий, РЗМ, электронная структура, магнетизм металлов и сплавов, анизотропия, разбавленные антиферромагнетики, растворы, магнитные материалы, металл–изолятор, малые частицы, слабый магнетизм, спин-стёкла, резонанс и хаос, критические явления, тяжёлые фермионы, флуктуации валентности, магнитные полупроводники, магнетохимия, транспортные явления, сверхпроводимость и магнетизм, актиниды.

Наша делегация фактически была на двух конференциях: на ИСМ-85 в Сан-Франциско и на 11-й сателлитной конференции по магнитным плёнкам и поверхностям в Монтеррее со 2 по 6 сентября. Мы посетили также физический факультет в Беркли.

На МКМ-85 я представил два стендовых доклада: один свой и один своих сотрудников, которые не смогли быть в Сан-Франциско. Кроме того, я выступал в нашем консульстве с докладом о проблемах Урала.

В Монтеррее мы посмотрели и знаменитый морской аквариум. С городом Сан-Франциско удалось хорошо познакомиться. Там около 70 тысяч жителей – русские, попавшие туда по разным причинам. Есть православный собор и даже русский книжный магазин.

В нашей газете «Наука Урала» от 23 октября есть большая статья В. Морозовой, П. Халилеева и В. Садовского об юбилее Михаила Николаевича: «Повесть о директоре института, написанная его коллегами».

ПИСЬМА Н.Н. ШЕВЧЕНКО*

От 7 октября есть письмо из Переделкино от Нелли Николаевны:

«От тебя пока нет письма, но я хочу с тобой поделиться впечатлениями от здешних мест... О курортных делах

* В 1980-е годы – руководитель отдела охраны труда УНЦ АН СССР, близкий друг и любимый человек С.В. Вонсовского.

Н.Н. Шевченко (1986 г.)

писать не буду, они тебе знакомы. В 1–2 км от санатория расположен писательский городок. Побродила по тем местам. Была у дачи Чуковского, теперь в ней расположен музей. Дача Пастернака стоит пустая, и вообще полное запустение. Недалеко от городка есть кладбище, где захоронены К. Чуковский, Б. Пастернак, его две жены и сын, Н. Витте. У могилы Б. Пастернака постоянно живые цветы. Сюда к нему приезжает много иностранцев и просто люди идут к нему. Кладбище полузапущенное, никаких указателей нет, и люди ищут эти могилы по трём соснам. Вообще, места здесь красивые, хороший лес и, конечно, воздух. 2 ноября один товарищ пообещал нас сводить в писательский городок и рассказать о нём, о писателях. Сам он связан с этим миром. Представляешь, Серёженька, он был знаком с Бухариным и, как сам смеется, трижды по телефону говорил с Троцким. Жена его, заслуженная учительница, преподávalа литературу, и, конечно, мир творчества им хорошо знаком.

Ещё ездила в Москву. Попала в Олимпийскую деревню (я тебе об этом уже писала). Там имеется переговорный пункт. Я звонила Зиночке, и, интересно, она мне сказала, что у тебя всё хорошо. Серёжкин! Друг мой. Я очень скучаю и начинаю считать дни.

Сегодня ровно неделя, как я приехала сюда, а я уже хочу тебя видеть. Слышишь ты меня или нет? Очень жду от тебя письма. Пожалуйста, напиши, как у тебя дела. Как себя чувствуешь. Зиночка сказала, что у тебя там хорошая погода, у нас здесь тоже хорошо, а сегодня весь день светило солнышко. Серёженька! Я себя чувствую неплохо. Принимаю все процедуры, вечером хожу в кино и просто гуляю, а сегодня после ужина будут танцы. Пока всё, родной! Целую тебя нежно. Нэлли».

И телеграмма от Нэллички: «Письмо получила рада до скорой встречи целую».

27 октября 1986 г. датировано письмо из Свердловска от Нэллички:

«Здравствуй, мой дорогой друг, любимый человек, Серёженька! Настыдила я себя хорошо и тут же села тебе писать. Я знаю, что ты ждешь от меня весточку, наверно, каждый день смотришь в окошечко с буквой “В”. Знаю по себе, как я в прошлом году ждала от тебя письма. Серёженька, что сказать тебе? Очень скучаю, очень жду, хотя знаю, что впереди ещё много дней разлуки. Как мне не хватает тебя! Твои телефонные звонки для меня радость. Вчера у меня было неважное настроение. С утра ходила в сосудистый центр. Посмотрели меня визуально. Я всё это представляла не так. Я думала, что меня опутают всякими проводами и через приборы что-то определяют, а тут всё на грани прошлого века на ощупь. Это маленький кабинет, запускают по три человека. Пока одного смотрят, стоишь раздетый и, конечно, всё слышишь и видишь, что делают с больным, тут тебе никакой тайны, 5 минут – и ты готов. Заключение: со стороны сосудов изменений нет. Вот так, мой дорогой, в век великой науки. Оттуда я поехала к своему врачу. Она говорит мне: “Ну что, будем укреплять сердечную мышцу”. Назначила мне АТФ и В6. И вот после всего твой звонок. Так для меня весь день прояснился, и настроение поднялось. Да, должна тебя немного огорчить, но ты не расстраивайся. Приболел у меня Пуня, что-то у него с желудком. Нос мокрый, но настроение у него упало. В субботу поведу его к врачу. Я думаю, что у него все-таки есть глисты, они его мучают. По работе у меня такие дела: составила я структуру отдела охраны труда и отдела Аюбашева. В Новосибирск уехала большая бригада по обмену опытом по созданию Отделения. Что привезут, узнаю на той неделе. Ходят слухи, что Юрганов ищет работу. Считают, что при президиуме Отделения он не может быть членом, имея кандидатскую степень. Опять ворошат все площади для Месяца. Некоторые службы Гмызина, видимо, поедут на Гореловский кордон. 30 октября у нас профсоюзная конференция. Я готовлюсь к выступлению. Председателем ОКП будет Митрофанов из Института химии, он очень не хочет на эту должность, но Швейкин ему сказал: “Ты нам нужен там”. Как говорят, состав ОКП будет обновлён на 80%. Серёженька, милый мой мальчик! Очень хочу, чтобы ты хорошо отдохнул (жду “тигра”, “барса” и ещё пострашнее). Пожалуйста, больше гуляй и будь на свежем воздухе. Тут у нас в субботу и воскресенье была изумительная погода, днём до +15 градусов, и я представила, что мы бы обязательно съездили на Шарташ. Наверняка, там была тьма народу, потому что невозможно было усидеть дома. Ещё что, приехала моя подруга из Жлобина. Помнишь, я тебе рассказывала о ней.

Зовут её Нина, приехала она насовсем. В воскресенье мы с ней встретимся. Пока, Серёженька, всё. Да, совсем забыла, я хожу в бассейн. Мне очень нравится. Целую тебя, родной, обнимаю, люблю. Нэлля.

P.S. Очень жду от тебя письма».

ПЕРЕПИСКА. НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Получил доброе письмо из Праги от Власты от 11 декабря 1985 г.:

«Дорогой Серёжа! Очень давно собираюсь тебе написать. Весной в одном чешском журнале я прочла, что ты был вновь избран председателем Уральского научного центра АН СССР. А о том, с каким удовольствием и интересом я читала документальную повесть Б. Путилова “С.В. Вонсовский”, я тебе уже, верно, писала. Очень, очень рады всем твоим успехам и тому, что ты до сих пор работаешь не покладая рук в области науки и техники. Когда мой внук Михаил ленится, то я ему припоминаю, что закон о сохранении вещества и энергии действует везде и во всём. “Не жди особенно хороших результатов, если не будешь как следует работать”. Конечно, не только настойчивость в работе, но и таланты и способности нужны. Есть чешская поговорка: “Что свыше не дано, в аптеке не купишь”. Тебе это всё дано – твоя успешная жизнь является этому доказательством. Приближаются праздники и Новый год. Пусть это будет год мира. И мы очень желаем тебе, чтобы он был для тебя счастливым, хорошим и полным творческой работы. Крепкого здоровья и полного благополучия тебе и всем твоим дорогим желают Власта и Ласточка со своим семейством.

P.S. Вводную статью доктора Крочковой в посланном каталоге я не решила переводить, уж очень она длинная. Но часть выставки была переведена позже в г. Аш и вводную речь доктора Чежлековой я перевела, перевод прилагаю к этому письму. Может быть, это тебя заинтересует. Всего доброго».

В поздравлении с Новым годом из Якутска от 26 декабря В.П. Ларионов с теплотой и благодарностью вспоминает мой приезд к ним в Якутск. Этим же числом датировано новогоднее поздравление от А.В. Иоффе. Она благодарит меня за память об Абраме Фёдоровиче.

22 декабря получил поздравление с Рождеством и Новым годом от Фримена из США с его, его жены и моим фото во время ИСМ-85 в Сан-Франциско.

Сибирское отделение АН СССР выпустило рекламную справку моей биографии.

Первое письмо в январе 1986 г. получил от профессора А.Н. Розанова, с которым мы встречались ещё в Нижнем Тагиле во время войны. Он обращается ко мне с вопросом, не знаю ли я литературу по проблеме получения чистого железа?

18 января 1986 г. мне написали из Ташкента Аб-Ляля. Они радуются моим поездкам за рубеж. Читали и перечитывали мои описания поездок. Поздравляют с увеличением нашей семьи за счёт правнуков. Их правнуку вчера исполнился год. Шустрый, бегаёт вовсю, но пока ничего не говорит. Абляля всё время болеет. Дважды был в больнице, но диагноз так и не поставили. Ряды наших одноклассников редуют. 25 декабря 1985 г. умер Лёва Мелодиев. Им часто звонят по телефону Ира Барташевская, Нина Мелодиева и Гриня. Очень рады моим письмам и просят не забывать их.

25 января получил письмо от Надюши. Из «Уральского рабочего» она узнала, что я отказался от председательства в УНЦ в связи с приездом Г. Месяца.

Имею приглашение на Интермаг-86, которая состоится 14–17 апреля 1986 г. в Фениксе, США, но на неё мне не удалось поехать.

Есть письмо из Министерства электротехнической промышленности о работе временного коллектива «ЭТС-контроль», записка по этому поводу, написанная П. Халилеевым и Г. Корзуниным, и постановление УНЦ АН СССР, подписанное Г.А. Месяцем, о моем назначении ответственным за осуществление научно-методического руководства этим временным коллективом.

5 октября получил из Перми письмо от Юлии Александровны Поздеевой:

«Глубокоуважаемый Сергей Васильевич! Спасибо за телеграмму и добрые слова, сказанные о моём Саше. Не могу прийти в себя от горя, оно сразу, лавиной обрушилось на меня. Ещё утром был здоров, весел, сидел за своим столом, работал. А ушёл на тренировку – и не вернулся! Не знаю, как я выдержала сообщение об этом, как нашла в себе силы поехать за ним к мосту через Каму, где он упал на бегу. Простите за печальное письмо, иное не получается. Ещё раз благодарю. Юлия Александровна Поздеева (Никанорова).

P.S. Прошу передать слова благодарности за соболезнование Михаилу Николаевичу Михееву».

26 октября мне прислала письмо Танюша в Юрмалу. Она решила написать мне первому, т. к. я дальше всех от неё. У неё в этом семестре большая нагрузка – до 30 часов в неделю. У них настоящее бабье лето – они с Людой Петровой бросили всё и отправились на Шарташ. Получили огромное удовольствие. Но в это время я позвонил. Маша передала разговор, и поэтому Танюша в курсе моих событий. У них всё под знаком Сенечки. Он весёлый, только немного кашляет. Маша с удовольствием ходит на свою работу. Там неплохой коллектив, хорошая работа и отношение сослуживцев. У Вовы 1 ноября уже год аспирантуры, но и впереди намечено много трудов. Им фактически руководит Володя Третьяков, Танин одноклассник, а теперь университетский доцент, редкостно хороший человек. Он скоро защищает докторскую. После защиты его ждёт заведование кафедрой, и у Вовки есть надежда, что он возьмёт к себе и его. Девочки Позолотины сегодня обедали у Танюши.

Есть, как всегда, доброе поздравление от Танечки Козляковской с Новым годом:

«С Новым годом, Серёжа! Мы всегда трепетно радуемся его приходу и неизменно ждём чего-то небывало хорошего с его наступлением. Этот год несёт перемены в твоей жизни (здесь Танюша подразумевает приход Г.А. Месяца – С.В.), но ты не воспринимай их с горечью и ущербно, как будто ты с чем-то не справился в работе своего детища, называемого Уральским научным центром. Ты его создавал своим терпением, своими лишениями, силой интеллекта и просто руками. Новые условия облегчат тяжесть того хлопотливого и неблагодарного груза, который ты так долго нёс на своих плечах. Но ты-то будешь знать, что выполнил свою научную клятву, данную Абраму Фёдоровичу и Якову Ильичу – построил теоретический фундамент Уральского научного центра и создал для него научные кадры в своих традициях. Что же ещё нужно? Ты должен быть удовлетворён своим самовыражением, тем, что сделано. Не каждому это удаётся. А теперь можно иметь время, чтобы улыбнуться восходящему солнцу, изумиться сверхъестественной красотой каждой пылинки. Это счастье – мочь созерцать и умиляться этому так чутко и полно, как в далёкие годы юности. Будь здоров! Ходи в театр. Таня».

Перехожу к описанию событий 1987 г. Пожалуй, первую открытку я получил из Москвы от Танечки – это открытка с фото Кремлёвской стены. А вот письмо:

«Под этими стенами в декабрьский вечер 1933 года мы с тобой обсуждали жизненные коллизии нашей кипучей юности. Какая громада лет прошла с той поры! А теперь я

поздравляю тебя с наступающим 1987 годом. Радуюсь твоему новому дыханию (это она опять намекает на приход к нам Месяца! – С.В.) и искренне желаю, чтобы оно сохранилось у тебя как можно дольше. Передай мои поздравления твоей семье. Миша благодарит тебя за поздравление. Будь здоров и благополучен. Таня».

Есть мое выступление на годовом собрании АН СССР 10–12 марта 1987 г. Это выступление в основном посвящено проблеме Севера нашей страны.

В апреле получил письмо от писателя Д. Гранина из Ленинграда:

«Глубокоуважаемый Сергей Васильевич! Очень рад был получить Ваше письмо и книгу. Я знаю, что Вы сыграли добрую роль в судьбе Николая Владимировича. Поэтому отзыв Ваш особо дорог. Свердловский период, как Вы пишете, наверное, заслуживает рассказа, но у меня многое испорчено тем сопротивлением, которое оказывал Свердловск публикации повести. Я понимаю, что это касается лишь нескольких людей, однако уж больно нехорошие приёмы они применяли. Разумеется, был бы весьма счастлив узнать у Вас некоторые подробности о Николае Владимировиче. Может, в Москве? Может, дела приведут Вас в Ленинград? Примите мою благодарность за внимание и тёплые слова. Ваш Д. Гранин».

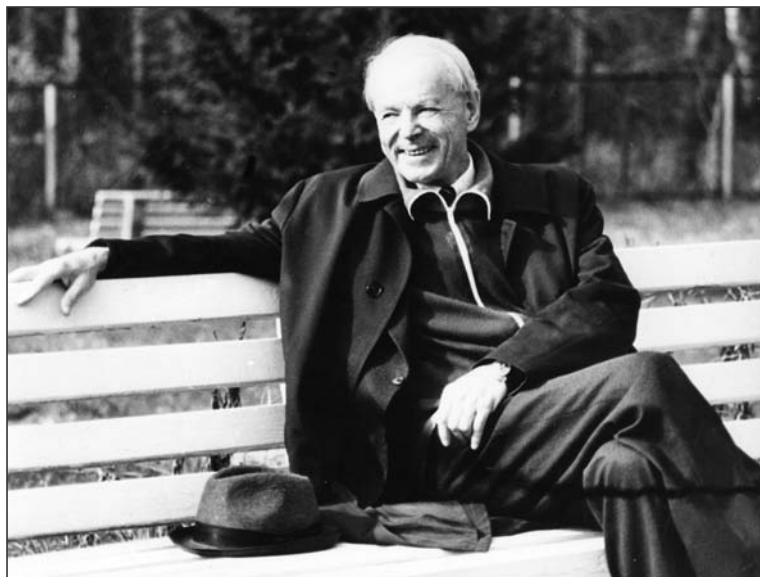
25–29 мая я был в Испании на берегу Средиземного моря между Гибралтаром и Малагой. Хорошо покупались в тёплом Средиземном море. Симпозиум был весьма интересным. По дороге были и в Мадриде. Там посмотрели в музее творения знаменитых испанских художников, в их числе Гойя.

В октябре отдыхал в Юрмале.

11 октября написала мне в Юрмалу Зикуня. У них идут приготовления к свадьбе Сережи. Все нервничают. Особенно Вера – невеста.

12 октября в Москве было заседание совета ГКНТ по моей проблематике. Секретарём был В.А. Язовский.

19 октября мне пишет Танюша. Отгремела свадьба Сергуна, и она села мне писать. Мой отпуск скоро кончится. У них в Свердловске, как и у меня в Прибалтике, стоит прекрасная золотая осень. Сергуну повезло, как пишет Таня, что в такие важные в его жизни дни стояла великолепная погода. У Танюши с Зикой было очень много хлопот, было и много помощников, но они ухлопотались до полусмерти! Но и в субботу, и в воскресенье был у них настоящий праздник. Им очень понравились Верины родные, особенно её отец. Вера была

В Юрмале (1989 г.)

очень хороша собой, да и Сергун смотрелся молодцом. Моя чудесная телеграмма, как пишет Танюша, пришла вовремя, и они её всем зачитали. Получили газету «Советская Россия» с моей передовой. Она называется «Северный акцент» и сохранена у меня. Таня благодарит меня за заботу о квартире для Сергуна.

20 октября пишет краткую записочку мне Зика.

17 октября получил письмо от Нэлли. Она пишет, что решила отметить свой юбилей в ресторане «Большой Урал». Очень ждёт моего возвращения. У неё сейчас очень много работы в УНЦ.

27 октября 1987 г. в Москве было юбилейное общее собрание ООФА АН СССР в 10 часов утра с двумя докладами академика А.М. Прохорова: один «О ходе перестройки в ООФА АН СССР», а второй совместно с доктором Е.М. Диановым «Нелинейная волоконная оптика». Был также доклад члена-корреспондента Л.П. Горькова «Об исследованиях по высокотемпературной сверхпроводимости».

Академик Я.Б. Зельдович прислал по моей просьбе статью в связи с празднованием 80-летия со дня рождения С.П. Шубина. Она помещена в нашей книге о Шубине.

Есть большая записка Г.А. Аграната председателю Госплана СССР Н.В. Талызину по поводу Севера с краткой сопроводительной ко мне от автора:

«18 ноября 1987 г. Глубокоуважаемый Сергей Васильевич! Учитывая, что начатый с Вашей “подачи” вопрос о Севере пошёл в Госплан СССР по “второму кругу”, я решил добавить к другим имеющимся там материалам и свои соображения. Я отправил их в виде письма председателю Госплана Н.В. Талызину, копию посылаю Вам, может быть, мои соображения будут Вам интересны. С уважением. Г. Агранат».

Есть решение Научного совета ГКНТ от 8 декабря 1987 г. по вопросам Севера, подписанное мной. К нему приложены организационный план по выполнению поручения Совета Министров СССР по вопросу о социально-экономическом развитии районов Севера, а также состав комиссии для разработки технических требований к внедорожной транспортной технике, не разрушающей почвенно-растительный покров на Севере.

Новогоднее поздравление от мадам Парпан из Парижа с надеждой увидеться в будущем, 1988, году во время моего приезда в Париж в связи с ИСМ-88.

ИСМ-88. КНИГА О С.П. ШУБИНЕ

6 февраля Надюша мне пишет, что получила из горкома КПСС приглашение такого содержания: «Т. Федотьева Н.М., приглашаем Вас 9 февраля 1988 г. в 10 ч. в партийную комиссию при Свердловском горкоме КПСС на беседу по Вашему заявлению. Адрес: пр. Ленина, 24 а, 4 этаж, комната № 436, тел. 51-90-01. Председатель партийной комиссии. Юрин М.»

19 апреля пишет Костя:

«Дорогой Серёжа! Поздравляю тебя с праздником 1 Мая и желаю здоровья и благополучия. Полгода, как нет моей Сани. Вот памятник гранитный, хороший уже стоит. Может быть, когда-нибудь заглянешь в Ташкент? Целую и обнимаю. Костя».

Из Ярославля получил официально напечатанное поздравление с 1 Мая от В.Ш. Марголина (моего знакомого по «Янтарному берегу»).

Кроме того, тоже официальный ответ получен от 14 июля 1988 г. из редакции «Литературной газеты» о том, что они от-

правили моё письмо автору очерка о Дубинском и его неизданной книге киевскому корреспонденту газеты Григорию Кипнису, который в курсе всех издательских дел И. Дубинского, и моё письмо поможет реально продвинуть это дело. Меня просил сделать это В. Могилевский.

14 августа три мои одноклассницы прислали мне стихотворное поздравление с днём рождения. Вот оно:

Мы нижеподписавшиеся,
ещё на земле задержавшиеся,
смотрим в далёкое, дальнее,
в юное, первоначальное,

На пятнышко дальнего света,
на тени родного Ташкента,
в наше родное когда-то,
на наши высокие парты.

И разом откинув крышки,
встают балаганы мальчишки,
и девочки в бантиках тут
встают, и встают, и встают.

Прими же от нас поздравленье
с далёким твоим Днём Рожденья,
такой ли, сякой – растаковский,
для нас ты – Серёжа Вонсовский,
участник школьных ристалищ,
хороший, любимый товарищ!!!

Юнеет, не старится время...
забудь седину, Академик!

Галли Морозова.

Валя Львовская

Кира Протодьяконова

Получил записку от молодёжной организации из Саратова от 21 октября: «Здравствуйте! Посылаю Вам этот номер молодёжной областной газеты “Заря молодёжи” в надежде на то, что она доставит Вам несколько радостных минут в связи с открытием в Саратове на здании трамвайно-троллейбусного Управления (ТТУ) по ул. 20 лет ВЛКСМ (угол ул. Астраханской) мемориальной доски, посвящённой Лазарю Шацкину. С уважением. Алексей Чернышов».

С 11 по 16 декабря в Ленинграде проходила конференция приарктических государств (СССР, США, Канада, Дания, Гренландия, Исландия, Норвегия, Швеция и Финляндия). Открылась она 12 декабря в 10 часов утра в гостинице «Ленинград». Мой доклад на секции № 6 был на тему «О региональной технике и технологии на Севере». Я его сделал на английском языке.

9 декабря получил письмо от Лизы Юстовой:

«Дорогой Серёжа! Благодарю тебя за новогодний ласковый привет. Легче жить, когда знаешь, что о тебе подумал добрый, расположенный к тебе человек. Я тоже поздравляю тебя с Новым годом, пусть он принесет тебе счастье, которое возможно в нашем возрасте. Впрочем, для человека с душой счастье всегда возможно. Я всё ещё живу в Шапках, привыкла к одиночеству. Особенности деревенской жизни меня не затрудняют: ни дрова, ни печи, ни колодец, ни сугробы снега. Зато здесь тишина и красоты природы. Со мной моя колориметрия, недалеко могила Миши. Для успокоения души я вспомнила и записала 230 частушек. Смотрю телевизор и поэтому в курсе всех событий. Читаю М. Монтеня. Он отвечает на многие мои вопросы. Спасибо ему, что он написал свои “Опыты”. С родными общаюсь, но не так часто и близко, как раньше. Так советует Монтень. Прежде я в своей любви к ним не знала меры, и это принесло мне огорчения. Однако теперь они рассосались. Появились новые друзья – соседки, простые добрые женщины. Часто бываю в Ленинграде, но в тот же день возвращаюсь в Шапки как домой. Вот так изменилась моя жизнь. Как-нибудь соберусь в Москву и, может быть, мы все встретимся у Тани. Танино здоровье меня беспокоит. Недавно ей было плохо, она не написала – почему, а теперь давно нет письма. В Ленинграде я повидалась с Ниной, и мы договорились, что после Нового года встретимся (все живые) у меня. Дружески целую тебя, милый Серёжа. Лиза. Мой ленинградский индекс 197183».

Есть ещё приглашение на общее собрание АН СССР на 27, 28 и 29 декабря 1988 г. в президиум, которое, как обычно, будет проходить в актовом зале МГУ. Его программа: 27 декабря, вторник, утреннее заседание с 10 часов: 1. Выборы иностранных членов АН СССР. 2. Утверждение счётной комиссии по выборам иностранных членов АН СССР. 3. Сессия общего собрания АН СССР с участием Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, Академии медицинских наук СССР, Госкомприроды СССР и Госкомгидромета СССР, посвящённая рассмотрению вопросов о биосферных и экологических исследованиях. 27 декабря, вторник, вечернее заседание, начало в 16 часов: 4. Вступительное слово президента АН СССР академика Г.И. Марчука. 5. Выступления руководителей блоков (разделов) программы биосферных и экологических исследований. 28–29 декабря, начало заседаний в 10 часов: 6. Выступления руководителей блоков (разделов) программы биосферных и экологических исследований. 7. Выступления в прениях. 8. Принятие постановления. Есть набросок моего выступления в прениях (опять о Севере!).

Первое письмо 1989 г. – поздравление от Васи – кузена и его жены Нади из Крыма. Второе – от Танечки Козляковской.

9 марта мне написал письмо работник редакции «Литературной газеты» Аркадий Иосифович Вайсберг в ответ на моё письмо. Вот текст его письма:

«Академику Сергею Васильевичу Вонсовскому.

Глубокоуважаемый Сергей Васильевич! Сердечно благодарю Вас за отклик, за поддержку, за столь высокую оценку моей работы. Глубоко тронут Вашим письмом – думаю, Вы сами понимаете, какое значение оно для меня имеет. Некоторые его строки навели меня вот на какую мысль: не считаете ли Вы правомерным поставить вопрос о посмертном исключении Вышинского из Академии наук? Если возможно посмертное восстановление (например Бухарина), то почему нельзя совершить этот справедливый, символический акт возмездия? Тем самым академия очистилась бы от своего вынужденного позора и своим авторитетом нанесла бы ещё один удар по “ниноандреевской” ностальгии, по тем, для кого палачи всё ещё “романтические аспекты”. Был бы Вам чрезвычайно признателен, если бы Вы сочли возможным высказать своё отношение к этой идее. С глубоким уважением и самыми лучшими пожеланиями. А. Вайсберг».

Ниже мы увидим, что исключение этого негодяя свершилось.

12 апреля – послание от физического факультета Западно-Виргинского университета с извещением, что получены мои тезисы доклада «О теории магнетиков», который включён в программу Международной конференции по физике сильно коррелированных электронных систем, которая состоится с 11 по 15 сентября 1989 г. в Санта-Фе.

Сохранилась копия письма начальнику Управления Комитета госбезопасности по Свердловской области Ю.И. Корнилову с просьбой посмотреть, не сохранились ли у них бумаги Семёна Петровича. Но, видимо, они пропали. Моё письмо датировано 9 февраля. 21 апреля я получил ответ от заместителя Ю.И. Корнилова – В.П. Кондратьева. В нём он пишет, что никаких бумаг о Семёне Петровиче не сохранилось. Кроме того, он пишет о Мише Золотухине, что его сослали в Магадан на 5 лет, и он там умер. Теперь он полностью реабилитирован.

8 мая получил письмо от Ильи Вайсфельда. Вот оно:

«Дорогой Сергей Васильевич! Рад, очень рад был получить от Вас весточку. Я Вас, весь Ваш дом поздравляю с завтрашним днем. Встречал я его лейтенантом, сразу после госпиталя. Дорогой для всех нас день. Картину “Выбывший оставил вещи...” я не смотрел. Очень заинтересован в её

просмотре. Не мог бы кто-нибудь из Вашей семьи, из числа кинолюбников (я ведь член киноклуба “Контакт” – С.В.) связать меня с Лией Козыревой, которая могла бы мне помочь в организации просмотра? Я пока концов найти не могу. Спасибо и об упоминании о книге “Возвращённые имена”. Я её пока достать не могу. Наверное, речь обо мне может идти в связи с трагической судьбой Лазаря Шацкина... Для Вас и Вашего киноклубного актива посылаю рецензию Е. Куприяновой. Скажите, пожалуйста, Вашим энтузиастам, что если возникнет мысль о просмотре, приобретении кинокассеты, о которой идёт речь в рецензии, то надо связываться с оргсекретарем Ассоциации деятелей кинообразования Геннадием Александровичем Величко по адресу: 125167, Москва, ул. К. Симонова, д. 5, кор. 3, кв. 41. Общество друзей кино. Величко Г.А. Я был бы рад повидать Вас в Москве. Вашим, пожалуйста, передайте, что во время Международного кинофестиваля я буду в Москве либо по домашнему телефону, либо в Доме творчества (телефон дежурной 442-75-44), либо можно обо мне справиться у Величко. Сердечно Ваш И. Вайсфельд».

9 мая мне пишет Сея:

«Дорогой Серёжа! Вчера получил Вашу открытку с поздравлениями к Первому мая и Дню победы, а также с вырезкой из статьи в “Московской правде” под заглавием “Трагедия Коминтерна”. Большое спасибо Вам и за поздравление и за статью, я и Аня желаем Вам здоровья, бодрости и сохранения того неистребимого оптимизма, которым Вы всегда отличались. Я по мере сил стараюсь заразиться этим оптимизмом, вообще говоря, мне не свойственным. Хотелось бы дожить до тех дней, когда история жизни Симы и нашего отца станет всеобщим достоянием и с ней можно будет познакомиться не только из газетных статей, но и из книг. Эта надежда более реальна в части Симы, поскольку такая книга может появиться если не в текущем, то хотя бы в будущем году. С Петром Абрамовичем* дело, конечно, сложнее. Во всех последних публикациях о Коминтерне, включая две статьи в “Правде” и присланную Вами статью в “Московской правде”, его фамилия не упоминается. Тем ценнее для меня такое упоминание в журнале “Известия ЦК КПСС” № 3 за этот год, о чём я узнал тоже благодаря Вам. К сожалению, все мои попытки достать этот номер журнала пока остались безрезультатными. Мне объяснили, что в этом же номере опубликован доклад Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС, а потому его немедленно расхватали во всех библиотеках. Не знаю, когда волна

* Отец С.П. Шубина.

этого интереса схлынет. Я сумею все-таки его достать и перепечатать интересующие меня части. Я, наконец, дозволился до (?). Он выслушал меня очень внимательно, но сообщил, что моё письмо в адрес А.Н. Яковлева, отправленное ещё 26 апреля, до него не дошло. И обещал разузнать о нём и позвонить мне. Ещё раз большое спасибо Вам за все хлопоты и добрые пожелания. Крепко жму Вашу руку, Аня кланяется и передаёт приветы Зине и Тане и всему их потомству. Е. Шубин».

20 мая ко мне обратилась Ирочка Дорфман. Она просит, чтобы я написал письмо управляющему делами АН СССР о прикреплении Араксии Александровны к спецполиклинике АН СССР как матери доктора наук и вдовы учёного, работавшего в академии. Я это и выполнил. О результате не помню.

31 мая получил опять письмо от Сеи из Москвы. Он благодарит за присылку ксерокопии статьи из «Известий ЦК КПСС», где есть упоминание о Петре Абрамовиче. Перед этим он делал выписки из неё, но это, конечно, несравнимо с ксерокопией. Ему звонили из комиссии А.Н. Яковлева. Письмо Сеи направлено в Институт марксизма-ленинизма, который занимается историей Коминтерна. Сея получил статью Горелика на 19 стр. о М.П. Бронштейне, А.А. Витте и Семёне Петровиче. Горелик просил у Сеи его замечания. Он также нашёл автобиографию Семёна Петровича, которую тот написал в 1934 г., и Сея посылает её мне, чтобы поместить в издаваемую нами книгу. Спрашивает меня, почему я ничего не отвечаю Горелику. В следующем письме от 8 июня Сея поздравляет с рождением Сашули. Он также почти уверен, что Горелик ошибся адресом, отправляя мне свою статью. Сея очень рад, что наша книга почти готова к сдаче в издательство.

12 июня от Дж. Смита из Лос-Аламоса получил приглашение на Международную конференцию по сильно коррелированным электронным системам, которая будет проходить в Санта-Фе, штат Нью-Мексико, с 11 по 15 сентября этого года.

14 июня Сея получил ответ из Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС от зам. директора М.П. Мчедлова. Вот копия этого ответа:

«Уважаемый Евсей Петрович! На основании документов, отражающих деятельность П.А. Шубина в Исполкоме Коминтерна, нам удалось установить следующее: Пётр Абрамович Шубин работал в Исполкоме Коминтерна (ИККИ) с 14 мая 1925 г. по 14 июня 1937 г. Вначале он был заместителем заведующего агитационно-пропагандистским отделом Коминтерна и секретарём журнала «Под знаменем марксизма» (май 1925–1935 гг.), позднее занимал должности заведующего Средне-

Восточной секцией Коминтерна (1929–1933 гг.), заместителя заведующего Англо-Американским Лендерсекретариатом (декабрь 1933 – январь 1935 гг.). В начале 1935 г. П.А. Шубину было поручено заниматься работой по подготовке VII конгресса Коминтерна, а в течение декабря 1935 г. и до 9 февраля 1936 г. он являлся редактором журнала «Коммунистический Интернационал». Политическим помощником Генерального секретаря ИККИ Г. Димитрова П.А. Шубин был назначен в феврале 1936 г. П.А. Шубин участвовал в работе VI и VII конгрессов Коминтерна будучи делегатом от ИККИ с правом совещательного голоса. На VI конгрессе он выступал в прениях по вопросу о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах (Стенографический отчёт VI конгресса Коминтерна, вып. IV, М.; Л., 1929, с. 427–436). Помимо аппаратной работы П.А. Шубин вёл систематическую научную и литературную деятельность по вопросам международного рабочего движения. Работа П.А. Шубина в аппарате ИККИ носила специфический характер: показать её вне связи с развитием всего Коминтерна трудно, тем более в указанный период, когда на деятельности Коминтерна всё более сказывалось влияние Сталина и был допущен ряд ошибок сектантского характера. Сообщаем Вам, что материал о работе П.А. Шубина и его публикации будут использованы при подготовке научных трудов, которыми занят в настоящее время сектор истории ИМЛ при ЦК КПСС. В дополнение к сказанному хотелось бы уточнить и дополнить (в соответствии с имеющимися архивными материалами) некоторые периоды жизни Вашего отца: П.А. Шубин работал также в Профинтерне осенью 1924 г. – в первой половине 1925 г. По поручению Профинтерна направлялся на нелегальную работу в Германию, Австрию и Голландию. В США П.А. Шубин находился в 1930–1932 гг., работая инструктором партийной школы. О пребывании его там в 1935 г. сведений не имеется. Книга «Революционный подъём в Индии» вышла под фамилией П. Шубин (а не под псевдонимом) в издательстве Коммунистической академии в Москве в 1930 г. и по сей день находится в фондах научных библиотек. Можем сообщить также, что в 1936–1937 гг. П.А. Шубин писал для заграничной коммунистической прессы под фамилией П. Ланга статьи, разоблачающие троцкистов как агентов фашизма».

2 июня Сея опять написал мне письмо:

«Дорогой Серёжа! Вчера я совершенно неожиданно получил от Института марксизма-ленинизма ответ на моё заявление в комиссию А.Н. Яковлева при ЦК КПСС. Неожиданно, поскольку после телефонного звонка из этой комиссии, о котором я уже писал Вам, не рассчитывал получить что-либо дополнительно. Копию этого ответа я посылаю Вам. (Я уже его привёл выше – С.В.). Именно то, что в ней приведено подробное описание работы отца в исполкоме Коминтерна, интересно, по моему мнению, не только для меня, но и для Вас и всех потомков Симы. Я хотел бы посоветоваться с Вами насчёт содержания ответа ИМЛ. Конеч-

но, я мог бы ограничиться выражением своей благодарности за ту работу, которая была проведена по розыску в архивах Коминтерна всех материалов, связанных с работой Петра Абрамовича. Выполнили они её, видимо, очень тщательно, так как для меня многие из сообщённых сведений оказались новыми и даже неожиданными. После такого благодарственного письма с моей стороны переписку с институтом следовало бы считать исчерпавшей себя. Между тем мне не хотелось бы прекращать на этом все усилия по восстановлению доброго имени и вообще жизненного пути Петра Абрамовича. Ведь за пределами содержания письма института остаются все этапы биографии Петра Абрамовича – как до прихода на работу в Коминтерн, т. е. за первые 20 лет его журналистской и общественной деятельности, так и после прекращения его работы в Коминтерне. В письме института обходится полным молчанием всё, что произошло с Петром Абрамовичем после его увольнения из Коминтерна, которое, по их данным, – это июнь 1937 г. Между тем отец был исключён из партии только 5 октября 1937 г. и в ту же ночь арестован. Меня удивляет также то обстоятельство, что в статье “Известий ЦК КПСС” № 3 указан год рождения отца 1878 вместо 1882, а год его смерти 1937, что тоже является маловероятным, так как согласно документам о его реабилитации он был осуждён приговором Военной Комиссии Верховного суда СССР от 25 декабря 1937 г., а согласно свидетельству о его смерти скончался 12 января 1939 г. Разумеется, в институте могут считать, что с подобными разъяснениями следует обратиться не к ним, а в КГБ или прокуратуру. Но ведь в письме института сказано, что идёт работа о составлении истории Коминтерна, в которой отцу как одному из виднейших участников этой истории, несомненно, будет уделено какое-то внимание, и его биография должна хотя бы вкратце получить правильное освещение. Стоит ли в таком духе написать в ИМЛ или, может быть, обратиться в другие органы и даже вновь в комиссию ЦК КПСС? Мне хотелось бы по этому поводу узнать Ваше мнение либо по телефону, либо письменно. Крепко жму Вашу руку и желаю доброго здоровья и всяких успехов Вам и всем моим свердловским землякам, а также внучатам и правнукам. Е. Шубин».

23 июня 1989 г. я пишу Г.Е. Горелику:

«Дорогой Геннадий Ефимович! Ещё раз прошу простить меня великодушно, что я заставил Вас вторично выслать мне Вашу статью. Статья Ваша мне очень понравилась, и у меня нет никаких замечаний по её тексту. Вы просто большой молодец, что нашли в архиве МГУ такой интересный материал о Семёне Петровиче Шубине. Его автобиографию и отзыв Игоря Евгеньевича Тамма мы помести-

ли с Вашего позволения в сборник, посвящённый памяти С.П. Шубина. При этом мы указали там, что эти материалы были предоставлены Вами. Сообщаю Вам точное название сборника: «АН СССР. Уральское отделение. Избранные труды по теоретической физике С.П. Шубина (Очерк жизни, воспоминания. Статьи)». Издательство “Наука”. Моя статья помещена в сборнике в несколько расширенном объёме по сравнению с моей статьёй в газете “Наука Урала”. Письмо Игоря Евгеньевича к семье Семёна Петровича помещено полностью. Думаю, что реально сборник выйдет в свет не ранее второй половины 1990 г. Фотографии С.П. Шубина я постараюсь прислать Вам в ближайшее время. Сведений об А.А. Витте я, к сожалению, не имею. Может быть, что-нибудь мог бы дать Вам академик В.Л. Гинзбург или же чл. корр. Е.Л. Фейнберг. Они работали в ФИАНЕ, где работал А.А. Витте, если я не ошибаюсь. Возможно, что они знают кого-нибудь, кто лично знал А.А. Витте. Может быть, о нём также знает академик М.А. Марков. Вот только то, что я могу Вам написать по этому вопросу. С искренним и сердечным приветом Ваш С. Вонсовский».

Из Ленинграда я получил поздравление 28 августа от Лизы Юстовой и Нины Сперанской: «Наш любимый товарищ Серёжа! С днем рождения, будь здоров и счастлив. Целуем. Лиза и Нина».

29 августа письмо из г. Саратова от Кировского районного комитета ВЛКСМ: «Уважаемый Сергей Васильевич! Сообщаем Вам, что открытие мемориальной доски одному из первых секретарей ЦК ВЛКСМ Л.А. Шацкину состоится с 9 по 15 сентября 1989 г. О точной дате митинга сообщим телеграммой. Будем рады видеть Вас на митинге, посвященном открытию мемориальной доски. Кировский РК ВЛКСМ».

Имеется Call for Abstracts и Final Announcement по конференции в Санта-Фе, а также регистрационные и другие документы по отелю, где мы жили в Санта-Фе. Вот тематика этой конференции: 1. Аномальные f - и d -электронные системы. 2. Магнитное упорядочение и корреляции. 3. Эффекты электронной гибридизации. 4. Механизм высокой T_c и сверхпроводники с тяжёлыми фермионами. 5. Явление тяжёлых фермионов. 6. Флуктуирующая валентность. 7. Кристаллические поля.

По договорённости с руководителем конференции, одним из главных физиков из Лос-Анджелеса профессором Дж. Смитом, я сделал краткий доклад о Семёне Петровиче Шубине. Он помещён заглавным докладом в напечатанных материалах конференции. От Смита я после конференции получил очень тёплое и подробное письмо. Он очень заинтересовался работами С.П. Шубина и достал, что смог, в своей библиотеке.

Вот краткая аннотация к трудам С.П., написанная мной и Мишей Кацнельсоном:

«Доктор физико-математических наук профессор Семён Петрович Шубин (1908–1938) – один из ярчайших физиков школы Л.И. Мандельштама и И.Е. Тамма, основоположник теоретической физики на Урале, автор выдающихся работ по различным разделам теоретической физики. Его научное наследие невелико по объёму (он был репрессирован и погиб в возрасте 30 лет, успев опубликовать лишь 18 работ), но очень важное по своему значению. Именно С.П. Шубин одним из первых начал изучать эффекты неупорядоченности и межэлектронного взаимодействия в физике конденсированного состояния, создав вместе с И.Е. Таммом теорию фотоэффекта в металлах. Он также был автором очень глубоких работ по статистической физике, по теории колебаний, по квантовой электродинамике. Его работы, опубликованные свыше 50 лет тому назад (многие лишь на иностранных языках), сейчас почти недоступны читателю. С другой стороны, многие из них сохранили своё научное и педагогическое значение. Так, по статье С.П. Шубина о химической термодинамике, об одномерной модели Гейзенберга, по его лекциям об основах теории твёрдого тела (неопубликованным) до сих пор можно обучать студентов и аспирантов. Не уменьшается число ссылок в научной литературе на работы по полярной модели. Всё это делает желательным и актуальным издание сборника его работ. Такой сборник составляет костяк настоящего издания. Впервые публикуются письма С.П. Шубина Р. Пайерлсу и И.Е. Тамму, содержащие первое объяснение аномального эффекта Холла, и отрывки из его лекций, в которых впервые была введена фундаментальная модель пустой решётки. Публикуются также (некоторые впервые) работы С.П. Шубина по философско-методологическим проблемам физики: о законах сохранения, интерпретации квантовой механики, вводная лекция по курсу общей физики с изложением его взглядов на задачи физики как науки.

Научный раздел сборника дополнен комментариями к работам и статьями редакторов сборника “Одночастичная матрица плотности и критерий металлического состояния кристаллов”, “Физика твёрдого тела: второе рождение работ С.П. Шубина”, посвящёнными развитию идей С.П. Шубина по фундаментальным вопросам физики конденсированного состояния в свете современного состояния теории многих частиц и теории неупорядоченных систем. Сборник открывается статьёй С.В. Вонсовского, М.А. Леонтовича и И.Е. Тамма, посвящённой 50-летию со дня рождения и 20-летию со дня кончины С.П. Шубина, опубликованной ранее в УФН (1958 г.), содержит статью Я.Б. Зельдовича о научном творчестве С.П. Шубина (с наиболее верной и точной оценкой его идеи о полярной модели), воспоминания С.В. Вонсовского, М.А. Маркова, А.А. Смирнова и других, не публиковавшееся ранее письмо И.Е. Тамма семье С.П. Шубина, очерк его педагогической деятельности. Эти материалы представляют интерес для всех занимаю-

щихся или интересующихся историей физики. Что же касается оригинальных работ С.П. Шубина, то они, как отмечалось выше, до сих пор могут быть чрезвычайно полезными как для научных работников, так и для студентов и аспирантов. С.В. Вонсовский. 27 сентября 1988 года».

В этом году я опять был в своём благословенном «Янтарном берегу» с 24 сентября по 19 октября (правда, приехал с маленьким запозданием – 25-го числа). В этот раз врачом моим была Бируша Германовна. Опять ходьба, питьё минералки «Яункемери», вес поменьше – 65 кг. Бассейн от 3 до 30 минут, обычная гимнастика, лечил зубы, принимал свой любимый массаж. В санатории первое письмо получил от Гали Якуниной.

С 16 по 20 октября в ГКНТ в Москве была конференция на тему «Технико-экономические вопросы создания и внедрения рациональных и экологически чистых транспортных средств для бездорожных районов Севера». Я выступал с соответствующим докладом как председатель Научного совета ГКНТ.

30 октября (эта дата на русском тексте, а перевод послан 4 ноября) я отправил свой ответ профессору Смигу в Лос-Аламос, вот он:

«Огромное спасибо Вам за Ваше письмо от 23 сентября 1989 г. и за Вашу заботу и внимание. Я несколько задержался с ответом, т. к. был в отъезде и вернулся в Свердловск только что, где меня ждало Ваше письмо. Спешу Вам ответить. Наш отъезд из США прошёл очень удачно. Мы всего запоздали относительно визы на 2 суток и вылетели из Вашингтона DC днём 19 сентября, и поэтому к нам при выезде не предъявляли никаких претензий. Ваше письмо в Государственный департамент было, конечно, весьма важным делом. Большое спасибо и за Ваше содействие встрече с профессором Р. Riseborough в Нью-Йорке. Ваша редакция моих Remarks о С.П. Шубине у меня не вызывает никаких замечаний. Большое спасибо Вам за это. На Ваш вопрос о разных транскрипциях моей фамилии Вы сами ответили правильно. Замена V на W связана с переходом с английского языка на немецкий. Большое спасибо также за фото – это хорошая память о конференции в Санта-Фе. Я ещё хочу сообщить Вам, что наш институт заинтересован в установлении научных контактов с Вашим отделом в Los-Alamos Lab. Мы были бы очень рады, если бы эти контакты начались, например, с Вашего визита к нам в Свердловск. Буду очень признателен Вам, если Вы сообщите мне Ваши соображения по этому поводу. Я очень рад, что имел возможность быть на конференции, что познакомился с Вами и чудесной природой Нью-Мексико. Искренне Ваш – С. Вонсовский».

29 ноября я получил письмо от Р. Пайерлса для нашего сборника, посвящённого Семёну Петровичу Шубину; оно было ответом на моё письмо, которое я послал 4 ноября.

Есть повестка заседания президиума АН СССР от 6 декабря 1989 г. В ней два очень важных пункта – № 7 и 8, поэтому я приведу их:

7. О предложениях Комиссии по установлению жертв сталинских репрессий – членов Академии наук СССР.

8. Об отмене решения общего собрания АН СССР от 28 января 1939 г. № 2 “Об избрании А.Я. Вышинского действительным членом АН СССР”.

Обмен мнениями.

Было принято постановление президиума АН СССР по пункту 7. Вот его текст:

1. Считать целесообразным рассмотреть на очередном общем собрании АН СССР вопрос о восстановлении (посмертно) в членах АН СССР следующих учёных, необоснованно исключённых из АН СССР:

1.1. В составе действительных членов АН СССР (академики): В.Н. Ипатьева, М.И. Ростовцева, Д.Б. Рязанова, В.А. Францева, А.Е. Чичибабина (приложение 1).

1.2. В составе членов-корреспондентов АН СССР: А.А. Васильева, Г.А. Гамова, Н.Н. Глубоковского, Н.Н. Дурново, А.А. Кизеветтера, С.М. Кульбуина, Е.Ф. Шмурло (приложение 2).

2. Считать необходимым подтвердить решением общего собрания АН СССР восстановление в правах членов АН СССР следующих не репрессированных учёных, восстановленных в составе АН СССР постановлениями и распоряжениями президиума АН СССР:

2.1. В составе действительных членов АН СССР (академики): А.А. Баландина, Н.И. Вавилова, Н.П. Лихачёва, Н.М. Лукина, М.К. Любавского, И.К. Душпола, Н.А. Максимова, И.М. Майского, В.В. Осинского, В.Н. Перетца, С.Ф. Платонова, Н.М. Сперанского, Н.М. Тулайкова, Л.С. Штерн (приложение 3).

2.2. В составе членов-корреспондентов АН СССР: В.Н. Бенешевича, А.Г. Вологодина, В.Ю. Гана, В.А. Ильинского, Н.С. Кошлякова, Ю.А. Круткова, Х.Х. Крууса, Р.С. Левиной, Г.А. Левитского, Б.В. Нумерова, А.А. Саткевича, А.М. Селишева, С.Г. Томсинского, Е.И. Шпитальского (приложение 4).

3. Считать необходимым восстановить иностранными членами АН СССР следующих учёных: Брока Олафа (Норвегия), Дейла Генри Хеллета (Великобритания), Мёллера Германа Джозефа (США), Кёпрюлю Мехмета Фуата (Турция) (приложение 5).

4. Согласиться с предложениями комиссии по установлению жертв сталинских репрессий – членов АН СССР – об увековечивании памяти ученых, жертв массовых репрессий, и в этих целях соорудить памят-

ник-мемориал на территории главного корпуса президиума АН СССР, поручив управлению делами АН СССР совместно с Комиссией по установлению жертв сталинских репрессий – членов Академии наук СССР, а 1 марта 1990 г. представить руководству президиума АН СССР соответствующие материалы и смету.

Президиум АН СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Руководствуясь п. 35 ныне действующего Устава АН СССР (“Действительные члены и члены-корреспонденты АН СССР могут быть лишены своего звания по постановлению общего собрания АН СССР, если деятельность их направлена во вред Союзу Советских Социалистических Республик”) и учитывая активное участие А.Я. Вышинского в проведении и “теоретическом обосновании” массовых нарушений социалистической законности, вынести на общее собрание АН СССР вопрос об отмене решения общего собрания АН СССР от 28 января 1939 г. № 2 “Об избрании А.Я. Вышинского действительным членом АН СССР”.

ПЕРЕПИСКА 1991–1993 гг.

У меня имеется последнее письмо Владимира Ивановича Архарова от 31 декабря 1989 г. Я хочу его здесь привести:

«Дорогой Сергей Васильевич! Шлю Вам поздравление с Новым 1990 годом! Чувствую себя глубоко виноватым в том, что это поздравление шлю с таким запозданием! Но ещё более виноват в том, что перекладывал со дня на день свою обязанность ответить на Ваше письмо, в котором Вы писали о готовности принять залежавшийся у меня ценный материал – комплекты журнала. Я фактически показал себя в роли “Кащея бессмертного”, зачавшего под действительным златом, которым никак не пользуюсь и которое может быть таким полезным для людей. Обращаясь прежде всего к теме этих журналов, хочу сообщить Вам, что я, в сущности, по той причине так долго не писал Вам, что вопрос о реализации лежащих у меня журналов до сих пор не имеет окончательного решения. Года два тому назад я предложил эти журналы В.А. Трапезникову (для Ижевского института). Он согласился их взять, но почему-то возникли трудности с оплатой. Дело в том, что я выразил желание отдать журналы “по себестоимости”. В своё время я их получил по подписке, осуществлённой в особом порядке ввиду иностранного издания, оформлявшегося через Ака-

демию наук. Подписка стоила (точно не помню) примерно 70 руб. в год. Поэтому весь комплект журналов тянул на полторы тысячи. Но, как мне сообщили, за этим дело не должно было стать, а стало оно за тем, что требовалось довольно сомнительное оформление через бухгалтерский магазин и бухгалтерии двух институтов (Ижевского и Донецкого – посреднического). Для этого требуется личное участие представителя Ижевского института, нужно его присутствие в Донецке. Должен сказать, что всё это связано с необходимостью ходить, чего я не могу делать физически, т. к. ноги у меня с трудом действуют. Хожу, и то лишь с трудом, в пределах квартиры, опираясь на палку и главным образом на окружающие предметы и стенки. По недавним сведениям, переданным мне через одну из моих учениц, Ижевский институт продолжает интересоваться этим делом, но живой непосредственной связи всё ещё нет. Я охотно предпочёл бы отдать журналы Свердловскому институту, нежели Ижевскому, т. к. первый мне, так сказать, роднее. Но, как недавно (в октябре) мне сообщила С.Н. Петрова, этот журнал за эти годы у Вас в институте в библиотеке имеется. Если всё же эти журналы Институту нужны, то поручите кому-нибудь из сотрудников, например С.Н. Петровой, связаться со мной и перевести дело в более определённое, конкретное русло.

О себе много не приходится говорить. Здоровье в довольно странном положении. Главная беда – ноги. Не болят, но их как бы вовсе нет, приходится переставлять только что не вручную. Уже несколько месяцев не хожу на улицу. На наш бульвар, развернувшийся перед окнами, я только люблюсь. Беда ещё с памятью, которая угасает. Это лишает меня возможности заниматься наукой, хотя бы в аспекте теоретических измышлений. Немногочисленные ученики и друзья меня изредка посещают, но я уже не чувствую себя способным оказывать им какое-нибудь полезное содействие. Вот только что, минуто назад, пришла очередная почта, и в ней новогоднее поздравление от Вас, что меня повергло в ещё большее смущение и “покраснение”. Очень прошу Вас не списывать меня окончательно в свинский разряд и не вычёркивать напрочь из списка Ваших знакомых. Как и всегда, до сих пор я сохраняю искреннее уважение и дружеские чувства к Вам и желаю Вам успехов в продолжаемом Вами деле служения и науке, и обществу как всему в целом, так и в отношении отдельных его составляющих, среди которых есть и я. Ваш В. Архаров».

UNIVERSITY OF CAMBRIDGE
DEPARTMENT OF PHYSICS

CAVENDISH LABORATORY
MADINGLEY ROAD
CAMBRIDGE CB3 0HE

Telephone: 0223-337389
Tele: 81292
Fax: 0223-63263

14/1/91

Dear Sergei Vassilevich and colleagues.

It was a nice surprise ^{to get} your fax congratulating me on my 80th birthday. I am impressed by your encyclopaedic knowledge of biographical data! Thank you very much ^{for} your kind wishes and for the nice things you say about my career.

I am reminded of a story I heard long ago of a young man starting work in our Civil Service (our bureaucracy) and asking his boss what he should do to get on in the Civil Service. His boss gives him a lot of good advice, but the best is the last: "Above all, young man, grow old". This I have had the good fortune to achieve, and I am grateful for the recognition!

With all good wishes for 1991

Yours sincerely

David Shenberg

P.S. I have just looked in Khorramabadi's reference book and discovered that you, Sergei Vassilevich, have also reached 80 - in fact almost exactly 4 months ago. My warmest congratulations to you and my best wishes that you may be able to continue making important contributions to magnetism.

Автограф письма Д. Шенберга (1991 г.)

В 1991 г., в ответ на поздравление физиков ИФМ (его подписали С.В. Вонсовский, Ю.А. Изюмов, В.Е. Старцев, В.В. Марченков, А.Н. Черепанов) получено поздравление из Кавендишской лаборатории (Кембриджский университет) от профессора Дэвида Шенберга, всемирно известного физика-экспериментатора, который был одним из первых аспирантов П.Л. Капицы:

«Дорогой Сергей Васильевич и коллеги! Было приятным сюрпризом получить факс с поздравлением меня с 80-летием. Я впечатлен вашими энциклопедическими знаниями биографических данных! Большое спасибо за ваши добрые пожелания и приятные слова, которые вы говорите о моих достижениях.

Мне вспомнилась история, которую я слышал давно, — о молодом человеке, который начинал работать в нашей государственной службе (системе бюрократии) и спросил своего начальника, что он должен делать, чтобы преуспеть по службе. Его начальник дает ему много хороших советов, но лучший из них — последний: «Прежде всего, молодой человек, постарейте». Этого мне удалось достичь, и я благодарен за признание! Всего самого доброго в 1991 году. С уважением, Дэвид Шенберг.

P.S. Я только что посмотрел справочник Храмора и обнаружил, что Вы, Сергей Васильевич, также дошли до 80 — почти ровно 4 месяца назад. Мои самые искренние поздравления Вам и моя крепкая поддержка с тем, чтобы Вы еще долго могли продолжать работу, внося важный вклад в развитие магнетизма. ДШ».

Среди писем 1992 г. — три стихотворения Н. Лучника*.

Ор. 11

СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ

Вот и семьдесят лет я встречаю почти неподвижно.
Пятый год не хожу, я сижу и со смертью борюсь.
Я писать не могу и глазами почти что не вижу,
Но куда я жив, я в неравной борьбе не сдаюсь.

* Н.В. Лучник (1922–1993) — известный радиобиолог, биофизик и цитогенетик; известен также своим литературным творчеством. Судьба его была трагической: попав во время войны на оккупированную территорию, он после прихода Красной Армии был арестован и несколько лет провел в заключении, затем работал в «шарашке» на Урале под руководством Н.В. Тимофеева-Ресовского, был реабилитирован только в 1962 г. Последние 6 лет жизни тяжело болел.

Не работает тело, но дух мой такой же, как прежде.
Он меня, как бывало, к борьбе и победе зовёт.
Неподвижно сижу, и живёт в моём сердце надежда,
Что за духом здоровым здоровая сила придёт.

Здесь такая болезнь, что помочь медицине мне нечем.
Здесь такая болезнь, что я сам себе должен помочь,
Ежедневно кричу, что ещё не приблизился вечер,
Даже если стоит у порога кромешная ночь.

03 января 1992 г.

Ор. 1

УЛОВКА

Три года полного молчания —
Я сам не знаю, почему
Я и дошёл до одичанья,
До смерти сердцу и уму.

Но вспомнил я, что в раннем детстве
Открыл, улыбкой удивлён,
И версии причин, и следствий
Всё побеждающий закон.

Я стану действенным и ловким,
Психоневроза не боюсь.
И с помощью моей уловки
Над медициной посмеюсь.

5–6 мая 1990 г.

Ор. 4

УНЫНИЕ

Вся жизнь моя была кривая линия,
А я шагал в надежде на успех.
Но час настал, и чёрное уныние
Меня ввергает в неизбывный грех.

Меня мои не слушают конечности,
Глаза не видят, вяло дремлет ум,
Но даже стоя на пороге вечности,
Я говорю: «Когито эрго сум».

Трудись, трудись, усохшее мышление
В нервном отупляющем плену.
Рассудок мой уберегу от лени я,
А вслед за ним и сому подтяну.

О Господи! Избави от маразма
И к Свету мне ворота отвори!
О Боже, Боже! Сохрани мой разум.
Я жить хочу, молиться и творить.

12–13 мая 1990 г.

6 января мне прислал письмо Е.В. Лыков:

«Дорогой Сергей Васильевич! Сердечно поздравляю Вас и вашу семью с Рождеством Христовым и с Новым 1992 годом, с новым счастьем! Желая всем вам доброго здоровья и всего наилучшего в жизни! Я получил Вашу открыточку с большой радостью. Спасибо за поздравления и добрые пожелания! Не много лет, но много времени протекло со дней нашей встречи в Ставрополе, где мы обсуждали свойства магнитных жидкостей. За короткий срок произошли важные события и факты. Надо бы обдумать, но обстановка такова, что нечего и думать о всестороннем обсуждении – надо действовать и принимать хотя бы самые необходимые “пожарные” меры. Я думаю, что мы не воспитали сами себя и не дали нашей молодёжи того подлинного человеческого русского образования, в результате которого человек может самостоятельно и правильно действовать. Подлинное образование – это умение правильно действовать в любых житейских обстоятельствах. А что мы имеем? “Тнилую интеллигенцию?” Разве поворот северных рек, гигантомания строек и новостроек, запруды самых важных артерий России – её больших рек, марксистско-ленинская ересь – всё это разве не великий грех нашей советской “элиты”? Разве нынешнее время не расплата за всё это? Я работаю (на полставки) профессором теплотехники и энергетики (с экологией) в РИАТМе и одновременно должен был взять платную работу пред. Комиссии по казачеству Ростовской области. Уговорили. У меня ведь дед, отец и его братья расстреляны во время казачьего геноцида. Объявленную реабилитацию казачества принимаю близко к сердцу – это большое государственное дело. Бурлит наше донское казачество. Однако процесс только начинается, казачье движение само организуется, а до полной реабилитации ещё далеко. Между тем горцы распоясались, не дают возможности работать, вести с/х и по существу на Северном Кавказе война. Проклятому члену Политбюро Шеварнадзе удалось организовать не только внешнюю, но и внутреннюю войну в России. Русский народ идёт к народному ополчению. Катастрофу Россия преодолет. И хочется верить, что Российская империя восстановится. Шлю сердечные приветы. Ваш Е.В. Лыков».

А 17 февраля 1992 г. мне написал М.И. Руденко:

«Дорогой Сергей Васильевич! Сердечно Вас приветствую – впервые при недоразвитом капитализме. 1) Обстановка в столице сложная: с одной стороны, грызутся демократы – не менее алчные и коррумпированные, чем прежний гос. аппарат, с другой стороны – подкрадываются внуки комиссаров, в точности как в 1917 г. 2) Я предпринима-

тель, но захудалый. 3) Больше удался как журналист, см: а) “Экономика и жизнь”, 1991, № 39–51; б) “Воздушный транспорт”, 1991, № 5 и далее; в) “Московская правда”, 1991, № 4, 6 и 7. 4) Спасибо за поддержку рецензией издания книжки “Компакт- и видеокассеты мира” – выйдет в сентябре. Научно-технические издательства не финансируются государством и брошены на произвол судьбы. 5) В Москве процветает спекуляция: знамя “Предприятие коммунистического труда” – 1 тыс. долларов, орден Ленина – 1 тыс. долларов, золотая медаль Героя Соц. Труда – 10 тыс. долларов. 6) Я выбрался из своей коммуналки – новый адрес на конверте. Есть и телефон: 165-16-93. 7) Будете в Москве – дайте знать. 8) Будут вопросы – звоните после 20 часов. С наилучшими пожеланиями. Ваш М. Руденко».

Есть бюллетень Физического общества СССР № 1 за 1992 г. Всего имеется 11 разделов. Самыми важными являются 7 и 8 разделы: первый – это устав РФО, второй – календарь международных и всесоюзных конференций и совещаний.

23 февраля я получил письмо от Лизы Юстовой. Она пишет, что Таня сообщила ей горестную весть о кончине Нины Сперанской. Да, все мы постепенно уходим в мир иной. Лиза пишет, что смерть Нины горька для неё в квадрате, потому что они поссорились и Лиза не успела с ней помириться. Свою «Колориметрию» Лиза почти закончила, осталось только оформить рисунки, которые пока не подобраны. И Лиза рада, что она почти выполнила «завет» Миши.

В конце марта я получил письмо от вьетнамца Нгуен Нгуена Хи. Он очень жалеет, что не может приехать к нам в СССР. У них затруднения со средствами на командировки. Они считают меня учителем всех вьетнамских магнитчиков. Интересуется, нет ли у нас желающих физиков побывать во Вьетнаме?

От 10 апреля есть письмо от Вити Френкеля. Он благодарит за подарок книги о С.П. и очень хвалит её. У них дома всё более или менее в порядке. Жалуется на дороговизну. Рад, что закончили свою «стройку века» – дачу. Оля и Яша работают. Витя готовит английское издание книги о Я.И. Во ФТИ дела идут неважно из-за отсутствия средств. Народ разбегается. Витя согласен написать рецензию на книгу о С.П., но не решил ещё, где.

14 апреля Ельяшевич пишет из Минска и тоже, как Витя, благодарит за книгу о С.П. Он проинформировал всех минских физиков о её выходе в свет. Кроме того, он занимается сейчас много историей физики, и поэтому подобные книги, как наша, ему очень интересны. Они перестали ездить в Кисловодск и отдыхают у себя на даче.

В Киеве с 8 по 12 июня 1992 г. проходила 14-я Международная криогенная техническая конференция по криогенным материалам. Я получил на англ. языке программу и абстракты с докладом Бори Лазарева и Любы с сотрудниками о сверхпроводниках в сверхсильных магнитных полях до 210 эрстед.

У меня сохранился подробнейший конспект моих лекций в Гуманитарном университете на тему «Атомный и субатомный мир в современной физике», который лёг в основу моей книги.

Переходим к описанию событий 1993 г.

5 февраля я написал в посольство США в Москве с просьбой разрешить поездку Зиночке в США к Анечке, но это не помогло.

Приглашен принять участие в общем годичном собрании Уральского отделения Российской АН, которое состоится 18 марта 1993 г. в актовом зале ИФМ с программой: 1. Об итогах работы в 1992 г. и задачах УрО РАН на 1993 г. – доклад академика Г.А. Месяца. 2. О научно-организационной деятельности президиума Отделения – доклад главного учёного секретаря д. ф.-м. н. Е.П. Романова. 3. Обсуждение докладов. 4. Выборы директоров институтов УрО РАН.

24 апреля мне написал большое письмо Витя Френкель:

«Дорогой Сергей Васильевич! Давно не писал Вам, но, поверьте, часто думал о Вас и возвращался в памяти к нашим встречам в Ленинграде и Свердловске: название городов меняется, но мои чувства к Вам и Вашей семье – к здравствующим и к тем, кого уж нет, остались неизменными! Только что прослушал обращение Ельцина, и так ярко вспомнилось Ваше 70-летие, во время которого я впервые его увидел и услышал в актовом зале Вашего института и буквально был покорён его искренностью и полным отсутствием казённости и бездушия, которые всегда ассоциировались у меня с партийными бонзами. А вечером того же дня, уже у Вас дома, много хорошего услышал о нём от Любови Абрамовны. Вообще мне этот вечер хорошо запомнился!

Мы дома, да и все мои здешние друзья, страшно политизированы, проводят большую часть вечера у телевизора. Это я особенно сильно почувствовал после месячного перерыва – с 17 марта по 14 апреля провёл время в Голландии: собирал “дивиденды” за 5 лет своей работы над биографией Павла Сигизмундовича Эренфеста. Его внучка устроила мне приглашение и финансовое его обеспечение Институтом имени Лорентца при Лейденском университете, где я выступил с докладом в рамках их Эренфестовского семинара. Были ещё доклады в Амстердаме и Утрехте. Хорошая

страна: спокойные и доброжелательные люди, красивые города, особенно Амстердам. Я, становясь старше, всё больше интересуюсь судьбами людей – идеи, ими высказанные, отступают на второй план. Среди таких людей – Всеволод Константинович Фредерикс (идеи: жидкие кристаллы и управление их оптическими свойствами, электрическими и механическими полями). Фриц Хаутерманс – человек судьбы совершенно необыкновенной (коммунист, приехавший к нам в Харьков в 35-м, арестован в конце 37-го, передан фашистам в конце 39-го на основании пакта Молотова–Риббентропа).

В октябре–ноябре 92-го я был в США, нашёл много интересного в архиве Эйнштейна, где тоже встретилось много интересных линий. Например, оказывается, что Эйнштейну пересылали и переводили почти все материалы наших псевдофилософских докладов конца 40-х годов, так что “творения” Максимова и иже с ним были ему известны и комментировались (на обороте соответствующих текстов), но не публиковались.

Мы с Олей продолжаем трудиться, хотя получаем уже пенсию, кстати, являющуюся заметным подспорьем в нынешних непростых условиях жизни. Вы, возможно, слышали, что наш город самый “дорогой” в стране. Но так как одеждой я обеспечиваю всё семейство за счёт своих зарубежных поездок, то на еду нам хватает. Много времени (летом) уделяем даче, с удовольствием копаемся в земле, кое-что там произрастает, так что вот уже третий год наш пятилетний внук Андрюша (сын Таты) живёт с ягодами с нашего огорода и дышит чистым дачным воздухом. Яше третьего дня исполнилось 27 лет. Как раз сейчас у него многочисленные гости, и я сижу безвыходно в своей комнате, чтобы не слушать его и их. В его судьбе наметились такие перемены: оставаясь на работе в Институте цитологии, он блестяще выдержал экзамены на вечерний исторический факультет университета и, вероятно, будет заниматься археологией. Он хочет совместить свои знания в физике с археологией и трудится над овладением пока чисто теоретически.

По-прежнему я много занимаюсь папиной биографией. Прощлым летом нашёл необычайно интересные материалы, относящиеся к его отцу (моему деду), который, оказывается, находился под надзором полиции до 1914 г., причём я читал отчёты филеров о наблюдении за его квартирой и там по описанию “узнал” папу (о котором, впрочем, тогда же были поданы соответствующие сведения в жандармское управление). Я, по-моему, писал Вам, что в № 9 и 10 “Звезды” за 1992 год поместил большую работу о нём – штрихи

к его биографии, взаимоотношению с официальной философией и властями. А в Голландии, воспользовавшись обилием свободного времени и благоприятными условиями, написал “для стола” статью, тоже довольно обширную (думаю, страниц на 50–60 на машинке, пока только в тетрадке), которую назвал “История одной неприязни” – об отношениях Якова Ильича и Ландау, кое-что на основе того, что слышал от родителей, а в основном по документам и печатным работам. Жаль, что вряд ли я сумею это опубликовать, впрочем, посмотрю, может, напечатаю за границей, здесь меня съедят!

В преддверии 100-летия со дня рождения папы я закончил работу над английским переводом моей о нём книги и передал текст швейцарскому издательству в Базеле, которое ещё год назад заключило со мной договор и обещает выпустить книгу к этой осени. Очень мне этого хочется! Чтобы окончить “отчёт” о нашей семье, скажу, что Серёжа, мой брат, недавно, 3-го апреля, отметил своё 70-летие, став, таким образом, на 12 лет старше отца (я старше его сейчас уже на 5 с лишним лет), страшно подумать! Но даже перечитывая его письма, написанные в 1918–1924 гг., когда он был в возрасте моего Яши, чувствую себя таким же “младшим сыном”, каким я был в 1950–1952 гг., хоть го-жусь сейчас ему, тогдашнему, в отца. Забавный психологический эффект. Ну, дорогой Сергей Васильевич! Я расписался не в меру. Простите за многословие. Мы с Олей шлём Вам и всем Вашим наши самые сердечные поздравления с наступлением весны и прочно ассоциируемыми с ней праздниками Мая и Победы. Буду очень и очень рад услышать о Вас. Всегда Ваш Витя».

20 марта мне написал письмо зав. редакцией физики Большой Российской Энциклопедии Ю.Г. Рудой с просьбой просмотреть мои статьи «Ферромагнетизм» и «Ферромагнетики» из предыдущего издания, внести в них (желательно в последний вариант для ФЭС изд. 1993 г.) необходимые изменения и дополнения, по возможности быстро вернуть в редакцию.

17 июня 1993г. мне написали письмо две шведки, которые в апреле были на оз. Глухом и прислали два фото: одно со мной и Танюшей, а другое – их двоих на фоне озера. Есть копия моей благодарности им за фото.

Газета «Правда» от 14 июля 1993 г. – хорошая статья памяти Константина Паустовского, который ушёл из жизни 25 лет тому назад. Вот отрывочек из этой статьи: «Паустовский прожил все периоды трагического для России XX века. Умирал, успев вступить в уютное время Брежнева. До первого оскала новой власти Паустовский не дожил месяц и неделю. Поход на

Чехословакию убил романтизм, а перед этим умер гений романтики». Он умер 14 июля 1968 года! «Паустовский – действительно мост из великой литературы XIX века к великой литературе XXI...».

В середине июля в Екатеринбурге проходил фестиваль классической музыки «Дорога к Храму», посвящённый 380-летию дома Романовых и международному году памяти расстрела царской семьи. На этот фестиваль в Екатеринбург приехали члены дома Романовых – великие княгини Мария Владимировна, Леонида Георгиевна и великий князь Георгий Михайлович.

8 августа 1993 г. мне написала письмо Ляля Блех:

«Дорогой Серёжа! Давно не имеем никаких сведений о Тебе. Ты уже 2 весны не приезжал в Ташкент. У нас дела такие: Миша закончил 9-й класс и хочет поступить в специализированное училище с направлением программирования. Нина всё не устроится с работой. Они живут в очень маленьком городке – Катерини. Там эмигрантов много, а работы мало. Муж её сначала работал по проводке электричества в новых домах, но эта работа кончилась. Сейчас он работает чернорабочим, разбирает железный лом и относит сам в соответствующее место. Диплом Советского Союза в Греции не признают, и не приходится рассчитывать на место инженера. Я очень скучаю о своей младшей дочери, хорошо, что Эма в Ташкенте, а Люся живёт со мной. Не справляемся с воспитанием Миши, он слишком мало занимается. Моё здоровье неважно. Как живут твои американские родные? Желая Тебе всего наилучшего, главное – крепкого здоровья. Привет дочке и всем, кто около Тебя. Твоя старая подруга Ляля».

Письмо из Обнинска от 12 октября 1993 г. от вдовы Н.В. Лучника:

«Дорогой Сергей Васильевич! Бесконечно благодарю Вас за соблезнование и за добрые чувства к нам. Простите, что делаю это только сейчас, но мне трудно примириться со всем тем, что произошло за последние семь–шесть лет. А примириться необходимо, иначе невозможно жить, тем более что Николай Викторович в течение своей тяжелой болезни мне не единожды говорил, что он всех своих врагов простил от чистого сердца. Он достиг необыкновенной высоты духа в своих страданиях, совершил нравственный подвиг, призывающий нас следовать его примеру. Во время болезни его мозг продолжал думать и творить, как и всю жизнь. Посылаю Вам на добрую память о Николае Викторовиче несколько опусов, продиктованных мне за эти последние годы. (Я уже приводил выше эти стихи – С.В.). Прошу передать мою сердечную благодарность за со-

болезнование А. Позолотину и Шубиным. Всем Вам желаю благополучия во всём. Разрешите мне обнять Вас. Искренне Ваша Надежда Алексеевна».

Имею приглашение от оргкомитета по проведению дня города Екатеринбурга от 21 августа 1993 г.: «Дорогой Друг! Будем рады видеть Вас 21 августа 1993 года на юбилейных торжествах, посвящённых 270-летию г. Екатеринбурга». В приглашении имеется подробная культурная программа дня города, а также спортивная.

От Аллы Морозовой получил в подарок тетрадочку её переводов стихов английского поэта Ogden Nash.

ПАМЯТЬ О ПРЕПОДАВАТЕЛЯХ ЛГУ

16 августа из Шапок мне прислала письмо Лизочка Юстова. Вот оно:

«Здравствуй, дорогой Серёжа! Я закончила свою “летопись” о колориметрии. К ней я изготовила альбом с фотографиями учёных, основателей колориметрии (наших учителей), деятелей постоянной колориметрической комиссии, её председателей, секретарей и членов (представителей промышленности). К альбому прилагаются научные аннотации. Альбом будет размножен. Получилось хорошо. И вот я подумала: нельзя ли поступить подобным образом с теми материалами, которые оставил Миша о наших университетских профессорах и преподавателях? Здесь я, имея опыт, готова проявить активность, но без твоей помощи, я думаю, дело не пойдёт. Нужно написать хороший надлежащий текст. Может быть, ты воодушевишься этой идеей? В Мишиной папке есть все научные аннотации. Я тебе перечислю, что в ней есть. 1. Теоретическая физика в Петербургском-Ленинградском университете. 2. Из университетских воспоминаний. 3. Из студенческих воспоминаний. 4. В.А. Фок и его ученики. 5. В.А. Фок (для обкома КПСС). 6. 80 лет со дня рождения В.А. Фока. 7. Работы В.А. Фока по квантовой механике. 8. Первые Фоковские чтения. 9. Вторые Фоковские чтения. 10. Третьи Фоковские чтения. 11. Роль Д.С. Рождественского в развитии работ по теоретической спектроскопии. 12. То же, что и 11, но второй вариант. 13. Выдающиеся физики – выпускники Петербургского-Ленинградского университета. 14. Виктор Робертovich Бурсиан. 15. То же, что и 14, второй вариант. 16. Фрид-

ман Александр Александрович. 17. Всеволод Константинович Фредерикс. 18. Юрий Александрович Крутков. 19. То же, что и 18, второй вариант. 20. Академик Лев Давидович Ландау (из ЖЭТФ). 21. Юрий Нуут. 22. Татьяна Николаевна Горнштейн. 23. Теоретики ЛГУ в годы ВОВ. 24. Вклад советских учёных в квантовую механику. 25. Из писем И.Е. Тамма к В.А. Фоку. 26. Письмо И.Б. Берсукера в ЛГУ. 27. Письмо К.К. Ребане в ЛГУ.

В этой подборке материала у Миши был свой план – осветить развитие теоретической физики в Петербургском-Ленинградском университете. У меня есть все фотографии и групповые снимки. Подумай об этом, Серёжа, и напиши мне. Не хочется, чтобы вся эта замечательная история стёрлась. Я написала Тане, но потом подумала, что надо непосредственно обратиться к Тебе. Теперь почта работает медленно, и я не ошибусь, если поздравлю тебя с днем рождения сегодня. Моё поздравление придёт как раз вовремя. Желаю тебе здоровья, долголетия и личного счастья. Целую. Лиза.

P.S. Сегодня я побывала в библиотеке Палаты мер и весов (ВНИИМ). Просмотрела все научные журналы и огорчилась тем, что не встретила ни одной известной мне фамилии учёного. С интересом прочла статью-некролог об Н.И. Ионове. Я его немножко знала и слышала о нём самое доброе и хорошее от Миши. Нас остаётся совсем мало. Если будешь в Ленинграде, извести меня. Я приеду повидаться. Ленинград–С. Петербург стал совсем другим и очень чужим. Невский теперь чистый, выметенный, пеэстрит иностранными магазинами и рекламой. Он приватизирован».

Танечка пишет 12 августа из Москвы:

«Дорогой мой Серёжка! Настают такие дни нашей жизни, когда нужно окликнуть друг друга. Ау! Ведь ты остался для меня самым близким другом. И пока ты есть, этот опустевший, неустроенный мир, к которому мы идём в упряжке демократии, не кажется уж таким страшно пустым. Как твоё здоровье? Как душевное состояние? Чувствуешь ли моральную точку опоры или состояние взвешенности? Много вопросов. Ведь мы давно не виделись, и неизвестно, когда ты выберешься в Москву. Прежде всего, быстро пролетает август, и не за горами сентябрь с нашими с тобой знаменательными датами, от которых отсчитываются наши жизненные пути. 2 сентября в семье твоих родителей был счастливый день: “появился сын Сергей!” – хорошенький, удачный мальчик, плод большой и настоящей любви твоих родителей, испытанной многими годами их предсвадебной верности своему чувству. Тогда они ещё не знали,

какой сложный путь приготовила тебе судьба. Но ты прошёл свой путь с честью. В итоге ты возглавляешь огромную семью. Здоровья тебе и радости от любви к тебе всех её членов и от любви твоих друзей.

От Лидии Матвеевны я узнала, что ты на даче ушиб ногу. Серьёзно ли это? Желаю, чтобы от этого у тебя не было серьёзных последствий. Если моё письмо не очень задержится в пути и ты успеешь написать поздравление Павлику к 28 августа, то это было бы очень хорошо. Он очень плохо себя чувствует и морально, и физически, больше лежит в постели, хотя не падает духом настолько, чтобы превратиться в нытика. Он продолжает интересоваться развитием нашей жизни, хотя и не чувствует удовлетворения. 28-го – день его рождения и Золотой юбилей его семейной жизни. Он будет несказанно рад твоей весточке (а у него последнее время так мало радости). Я уже отослала своё поздравительное письмо.

Теперь я хочу сообщить тебе о предложении нам с тобой от Лизы Юстовой. Я звонила Лизочке и разговаривала с ней, прося при случае вашей телефонной связи передать в общих чертах суть этого предложения. Сама же хочу послать в этом письме выписку из Лизиного письма ко мне: «Дорогая моя Танечка! У меня родилась идея, и сейчас её тебе поведаю. Мои дела с изданием летописи о колориметрии идут хорошо. Всё готово: 1) Текст: Путь развития колориметрии в Советском Союзе. 2) Два альбома с фотографиями и подписями. 3) Текст научных аннотаций о колориметриях. 4) Поэма о колориметрии. Мой труд одобрен всеми моими коллегами и даже влиятельным телевизионщиком Новицким Сергеем Васильевичем, который может помочь в его публикации. Теперь я думаю, что, имея такой опыт, я смогла бы вместе с тобой и Серёжей издать аналогичный альбом о наших учителях, используя оставленный мне Мишей материал с научными аннотациями и значительным текстом «Летописи». Я думаю, что никто другой лучше нас этого не сделает. Ведь мы у них учились». Мне это предложение Лизы очень по душе. Я думаю, написанные нами для издания в университете воспоминания мы могли бы использовать для этого труда. Это будет очень добрым и полезным вкладом в нашу забываемую память о наших университетских годах, о наших светлых весенних надеждах и любви ко всему, что перед нами открывалось. Вся жизнь ещё была впереди. Твой уровень научный в таком труде необходим. Я могу дать всем этим сведениям эмоциональную окраску.

Мне Лидия Матвеевна рассказала, что ты обзавёлся ещё одной правнучкой от Саши. Счастлива вам и радости от

этого нового человечка. Очень жаль, что неизвестно, когда мы с тобой увидимся, чтобы все эти вопросы обговорить лично и конкретно. Что было для нас всегда достижимым раньше, то теперь стало труднодостижимой проблемой.

У нас в семье всё благополучно, но трудно. Наука никому не нужна. Нужен бизнес. Мишка бьётся, но пока без особых результатов. Даже намеченные связи с германскими институтами развиваются очень трудно. Ольгушка всей семьёй и в окружении своих духовных друзей поехала снова в Соловки, как в прошлом году. Давно ничего о ней не знаю, писем не получаю. Но буду надеяться, что если нет известий, то всё у них благополучно. Плохие известия всегда стремительны. Сама держусь пока. Но ведь 10 сентября мне исполнится 84 года – ужасный возраст! Слава Богу, голова ещё работает, и есть силы, чтобы одной жить на даче, несмотря на очень неустойчивую погоду. Но дача – моя отрада. Здесь я окружена памятью моих любимых и незабвенных. Ты постарайся мне сообщить, что ты думаешь о Лизинем предложении и о возможных путях его реализации. Я думаю, что, принявшись за эту работу, мы с тобой помолодеем и пообщаемся духовно. Будь здоров, мой дорогой Друг. Таня».

19 ноября 1993 г. снова письмо от Танюши:

«Дорогой Серёжа! Мысленно переживаю вашу встречу на Уральской земле. Оле очень хотелось поехать к вам, познакомиться с твоей семьёй и особенно с Машенькой и её мамой Сашей. Желаю, чтобы эта встреча осуществилась и была бы приятной. А главное, чтобы ты поправился от своей тахикардии. Нам нужно написать наши воспоминания о чудесных университетских годах и отдать дань незабываемому времени. Я посылаю тебе два варианта «наших воспоминаний» с желательным распределением нашего участия в их составлении. Сообщи, какому варианту ты отдаешь предпочтение? А может быть, ты представишь и свой вариант?

Мне очень понравилась статья Миши о нашем выпуске. Он как член комсомольской ячейки много знал и во многом участвовал, например, по сравнению со мной. Я немного сторонилась широкого общения, потому что скрывала своё дворянское происхождение и всегда боялась разговоров, почему я поехала поступать учиться в Ленинград, а не сделала это в Москве? Я ведь только просто, не волнуясь, общалась с Ольгой Рождественской и с моей Лидой Калашниковой. А Надя Романова, которую вместе с Колей Кучеровым направляли в Кузбасс, ратовала за то, чтобы и меня туда направили. Но меня отстоял Ваня Макаров. Так я попала в лабораторию новых источников света Московского

электростанции, где меня встретила моя судьба. Вот, мой дорогой Серёжка! Жизнь прожить – не поле перейти! Теперь уже близится её завершение. Очень много мне удалось встретить хороших друзей. Удалось вырастить хорошую семью. Только не было Наташи (бывшая жена Миши – С.В.), которая тебе очень симпатизирует.

Из разговора с Лидией Матвеевной я понял, что у нее с невесткой обстоит дело хуже. У женщин все эти отношения складываются сложнее, чем у мужчин. Вот и твоя мама старалась часто уезжать из твоей семьи, а папа любил Нюту и помогал по хозяйству, перетирая “ложки, вилки и ножи”. Вероятно, он был очень хороший человек. Вот так я провела почти целый день в общении с тобой – сначала варианты, а потом письмо-воспоминание. Держись, Серёжа! Старайся, чтобы тебя окружали хорошие эмоции. Боюсь, что ты так и не позвонишь Адькиной Жене 16 ноября – в день его рождения. Ну, вот и всё. Твоим домашним мой привет и привет от всей моей семьи.

Пользуюсь такой необычной возможностью: моей школьной подруге Нине Гедрил очень нужны лекарства от больных ног: 1) фторокорт, 2) пироксикам, 3) троксевазин. Если у вас есть что-либо подобное, я буду счастлива облегчить её страдания. Она тебя знает по моим рассказам. Таня».

Вот письмо Тани из Москвы, которое привёз мне Володя, когда он с Наташей приезжал в Екатеринбург. Это письмо я хочу привести здесь:

«Дорогой мой друг Серёжка! Как-то ты там живешь? Как себя чувствуешь? Раньше я могла через Лидию Матвеевну узнать довольно подробно о тебе. А теперь эта связь оборвалась. Разговаривая случайно с твоими сотрудниками, приезжающими в Москву, она узнаёт, что ты бываешь регулярно на деловых совещаниях в университете и как будто стал себя чувствовать получше, но перестал с ней держать регулярную связь. А она сейчас страшно одинока, т. к. похоронила свою последнюю тётку и теперь живёт совсем одна в двухкомнатной своей квартире или днём бывает у сына. Я звонила Лидии Матвеевне два дня тому назад, и мы хорошо с ней пообщались. Позвони ей, голубчик, поддержи её, она всегда так самоотверженно помогала тебе во всех твоих делах. Такая связь поддержит и твой дух, и твоё здоровье. Пока ты живешь, нужно думать о живом и интересном.

Теперь, мой дорогой друг, напишу о себе и моих делах. Оля меня уговаривала тряхнуть стариной и поехать вместе с Володей в Свердловск – Екатеринбург, куда он собирается ехать в первых числах ноября вместе с группой своих сотрудников, и в частности с Мишиной Наташей. Я мог-

ла бы рискнуть на такую поездку. Но с наступлением осени появилась какая-то слабость, стала хуже видеть и потону потеряла прежнюю свою уверенность в физических силах. В моей маленькой семье хорошо, но трудно. А моим спутникам хочется создавать свою жизнь. Здесь главным моим другом, чутким и добрым, стал Мишка. Он нашёл своё счастье, он любит встреченную им довольно поздно женщину. И вместе с тем он глубоко понимает меня. Честь ему и хвала. 17 ноября назначена защита его докторской диссертации. Пожелай ему мысленно удачи и не забывай, что Михаил Георгиевич – это Мишка! Об Олиной семье, я думаю, при встрече тебе расскажет сам Володя. Он уверенно продвигается вверх по православной лестнице. У Кати родилась дочка, которой сегодня, 31 октября, дали имя Евгения в честь и память Катериной бабушки – Евгении Павловны.

Хочу написать и о том, что мне осталось дожить совсем немного воспоминаний о наших университетских годах. Я остановилась на лекциях, которые нам читал Лукирский по курсу “Рентгеновские лучи”. У меня не сохранилось моих студенческих записок по этому предмету. Я только знаю, что это был спецкурс для специальности электрофизиков, но эти лекции посещал весь наш курс. У меня сохранились 2 фотографии, запечатлевшие финальное занятие, на котором Пётр Иванович принимает у нас экзамен сразу, как он прочёл последнюю лекцию. Мы были ошеломлены таким предложением лектора, но всё-таки решили попробовать. А на втором снимке запечатлён момент, когда перед профессором лежит на столе куча уже подписанных наших матрикул. В одночасье мы сдали такой экзамен!!! Весь процесс нашего обучения в университете – это творчество, которое принесло такую пользу нашей Родине! В большей или меньшей степени все выпускники трудились на Её Благо. Если сможешь, пришли мне лекции Птицына и Рубина (только что вспомнила его фамилию) по производству электронных ламп.

Я хочу ещё написать тебе о том, что Володя собирается в своём Богословском институте организовать чтение лекций по истории физической науки. Я хочу ему передать свою библиотеку. Не будешь ли ты против, Серёжа, если я передам Володе конспект твоих последних лекций, которые ты читал в своём университете? Для будущего лектора (а есть такой физик, друг Володи) твой конспект будет хорошим путеводителем для исследования путей развития физики. Я желаю тебе, мой дорогой друг, тряхнуть стариной, приехать в Москву и повидать всех нас, ведь мы тебя очень любим. Таня».

Здесь я хочу изложить два варианта предложений Танюши о плане наших воспоминаний об ЛГУ.

Вариант I плана «статьи воспоминаний о наших учителях», предложенный Е.Н. Юстовой.

Профессора-физики Ленинградского университета – создатели научных кадров в годы становления Советской власти в нашей стране (Авт. М.Г. Веселов, С.В. Вонсовский, Т.П. Козляковская, Е.Н. Юстова).

I. Введение (в духе правоты идей социализма).

Отразить сложность периода индустриализации, в которой преобразовывалась высшая школа по диктату Советской власти. В университет пришла неотёсанная молодёжь от станка и сохи, которую учат высокоинтеллигентные профессора благородного происхождения (из дворян и духовенства), они вначале были мало расположены к Советской власти. Но как благородные люди и истинные патриоты своей Родины они по-отечески отнеслись к нам и старались, не снижая своего педагогического уровня, передать нам свои знания. И тем и другим было трудно преодолевать диктат партийного руководства. Но в процессе общей работы трудности были преодолены (Авт. Юстова, Козляковская).

II. Состояние науки в дореволюционном Петроградском университете.

1. Состав профессуры, учебный процесс. Специализация, выпускники.
2. Состояние физико-математического факультета в годы нашего поступления и учёбы (Авт. Веселов, Вонсовский).
3. Роль Д.С. Рождественского в развитии в университете научного физического эксперимента. Созданный им ГОИ и его связь с ЛГУ.
Крупные физики-экспериментаторы школы Рождественского: Теренин, Гросс, Чулановский, Лебедев, Романова, Раутиан (Авт. Юстова).
4. Роль Д.С. Рождественского в зарождении в ЛГУ теоретической физики. Проповедники новых идей в физике – Фредерикс, Бурсиан, Крутков, Фок, Лукирский, Мандель. Исключительная роль Фока в развитии теоретической физики в Советском Союзе. Наши общения на лекциях, семинарах с Гамовым, Бронштейном, Мюнцем (Авт. Юстова, Вонсовский).

III. Учебный процесс по физике во время нашей учёбы в ЛГУ(1928–1932).

1. Лекции, семинары, коллоквиум перед лабораторными занятиями.
2. Разделение по специальностям на 3-м курсе: а) физики: оптики, электрофизики, теоретики, б) геофизики.
3. Наши профессора общеобразовательных и специальных курсов: О.Д. Хвольсон, П.И. Лукирский, В.И. Павлов, А.Н. Теренин, Б.Н. Делоне, В.И. Смирнов, П.Е. Кочин, Быстров, К.К. Баумгардт, В.И. Крылов, Т.Н. Горнштейн (Авт. Веселов, Вонсовский).

IV. Заключение: Выдающиеся выпускники ЛГУ и их научно-педагогическая деятельность и вклад в науку. Великие открытия советских физиков – результат эпохи (Авт. Веселов, Вонсовский).

V. Приложения: Альбом с фото (Авт. Юстова, Козляковская).

II вариант плана статьи «Повесть об учителях Петроградского–Ленинградского университета».

I. Введение.

1. Научный статус и культура Петроградского университета. Его институты, организация учебной работы, педагогические кадры. Изменения, диктуемые развитием науки конца 19 и начала 20 вв.
2. Имена знаменитых в то время учителей и выпускников Петроградского университета (Авт. Веселов, Вонсовский).
3. Задачи эпохи индустриализации страны, вставшие после Октябрьской революции 1917 г. Основные лозунги о кадрах. Методы разрешения поставленных задач. Бурное развитие физической мировой науки и отражение этого процесса на организации учебных занятий в ЛГУ. Кадры профессорско-преподавательского состава этого времени. Выдающиеся учёные.

II. Воспоминания М.Г. Веселова и Т.П. Козляковской о студенческих годах (1928–1932).

1. Организация учебной работы на 1 и 2 курсах – лекции, семинары, коллоквиумы перед лабораторными занятиями, организация экзаменационных сессий. То же на 3 и 4 курсах. Бригадный метод, отмена семинарских занятий. Бригадная сдача зачётов и экзаменов. Проведение отчётных семинаров. Производственная практика в за-

водских цехах и лабораториях и в лабораториях НИИ. Общественная работа. Военные занятия. Специализация. Выделение гуманитарных кафедр в отдельные институты. Объединение математической кафедры с механической специальностью. Также выделение химической специальности в отдельную кафедру.

2. Специализация.

В связи с бурным развитием теоретической физики встала проблема о специальности теоретической физики и создании отдельной специальности экспериментальной физики по основным двум направлениям: 1) оптика (имелась база в ГОИ) и 2) электрофизика (большие потребности в кадрах заводских лабораторий и НИИ) (Авт. Веселов, Вонсовский, Юстова).

III. Выпускники приёма 1928–1932 гг. Их характеристика.

Научные достижения в решении технических и фундаментальных задач нашей страны. Участие в ВОВ. Патриотические чувства, которые воспитал в нас наш университет. Наши блокадники (Авт. Веселов, Вонсовский).

IV. Торжественные встречи после окончания университета:

- 1) 30-летний юбилей,
- 2) 40-летний юбилей,
- 3) 50-летний юбилей.

Духовная память, альбомы фотографий, поэмы и стихи, посвящённые университету и нашим незабвенным учителям и товарищам (Авт. Козляковская, Юстова).

Последнее письмо Танечки в 1993 г. – от 22 декабря:

«Дорогой Серёжа! На конверте изображён символ приближающегося события, с которым я хочу поздравить тебя и всю твою семью и пожелать вам, конечно, здоровья и нравственной устойчивости в нашей очень неустроенной жизни. Да, конечно, ещё и немного простого человеческого счастья. В чём оно заключается? На это нет однозначного рецепта, для каждого человека и каждого человеческого возраста оно очень многолико, но безусловной его составляющей является – лично для меня – нравственная справедливость. А я последнее время немного её теряю. Я очень рада, что у тебя в гостях побывали Оля и Володя. Рада, что им у тебя понравилось, что они так хорошо были приняты твоей семьёй. Оля мне подробно рассказала и о твоём доме, о твоих родных. Даже о том, сколько хлопот вам доставил их постный рацион. Рассказала и о посещении твоего института, где Володя прочитал лекцию. Хочу попросить тебя поблагодарить твою Зиночку за присланное лекарство. А моя Нинка была просто растрогана такой заботой об её

здоровье. Это наша с Манусей ближайшая школьная подруга. Мы кровью скрепляли свою дружбу – порезали пальцы и на кусочках бумаги кровью писали: “друзья на всю жизнь”.

Мои ребята усиленно работают. Женя теперь тоже устроилась в лабораторию с оборонной компьютерной тематикой и довольна, что у неё появилась жизненная перспектива для творческой научной деятельности. Она думающий и способный человек. А самое главное, что Миша и Женя любят друг друга. Я этому очень радуюсь. Трудно с Димкой, но жизнь без трудностей не бывает. В Олиной семье жизнь шумит в трудах и праздниках. В одном декабре все её трое детей – Катя, Коля и Варя справляли свои именины.

Получаю грустные письма от Лизы. Она сейчас очень одинока в своей семье, потому что её жизненные устои отличаются от приемлемых для её домочадцев. Хотелось бы, чтобы ты написал ей тёплое поздравление. Меня очень приглашает Ия приехать к ней. Я была бы не против принять её приглашение, чтобы воспользоваться пребыванием в Ленинграде и поработать с Лизой над нашими воспоминаниями. Но нужно сказать, что эта утомительная осень и сырая зима как-то не очень хорошо действуют на моё физическое состояние. Пиши, как у тебя движется работа о дорогах наших учителей? Удалось ли тебе что-нибудь написать? Или все выпавшие на твою долю торжества отвлекли тебя от этой работы? Будь здоров, не слабей духом и подольше держись в передовом строю учёных. Самые тёплые поздравления от моих ребят. До свидания. Таня».

19 апреля 1994 г. пришло письмо от Лизы Юстовой в ответ на получение моих «писаний». Вот оно:

«Дорогой Серёжа, сегодня получила твой большой конверт, бегло прочитала текст и спешу тебе об этом сообщить. (Письмо шло 10 дней). Всё изложено научно, правдиво, подробно, обстоятельно. По-моему, ради чёткости текст надо разбить на параграфы, например (но необязательно так): 1. Сведения о состоянии мировой физики. 2. Основатели физики в нашей стране. 3. О возникновении теоретической физики. 4. Особенно выдающиеся основатели школ (Рожественский, Фок и др.) – наши учителя. 5. Кратко о питомцах школ (т. к. не им посвящена повесть) и развитии этих школ.

Введение (оно мне очень понравилось) надо развить, добавив воспоминания Миши и Тани. Отдельно включать воспоминания каждого из авторов, пожалуй, излишне. Вообще достаточно двух авторов: тебя и Миши (только вас двоих знают в науке, мы не интересны), потому что “лето-

пись” получилась как серьёзная научная повесть. Во всяком случае, меня надо исключить из числа авторов. Я ничем не могу дополнить введение и тем более текст, кроме как личными переживаниями, которые никому не интересны. (Ведь повесть об учителях, а не о нас.).

Как видишь, моя рука поправилась. Я восприняла её повреждение как предупреждение Миши: “Не пиши того, чего ты не знаешь”. О школе оптиков не могу написать, потому что не хватает эрудиции и знаний. Это не “летопись” о колориметрии, где я “на коне”. Я не стала бы переделывать воспоминания Миши (если вы хотите поместить их полностью) и не хочу, чтобы это делала Таня. Как написал Миша, так и надо оставить. В данном случае надо не переделывать, а использовать во введении. То же и с воспоминаниями Тани. Фамилию Миши заключить в чёрную рамку и во введении сообщить, что использованы оставленные им материалы. Спасибо тебе, что ты при всей своей занятости и слабом здоровье выполнил этот святой общественный долг. Никто другой на это не способен: старые поумирали, а молодые многого не знают. Надо по мере сил спасать науку, пока её совсем не раздавили. Когда внимательно прочитаю “летопись”, я пришлю тебе свои замечания. Вряд ли они будут существенными. Постараюсь не задерживать. Может быть, полезно приложить литературу с указанием краевольных исследований. Может быть, следует оживить текст портретами и групповыми снимками, краткими аннотациями (биографическими), как поступают за границей, рассказывая о научных деяниях учёных. Это будет полезно при проведении памятных общественных мероприятий. Тут я смогу существенно помочь.

Вторая половина апреля, а метёт, как зимой. Намело толстый слой снега. Природа не поддерживает в нас бодрости духа. Поздравляю тебя с наступающими весенними праздниками и целую. Лиза.

P.S. Желаю тебе здоровья. Не напрягайся непосильно, береги себя. Ты пишешь “Санкт-Петербург” (не как Миша), но перед революцией он назывался просто “Петербург”. Лучше не писать “Санкт”, чтобы не путать нашу современность с далёким прошлым».

Лиза написала мне письмо и 22 июня 1994 г., я его приведу:

«Здравствуй, дорогой Серёжа, ты оперативный. Сначала тебе кое-что поясню. Моя “летопись” предназначена для узкого круга читателей (тираж 30 экз.), только для людей нашего обширного коллектива. Но теперь многие из них приветствуют нас только с того света. 27 февраля на 94-м году жизни умерла основательница колориметрии Лидия Ив. Дёмкина. Твои замечания правильны, но у меня не бы-

ло необходимости писать о широчайших приложениях колориметрии, и можно было не объяснять то, что колориметрия как узко измерительная, но очень важная точная наука составляет только часть науки “цветоведение”. Однако цветоведение без колориметрии не может развиваться и будет опутано психологией. Требования к точности цветных измерений очень разнообразны, в зависимости от задачи. Можно обходиться атласами цветов, но иногда не удовлетворяет и точный компаратор цвета с эталоном, потому что чувствительность глаза к цветовым различиям до сих пор не превзойдена фотоэлектрически. Во многих отраслях промышленности цвет служит косвенным показателем (очень чувствительным) многих других физических свойств предмета и процесса. Но есть такие задачи, где без колориметрии не обойтись. Тут она выступает как наука, предсказывающая события, и решает задачи управления. Например, цветное телевидение, полиграфия, подбор тестов для испытания цветного зрения, т. е. офтальмология, сигнализация и т. п.

Спасибо тебе, что ты так внимательно прочитал мой труд с пониманием дела, но зачем ты меня обидел, назвав его “исповедью”? Исповедь предполагает наличие греха, а я не чувствую никакого греха ни перед наукой, ни перед коллегами, а также институтами, где я работала. Скорее, они грешны предо мной. Но ладно, я это переживу. Что же ты не обмолвился о том, что хочешь сам писать, и не ответил на мои вопросы? Но я тебя извиняю, т. к. понимаю твои прямые заботы и твоё физическое состояние. Я сама стала такая: хочу и не могу, не успеваю. Я послала тебе свою “летопись” для того, чтобы ты понял мои возможности и на большее не надеялся. Для того чтобы осуществить общение, я послала Тане и тебе начало моих воспоминаний Оно продолжается, но ещё в необработанном виде. Побывав в музее истории Петербургского университета, я познакомилась с его главной сотрудницей, многое для себя выяснила и поняла, что это именно то место, куда мы должны направить наши воспоминания. Там они будут интересны, уместны и полезны. Шлю тебе сердечный дружеский привет. Желаю здоровья и творческих сил. Твоя Лиза.

P.S. Я чувствую, что мы с тобой несколько по-разному оцениваем прежнюю и настоящую политическую обстановку. Я смотрю на это дело так: в любой общественной формации дрянь всплывает и командует, а истинные движущие силы (добро) поработаются. По-моему, от неё надо отплывать, а не погружаться. Впрочем, это вопрос сложный, а я не политик и не философ. Я только знаю, что всё время идёт борьба между добром и злом. Обы-

вателю следует себя вести, как петушку в русской сказке. Давайте писать так, как понимает каждый из нас. Целую тебя.*

Дорогой Серёжа, я это написала (по поводу предисловия – С.В.), чтобы определить цель и содержание нашей повести. Это вариант – набросок, который можно переделывать. Напечатала, чтобы был у всех троих. Послала Тане. Меня тяготит то, что мы чётко не договорились о том, как и что писать (нет плана). Желая здоровья и бодрости. Мы должны одолеть эту задачу. Целую. Лиза.

Р.С. Плохо, что у меня не остались написанные вами введения. Фото 23 учителей отпечатаны. Советуюсь с Таней, как расположить в альбоме. Вы с Таней, м. б., считаете, что не надо альбома? А мне кажется, что надо».

29 июня мне написала письмо Танечка, я его привожу:

«Дорогой мой Друг! Давно ничего о тебе не знаю. Как ты там? Весенние и летние дни проходят под осенним флагом. А мы так ждали и весну, и лето! Ведь у нас их впереди осталось немного ... Я живу одна на своей большой даче, хожу по чисто прибранным комнатам, чувствую себя дома и вместе с тем грустно ... Правда, до 17 июня ко мне приезжали на выходные дни Миша, Женя, Дима и Алёша. Но 17-го

* А вот приложение к этому письму Лизы: «ПРЕДИСЛОВИЕ. Авторы этой повести – выпускники 1932 г. Физического факультета ЛГУ – решили рассказать о своей учёбе в ЛГУ, которая интересна в том отношении, что она протекала в период укрепления Советской власти, насыщенный реформами и преобразованиями высшей школы. Мы рассказали о наших профессорах и преподавателях – представителях русской интеллигенции, на плечи которых легла трудная, ответственная задача подготовки научно-исследовательских и преподавательских кадров по физической специальности и создания самостоятельной школы советских физиков. Почти все профессора и преподаватели, портреты которых представлены в прилагаемом к повести альбоме, – это люди высокого научного ранга, учёные с мировым именем. Об этом свидетельствуют их научные труды, написанные о них книги и материалы, хранящиеся в музее истории Петербургского университета. В нашей повести идёт речь о высоких душевных качествах этих людей, об их отеческой заботливости, о высоком сознании общественного долга, об их контактах со студентами – одним словом, о том, что определило успех формирования целого поколения физиков, учёных и исследователей с университетским образованием, к числу которых принадлежат и авторы, вся научная деятельность которых определена влиянием их учителей. В повести рассказано о том, как наши тогда молодые души воспринимали сложную обстановку в стране и в частности в университете, как эта напряжённая повседневная жизнь преломлялась в нашем сознании. “Бытие определяет сознание!”, т. е. мировоззрение профессоров и студентов было определено средой и воспитанием. Все наши профессора и воспитатели были внутренне и внешне интеллигентны, чего нельзя было сказать об их воспитанниках: поступающая в те годы молодежь в преоблада-

Миша улетел в Германию на две недели. 21 июня ко мне на дачу приезжала Оля с Варей. Варя уехала от меня на следующий день в лагерь на Волге, который организован от Володиной церкви. В этот период лета Оля обычно приезжает ко мне. Вот, мой дорогой Серёжка! От Лидии Матвеевны знаю, что осенью ты собираешься ехать в Польшу на конференцию по магнетизму. Наверное, там будешь выступать с докладом, ведь ты в этой области авторитет в мировом масштабе! Только хватило бы здоровья на такую поездку. Как ты себя чувствуешь? Живешь ли на Зининой даче или на той, которую всегда снимаете? Иногда очень хочется, чтобы ты приехал в Москву и побывал здесь у меня. Ведь тут сохраняется бережно и с любовью духовный мир её прежних обитателей, “обитателей проклятого Дома”. Когда меня не будет, конечно, всё будет по-другому, а пока это можно сохранить елико возможно “по-старому”. Я это делаю и чувствую себя именно здесь – Дома. Грустно и вместе с тем хорошо. Видишь, как противоречив человек. Эти два месяца – май и июнь – я ничего не пишу по нашей “Летописи об учителях”. Наша авторская разобщённость не способствует творческим мыслям. Но я хочу завершить свою часть. Тебе Лиза написала о своём посещении университетского музея и беседе с сотрудником, которая там работает. Администрация была бы

дающем большинстве была внешне не отёсанной и не развитой, т. к. была рабоче-крестьянского происхождения. Однако успех образования определился ярко выраженным в ней стремлением к знанию под лозунгом В.И. Ленина: “Учиться, учиться и учиться!” Такая молодежь оказалась благоприятным материалом для воспитателей. Для оценки объективности изложения мы сочли не лишним приложить к нему краткий “*curricula vitae*” наших профессоров и авторов повести, характеризующий их общественное положение. Двое из авторов – Веселов и Вонсовский – известные учёные, о которых написаны книжки. Козляковская и Юстова малоизвестны в университетской среде, поэтому их “*curricula vitae*” написаны подробнее с указанием их научной деятельности. 1928–1932 гг. были кратки, но весьма насыщены событиями. Яркие воспоминания о них сохранились на всю жизнь. Покойный ныне М.Г. Веселов не разлучался со своей Alma Mater всю свою жизнь. Он оставил посмертно папку с подборкой рукописей о физике в университете и своими воспоминаниями, не успев опубликовать задуманное. Материалы этой папки побудили нас к написанию этой повести и в значительной степени легли в её основу. Авторы повести изложили свои воспоминания в присущей каждому независимой манере. Мы торопились, сознавая свой возраст и тот факт, что никто, кроме нас, теперь не выполнит этого, хотя и скромного, но исторического долга. Поэтому читатели должны быть снисходительны к погрешностям в изложении. Мы надеемся, что наш рассказ представит интерес для поступающей в университет обременённой своими новыми заботами молодёжи, которую, быть может, озарят воспоминания о прошлом дорогого нам всем университета. Мы надеемся, что повесть сохранится как память в стенах музея истории Петербургского университета. 14 июня 1994 г.».

заинтересована в нашем материале в том плане, как мы его замыслили выполнить. Лиза уже сделала все нужные нам фотографии. Я сегодня отослала ей письмо. Одобрив её новое предисловие к тому, что каждый из нас напишет о своём пребывании в университете и об этих годах с собственной точки зрения. Мы получаем, таким образом, творческую свободу, а не приглашаем всё под общий стиль. Это придаёт живость и жизненность нашим высказываниям, избавляет нас от рабства и единообразия. Написал ли ты свою часть о твоём личном пребывании в университете – в САГУ и ЛГУ? Ведь это тебе нужно завершить, и тогда ты бы выполнил с лихвой то, за что с радостью брался. А вот тот большой материал, который написан тобой о теоретиках, может пойти отдельно от общей летописи. Ни Лиза, ни я на твоём уровне не смогли написать об оптиках и электрофизиках. У нас не хватает для этого достаточной научной компетентности, хотя Лизу и выбрали почётным академиком в области метрологии за её спектральный атлас цветов. Если выберешь время и силы, то напиши мне или Лизе своё мнение о том, о чём я тебе написала. Держись, дорогой Серёжка! Желаю тебе силы, бодрости и здоровья. Таня».

СМЕРТЬ АНДРЕЯ

Дядя Сея 21 августа 1993 г. написал письмо Зиночке в ответ на её сообщение о кончине Андрюши. Я хочу его привести:

«Дорогая Зиночка! вчера получил от тебя печальное письмо от 12 августа с. г., в котором ты сообщаешь о безвременной кончине своего старшего брата, а моего старшего племянника Андрея. Такая внезапная кончина всегда вызывает большое потрясение у всех близких к нему людей. Судя по тому, что его жена говорила с ним за 15 минут до его кончины, он совершенно не предвидел такого исхода. Вероятно, он сразу потерял сознание и не мог понять, что с ним происходит. Я на 87-м году своей жизни могу только мечтать о такой кончине, но, к сожалению, мои урологические болячки не оставляют мне шансов на такой исход. Самым тяжёлым ударом кончина Андрея будет, конечно, для его последней жены Гали. Она жила за ним, как за каменной стеной, и не раз рожала ему детей, не интересуясь его мнением по этому вопросу. А теперь она осталась одна без образования, без специальности, без возможности получить хорошо оплачиваемую работу, с тремя детьми на руках. По-видимому, тебе

вместе с другими близкими Андрею людьми придётся помочь Гале, особенно первый – самый тяжёлый период после кончины её мужа. Но я знаю тебя, ты всегда была самой активной в нашей семье и умела принимать правильные решения в любой, даже самой сложной, ситуации.

Следующий человек, для которого кончина Андрея безусловно явилась тяжёлым ударом, – это Сергей Васильевич. Ведь он возился с Андреем буквально с пелёнок и в течение многих лет делал всё, чтобы по возможности заменить ему исчезнувшего отца. Я вспомнил сейчас один эпизод, связанный с заботой Серёжи об Андрее. В 1940 г. Сергей Васильевич приехал в командировку в Москву и захватил с собой шестилетнего Андрея. Когда он приехал, я и мой брат Эля уже почти 3 года жили без родителей, и всё наше нехитрое хозяйство вела наша старая няня Маша, о которой ты, вероятно, много слышала. Когда приехал Серёжа с Андреем, Маша прежде всего предложила выкупить ребёнка. Серёжа ответил, что он всегда купает сам и на этот раз тоже обойдётся без чьей-либо помощи. Машу настолько потрясло такое чуткое отношение к ребёнку, отцом которого он не был, что она с тех пор стала считать Серёжу великим праведником и чуть ли не святым. Об этом она неоднократно говорила мне в последующие годы, когда Эля с семьёй уехали из Москвы и только я её навещал до самой её кончины...

Но хватит этих грустных воспоминаний, я надеюсь, что ты скоро мне напишешь не только о похоронах Андрея, но и о своих собственных заботах: как здоровье Шурочки и её маленькой Машеньки? Прояснилось ли что в их дальнейшей судьбе? Ты ведь знаешь, Зиночка, что ты сейчас самый близкий мне человек из всех моих родственников, и все твои дела меня не только интересуют, но и беспокоят. К сожалению, за последние месяцы у меня испортилось зрение. Без моей большой линзы я могу теперь читать только заголовки в газетах. Кроме того, мой и ранее неразборчивый почерк теперь с трудом и сам я разбираю, и поэтому писать тебе письма собственной рукой вряд ли имеет какой-либо смысл. Учитывая это обстоятельство, я решил попробовать напечатать это письмо на пишущей машинке, что и сделала известная тебе Галина Павловна, которой я эту машинку отдал. В последние недели Галина Павловна осталась почти единственной моей помощницей во всех делах нашей теперешней нелёгкой жизни. Моя постоянная помощница в делах питания – Елена Ефимовна, о которой ты знаешь, каждое лето на три месяца выезжает со своими тремя детьми в пионерский лагерь и возвращается только в конце августа. В таких тяжёлых для меня условиях все заботы взяла

на себя Галина Павловна, за что я ей очень благодарен и считаю себя перед ней в неоплатном долгу.

Приедет ли Сергей Васильевич в командировку в Москву в течение сентября? Ведь он остался последней ниточкой, связывающей меня с моими свердловскими родственниками. Ещё раз большое спасибо тебе за твои письма, а также телефонные звонки. Но звонки стали теперь так дороги, и сообщить в них можно так мало, что лучше пиши мне письма, на которые я теперь буду отвечать в напечатанном виде. Передай от меня привет и наилучшие пожелания Сергею Васильевичу, Юрию Алексеевичу и, конечно, Шуручке. Целую тебя крепко. Твой дядя Сея. Е. Шубин. Москва, 21 августа 1993 г.».

ПИСЬМА И СОБЫТИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Первый документ от 1 января 1994 г. – это «Краткий сборник статистических сведений о Российской академии наук 1994». Вот его оглавление: 1. Общие сведения о РАН. 2. Кадры. 3. Распределение научных учреждений и кадров по отделениям РАН. 4. Организация научных исследований. 5. Издательская деятельность. Научная информация. 6. Международные научные связи. 7. Финансирование. 8. Капитальное строительство. 9. Материально-техническое обеспечение. 10. Медицинское и санаторно-курортное обслуживание. Социальная сфера. Приложение. Некоторые статистические сведения о российской науке.

Первое письмо в 1994 г. – от Танюши от 5 января из Москвы:

«Теперь я уже могу поздравить тебя, Серёжа, с наступившим Новым годом! Какова будет его поступь в нашей жизни, трудно сказать, потому что я не усматриваю в ней той основной идеи, которая может быть движущей силой, зовущей к светлому будущему. Что должно облагородить наши стремления и мобилизовать духовные силы? Демократия? А что такое демократия в нашем современном представлении? Жить как на цивилизованном Западе или в Америке? Но там есть только благосостояние, но нет идеи, которая бы повышала наш интеллект. Для чего там живёт человек? Для того, чтобы сытно есть, ездить на машине, иметь хорошее жильё? Но как при всём этом будет трудно умирать, когда ты имеешь так много благ и их нужно покинуть! В жизни каждого человека должен быть духовный стержень, чтобы определять смысл человеческой жизни. В

нашей рыночной, торгашеской ситуации я его не вижу и оскорблена до глубины души насмешками и критикой в адрес моего прожитой жизни. Идея социализма никак не связана с Гулагом. Социализм – это то общественное устройство, которое может обеспечить справедливое распределение материальных благ между людьми. Кто не работает, тот не ест. Но если ты работаешь и работаешь в полную силу, то ты можешь обеспечить своё место в жизни без попираания твоих прав со стороны более привилегированных членов общества. Таким привилегированным классом у нас со времён Екатерины Великой было дворянство. Я сама принадлежала к этому сословию и с папиной, и с маминой стороны, и вместе с тем считала справедливым, что после революции нужно было помочь рабочим и крестьянам тоже получить эту возможность. Поэтому я была согласна с требованиями социального отбора при поступлении в высшие учебные заведения. Моё поступление в Ленинградский университет я расценивала как великое счастье. Поэтому я с глубокой благодарностью вспоминаю пору моих студенческих лет. Не думаю ни о Габриэлове ни о др., а в памяти у меня только мои друзья: Коля Кучеров, Миша Веселов, Ваня Макаров, Лиза, Лида Калашникова, ты и Адька. Ольга Рождественская и Нина Сперанская. Несмотря на тяжёлые личные потери тех лет моей жизни, всё равно я их вспоминаю как драгоценные духовные приобретения.

Я не согласна с тобой, Серёжа, но Гулаг Семёна Петровича заставил и тебя жить интенсивно, именно духовно. Тебе нужно было принимать очень трудные решения: взять на себя громадную духовную и материальную нагрузку и непосильно нагрузить ей же своих родителей. А наше “никчёмное” правительство тоже оценило всё, что ты сделал: открыло тебе путь к профессуре, к Академии. Сколько преданных учёных было облечено этим доверием, сколько учёных было воспитано нашей властью! Вспомни, сколько стран тебе удалось объездить! А я вот была только в Венгрии. Ты несправедлив, Серёжа, и мне это очень грустно, потому что я действительно люблю тебя как человека. Но сейчас я вижу, что оцениваю свой жизненный путь более глубоко, чем ты. Несмотря на высокий рост нашего президента, я считаю его такой маленькой фигурой по сравнению с маленьким, лысым и картавым В.И. История всё расставит по своим местам. “Безумству храбрых поём мы песню”. Этот подвиг мог совершить только русский народ. “Левша” подковал блоху, а она перестала ... “прыгать”. Но все-таки подковал ... и без мелкоскопа ... Я согласна с твоим предложением – писать наши воспоминания об учителях по Мишиным материалам, как ты считаешь нужным. Чу-

десно написана Лизина часть о жизни Миши в семье и об истоках его крестьянских корней. Будь здоров, дорогой. Привет от меня всей твоей семье, особенно Саше, вероятно, потому, что я её видела. Таня».

А вот мой ответ на это Танечкино письмо от 16 января 1994 г.:

«Дорогая Танечка! Уже несколько дней тому назад я получил твое письмо от 5 января. Как всегда, получить от тебя письмо – это для меня душевный праздник. Хотя это твоё письмо, где ты обвиняешь меня в несправедливости к нашему прошлому и утверждаешь, что оцениваешь свое отношение к нему более глубоко, горько для меня. Позволь мне быть вполне откровенным и решительно не соглашаясь с тобой. Ведь твоё письмо, вернее то, что в нём написано о прошлом, это, извини меня, слова раба того ужасного гнёта, который до сих пор ещё действует, и ещё как! Все мы ещё не можем освободиться от этого гнёта, перестать быть его рабами. А ведь нам теперь дана полная возможность этого освобождения. Ведь главная заслуга Михаила Сергеевича Горбачёва именно в том и заключается, что он открыл нам широко двери к духовной свободе, и за одно это ему можно простить все его недостатки, которые также связаны с тем, что он тоже находился в рабстве этой проклятой системы. Самой страшной в ней, в этой системе была всепроникающая ложь во всём, что нас окружало. Начиная с выезда из Швейцарии в запломбированном вагоне этого маленького, лысого и картавого (это твои слова) человека и потом расползания по всей России этой проклятой партии, которая разживалась на немецкое золото. Все эти такие заманчивые лозунги, казалось бы, выпущенные для интересов русского народа, были сплошной ложью, как это раскрыла нам вся последующая жизнь после 1917 года. И этот позорный Брестский мир (который, кстати сказать, был отменён этими проклятыми “империалистами” после разгрома немцев во Франции), бомбёжка Кронштадта, дикий нажим на деревню и жесточайшее подавление русской Вандеи на Тамбовщине – всё это основано на наглой лжи. А как расправлялась так называемая “рабоче-крестьянская власть” с крестьянством и после Тамбовщины – когда погибли миллионы людей по всей стране, когда был искусственно создан голод, доводящий людей до людоедства. Когда умерло пол-Казахстана, пол-Украины. Неужели ты забыла вокзалы Ленинграда, заполненные бежавшими с юга крестьянами от голода и Сибири? Ведь этот лысый и картавый начал кричать о необходимости истребления священников и так называемых “кулаков”, а их ведь были не единицы, а много миллионов, и это были самые крепкие люди в деревне, на труде которых держалось всё богатство стра-

ны – её хлеб. Вот ты говоришь, что в памяти об ЛГУ у тебя только друзья – Кучеров, Веселов, Макаров. Да, они не сделали тебе ничего плохого только потому, что по какой-то случайной случайности на них не было окрика из партиячейки, чтобы исключить из университета затесавшуюся туда дворянку – скрывавшую своё социальное происхождение. И все бы дружно проголосовали за твоё исключение. Как все эти “милые” комсомольцы голосовали за исключение А.Д. Александрова, когда он осмелился что-то не очень почтительное сказать о марксизме. Вот что эта система делала с наукой. Достаточно вспомнить биологию, когда там царил милый власти Трофим Лысенко – это сущий позор. А ведь тысячи рядовых биологов молились на этого проходимца, пославшего на смерть Н.И. Вавилова, который пытался его же вывести в люди. Так же была разгромлена экономика. Ещё при В.И. уничтожили многих учёных этой специальности или выслали насильно за границу. Так же расправлялась эта чудная власть с другими гуманитарными науками и искусством. Всюду ложь и насилие. Вот и в химии начали погром. Хотели его начать и в физике. Но тут пришла на помощь атомная бомба. Буквально накануне открытия разгромной сессии по физике Курчатов позвонил Берия и сказал, что он не ручается за успех своих работ, если эта сессия будет работать. И тогда Берия позвонил Сталину, и тот ему ответил: “Ладно, отмени сессию, пусть сделают бомбу, расстрелять всегда успеем!” И вот этот параноик, у которого, как у мясника, все руки до локтей были в крови, управлял всеми нами, и мы молились на него (вспомни твою маму). Все мы, презренные рабы, до сих пор не можем освободиться от этого рабства. Вот и я подписал письмо Андрею Дмитриевичу Сахарову, это было действие целиком рабское. И то, что я написал в ответ на статью из “Нового мира”, это тоже ещё отрывок от рабства. Может, теперь в общении с людьми такими, как Володя Воробьёв, я найду в себе силы душевные, чтобы изгнать всё рабское, что сохранилось ещё внутри меня.

В чем я согласен с тобой полностью – это в том, что должна быть какая-то идея. Здесь может быть много разных путей. Здесь и наука, и искусство, и религия. Все они ставят свои цели. Самое главное – это чтобы общество было высокоинтеллигентным, вот, наверное, это самое главное, дорогой мой друг Танюша, я всё это написал тебе в результате многих дум, которые я пережил в своей душе за эти дни после получения твоего письма.

Я хочу верить, что наши взаимные исповеди не могут изменить наши отношения с тобой, нашу духовную близость. Ты для меня всегда такой близкий и родной чело-

век. Хочу, чтобы у тебя было спокойно на душе, чтобы ты в своей чудесной семье всегда была центром, связующим всех её членов. Нежно тебя обнимаю и целую. Твой Серёжка».

Я помню, с каким волнением писал это письмо.

19 января Танечка опять мне пишет:

«Дорогой мой друг! Мы с тобой в этом новом году обменялись политическими письмами. Боюсь, что моё письмо тебя неприятно затронуло. Но мы слишком много с тобой пережили в нашей жизни, чтобы не быть откровенными друг с другом. Я боюсь, что ты неправильно понял смысл моей реплики с Гулагом и обиделся на меня. Я думала, что при встрече в Москве в конце января мы обсудим лично этот вопрос. Но сегодня я позвонила по телефону Лидии Матвеевне и узнала, что твой приезд не состоится и личная наша беседа со всеми надлежащими эмоциями откладывается на март месяц. Дай Бог, чтобы ничего не случилось с нашим здоровьем за эту очень трудную зиму. Держись морально и физически, чтобы мы могли с тобой встретиться и обо всём поговорить откровенно и без обид. Ведь каждый из нас выстрадал свою правду всей своей жизнью. Чем больше приходится страдать человеку, тем больше работает он духовно и духовно очищается. В этом смысле я тебе писала о Гулаге. С ним связан твой жизненный подвиг и всё, что ты достиг на жизненном пути – эта награда. Чья награда – только нашего государства или Бога – это нам неизвестно? Но твой жизненный подвиг оценён и государством, ведь сколько созывов ты выдвигался депутатом в Верховный Совет РСФСР, т. е. был облечён таким высоким доверием! Я гордилась тобой и не хочу слышать от тебя злобных речей.

Я бы не хотела никакой другой жизни, чем та, в которой я участвовала и которую прошла, искренне веря в неё. Не могу не признаться тебе, что и сейчас тоже приходится переживать много трудностей в нашей совместной жизни. Но я вижу очень большую заботу от моих детей – любовную заботу. Это помогает не падать духом. Вот, мой дорогой друг! Черкни мне, как продвигается работа над нашими воспоминаниями об университетских учителях? А я напишу об особенностях организации нашего учебного процесса, когда мы учились в университете, нашем отношении к учебным занятиям. По-разному мы воспринимали учебный материал из-за степени своих способностей и запаса знаний, но добросовестность и честность мы всегда проявляли. О практике на заводе и в лабораториях экспериментальных институтов, о большой и трудоёмкой общественной работе, которую мы несли,

например занятия по математике и физике для абитуриентов, направляемых на учёбу с производства, и т. д. И я напишу о наших бытовых условиях, стипендиях, освобождении от платы за обучение и, наоборот, о том, что существовала для некоторых и плата за обучение. Например, я платила 25 руб. в месяц. И я хочу написать о наших встречах после окончания университета. Они освещены в очень хороших стихах Лизы Юстовой и Миши Носкова. Прислала ли Лиза тебе сборник, посвящённый памяти Миши Веселова? Он получился очень хорошим, живым и своеобразным. Думаю, что ты его посмотришь, когда приедешь в Москву. Будь здоров и благополучен. Все наши шлют тебе привет и тебя любят. Таня».

19 января мне написали Женя и Ира Смирновы из Киева. Женя не может придти в себя после кончины Ади. Адя заболел в сентябре 1993 г., но вначале не хотел лечиться. Всё же его вместе с Женей положили в больницу. Ему стало полегче после капельниц. Но 6 декабря в 8 ч. вечера он скоропостижно скончался на руках у Жени. Вскрытие показало, что у него был рак легких. Все коллеги Ади прекрасно к нему относились и много помогли при его похоронах. Женя – достойная дочь отца своего. Уже доктор наук, ведущий научный сотрудник, печатается в иностранных журналах. Её муж тоже доктор наук и прекрасно относится к Женечке. Внук Серёжа с семьёй пока работает в Финляндии. 7 января у него появился сынок, а дочке уже в марте будет 7 лет. Серёжа тоже пошел в деда, как и Ира, по своим способностям. Собирается защищать докторскую диссертацию. Просят передать всем привет и не забывать их и писать.

29 января из Баку мне написал письмо Юханас*. Благодарит за новогоднее поздравление и сам поздравляет с Новым годом. Пишет, что продолжает работать в области магнитных сверхрешёток. Жалуется на трудности с работой, нехватку средств у института на приобретение иностранных журналов. С экспериментальными исследованиями тоже затруднения. Его аспиранты, один из них его сын, хотят поехать в Варшаву на Международную конференцию по магнетизму, но всё будет зависеть от материальных возможностей.

8 февраля 1994 г. на имя Гали Якуниной поступила бумага из горно, что пожертвованные мной игрушки на сумму около 500 тысяч рублей поступили и оприходованы на баланс в детдоме № 9.

* Ю. Сеидов.

С правнучкой Машенькой (1994 г.)

21 апреля мне из Киева пришло письмо от Павлика Зыбина. Он всё болеет, и его жене Лиде приходится много сил уделять уходу за ним и всем домашним заботам, а здоровье её тоже слабое. Он очень грустит, что мы не можем теперь повидаться, а так бы этого хотелось!

А 22 апреля мне написала письмо Надюша. Очень скучает. Жалуется на ухудшение здоровья. От Насти получила посылочку с гостинцами и приглашает на «чаёк», и вообще просит не забывать её.

3 мая мне опять написала Лиза Юстова. Опять хвалит меня за присланную от меня «летопись». Делает ряд полезных замечаний.

14 мая есть от Лизы Юстовой сопроводилетка с моей исправленной ею рукописью «летописи». А 18 мая она послала мне свою копию статьи о колориметрии. 24 мая есть от неё ещё одно письмо, где она сообщает сведения, которые она получила от Людвиг, когда ездила из своих Шапок в Ленинград. А 30 мая Шурик из Харькова прислал мне вырезку из газеты «Вечерний Харьков» со статьёй «Новая версия Чернобыльской катастрофы», где московский геофизик Е.В. Барковский выдвинул сеймотектоническую версию катастрофы.

В июне 1994 г. я получил от Володи Воробьёва буклет о Православном Свято-Тихоновском богословском институте, где он ректор и декан богословско-пастырского факультета. Сам институт был утверждён в марте 1992 г. Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

Получил поздравления с днем рождения от М.А. Белянчиковой, Танечки Козляковской, от редакции «Интерпериодики». Танечкино письмо я хочу здесь напечатать:

«Дорогой Серёжа! Когда я была у тебя в гостинице, то хотела отдать тебе в виде подарка к твоему дню рождения три письма из моего эпистолярного архива. В них ты почерпнешь ту неповторимую душевную ясность, которая соответствовала той поре, о которой мы хотим писать в своих воспоминаниях об университетских годах и о наших учителях. Я приходила к тебе с большим желанием уговорить тебя приехать к нам на дачу с Лидией Матвеевной. Но очень ясно по-

няла, что этот мой «эксперимент» невозможен. Понимаешь, дожив до 85 лет, в душе сохранила ещё избыток авантюристических сил и мечтаний. Но я поняла, что замысел мой невыполним. И стало очень грустно. Я в первый раз почувствовала себя очень старой. Молодые люди, которые пропускали меня в твою обитель, обращались ко мне, называя «бабуля». И какое-то чувство унижения я испытала при этом. Завтра я пойду на почту и отправлю тебе телеграмму. А это письмо ты уже получишь позднее. Я приготовила для тебя в качестве подарка ко дню твоего рождения конфеты из Израила и 3 письма, которые могли бы воскресить в тебе ту доверчивость душевную, свойственную твоей университетской молодости и любви к жизни, не озлобленной Гулагом. Первое письмо написано мне после твоего первого знакомства с «проклятым домом» и его обитателями. Там ты этих времён! Почерпни из него дух того времени – и улыбнись нашей неповторимой юности. Второе письмо ты писал моей маме уже из Свердловска, но перед декабрём. Там описано ощущение «зелёной калитки» и ощущение любви к окружающей жизни без скепсиса, а с верой в справедливость, которая должна существовать в жизни. А третье письмо твоей мамы к моей маме. Я очень жалею, что не познакомилась с ней. В нём очень доверительный разговор – одной матери с другой. Я даже не знаю, ответила ли моя мама на это письмо? Я думаю, что София Ивановна нашла мудрый ответ и оценку случившемуся в те далёкие, далёкие времена. Это письмо должно принадлежать тебе как драгоценная память, поэтому я тебе его посылаю. У нас за плечами долгая жизнь. Так много пережито и перечувствовано, что, пожалуй, нельзя сказать, что она прожита зря. Желая тебе успеха выразить свои мысли и фундаментальное их толкование в своём новом курсе. Хотелось бы, чтобы на это хватило сил и времени. Это интересно. Напиши Лизе. Она обижается, что ты не отвечаешь на её письма. До свидания. Таня».

Боже мой! Какое это чудесное Танечкино письмо, как я ей за всё, всё искренне благодарен. Это действительно мой дорогой и близкий друг всей моей жизни.

28 сентября Танечка опять написала мне вот какое письмо:

«Здравствуй, Серёжа! С большим удовольствием я прочитала листочки конспекта твоей первой лекции для студентов Гуманитарного университета «Современная физическая картина мира». Ты большой учёный, раз смог так просто и последовательно изложить логику физических и математических поисков в создании этой, казалось бы, простой и в настоящее время привычной картины, которая приобрела теперь почти утилитарное употребление. Тебе удалось просто изложить сложную последовательность научных поисков, осмыс-

ливаемых при помощи философии, и историческую последовательность фундаментальных шагов разных учёных, которые шли по этому пути. Я буду тебе очень благодарна, если ты сможешь составлять и для дальнейших лекций такие полные конспекты и один экземпляр присылать мне. Это очень скрасит мою жизнь, в которой, как во всякой человеческой жизни, есть свои трудности, грустные раздумья и естественное одиночество в конце большого жизненного пути. Знаешь, у меня появилась мысль, что твой труд в наше время нужен не только студентам, но и школьникам. Ведь в настоящее время в школе самые нелюбимые предметы для учащихся – это физика и математика, потому что школьники не понимают внутренней логики этих наук. Очень плохие школьные учебники. В них сделана попытка изложить материал на высоком уровне, но с этой задачей авторы не справились и выхолостили живой интерес, заменив его просто заучиванием готовых методов решения задач. А для чего это нужно, никто не понимает и не интересуется этим. Это я вижу по моим внукам и из разговора с посторонними школьниками. В большинстве своём наши дети, общающиеся с телевизорами, отвыкли размышлять, а являются просто собирателями готовой информации. Я подумала, что если не для школьников, то хотя бы для учителей школ было бы полезно знать всё то, чем располагаешь ты, делая глубокие научные обобщения отдельных мыслей и исследований, которые потом создают логический смысл фундаментальных наук. При Володиной церкви есть возможность размножить такой материал. Тогда преподавание этих трудных наук получит более высокий педагогический фундамент. Это пока только мои размышления, которые возникли, когда я вчиталась в тот материал, который ты сам тщательно продумал и выносил.

Я ещё живу на даче. Совсем одна в моих 7 комнатах и на громадном участке, который замечается всё больше и больше золотыми листьями. Грусть в природе и немного на сердце, как будто перед разлукой. Но об этом не нужно думать, а просто жить и чувствовать, что ты живешь, и радоваться этому. День моего рождения 10 сентября в этом году я отметила в большом семейном кругу: семья Оли из 7 человек. Только Володя не смог прийти, очень долго исповедовал свою паству. Но зато прибавился Коля – Катин муж. Была Манусина дочка Лена с мужем и внучкой. Коля с Мирой были очень родственному и очень обрадовались моему приглашению. Много разговаривали о религии. Коля хочет креститься, Мира это уже сделала. Были и мои молочные дочки, с которыми я познакомилась, когда у меня появился мой бедный мальчик – Митенька. Это Таня – очень близкая мне по духу, и Оксана – её сестра, и её дочка Маша. А потом вся моя семья,

С.В. Вонсовский с внуками (1990-е годы)

включая и Алёшку. Вот так, мой дорогой друг. Желаю тебе здоровья и ещё раз здоровья. Написала письмо Лидии Георгиевне Загубской по случаю кончины Лёши. Вот такие дела. Когда приеду в Москву, навещу Германа. Они с Марусей тоже одинокие старики. Вот и всё. До свидания. Таня».

Очень хорошее, как всегда, новогоднее письмо от Танечки из Москвы:

«Дорогой Серёжа! Мира, здоровья и счастья желаю тебе и всему твоему семейству в наступающем 1995 г. от меня и от всех моих многочисленных семей Миши и Оли. Новый год – это традиционный и многообещающий праздник, потому что он планирует события нашей жизни на целый наступающий год! Будем надеяться, что наша с тобой встреча в марте месяце состоится и мы сможем отдать друг другу написанные нами воспоминания об университетских годах и наших любимых наставниках.

В декабре я немного приболела тягучим и длительным гриппом, хотя и без повышения температуры. В эту пору я и получила последний экземпляр твоих лекций, доставивших мне большую радость. Я уверена, что твои слушатели оценили по достоинству всю твою информацию. Она удивительна по своему объёму, по логике и живости изложения. Ощущалась в них радость, что ты передаешь им, твоим слушателям, что-то очень сокровенное для тебя. Я уверена, что это дошло до них и они это оценили, а может быть, и заразились тоже желанием погрузиться в большую науку.

Конечно, так скомпоновать весь этот материал смог только большой учёный, усмотрев для этого внутреннюю глубокую логику изложения. Может быть, ты воспитал в них глубокий интерес к большой науке и свою будущую смену? Ты молодец, Серёжа! Я тебя поздравляю и благодарю за то, что ты всем этим поделился со мной. О квантовании гравитационного поля я никогда не думала, и этот путь постижения устройства Вселенной был для меня некоторым открытием. Но это мне понравилось. Возможность для человечества этим путём открыть замысел Бога – это новая мысль. Верить ли ты сам в неё? Мне лично кажется, что постижение абсолютной Истины научным путём невозможно. Ведь чем точнее ищется решение сложной проблемы, тем больше будет встречаться положений, которые придётся принимать на веру. А вера в Бога – это глобальная вера. Однако блажен, кто верует. Но ведь в скобках сам ты себя спрашиваешь (если Он есть?). А ведь это великий вопрос! Ещё раз желаю сил и бодрости тебе в этом году. Напиши, лучше ли стал видеть твой глаз? По вставкам и исправлениям в тексте твоих лекций мне кажется, что есть улучшение. По давней традиции мы всей семьёй собираемся идти встречать Новый год к Манусиной дочке Лене. Я, может, и хотела остаться дома, но Лена очень просит не нарушать традиций. До свидания. Таня. 26 декабря 1994 г.».

Получил новогоднее поздравление из Польши от Генрика Цофты.

Продолжаю описание событий 1995 г. Письмо от 16 февраля от Танечки из Москвы. Она от Лидии Матвеевны знает, что я попал в больницу. А о себе сообщает, что несколько отвлеклась от своих университетских воспоминаний и подробно описала свою деятельность во время войны. Теперь, закончив эту рукопись, Танюша снова перешла к своей рукописи воспоминаний об университете. Очень надеется увидеться со мной во время общего собрания АН в марте.

25 февраля я получил от сотрудника кафедры физической электроники Политехнического института Н.Н. Петрова институтскую газету от 30 ноября прошлого года, которая целиком посвящена 100-летию со дня рождения Петра Ивановича Лукирского. В газете также помещена выдержка из моей статьи в сборнике, посвящённом М.Г. Веселову, где речь идёт о Петре Ивановиче.

Есть маленькая записочка от Надюши с поздравлением Зиновки с 8 марта.

15 марта получил письмо из Парижа от мадам Парпан. В письме она прислала фото, на котором представлена вся семья: она с супругом и два сына с жёнами и четырьмя детьми – всего

10 человек, можно сказать «великолепная десятка!» Очень хорошо вспоминает о нашей встрече в 1988 г., когда я был на конференции в Париже и навестил их.

4-го марта 1995 г. я получил письмо от Лизы Юстовой:

«Передо мной твоя поздравительная открытка к Новому 1995 году. Только ты умеешь так ласково написать. Спасибо тебе. В ней ты пишешь о кончине Ади и интересуешься выпуском брошюры о Мише. Я тебе посылаю фотографию Миши, которой недостаёт в изданной синей книжечке. Наклей её туда (для порядка). Я обеспокоена состоянием твоего здоровья, Танечка написала, что у тебя почечная недостаточность. Дорогой Серёжа, прости меня за смелость давать советы, но с осторожностью прибегай к помощи врачей, больше надейся на свой организм, т. к. в нём кладёшь запаса, тем более что Бог дал твоему роду долголетие. А ещё сократи своё честолюбие. Не пора ли тебе отдохнуть, ограничиться скромной жизнью? С этой целью я посылаю тебе выдержку из Евангелия. По своей жизни я знаю, что эти слова изумительно правдивы. Приблизь свою любовь к малютке-внучке, которая в ней несомненно нуждается и будет ею освещена на всю жизнь. С осторожностью я хочу тебе сказать, что для поддержки организма очень полезно пить настой из свежей сосновой хвои с мёдом. Танечка – молодец, она упорно продолжает и расширяет свою “летопись”, а я ленюсь, отвлекаюсь на другое. Писание “летописи” – сейчас для тебя самое подходящее занятие. Что касается статьи Миши, то, по-моему, тебе следовало бы написать одну страницу краткого предисловия, в котором изложить обстоятельства издания такого материала, твоё к нему отношение и твои добавления к тексту. Подчёркиваю – не утруждая себя. Мы стары, но над нами (будем считать) не каплет. Я живу спокойно в этом беспокойном государстве. События стремительны. Я душой за Правду, против золотого тельца, который и есть “мафия”. Думаю, что Бог не допустит уничтожить праведный народ, им созданный. Для успокоения души полезно читать Библию. Целую тебя, дорогой наш Друг. Береги здоровье для себя и для нас. Твоя Лиза».

Вот выдержка из Нового Завета, глава 13, 1-е послание коринфянам святого апостола Павла: «1. Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. 2. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. 3. И если я раздам всё имение моё и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею – нет мне в том никакой пользы. 4. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится,

не гордится. 5. Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла. 6. Не радуется неправде, а сорадуется истине. 7. Всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. 8. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. 9. Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем. 10. Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. 11. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал, а как стал мужем, то оставил младенческое. 12. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу, теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. 13. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь, но любовь из всех больше».

9 апреля Надюша опять написала мне. Сообщает, что в этом году получила много ласковых писем от своих бывших сослуживцев. От завода она к 23 февраля получила подарки и от Союза блокадников тоже. В общем, её не забывают, и это очень приятно. А блокадники издали альбом в виде «Книги памяти», и на первой странице портрет Надюши. И когда Надя спросила, почему с неё начали, то ей ответили, что она у них самая старшая по возрасту.

20-го мая письмо от Надюши:

«Милый Серёженька! Как ты теперь себя чувствуешь? И где находишься: дома или на даче? Не холодно ли ещё там? Ко дню Победы я получила 3 награды. От государства юбилейную медаль – 50 лет Победы. От местных властей – комплект постельного белья в красивой упаковке. И от завода – денежную премию довольно большой суммы. Все премии мне принесли домой. Это происходило до праздника. Думала, что кто-нибудь зайдёт. Но, очевидно, народ и гуляния отвлекают. Пользуешься ли ты своим положением почётного пенсионера или нет? Если сможешь, напиши, а если нет, то я прошу Зину сообщить мне по телефону моих соседей по 6 кв. Я договорилась с соседкой Марией Валентиновной. Твое письмо, написанное на машинке, не могла сама прочитать, такой бледный шрифт. Очевидно, очень высохла лента на машинке. Желаю тебе полного выздоровления. Всем членам твоей семьи шлю привет. Тебя целую. Н.Ф.»

29 июня 1995 г. получил письмо от Вити Френкеля. Он пишет, что они с Олей имеют одного внука, сына дочери Таты. А сын Яша не торопится жениться. Сейчас поехал в археологическую экспедицию в Карелию. Витя продолжает свою литературную работу. Был в марте-апреле в Германии, сильно там переутомился. Оля работает, но ей трудно добираться до места своей работы, на двух транспортах. Их физтех влачит жалкое существование. Многие сотрудники уехали за рубеж, например

Миша Клиндер. Очень ждёт выхода английского перевода его книги о папе (Я.И.) в Швейцарии.

Из Американского Физического Общества получил извещения, что вновь избран их членом с 1 июля 1995 г. по 30 июня 1996 г.

30 сентября я послал письмо Армише Стромбергу в Томск:

«Дорогой Армиша! Сердечно поздравляю тебя с твоей замечательной датой – 85-летием твоей жизни. Делаю это с некоторым опозданием, но ты простишь меня великодушно за мою неаккуратность. Но я ведь тоже не молод – 2 сентября этого года я тоже должен был отметить своё 85-летие. Так что мы с тобой однолетки, но всё же я на 17 дней “старше” тебя, и ты передо мной как “молодой мальчик”. В своём описании, которое ты вложил в письме с официальным извещением, ты просишь, обращаясь к коллегам, не уделять внимания “официальщине”, а больше поделиться воспоминаниями о прошлых днях. Что же, я постараюсь это сделать. Когда я вспоминаю далёкое прошлое – начало второй половины тридцатых годов – этот ужасный для всей нашей страны 1937 г., год зверских сталинских репрессий, то я не могу забыть и того, что сделала твоя семья для нас, всех моих близких и меня в том числе. 24 апреля 1937 г. забрали енкаведешники Семёна Петровича Шубина, моего руководителя по науке и моего друга. Забрали, и через год с лишком в ноябре 1938 г. он погиб в колымских гулагах, и его могила неизвестна (мы знаем только место около посёлка Атка на пути от Магадана к Якутску.) Его дочки несколько лет тому назад были там и привезли с собой кусочек этой земли. Этот кусочек мы захоронили в могиле его жены Любови Абрамовны, и теперь это и его могила – для детей, внуков и правнуков. Они стали с тех пор моими – усыновлёнными. И вот почему я не могу забыть твою семью – семью Стромбергов. Потому что это была первая семья, которая не только словами, но и делами не побоялась прийти на помощь семье “врага народа”. Дело в том, что почти вся мебель в квартире Шубиных была казённой, и её, конечно, сразу же забрали. И вот Стромберги из своих вещей снабдили нас мебелью. И кроме того, всячески помогали нашей семье, которая стала моей семьёй. А ведь в семье было двое малышей – Андрей 3 лет и Танечка – около года. А Любовь Абрамовна была беременной. Уже в январе 1938 г. родилась Зиночка. Это последняя дочь Семёна Петровича, теперь живёт со мной, и от неё, как и от всей нашей семьи, я получаю в тысячу раз больше того, что я сделал в 1937 г., приняв эту “вражескую” семью под своё покровительство. Только, видимо, милосердие Бога спасло Любу и меня от Гулага. Вот видишь, Армиша, как нам нужно было сочувствие, действенная помощь от людей в то время. И это мы в первую очередь, без всяких просьб с на-

шей стороны получили от семьи Стромбергов. Разве это можно забыть? И вот сейчас, когда я пишу эти строки, слёзы невольно льются из глаз, слёзы благодарности и любви к вам, нашим истинным друзьям. Как хорошо я помню ваш дом и всю вашу семью. Пусть всем ушедшим в мир иной членам вашей семьи земля будет пухом. Милый мой, дорогой Армиша, мысленно я обнимаю тебя и прижимаю тебя к своей груди и хочу, чтобы то, что вы, ваша семья сделали доброго, воздалось теперь тебе. Крепко обнимаю тебя и целую как любимого брата. Дай Бог тебе спокойных и радостных дней в кругу твоих близких, которым я также шлю свои самые добрые пожелания. Всегда твой Сергей».

20 декабря 1995 г. получил очень большое письмо от профессора Н.Б. Брандта – председателя Учёного совета физики твёрдого тела физического факультета МГУ с информацией о результатах обсуждения на их учёном совете вышедшей недавно в издательстве «Наука» книги А.М. Тишина и О.П. Мартыненко «Физика редкоземельных металлов в области магнитных фазовых переходов». Этим вопросом активно занимался большой коллектив сотрудников, аспирантов и студентов кафедры общей физики естественных факультетов МГУ. Тишин – сотрудник этой кафедры, принимал некоторое малое участие в работах по этой тематике. А Мартыненко вообще там не работал и не имеет ни одной опубликованной работы по данной области. Книга по вине издательства вышла в свет без всякого обсуждения на кафедре, и совет пришел к такому выводу: «Публикация книги А.М. Тишина, О.П. Мартыненко “Физика редкоземельных металлов в области магнитных фазовых переходов” нанесла *серьёзный ущерб правам интеллектуальной собственности и научному приоритету* многих сотрудников физического факультета МГУ и явилась со стороны авторов *грубым нарушением морально-этических норм*, принятых в научном обществе».

Переходим к описанию событий 1996 г.

9 февраля я был приглашён в 16 ч. в Дом кинематографистов на ул. Луначарского, 137 Гуманитарным университетом на презентацию по случаю 5-летнего юбилея университета и его первого выпуска студентов. Университет был зарегистрирован в Ленинском районном совете 27 декабря 1990 г. как первое в Екатеринбурге негосударственное учреждение высшего образования. Президентом университета являюсь я, а ректором – Лев Абрамович Закс, доктор философских наук, профессор. Число студентов на дневных факультетах – 1012, на вечерних – 172, на очно-заочных – 93 и на заочном – 480. Преподавательский состав – 19 докторов наук, 68 кандидатов наук.

От Г.А. Месяца получил приглашение на дружеский ужин Демидовского фонда. Ужин состоится 29 февраля в 18 часов в Екатеринбургском Доме актёра – ул. 8 Марта, д. 8.

Также имеется приглашение от президиума УрО РАН на участие в работе годовичного общего собрания Отделения, которое состоится в актовом зале ИФМ в 10 ч. утра 10 апреля со следующей программой: 1. Об итогах работы в 1995 г. и задачах УрО РАН на 1996 г. Доклад ак. Г.А. Месяца. 2. О работе президиума УрО РАН, доклад д. ф.-м. н. Е.П. Романова. 3. О работах объединённых учёных советов УрО РАН, доклады председателей объединённых учёных советов УрО РАН. 4. О внесении изменений в устав УрО РАН. 5. Выборы.

Получил также письмо из Петрограда от Г.Н. Фурсея, в котором он пишет о своих общественных делах и поздравляет с Новым годом.

От 10 июня получил из Перми приглашение на семинар, приуроченный к празднованию 25-летия со дня основания первого самостоятельного учреждения Академии наук в Перми – отдела физики полимеров, преобразованного в Институт механики сплошных сред УрО РАН. Расширенное заседание учёного совета состоится 28 июня в 13 ч. в актовом зале института по ул. Академика Королёва, 1.

Получил приглашение на общее собрание РАН, которое состоится 29 октября – 1 ноября 1996 г. Начало заседаний в 10 ч. в конференц-зале РАН, Ленинский проспект, 32а, зона «Д», с такой программой работы: 29 октября – О деятельности Президиума РАН за 1992–1996 гг. Доклад президента РАН академика Ю.С. Осипова. Выборы президента РАН. 30 октября – О поправках к уставу РАН, положению об отделениях РАН и основным принципам организации и деятельности НИИ РАН. Доклад академика Ю.А. Осипяна. 31 октября – Проведение общих собраний региональных отделений РАН. 1 ноября – Выборы президиума РАН. Вручение Большой золотой медали РАН имени М.В. Ломоносова 1995 г. и золотых медалей, присуждаемых РАН. Доклад лауреата Большой золотой медали РАН имени М.В. Ломоносова 1995 г. 2 ноября – резервный день.

18 декабря – письмо от Армиши Стромберга из Томска. Он довольно подробно описывает свои достижения за прошлый год. Пожалуй, главное, что он закончил 3-е издание своего учебника «Физическая химия».

23 декабря – целых четыре поздравления: от президента РАН Ю.С. Осипова, от семьи М.С. Свицкого из Челябинска, от Галочки Комар из Петрограда и от Лёвы и Лиды Сироткиных из

Перми. А 24 декабря – ещё больше: 4 письма от Бабаджан из Петербурга, они собираются уходить на пенсию. От Лени Курбатова – на открытке с фото нового театра в Ташкенте на месте бывшего Воскресенского базара. Очень просит зайти к ним, когда я буду в Москве. От Саши Мицека из Киева с надеждой на будущие встречи. И от Вити и Оли Френкелей из Петрограда. Просит заглянуть в № 10 «Звезды», где есть его статья о П.И. Лукирском. Ему понравились воспоминания Жени об Аде.

25 декабря 1996 г. мне опять написала Надежда Андреевна Лучник из Обнинска – уже в ответ на моё поздравление с Новым годом. Она поздравляет меня с окончанием написания моего учебника для гуманитариев.

13 января 1997 г. получил огромное письмо от Ирочки Архаровой из Донецка. Она пишет, что жизнь их – это сплошной кошмар. Папа очень плох. Он совсем не ходит, лежит в постели. Он стал настоящим строптивым ребёнком. Она теперь спит с ним в одной комнате, и ей, бедняге, приходится до 10 и более раз вставать к нему с уткой. К счастью, Ирочке удалось в этом году найти очень хорошую помощницу, которая приходит помогать ей три раза в неделю. Без неё Ира просто бы пропала. Её мучает и нехватка денег на лекарства. Директор физтеха очень хорошо к ним относится, оформил В.И. на работу фиктивно. Чтобы свести концы с концами, Ирочка продаёт книги и вещи. Это только и спасает её от полной нищеты. Я отправил Ирочке перевод, но это ведь капля в море.

14 марта 1997 г. мне пишет В.Г. Барьяхтар из Киева, где сообщает о финансовых делах академика В.И. Архарова. В целом В.И. имеет 200–300 долларов США в месяц.

В конце года получил большое письмо от Ирочки Архаровой из Донецка. Она страшно тоскует по своему папе. Она его сильно любила и была его самоотверженной нянькой много лет. И теперь она пишет, что жизнь для неё стала совсем пустой. Несмотря на всю тяжесть по уходу за тяжело больным В.И., он был для неё самый дорогой и близкий человек. Её письмо – это крик отчаяния. Она подробно описывает его операцию и последние три дня дома. Она просто бесконечно несчастна, и не знаю, чем я могу ей помочь и, вообще, можно ли ей чем-либо скрасить её одинокую жизнь без бесконечно любимого отца. Это ужасная трагедия. Вся её жизнь – это великий подвиг. Бедная моя, бедная Ирочка, дай Бог тебе как-то успокоиться.

20 февраля ещё 1987 г. от ЦК профсоюза работников культуры получил удостоверение № 404, что я награждён значком «Отличник культурного шефства над Вооружёнными силами СССР». Это удостоверение случайно попало в архив 1997 г.

15 февраля 1997 г. мне пишут Женя и Ира Смирновы из Киева. Из Екатеринбургa в Киев вернулся Миша Иванов и привёз им хорошие вести от меня. Миша – ученик покойного Ади. Адя его очень ценил. Женя очень благодарит меня, что мы собираемся отметить память об Аде. Она пишет, что институт в Киеве сделал на своём здании мемориальную доску, посвященную памяти Ади. Библиотеку Ади Женя подарила институту. День рождения Ади хорошо отметили, было много его коллег и учеников.

Есть приглашение на конференцию «Интеллигент в провинции», которая состоится 4–5 февраля 1997 г. в Доме кино на ул. Луначарского, 137. В программе есть доклад мой и дочерей: С.В. Вонсовский, З.С. Позолотина и Т.С. Шубина «Приносил всем окружающим его людям наслаждение культурного общения с ними» (штрихи к портрету С.П. Шубина).

15 мая 1997 г. я подписал авторский договор с издательством «Мир» на напечатание статей для «Физического словаря».

В сентябре 1997 г. получил письмо от Лялечки Блех:

«Дорогой Серёжа! Получила твоё письмо, которое шло почти месяц. Мы с тобой знакомы с самого детства. Мама очень любила Софию Ивановну. Помню один из дней рождения моей мамы 17 мая. Во дворе был огромный куст шиповника, под которым поставили столик с огромным блюдом клубники. София Ивановна пришла в гости. Сестра моего отца, тетя Лёля, тоже очень любила твою маму, когда она приезжала в Ташкент, то очень часто бывала у вас дома и меня прихватывала с собой. Тетя Лёля постоянно жила в Петербурге, с ней жила и тётя Августа, которая была в дальнем родстве с твоей мамой. Моя мама, Евгения Ивановна, урождённая Казакевич, была старинного дворянского рода. Отец её вышел генералом на пенсию. В советское время он преподавал в Лефортовском училище. Он принимал участие в русско-японской кампании. Его полк прославился тем, что полковой капельмейстер был автором знаменитого вальса “На сопках Манчжурии”. Когда моей маме исполнилось 10 лет, её мама умерла. Она и её сестра Мария воспитывались в Белостокском институте благородных девиц. Мама получила звание ассистента, сдал экзамены по немецкому языку в Ташкентском университете. Она прекрасно знала французский и немецкий и недурно английский. В детстве она жила в Польше, знала и польский язык. Потом отца перевели в Самарканд. В 1907 г. мама с моим отцом переехали в Ташкент. Школу мама организовала в 1917 г. вместе с Татьяной Николаевной Ивановой. В маминой школе учились три брата Каплан. Помню, что в день каникул я бывала у вас в здании гимназии, и мы там играли. Твоя мама организовала концерты. Ученица твоей мамы Леночка Скачевская взяла меня с собой на

концерт, я была очень довольна. Твоя мама часто прихварывала и во вторую половину дня ложилась в постель, и я часто около неё сидела. Когда вы переехали в Свердловск (Екатеринбург), твоя мама иногда приезжала в Ташкент и иногда ночевала у нас, на улице Гоголя. В этой квартире ты как-то навещал нас. Большое спасибо тебе за письмо. Привет от Эммы и Люси. Желаю тебе здоровья и успехов в написании воспоминаний. Привет твоим родным. Целую тебя. Ляля.

P.S. Немецкая кирха стоит на своём месте. Несколько лет назад там был концертный зал при консерватории. Сейчас немцы установили в ней новый орган».

Получил приглашение билет на встречу с героями Советского Союза и героями Социалистического Труда и кавалерами Орденов Славы, которая состоится 24 октября 1997 г. в 11 ч. в Большом зале Дома профсоюзов, пр. Ленина, 35, с просьбой надеть все ордена.

Есть повестка об очередном заседании научной сессии ООФА РАН 28 октября 1997 г. в конференц-зале Института физических проблем им. П.Л. Капицы.

Есть приглашение принять участие в юбилейном годичном акте Православного Свято-Тихоновского богословского института под председательством Святейшего Патриарха Алексия II. Этот акт посвящён 5-летию этого института. Он состоится 18 ноября 1997 г. в актовом зале МГУ.

Получил свыше 60 поздравлений с Новым 1998 г. От А. Гуревича из Петрограда. Он интересуется, вышла ли из печати моя книга-учебник. В мае будущего года собираются провести очередной 24-й семинар по спиновым волнам, который я начал в Свердловске ещё в 1958 г. Имеется деловое письмо редакции ЖММ от Фримена.

Пришли поздравления от И.Е. Старцевой, тети Нади, С.С. Бараза, С.Н. Иванова, а также от С.П. Капицы и М. Козодаевой. Женя Смирнова из Киева поздравляет с Новым годом и очень приглашает к ним на будущий год, когда будут праздновать в Институте металлофизики 90-летие Ади. Не забыл поздравить и Юра Герулайтис, а также Таммы и Лидия Матвеевна, которая часто вспоминает нашу общую работу с Николаем Николаевичем. Сирота поздравляет и пишет, что «вчера на семинаре приводил некоторые данные и цитаты, включая Брюсовский электрон, из Вашей замечательной книги “Магнетизм элементарных частиц”». Из Киева прислал поздравления Б.П. Патон, Герман и Маруся Рудашевские – из Москвы. Получил письмо с поздравлением от Киры Андреевны Протодьяконовой, она очень рада моему поздравлению, тем более что её все Мишины знакомые сов-

сем забыли. Поздравляет также дочка Сони Мансуровой – Наташа Гжешкевич со своими детьми. Из Ташкента получил открытку с поздравлением от Ильиной Татуси и её сына. Лёня Курбатов прислал мне поздравление на новой ташкентской открытке и пишет: «Пишу Вам на открытке с видом на новый Ташкент, совсем непохожий на тот, который мы знали в молодости. Признаться, Ташкент 20-х годов остался в воспоминаниях ближе моей душе. О себе написать что-либо хорошее не могу. Продолжаю деятельность на том же месте в должности советника. Всегда Ваш. Л. Курбатов». Получил поздравление от академика К.В. Фролова. Поздравляют и Галочка Якунина с Любочкой. Володя Шавров прилагает к своему новогоднему поздравлению письмо, где он пишет: «Мы с Наташей только что возвратились из Казани. Я вместе с Ю. Изюмовым и В. Голенищевым-Кутузовым оппонировал докторскую диссертацию Мансура Хусаинова (“Сверхпроводящие магнитные сверхрешётки”) – в университете на кафедре теоретической физики Б.И. Кочелаева. Мы всё время взахлёб хвалили диссертацию. Сергей Васильевич, я искренне признателен Вам за поддержку моей кандидатуры на летних выборах. Я получил очень приличное число голосов – 11».

Ибрагим Камилов поздравляет и приглашает приехать в гости в Махачкалу. Поздравляют меня и Г.А. Месяц и Ю.С. Осипов. Из Петербурга получил поздравление от Ю.М. Яковлева, его «Домен» ещё дышит!

Получил поздравление от Армиши Стромберга из Томска. Он также прислал мне свой «отчёт», написанный ещё в сентябре 1997 г. Получил также поздравление от Саши Мицека из Киева, из Москвы от Лилечки Горской – дочери Вали Габбиной, от М.Н. Гапченко из Киева, от Тани Мацокиной из Ташкента, от Екатеринбургской госдумы, от Я.П. Силина.

На этом подготовленный самим автором текст воспоминаний заканчивается.

Последний год жизни – 1998 – С.В. Вонсовский посвятил разбору своего объемного архива. У него было много планов: окончательная редакционная правка воспоминаний об учителях ЛГУ, написанных вместе с Лизой Юстовой и Таней Козляковской, работа над учебником по физике для гуманитариев.

12 февраля 1998 г. С.В. Вонсовский в качестве президента Уральского отделения международной общественной организации Лига защиты культуры провел учредительное собрание. Несмотря на занятость и нездоровье, Сергей Васильевич принял активное участие в организации и деятельности Лиги защиты культуры. Он понимал долг об-

щественности в деле защиты культуры, высоко ценил нравственные принципы, заложенные Н.К. Рерихом в «Договоре об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников» – так называемом пакте Рериха (1935 г.). Сергей Васильевич четко обозначил и главное направление деятельности Уральского отделения Лиги с самого начала ее работы: это привлечение молодёжи к защите ценностей культуры и воспитание у молодого поколения ответственности за все поступки и действия.

Документы об учреждении Уральского отделения Лиги защиты культуры пришли из Минюста за день до кончины С.В. Вонсовского – 10 августа 1998 г.

30 апреля 1998 г. Сергей Васильевич выступил на конференции, проходившей в Гуманитарном университете, с речью. Вот её тезисы:

Дорогие друзья!

Сегодня в культурной жизни Екатеринбурга знаменательное событие – впервые в нашем городе Гуманитарный университет (негосударственный) проводит общегородскую научную конференцию на тему: «Российская культура на рубеже пространств и времён». И меня как президента университета попросили открыть эту конференцию.

На этом большом культурном форуме предполагается детально обсудить важные для развития культуры проблемы, имеющие общечеловеческое значение, а также конкретные задачи культурной жизни нашего города.

1. Каким должен быть человек на рубеже приближающегося «стыка» двух тысячелетий? Каков должен быть социально-психологический статус каждого разумного индивидуума человеческого общества?

2. Необходимо очертить важные проблемы, касающиеся философского аспекта культуры, в состав которой входят и наука, и искусство, и образование.

3. Не менее важны экономические аспекты развития культуры общества. Какие у нас существуют противоядия против чисто расчётливой, грубо прикладной экономики? Надо исключить из жизни культурного человека лозунг: «Лишь бы прожить».

4. Также необходима правовая защита культуры нашей Родины, особенно в период переходного строительства всей жизни. Эти важные вопросы перспектив развития требуют скорейшего разрешения.

Желаю от всей души, от всего моего старого сердца большого и плодотворного успеха этому очень важному событию в культурной жизни нашего родного города, которое имеет существенное значение для развития культуры во всей нашей необъятной стране.

Президент Гуманитарного университета С.В. Вонсовский

30 апреля 1998 г., г. Екатеринбург

ПРИЛОЖЕНИЯ

КУРОРТНАЯ ПОЧТА

Кисловодск, 1965 г.

Первое моё письмо от **5 октября**. «Я опять в 3-м корпусе в той же комнате. Одновременно со мной Михаил Николаевич и супруги Шурычки*. Ехал я очень хорошо. До Казани с железнодорожником, а потом до Москвы один. Из Москвы уехал 4-го на “Кавказе” в международном. Получил в Академии путёвку. У Беляева узнал, что номер в “Якоре” мне забронирован. Встретил Евгения Васильевича Трушина. У них в семье большое горе – умер новорожденный сынок. Он довез меня на своей машине до “Якоря”. С бабушкой я договорился встретиться в 5 часов у Сеи на именинах Володи.

Вечером после прогулки в город занялся чтением “Магнетизма” и начал писать раздел статьи для “Handb. d. Phys”. После ужина перед кино посидел с Михаилом Николаевичем и Шурычками. А вот теперь после кино пишу тебе. Очень рад, что Нюточка в порядке, огорчён за Сергуню. Сказала ли Манечка “баба” по телефону? Папочка в своем письме пишет, что они с Надюшей начали готовиться, как отметить восьмую годовщину Мамочкиной кончины. Составили список приглашённых».

16 октября. «Статью для нового издания “Handb. d. Phys.” я пишу вместе с Борей Карпенко. Мы должны представить рукопись в начале 1966 г. Этот раздел, который я хочу здесь написать, одновременно нужен и для моей книги. Работаю по науке я не более 2 часов в день, а то и менее, так что не насилюю себя, а делаю это с удовольствием. Отдых не должен быть пассивным! С Шурычками я всегда приветлив, и мы часто бываем вместе, также и с Михаилом Николаевичем. Пока они все слегка нездоровы и не гуляют. Гуляю я один и проверяю во время прогулок для Сергуна поэму “Соловьиный сад” Блока. Сегодня читал на туристической тропе два новых раздела этой поэмы. Надеюсь, что все мои ненаглядные внучатки теперь здоровы. Так хочется всех их приласкать. Милая меньшая – Машуточка – начала разговаривать.

Это письмо я пишу в перерыве концерта Андронникова. В 1-м отделении он рассказывал о том, как были найдены подлинники рукописи и рисунки Лермонтова в ФРГ и как он принимал в этом самое активное участие. Это было очень интересно и увлекательно. Но, к сожалению, он совсем не прочитал ничего самого Лермонтова, кроме одного вновь найденного стихотворения. Во втором отделении он рассказывал 2 эпизода из своей жизни. Один называется “Римская опера”. Это впечатление о поездке в Италию в 1962 г., второй посвящён эпизоду из его ленинградской жизни – о профессоре Соллертинском, руководителе

* Михаил Николаевич Михеев, Яков Савельевич и Валентина Ивановна Шур.

Ленинградской филармонии. Последнее многим было непонятно. Мне повезло, я слушал многократно выступления Соллертинского в Ленинграде, и мне было всё понятно и интересно. Имитатор он, конечно, великолепный. В общем, я нисколько не жалею, что пошёл, но ожидал несколько иного, чем оказалось.

Получил письмо от Анны Израилевны, у неё всё в порядке. Эля переехал. Но в их 11-этажном доме до сих пор не работает лифт. После ужина было кино – милая комедия “Мосфильма” о таксисте. Сегодня утром только в 7 ч. 30 м. вышел гулять в плаще, так как моросил дождь. Был на приёме у врача – она меня обрадовала, что сердце в норме и давление 130/80, такого я не помню у себя. После врача сходил прогуляться в город и купил себе билет на польский фильм “Пепел и алмаз” на 17 ч. и в киоске на базаре стакан мёда – это уже второй, который я ем с орехами. Польская кинокартина оказалась великолепной и по игре, и по содержанию, но очень тяжелая. Это о времени после войны, когда в Польше всё кипело. Но польские кинематографисты – большие молодцы.

Комету не удалось наблюдать из-за облаков. С Михаилом Николаевичем я вижу каждый день, и мы часто беседуем. Я считаю, что Танюше надо показаться врачу и вообще лучше относиться к своему здоровью. Она же должна помнить о своих малышах».

25 октября. «У нас зима – идёт снег. В субботу ходил за билетом, приеду 31-го поездом № 3/4, вагон СВ. Буду в Москве 1 ноября в 8 ч. 20 м. вечера. День был чудесный, поэтому после этого пошёл погулять. После обеда ходил слушать Журавлёва – он читал рассказы А.П. Чехова. На концерте был с Шурами и Михаилом Николаевичем. В 21 ч. был в кино на итало-испанской комедии “Новый Дон Жуан”. Получил большое удовольствие. У Яши украли из кармана из кошелька билеты на самолёт. Вчера (в воскресенье) прочёл с большим удовольствием “Театральный роман” Булгакова. Добрая и тонкая сатира на МХАТ. Также очень мне понравился очередной польский фильм “Разводов не будет”. Любочка меня глазила, и я последние дни совсем не работаю! Погода испортилась – идёт снег.

Михаил Николаевич исправно бегаёт до Синих камней – сбавил два с половиной кило. А вообще я весь день провёл по обычной программе.

Заканчиваю письмо 27-го числа. Только что вернулся после утренней прогулки. Встретился на прогулке с Шурами и Михаилом Николаевичем. Завтра все земляки уезжают. 27-го вечером был “выходной”, я сидел у себя и читал. За эти дни прочёл две интересные книги. Во-первых, роман молодого английского писателя Десмонда Стюарта “Неподходящий англичанин”. Это о судьбе одного молодого английского парня в некой вымышленной восточной стране (что-то вроде Ирака). Мне этот роман понравился, написан сочными красками и увлекательно. Сейчас этот писатель живёт в Египте, а до этого был учителем английского языка в Багдаде. Потом с неменьшим интересом прочёл роман Генриха Сенкевича “Без догмата”.

Вчера был чудный солнечный день. Но проснулся поздно и поэтому ходил до завтрака недалёко. Перед завтраком сходил взвеситься – прибавил 700 г. Итого 70,7 кг. Толстяк! Около пяти вышел погулять и встретил Михаила Николаевича, с ним прогулялись по парку. Он очень доволен Kislovodskom».

1966 год

«Я уже окончательно устроился. Моя комната № 203 в 5-м корпусе на втором этаже. Очень рад, что присланные мной карандаши детям понравились. Рад, что у Любы есть работа – Танюшина диссертация.

Насчёт банкета я говорил с Михаилом Николаевичем. Он категорически отказывается быть главным организатором, но готов “впрячься” в подготовку. Со слов Герочки Талуца, в этих делах “дока” Галя Гусева. Стоит посоветоваться с ней.

Сейчас читаю стихи Бодлера и прозу Лажечникова. Выучил 4 части из 7 “Соловьиного сада” Блока и повторяю их при одиночных прогулках. Вчера очень хорошо поговорил с Игорем Евгеньевичем*, он живёт на нашем этаже в № 215 рядом с Шурами. Он наслаждается здешним отдыхом. Сегодня Игорь Евгеньевич, Я.Г. Дорфман и я совершили чудесную совместную прогулку по туристической тропе. Обменивались интересными рассказами из своей жизни. В общем, я очень рад, что могу часто общаться с Игорем Евгеньевичем, которого я очень люблю. Погода пока нам благоприятствует».

16 октября. «С земляками я часто вижу. Каждый день в 6 часов собираемся все у Михеевых на арбуз и уминаем вчетвером большой арбуз – я, Яша, Валя и Инна. Михаил Николаевич из-за диабета ест только маленький кусочек. Вчера приглашали Игоря Евгеньевича и Куку (это прозвище Я.Г. Дорфмана – так его звали ребёнком). За пижаму, которую ты шьёшь для меня, большое спасибо. Мне очень не нравится Аликино здоровье. Как прошёл доклад у Зики? Чем окончился визит Нюты к ушнику? Очень меня беспокоит здоровье Танюши. Она теперь мать двух детей и должна заботиться о своём здоровье. Смотрел чудесный фильм с Софи Лорен “Любовь под вязами”. И другой американский фильм “Быть или не быть”. Я воскресил в памяти весь “Соловьиный сад”».

В письме от **18 октября** я отвечаю на Любино письмо от 15 октября: «С Игорем Евгеньевичем мы регулярно гуляем и много разговариваем на разные темы. Он получил письмо от жены, в котором она пишет: внук сказал ей, что у бабушки там есть няня, и Игорь Евгеньевич подтвердил, что такая няня есть, и это я, который следит за ним, чтобы он регулярно гулял и много не курил.

Сейчас во время моих одиночных прогулок мной владеет Блок! Вчера вечером у нас все веселились на американском фильме с Мерлин Монро “В джазе только девушки”. Заказал себе билет на 2 ноября. В Москве буду 3-го вечером. Выеду в Свердловск 5-го днём. Сегодня сюда приехал Кузьма Родионов, а Шуры встретили на прогулке Бархатову».

* Игорь Евгеньевич Тамм.

Своё письмо от **19 октября** я пишу в ответ на Любино от 17 октября: «С Игорем Евгеньевичем продолжаем совместные прогулки. Он много рассказывает об Англии, о Дираке. В общем, я страшно доволен, что он здесь. Мне кажется, что он тоже не без удовольствия переносит моё общество и в шутку называет своей няней (о чём я уже писал тебе). С Шурами и Михеевыми встречаемся каждый день за поглощением арбуза. Любочка, ты не беспокойся насчёт банкета. Я всё устрою с помощью моих ребят-теоретиков». Люба рада за мой отдых, за регулярные встречи с близкими людьми и особенно с Игорем Евгеньевичем.

Был на днях на фортепьянном концерте, программа которого была посвящена целиком Шопену. От Анны Израилевны получил большое письмо и уже ответил на него. Хожу регулярно в кино. За это время посмотрел «Пять миллионов свидетелей» (Чехословакия), и «Париж... Париж», от которого в восторге. Андрюшу поздравляю с днем рождения и крепко его целую. Любочка в письме от 22 октября не устаёт радоваться нашей дружбе с Игорем Евгеньевичем. Она уверена, что и ему приятно моё общество. А в остальном письмо с обычными просьбами и обычными домашними невзгодами. Игорю Евгеньевичу очень понравилось изречение Сергуна о сравнении Слава Богу! и Слава КПСС! В приписочке от 27-го числа пишу, что вчера с удовольствием слушал на вечере стихи Лермонтова и Есенина.

1967 год

Первое моё письмо из Кисловодска, когда ещё были живы впечатления об Армении. «В Армении я еще посмотрел древний центр армянской культуры – монастырь Гегарц, а также Гарни, древнюю резиденцию армянских царей. Вокруг чудная природа. Кроме того, видели чудесный памятник – арку армянскому поэту Чаренцу (он погиб в 1937 г.). Арка расположена на холме. Когда к ней подходишь, то видишь через неё оба Арарата – малый и большой, получается изумительная картина. На фронтоне арки написаны слова из стихотворения Чаренца: “Вершин седей, чем Арарат, свет обойди – подобных нет!” Экскурсия эта доставила нам огромное удовольствие. Очень интересные церкви и склепы, выбитые в скалах. В Гарни сейчас идут восстановительные работы дворца. Вернулись мы после этой поездки к часу дня. Пообедали в столовой около нашей гостиницы. А потом за нами приехал «рафик» от Аганесяна, и мы поехали на станцию космических лучей. Уже в сумерки вернулись к себе в гостиницу. И я решил отдохнуть. Вчера в 9 ч. за мной зашли два армянских физика и Юханас, и мы после небольшого разговора о науке отправились по музеям. Посмотрели выставку керамики и чеканки молодых мастеров, музей Сарьяна и городскую картинную галерею. Везде много красивого и интересного. В 12 ч. 30 мин. из гостиницы на машине уехали в аэропорт. Самолёт взлетел вовремя, и через час мы были в Минеральных Водах. На такси с двумя случайными попутчиками до Пятигорска доехал до своего санатория. Почти сразу встретил Яшу. Мне, оказывается, был приготовлен одноместный номер на первом этаже 5-го корпуса, но его по недоразумению заняли. Поэтому меня временно поместили в 3-м корпусе в

двухместном номере. Ходил с Яшей на вокзал отправить вам телеграмму. По дороге встретили Валю – она ходила на концерт. Вернулись к ужину, после которого посидел у Шурав, а потом в 4-й раз смотрел фильм “Мари Октябрь”, но с тем же удовольствием».

Люба пишет, что звонил Комар и просил поддержать Адриана на украинских выборах. Любе удалось при этом хорошо поговорить с Асей Львовной. Очень обижены Соколовы, что их по возрасту уволили из ИФМ. С Соколовыми, конечно, неприятная история. Но они сами сделали всё, чтобы это так произошло. Мне как-то не жаль Сашу, как я вспомню, что они с Тарасом бегали и говорили, что Марианна скрывает свой 5-й пункт. Это ведь омерзительная подлость, а подлецов жалеть нечего!

«Вчера слушал прекрасное чтение стихов Булата Окуджавы. Читал режиссер местного театра. После концерта посидел у Шурачков – жаль, что они уже уезжают. В столовой я сижу в самой глубинке бокового зала (где бюст Горького). Рядом за столом сидят Шурачки. За моим столом 4 человека. Кроме меня, две женщины из АН СССР. Одна – бывший референт Абрама Фёдоровича по Отделению. Теперь она московский референт академика Лаврентьева. Другая – тоже из Президиума АН. Четвёртого мужчину пока не знаю, откуда он.

Я пока ещё нахожусь в адаптации. Гуляю только по ровным местам, хотя, правда, вчера вечером дошёл до Храма Воздуха и подышал чистым воздухом от Эльбруса, который был весь в облаках. Сегодня с утра было пасмурно, а сейчас вся комната залита солнцем. Уже сдал на почту 10 заграничных поздравлений. Мне надо отправить за границу 61 письмо. Я буду писать ещё 5 дней. А потом возьмусь за наши. Солоухина читаю медленно, но с большим удовольствием. Заниматься и не думал начинать – вот лентяй! Вчера лег спать в 11.30, утром сегодня встал около 8 ч. Позавчера приехал Яков Григорьевич Дорфман».

Погода в Кисловодске стоит прекрасная. Утром пока ещё встаю поздно. Вот сегодня встал около 7 – гимнастика, душ, бритьё, и в 7 ч. 30 мин. я пошёл на прогулку. Вернулся к завтраку, даже успел написать несколько поздравлений к Новому году. У нас вернулась зима. Небо в облаках, идёт снег. Заказал билет на 26-е число, а не на 27-е, чтобы спокойно сделать все издательские дела в Москве. А на 29-е заказал Козыреву билет в Свердловск. Дома я буду 30-го вечером. Насчёт моего режима в январе мы договоримся, когда я буду дома. Мне уже хочется работать над книгой. В эти дни были с Я.Г. Дорфманом в городе в кино. Смотрели японский фильм «Чёрный автомобиль», а у нас – английский фильм «Так держать, медсестра». Это смешная и хорошая комедия. Наш фильм «Зелёная карета» тоже хороший. Ем фрукты, орехи и мёд. В общем, кайфую! Читаю трилогию Мережковского «Христос и Антихрист».

В кино смотрел с великим удовольствием шекспировского «Ричарда III». Здесь опять отдыхает академик Ельяшевич. Он, когда я пришёл в ЛФТИ после окончания ЛГУ, был аспирантом у Якова Ильича Френкеля.

Моё последнее письмо от **25 декабря**. Я очень доволен своим отдыхом, хотя погода в этом году не всегда была хорошая. Но в целом всё было хорошо. Наверное, правильно, что я не работал в Кисловодске, а безмятежно отдыхал. Теперь я думаю о работе над книгой с большим удовольствием. Боюсь только разговора в издательстве о масштабах книги. Я сегодня и завтра закончу все внутрисоюзные поздравления с Новым годом. Под конец я был на двух прекрасных концертах. Один – пианиста из США Эбби Саймона, пианиста высшего класса. Играл очень хорошо и неизбитые вещи. В первой части он играл Баха–Бузони: «Токкату», «Адажио» и «Фугу». Во второй части – Шумана «Арабески» и Шопена – сонату (не ту, в которой похоронный марш). Играл очень хорошо технически и очень поэтично. Особенно мне понравилась соната Шопена. Её играют очень редко, но она не менее интересна и красива по музыке, чем та знаменитая. Во втором отделении он играл «Призраки» Равеля и одну вещь Альбениса в обработке Годовского. Много и очень охотно играл на бис. В том числе и один из моих любимых прелюдов Рахманинова. Он уже не молод, очень скромно и приятно, без всякой важности – это было видно, как охотно он играл на бис. Вчера был на симфоническом концерте. Здесь очень хороший оркестр и дирижёр. Играли 2-ю симфонию Рахманинова, фрагменты из балета «Щелкунчик» Чайковского и из балета Хачатуряна «Спартак». Итак, я завтра уезжаю на экспрессе «Кавказ» в 4 часа дня в Москву.

1969 год

С 15 января по 8 февраля я был в санатории им. Горького в Кисловодске, и у нас с Любочкой была обычная оживлённая переписка.

«Дружочек, мой дорогой и любимый. Ты должна знать, что мои нежность, ласка и любовь и забота к тебе и к детям и ко всем нашим малышам всегда останутся для всех вас такими же, как они были. Я никогда не оставлю ни в радостях, ни в беде. Я всё готов с радостью сделать для тебя и быть тебе верным другом и опорой. Я ведь вместе с тобой радуюсь всем радостям наших ребят, также с болью в сердце встречаю все их горести и неудачи. И мы с тобой должны быть всегда рядом с ними, когда им тяжело. Вот это самое главное, что у нас с тобой в жизни много общих больших вещей, которые делают нашу любовь и дружбу очень крепкой и по-настоящему прочной. Но жизнь, которую каждому суждено прожить всего лишь один раз, всегда оказывается гораздо сложнее, чем мы предполагали. И в неё может прийти что-то такое, что, к сожалению, не всякий может предотвратить или избежать. У каждого человека в жизни есть какая-то своя заветная мечта. К сожалению, она не всегда может быть осуществима, чаще как раз наоборот. Но вдруг, когда она оказывается рядом, то нет сил у многих (не слишком сильных людей, к которым отношусь и я, конечно) не отдаться этой мечте, хотя уже все сроки пройдены и большая и трудная жизнь прожита, и есть большие и глубокие моральные обязанности по отношению к дорогим и бесконечно близким людям. Вот так-то, моя Бынечка дорогая. Если ты найдешь в себе силы принять меня вот таким, какой я есть, и проявить терпимость, то

я буду бесконечно благодарен тебе (может быть, это слово даже не очень точно здесь) и приложу все силы, чтобы быть всегда нежным и ласковым к тебе, чтобы ты чувствовала твёрдую руку друга твоего, который останется рядом с тобой, пока ему не придётся уйти в мир иной. Прости меня, моя родная Бынечка, что я тебе принёс в жизни столько огорчений. Я сам всё хорошо чувствую и понимаю, но не могу ничего изменить. Очень жду всегда твоих подробных писем, которые очень люблю».

Моё большое письмо от **16 января**. «Сейчас 7-й час вечера. Я вернулся с прогулки. Ходил сегодня немного вверх. Дошёл до места перед Храмом Воздуха, где только показывается самая вершинка Эльбруса. Были любимые тобой начала сумерек. На небе сверкала красавица Венера (в ожидании очередных визитёров с Земли). Ветер с гор сегодня, и поэтому воздух необыкновенно чистый и душистый. Дышал во всю мочь, чтобы очистить легкие от всякой нечисти! Сегодня днём в городе смотрел “Мёртвый сезон” – первый класс! Сегодня вечером – танцы. А завтра – “Софья Перовская”».

Со мной за столиком в столовой сидит сын Отто Юльевича Шмидта – Сигурд Оттович и сотрудница Института экономики, которая ходит в гипсе – сломала руку. Второй раз отдыхаю одновременно с Ельшиевичем».

Продолжаю письмо **17 января**. «Только что вернулся с утренней прогулки, собираюсь на завтрак. Погода ясная, но утром был морозец –8! Так что я в пальто чувствовал себя уютно. В Москве в издательстве я хочу поговорить о форме посвящения книги памяти Сени».

У меня ещё как-то не было разговора с Танюшей “за жизнь”. Но она ведь знает, что моё сердце всегда открыто для моих любимых деток! На Бадику они могут всегда надеяться как на верную опору во всех жизненных неурядицах. Ты не представляешь, Любик, какая меня переполняет нежность ко всем нашим малышам, и мы обязаны сделать как-то так, чтобы и Любочка бывала у нас и привыкла бы к нам.

С большим интересом хочу заполнить пробел в моём литературном образовании и прочту “Мелкого беса” Сологуба. Это, конечно, “роман века”, в котором писатель вынес беспощадный приговор тупому мещанству провинциальной царской России времен Александра III. Но и тогда были светлые личности. Это так ярко было показано, например в фильме “Софья Перовская”, который до сих пор стоит у меня перед глазами. “Мелкий бес” – это правда, но не о всей тогдашней жизни, а о большей её части. Глупо порицать Сологуба, что он не привёл в своём романе положительных героев. Это только теперь с тупым упорством требует (да ещё с угрозами) продажная официальная критика обязательно привести что-либо “положительное”».

Вчера с великим наслаждением прослушал передачу о С. Есенине: “Шагане ты, моя Шагане!” Это об истории создания соответствующих стихов о Шагане и знакомстве Есенина с батумской учительницей с таким именем. Вчера же после кино передавали одну из записей концерта Г. Нейгауза.

Вчера очень хорошо поговорил с сыном О.Ю. Шмидта – Сигурдом. Мы с ним обмениваемся впечатлениями об Италии. Он там был в турпоездке в 1960 г. Сигурд – очень милый человек, и с ним приятно пообщаться. Завтра просили с 8 до 9 ч. утра быть в своих палатах, так как будет обход главврача».

В письме от **22 января** я благодарю Любу за присылку куртки и прошу простить меня, что я разворошил её думы. «Таня была моей первой любовью, это ты знала всегда, она любила Юрашу, и она слишком цельный человек, чтобы могла сейчас забыть его и прийти ко мне. Я сам её потерял по своей воле навсегда. У меня к Тане осталось большое и чистое чувство, что не может мешать моей любви к тебе, к детям и внукам. Я очень жалею, что ты сама отказалась познакомиться с Таней. И не надо больше этих мыслей о мечте и т. п., не надо возвращаться к этой теме.

У нас погода резко изменилась. Сильный холодный ветер. Дверь открытой нельзя оставлять, но фрамуга всё равно открыта! Очень часто общаюсь со Шмидтом. Он историк по специальности. Очень образованный, а главное, милейший человек. Кстати, он просил тебе передать привет. Не забудь зайти в парикмахерскую, а оброс очень сильно. Что Сашенька Гусев молчит?»

В своём письме от **24 января** я пишу, что получил Любино письмо от 20 января. Меня успокоил его спокойный тон. И на сердце у меня стало веселей. «Слава Богу, ветер почти утих, и солнышко светит ярко и тепло. Хожу гулять я пока недалеко и невысоко. Сигурд Оттович – очень милый, разумный и широко образованный человек. С ним мне всегда бывает интересно беседовать. Вчера в санатории вечером смотрели лермонтовскую “Бэллу”. От фильма в полном восторге. Завтра хотим с Сигурдом пойти в город на 2 серии “Золотого телёнка”. Вот видишь, какая насыщенная киножизнь. Где уж тут о работе думать? Любочка, моим ласковым словам к тебе ты всегда должна верить, в них я никогда не был лжецом, ибо нежность и ласка сердца моего были и будут всегда для тебя открыты.

Конечно, деде Васе хочется иногда вырваться из стен своей комнаты. И, может быть, надо ему в этом отношении помочь. Ведь тогда и всем будет легче, если он будет как-то отвлечён большим разнообразием своего уже очень однообразного существования. Мне бесконечно жаль его, и так больно видеть, присутствовать при этом процессе затухания человеческой жизни у своего самого близкого человека на земле.

Бынечка, ты не огорчайся, что письма отнимают часть времени от работы над книгой, я ведь не могу их не получать, они мне здесь нужны, как и тебе мои в Свердловске. Зикунка – молодец, иногда она может в таком наивном виде очень сильно подцепить, я её бесконечно нежно люблю с самых первых дней её жизни и всегда восторгался её чудной доброй душой. Ты её поцелуй.

Позавчера мы с Сигурдом после ужина ходили в санаторий им. XX съезда смотреть “Парижские тайны”. А вчера с ним же смо-

трели 2 серии “Золотого телёнка”. Оба фильма прекрасные. Но я согласен с Андрюшкой, что “Золотой телёнок” подёрнут грустью. Кроме того, видели очень весёлую франко-итальянскую комедию “Новый Дон Жуан” с Фернанделем.

Вчера от референта академика Лаврентьева узнал, что только что уехал профессор Рахматуллин, с которым я учился вместе в Ташкенте в САГУ. Мы, конечно, здесь не узнали друг друга. Мне было очень жаль, что я пропустил эту встречу.

Я частый посетитель библиотеки и много читаю. Я очень рад, что Сергуня, несмотря на лютые морозы, храбро ходит в школу. Молодец парень! А 20-я глава постепенно оформляется – это прекрасно! Хорошо, что по уходу за папой как-то у вас организовалось.

Завтра хочу послать телеграмму Нине Васильевне Янус. До сих пор не могу смириться с мыслью, что Рудика нет с нами больше!

Вчера смотрел франко-итальянский фильм “Над нами небо”. Фильм очень хороший, но очень страшный.

Записки “Серого волка” произвели на меня большое впечатление. Но это все-таки не “Один день Ивана Денисовича”. Сегодня после обеда не выдержал и побегал в город смотреть с Жаном Габеном франко-итальянский фильм “Громы небесные”. Жан Габен бесподобен. Завтра у нас показывают “Девуцу Роз Мари”. Его видел, но с удовольствием пойду ещё раз. После завтрака хочу все-таки пройтись по туристической тропе. При прогулках иногда вспоминаю Блока и Гумилёва».

Последнее Любочкино письмо от **3 февраля**. В институте большое несчастье: на охоте Чариков поранил себя в голову. Гера* и Волкенштейн ночью всё нужное для операции повезли в Сысерть. Все потрясены этим несчастьем. С Чариковым всё кончилось. Он погиб. Было сделано всё, что можно было сделать.

1971 год

«Я уже 4-й день в Кисловодске, много гуляю, но пока по горизонту. Был уже 3 раза в кино: На «Королеве Шантаклёр» (я уже писал об этом), в воскресенье с Рябининым смотрели аргентинский фильм “Невиновные” – хороший фильм и по содержанию, и по игре артистов, а вчера смотрели латвийский детектив “Когда ветер и дождь в окно” – очень много автоматных очередей и мало содержания. В библиотеке беру книги для чтения. С увлечением читаю колумбийца Маркеса “Сто лет одиночества”.

Ты напрасно беспокоишься из-за моего нового назначения в связи с организацией научного центра на Урале. Я из института никуда не уйду, и кабинет мой останется на месте. У меня будет твёрдое расписание, где я сегодня! И портрет Сенин останется на своём месте».

На днях в Свердловске был очередной скандал в научном мире. Завалили диссертацию жены Володи Мархасина. Было 10 за и 14 против. Сыграл, конечно, и 5-й пункт. А был заказан банкет в ресторане. Кро-

* Герман Германович Талуц.

ме того, Люба пишет, что молодой Капица – председатель президиума Дальневосточного научного центра – оказался очень пробойным мужиком и выколлотил большие ставки для своего президиума!

«Вчера перед завтраком проводил Руткевичей, они на такси уехали на аэродром. Вчера здесь был грустный день. Умер Абрам Соломонович, у него был инфаркт.

Гуляю пока по тополевой аллее и пикетной дорожке. Завтра я хочу сделать разведочный поход в город на рынок. Во время дневной прогулки я опять с большим удовольствием встретил супругов Капиц. Они в “Красных Камнях” и уже 26-го уезжают. Очень хорошо с ними погуляли и договорились встретиться завтра. С ними мне всегда бывает как-то очень легко и интересно. А вечером у нас в санатории была очень интересная лекция о С. Есенине. Читала местная лекторша из общества “Знание”. Она знакома с сыном поэта и встречалась с Миклашевской. Она показывала фото, которые ещё нигде не опубликованы. В числе их и фото Шагане и Миклашевской (этой “там на севере девушка тоже, на тебя она очень похожа” и, действительно, в этих чудесных двух женских лицах есть что-то неуловимое общее). После лекции (во время которой было прочитано много отрывков из стихов поэта) лектор, отвечая на вопросы, рассказала о всех родственниках поэта. Оказывается, его первый сын от женщины, с которой он не был в зарегистрированном браке (они вместе работали в типографии Сыгина), погиб в 1937 г. А сын от его первой жены Райх жив и пишет книги о футболе. Сейчас готовится академическое шеститомное собрание сочинений Есенина, куда войдёт много ранее не опубликованных писем.

Вчера состоялось моё переселение на стационарное место. Теперь я обитаю на первом этаже в номере 104. Итак, Бынечка, начался наш очередной и так мной и тобой любимый “почтовый роман”, и мы будем с радостью получать наши письма. Бынюшка, родная, я очень люблю тебя, деток и внуков. Забота о всех Вас, моих дорогих, доставляет мне истинное наслаждение. Ты знаешь, что у меня в душе сейчас много тепла и ласки к тебе, и мне хочется, чтобы ты это знала.

Наш стол, наконец, заполнился. Две дамы средних лет и молодой человек. Видно, они из той породы, от которой у жены людоеда болел ночью живот. Потом пошёл в город получить твои очки, но они, оказывается, будут готовы только вечером.

Ремарка я прочёл. Роман героя с Наташей хотя и написан весьма реалистически по-ремарковски, но без тени грязи и низкопробного секса. Ведь эти две тоскующие души нашли друг друга на чужбине, и в своей близости они опять стали людьми, а не какими-то приживалками. И своё чувство к Наташе Росс сохранил и там на родине, где он также не мог найти того, что хотел. Вот ты протестуешь против этих сцен, которые описывает Ремарк. Но почему их надо стыдиться и прятать? Ведь всё зависит от того, грязь это или определённый аспект самых тонких и красивых человеческих переживаний. Ведь всё зависит от того, что лежит в основе – большое и чистое чувство или просто животное влечение. И поэтому всегда в кино меня как бритвой по сердцу эти

гаденькие смешки людей, когда на экране показывают что-либо касающееся этой стороны человеческих отношений. А я всегда смотрю на это с глубоким уважением, если это есть выражение сильного и чистого чувства.

Получил письмо от академиков А.И. Целикова и Л.Ф. Верещагина, которые просят меня приехать в Москву на заседание Комитета и поддержать их работу по экструзии. Но я, конечно, отказался (храбрый заяц!) и ограничился письмом к Целикову, которого уполномочил выступить от моего имени на заседании Комитета. Письмо мне привозил один из кандидатов в лауреаты. Он мне рассказал, что с Украины был плохой отзыв и поэтому работа пока не прошла. Вся надежда на пленум. От нас в этой компании проходит Береснев, а Кузьму они вычеркнули. Поэтому я не очень болею за них».

1975 год

Начинается 1975 год, прошло три четверти XX века! Есть мой бесплатный депутатский авиабилет от 12 января 1975 г.: Свердловск – Минеральные Воды и моё письмо из Кисловодска от **13 января** 1975 г.: «Дорогая Бынечка! Вот уже второй мой день в Кисловодске подходит к концу. Так и не успеешь оглянуться, как придется ехать на аэродром. А я уже начинаю своё бытописание очередной кисловодской эпопеи.

В столовой меня встретила та же диетсестра и посадила меня за столик с сыном Отто Юльевича Шмидта – Сигурдом Оттовичем, который уже один раз был моим соседом. Мы очень хорошо встретились и поговорили. Договорились вечером, после ужина, пойти в Центросоюз в кино (в нашем санатории шёл югославский фильм о войне). Сигурд Оттович дал мне три номера “Нового мира”, в которых я буду читать Богомолова “В августе сорок четвёртого”. В библиотеке взял “Новеллы” Бернарда Шоу. Но пока читать ещё не начал. Сейчас собираюсь на ужин.

Я всё же очень доволен, что приехал сюда. На меня как-то очень хорошо действует вся кисловодская обстановка, в которой как-то очень полно могу отрешиться от всех своих забот. Только что вернулись из Центросоюза – смотрели двухсерийный фильм “Даурия” (с участием Шукшина, его жены и Копеляна), довольно интересно, но немного растянуто. Крепко вас целую, мои дорогие. Очень хочу узнать, как у вас, главное, как здоровье Бынечки и Сашули? Серёжа и Бадика».

«Моя жизнь здесь постепенно входит в обычный размеренный ритм. А по “культурнагрузке” – почти полная выкладка с первого вечера. О первых двух фильмах уже написано в первом письме. 14-го был в городском театре на концерте пианиста Наума Штаркмана, который весь был посвящён Шопену (только на “бис” он сыграл “Аве Марию” Шуберта–Листа и всю “Лунную сонату” Бетховена). Получил большое удовольствие. А вчера со Шмидтом и его знакомой, племянницей Тарле, ходили в новый кинотеатр “Россия” на американский широкоэкранный цветной фильм “Как украсть миллион” со знаменитой очаровательной звездой Одри Хепберн (она играла Наташу в американской версии “Войны и мира”) и её партнёром О’Тулом. Очень весёлый, чис-

то по-французски сделанный фильм. Когда я вчера подходил к “Красным Камням” (помнишь, такая узенькая марсианская дорожка), меня встретила женщина, которая обратилась ко мне со словами: “Сергей Васильевич, а я к Вам!” На моём лице, видимо, отразилось удивление, и недовольство, так как она сразу стала извиняться, что беспокоит меня. Это оказалась физик из МГУ с кафедры К.П. Белова – Свирина. У неё возникли трудности с защитой докторской диссертации, и она хотела посоветоваться со мной. Она сейчас здесь отдыхает в санатории им. Орджоникидзе. Сначала я внутренне здорово злился, но потом постылся (вот, отдых уже казался), спокойно выслушал её и дал ей какие-то советы. На этом мы у тополевой аллеи мирно расстались, и я продолжал свою прогулку. Прочёл Богомолова – остался в восторге. Сейчас начал читать новеллы Шоу. Вчера после ужина, как-то очень хорошо побеседовали с Сигурдом Оттовичем (до простокваши). Он, может быть, в мае приедет на конференцию в Свердловск, и тогда я обязательно познакомлю его с нашей семьей. Он очень приятный человек. Ну, вот пока и всё на сегодняшний день».

Моя киноэпопея продолжается. Сегодня с Сигурдом Оттовичем были в «авангарде» на французском фильме с Жаном Марэ «Парижские тайны» по Эжену Сю.

Когда я здесь люблюсь вечерними закатами, то всегда вспоминаю слова из стихотворения Блока – «и на жёлтой заре фонари!»

Вчера совершил большую прогулку по Косыгинской тропе (он, между прочим, сейчас здесь!) длиной почти в 7 км. Получил совершенно неожиданно открытку от Жени Турова.

В Доме учителя смотрел вторично прекрасный фильм ФРГ «И дождь смывает все следы», а вчера наш фильм с Дорониной «Мачеха», остался доволен. От Богомолова в восторге. Также мне понравился Тендряков и новеллы Шоу. С удовольствием прочёл воспоминания об Анне Ахматовой Маргариты Алигер. Сейчас читаю «Встречи с А. Твардовским» Л. Кудреватых. На очереди журнал «Знамя» с романом В. Липатова «И это всё о нём».

Сегодня перед обедом ходил по Косыгинской тропе (где встретился с её «автором» и мило с ним раскланялись). Потом по туристической тропе дошёл до Малого Седла. Погода сегодня испортилась, но до этого 10 дней она была чудесной. Очень волнуюсь о Любочкиных анализах.

К нам за стол посадили внучку Феликса Кона с ее приятелем, так что теперь стол полностью занят. С большим интересом смотрел польский фильм «Анатомия любви». О нем я забыл написать в прошлом моём письме. Также великолепен с Де Фюнесом французский фильм «Ресторан господина Септима». Вчера ходили большой компанией в санаторий «Узбекистан» и смотрели фильм Шукшина «Печки-лавочки». Кроме него участвуют его жена и две его дочери. Фильм очень умный, и игра безупречна. Гуляю я достаточно. Очень расстроен состоянием здоровья Любы. И очень сержусь на неё, что она так беспечно отнеслась к своему здоровью. Очень соскучился о наших внучках.

Прибалтика, санаторий «Янтарный берег» 1976 год

В октябре началась моя интенсивная переписка с Любочкой из «Янтарного берега», поскольку я изменил Кисловодску и переключился на Прибалтику. Первое моё послание от **1 октября 1976 г.**: «Вот я уже на месте. Сажу в залитой солнцем комнате с открытой дверью на балкон. Сейчас уже около 4 часов. Я уже пообедал и сейчас блаженствую. Опишу всё по порядку.

Итак, вчера состоялся президиум АН и принято решение об организации отдела ИФМ в Ижевске. Всё прошло очень гладко. Доклады-вал сам Анатолий Петрович, его поддержал Прохоров, и потом никаких возражений не было. Мы сразу же после президиума позвонили в Ижевск. Там были страшно рады.

Вещи из гостиницы я с утра взял в машину, Сергун подъехал из МГУ прямо в столовую, где мы и встретились. Приехали мы на Рижский вокзал за 5 минут до начала посадки. Идти до моего вагона № 1 было очень далеко (целых 18 вагонов), так что Сергуня мне очень помог. Он очень хороший мальчик, и я его страшно люблю. Очень рад, что мой приезд для него тоже был приятен. У меня был вагон СВ, ехал я до Риги один в купе. Вечером я выпил чайку и рано улёгся спать, а в 10 ч. 28 м. мы прибыли в Ригу. Утро было абсолютно ясное, хотя и холодное, ночью был морозец, и все поля были покрыты инеем. Меня встретили физики из института, где раньше директором был Кирко, уже ждала машина, и меня в ней довезли до санатория. Это примерно 50 км от вокзала. Договорились, что во второй половине моего пребывания здесь они заедут за мной и я побываю у них в институте.

Здесь меня сразу же поместили в одноместный номер. Моя комната на втором этаже. Весь жилой корпус 6-этажный, белый, окружён сосновым лесом. Корпус столовой, кино и лечебный соединены с жилым корпусом переходами. В 100 метрах за лесом – пляж и море. Я уже перед обедом ходил гулять. После ужина смотрел итальянский фильм “Народный роман” – очень неплохой. Здесь очень хороший кинозал на 400 мест, а отдыхающих только 200. Характерно, что нигде нет очередей. И вообще в санатории необычайно тихо и спокойно. Я живу в отсеке люксов. У меня за столом (нас пока трое) сидит московская пара, которая прожила полсрока. Он цеховский работник по сельскому хозяйству. Приезжал в Свердловск с Никитой Хрущевым на совещание в 1957 г.

Наш санаторий находится на 22-м км от начала Юрмалы, от которого до Риги ещё 8 км. Вчера вечером опять был в кино, смотрел фильм ГДР “Мой милый Робинзон” – тоже неплохо! Очень уж милый артист играет главную роль молодого паренька.

Начал вчера статью об Игоре Евгеньевиче. Написал примерно одну треть нулевого варианта и составил план всей статьи. С чтением пока плохо – совсем нет времени. Еле-еле успеваю прочесть страниц 20 “Рембрандта”. В сегодняшней почте от вас ничего нет. Начинаю немного беспокоиться».

«Последние три дня были у нас пасмурные, но дождей не слишком много. Гуляю я регулярно – 3–4 раза в день по 1,5 и 2 ч. каждый раз, так что морским воздухом пользуюсь вовсю. “Рембрандт” понемногу движется, читаю с удовольствием. Молодец автор, это женщина – Гледис Шмидт, прекрасно и с большой любовью к Рембрандту написанная книга. Теперь у меня совсем другое отношение к этому гениальному художнику.

Гуляю я один и этим очень доволен. Жаль мне, что я забыл взять с собой мою тетрадочку со стихами. Пытаюсь вспоминать их без неё, но многое забыл. В кино хожу регулярно. Посмотрел за последние три дня фильмы “Мой милый Робинзон” (ГДР) – вполне терпимо, “Три секретных письма” (Румыния) – очень остроумная и весёлая комедия, в которой обыгрывается выбор жён и мужей на электронных машинах. Продолжаю с увлечением “прорабатывать” “Рембрандта” – уже перевалил за середину, всё с таким же удовольствием.

Смертью Завойского я был очень огорчён. Мы с ним были знакомы ещё с 1931 г., когда он и я были одновременно на практике в ЦРЛ, только я студентом вместе с Адрианом, а он аспирантом. У него был сильный инфаркт, и после него он очень сильно сдал морально. Редактором УФН он стал недавно, после смерти Шпольского. С Глебом Михайловичем Франком, братом Ильи, который получил Нобелевскую премию вместе с Игорем Евгеньевичем, я познакомился гораздо позже, примерно в 1950 г., когда он приезжал в УФАИ принимать в эксплуатацию бетатрон.

С выборами в Академию пока не ясно, но они будут не раньше конца декабря, т.к. по уставу о них должны сообщить за два месяца до начала.

У меня был в гостях Саша Режепп. Я ему всё показал. Погуляли по пляжу. Я его угостил кислородным коктейлем. Поговорили и о его диссертации. Он попросил 26-го прочитать лекцию для студентов. Во время его визита звонили из Риги из Академии. Мы договорились, что 26-го в 9 ч. 30 мин. утра они заедут за мной и после моего завтрака меня с вещами заберут в Ригу. С утра до обеда я побуду у них, тоже прочту лекцию. А потом перееду в университет и уже оттуда на вокзал. Поезд отходит в 18 ч. 50 мин. Но Саша предложил, что возить будет он меня».

Любочка в своём письме от **16 октября** пишет, что сессию Верховного Совета назначили на 15–16 ноября. Поэтому Люба просит не заезжать в Москву, а прямо ехать в Свердловск. У Любы частые скачки давления, что, конечно, её мучает.

У наших в гостях был Миша Клиnger, он приезжал оппонировать на защиту какого-то сотрудника Циделя. Очень много Люба пишет о глазной “магнитотерапии” и просит меня принять из Ижевска Маргариту Васильевну Зайкову.

Я пишу, что в Москву я должен заехать, но очень прошу Любу не расстраиваться. Это всего на 2–3 дня. Очень меня беспокоят Любины скачки давления, это ведь страшная нагрузка на сердечно-сосудистую систему. Надо бы посоветоваться с врачами, как с этим бороться.

Вчера ездил в Майори. Хотел посмотреть те места, где я был в 1948 г. Но всё так изменилось, что я ничего не узнал! О Режеппе я уже писал в предыдущем письме. С ижевскими медиками я обязательно встречусь и привлеку ещё Яшу.

1978 год

У меня не сохранилась курортная книжка «Янтарного берега» за 1978 г. Но по моим письмам, видимо, начало было 30-го сентября. Это мой третий выезд в Прибалтику. Я понемногу читаю. Прочёл роман Ж. Сименона «Гнев Мегрэ». Сейчас редактирую нашу с Мишей Кацнельсоном статью в «Сборник» памяти Абрама Фёдоровича, о которой меня просила Анна Васильевна.

Аппетит у меня прекрасный, вообще субъективно я чувствую себя совершенно здоровым.

Проводили мою секретаршу Людмилу Ивановну, и заступила новая – Роза Алексеевна. Наш доклад в Москве откладывается на декабрь, и поэтому я заказал себе билет на 25 октября прямо в Свердловск. Да, мне жаль, что Людмила Ивановна уехала, но Розу Алексеевну тоже хвалили. Получил очень хорошее письмо от Жени Турова от 14 октября 1978 г. Вот оно: «Наконец-то собрался написать Вам письмо. Никак не могу войти в нормальную рабочую колею. После выхода на работу (после операции аппендицита примерно через месяц) вдруг простудился и ещё почти две недели сидел дома. Правда, не просто сидел, а, к счастью, много работал, занимался наукой. Так сказать, на законных основаниях отрёшился от всех административных и других ненаучных дел. Какое же это все же удовольствие – заниматься наукой со спокойной душой, не думая больше ни о чём! Даже немного болеть при этом можно. Но вот вышел на работу, и сразу сто забот: и по линии дирекции, и отдела, и университета. Комиссии, заседания и т. п. и т. д. Обо всех институтских делах я Вам писать не буду: новости главным образом приятные. А неприятные Вы и сами знаете. “По науке” я сейчас много читаю и думаю по поводу роли спонтанно нарушенной симметрии (в физике твёрдого тела – это когда симметрия основного состояния ниже симметрии гамильтониана – С.В.). Вы знаете, что спонтанно нарушенные симметрии и калибровочные поля – это сейчас самое живое направление в единой теории элементарных частиц. Мне кажется, что, вернувшись на новом уровне с аналогичными идеями в физику твёрдого тела, можно получить и обыграть много интересного. Конкретно, как я уже говорил Вам, мы решаем сейчас задачи о колебаниях доменной границы с учётом спонтанных магнитострикционных деформаций. В отличие от случая магнитоупругих колебаний в однодоменном ферромагнетике, здесь мы имеем дело с нарушением не вращательной симметрии в основном состоянии, а трансляционной симметрии и трансляционным вырождением основного состояния. Задача оказалась очень интересной и в физическом, и в математическом отношении. Я придумал упрощённый механический аналог этой задачи (стержень со свободно скользящей по нему муфтой, которая в том месте, где она находится, производит деформацию растяжения, расталкивая час-

тицы стержня, я называю это задачей о “сердитой муфте”). Любовь Абрамовна говорила, что Вам отдыхается хорошо (кроме первых дней). Надеюсь, что и оставшиеся дни отдыха тоже будут удачными – что и желаю от души. С сердечным приветом. Ваш Женя».

Ещё одно приятное событие – Пётр Леонидович Капица получил Нобелевскую премию. А я уже три года посылал в Стокгольм поддержку. Я послал ему большую телеграмму и позвонил по телефону. Он сейчас в Барвихе, но референт обещал передать мою телеграмму и привет.

И, наконец, ещё одна сенсация – матч по шахматам выиграл Карпов. Я регулярно хожу в кино. С большим удовольствием посмотрел антинаркотический филиппинский фильм «Убить посредников». Тоже неплохой фильм (Румыния, США, ГДР) по роману Ж. Верна «Пираты Тихого океана». И, наконец, французский шедевр «Доктор Франсуаза Гайан» с изумительной игрой актрисы Жирардо. Неплохое впечатление оставил наш фильм «Странная женщина» и чехословацкий фильм «Наконец мы поняли друг друга» – это о юношеской любви.

1979 год

Первое письмо Любочки от **23 сентября**. Люба желает, чтобы наша переписка продолжалась ещё несколько лет. Радует нас наш переезд (с Шейнкмана на ул. 8 Марта 2, что нам устроил Борис Николаевич. У нас теперь шестикомнатная квартира на 4 этаже). Люба ругает меня и обвиняет в «черве честолюбия», что я согласился быть руководителем УНЦ.

И ещё пять моих писем из «Янтарного берега» – от 25 и 30 сентября и 1, 5 и 11 октября.

25 сентября я пишу, что начал заниматься гимнастикой. Вчера перед ней и после неё снимали ЭКГ, она не изменилась. Уже два раза ходил на массаж. Больше пока из процедур ничего нет. Гуляю с большим удовольствием по пляжу. Погода стоит отличная.

Посмотрел 4 хороших фильма: «Прокажённая» с изумительно красивой актрисой, «Знакомство по брачному объявлению» – Франция с Жирардо, «Сеньор Робинзон» – Италия, чудесная комедия. А вчера сверх программы – три миниатюры по В. Шукшину «Завьяловские чудинки». Сегодня новый фильм США «Канкан». Кроме того, вчера выступал фокусник-иллюзионист.

Я кончил писать статью для молодёжного сборника и посылаю Любе для перепечатки. Хожу исправно на гимнастику, кроме воскресенья. И начал наслаждаться бассейном. Пока плаваю по 5 минут. Гуляю ежедневно не менее трёх раз. Много читаю. Прочёл с большим удовольствием томик рассказов С. Цвейга и «Саламбо» Флобера. За столом у меня милые соседи, и мы часто засиживаемся после «принятия пищи». Как-то наш сосед по столу (он работает в Совмине РСФСР) пригласил нас к себе в номер и угостил домашней смородиновой настойкой – очень вкусной. Каюсь, выпил две (!) рюмочки.

Я, может быть, и консерватор, но мне здесь очень нравится, поэтому пока есть возможность здесь бывать, надо этим пользоваться. Я со-

гласен с Любочкой, что наш переезд с Шейнкмана на 8 Марта внес оживление в нашу семью. Хотя я иногда и взгрустну о Шейнкмана, 108 – квартире, которую я никогда не буду ругать.

В этом году я как-то особенно хорошо наслаждаюсь отдыхом. Я ведь и сам понимаю вред административных нагрузок. Но замену надо найти подходящую, чтобы не нанести удар нашему ИФМ! Никакого «червя честолюбия» у меня нет – только интересы нашего учреждения.

«В кино хожу исправно. Сегодня пойду посмотреть фильм об Алле Пугачёвой.

То, что общее собрание АН перенесли на ноябрь, очень хорошо. О Харькове я не очень жалею, хватит с меня и Мюнхена.

Давление у меня здесь в полной норме – 140/80. В бассейн хожу регулярно. У врача был на приёме 2 октября – всё в порядке. Начал читать Мишину диссертацию. Прогулки у моря в эти дни просто восхитительные – ослепительное солнце и почти полный штиль. Сегодня даже в тени было +17.

Смотрел итальянский фильм де Сика “Поездка”, в главной роли Софи Лорен. Потом смотрел наш фильм “Школьный вальс” – это о современной молодёжи. Потом был египетский фильм “Виват Залата” – вроде пародии на американский вестерн – много стрельбы и драки. Вчера смотрел “Отец Сергей” по Л.Н. Толстому с Бондарчуком в главной роли, мне очень понравился. Сегодня смотрел уже второй раз чудесную французскую комедию “Жандарм женится” с де Фюнесом. Да, ещё смотрел наш фильм “Вас вызывает гражданка Никанорова”. Вот видишь, сколько развлечений. Позавчера был в гостях у З.Д. Когена – хорошо с ним поговорили. Договорился с Ларионовыми, что в воскресенье после завтрака поеду к ним в Ригу. 9-го вечером провожали Элеонору Степановну, распили бутылочку шампанского. Она жила на третьем этаже в двухместном люксе с одной пермячкой, её сослуживицей. Бассейном продолжаю наслаждаться».

1983 год

С 15 октября по 9 ноября я был в «Янтарном берегу», опять у Галины Андреевны. Есть маленькая переписка с моими ребятами: Зикой, Танечкой и Андрюшкой и три моих письма. Начну с самого раннего письма от **17 октября** от Зики: «Дорогой дедушка, здравствуй! Наконец выбрала минутку написать тебе. Страшно была рада услышать твой голос уже с места. И что “бабье лето”, и что встретили прекрасно, что все заказы отступили, хотя бы временно. Будем теперь ждать от тебя писем с содержанием фильмов, и встал в 7.00 и т. д. Господи, какие же мы консерваторы! Надо обязательно, чтобы было, как много лет назад.

У нас жизнь идёт обычным путём. Вчера отметили детям год со дня свадьбы. Саша напечатал много летних фотографий, показывал на проекторе цветную плёнку. В общем, было довольно мило. Кстати, Саша сказал, чтобы мы им пожелали детей, так что у них, видимо, это оказалось большим вопросом».

Вот конец Зикиного письма: «Ну, надо кончать, пора спать. У нас тихо. Анютка ушла на дежурство. Саша большой где-то мечется по

библиотекам. Саша маленькая, сморённая борьбой с жизнью, спит, так же как несчастный А.П. Без тебя, дедуня, неуютно, не одна семья, а две, все едят в разное время. Ты знаешь, как я это не люблю. Целую тебя, жду писем, Зина».

А вот и моё первое письмо от **18 октября**: «Дорогая Зикуня! Вот уже начинается 4-й день отдыха. Эти дни стоит почти полный штиль. После ужина приезжал лектор из общества “Знание” и вспоминал старую эстраду Вертинского, Козина, Церетели и других, пускал пластинки. Потом была и советская эстрада – Утёсов и др. и зарубежные. Было интересно. В воскресенье у меня был “выходной”. Гулял, читал сигнал нашей с Мишей книги (которую баба печатала) и нашёл в ней досадную опечатку. Все мы просмотрели отсутствие половины одной таблицы. Вчера звонил в Москву, но, видимо, уже поздно, исправлять ничего нельзя. В воскресенье было два развлечения. Первое – фильм рижской студии “Помнить или забыть” – тяжёлая житейская драма. В главных ролях Герд, Яковлев и Чурсина. Мне очень понравился (не знаю, что скажет Танюша?). А потом была встреча с композитором Ириной Голубкиной. Она пела свои песни и романсы на свои слова. Сейчас пойду на приём к врачу. Всех люблю и крепко целую. Ваш Деда и Бадика».

Моё письмо от **22 октября**: «Дорогая моя, любимая Зикуня! Вот уже закончилась первая неделя моего пребывания в санатории. Продолжаю свои походы в кино. За эти дни посмотрел очень грустный фильм “Красиво уйти” (США). Это вроде наших «Стариков-разбойников», но гораздо более минорный. Игра великолепная. Потом смотрел прекрасную, весёлую французскую комедию “Он начинает сердиться” (некого было колотить рядом!). Позавчера смотрели нашу картину “Берегите мужчин” (с Куравлёвым) – Танюша бы возмущалась, а я ничего, посмотрел, хотя с предыдущими никакого сравнения. А вот вчера опять первоклассный фильм “Крамер против Крамера” (США). В нём играет чудный семилетний мальчонка, ну просто прелесть. И вообще, все артисты первоклассные. 19-го по радио в каждой передаче последних известий говорили о Постановлении ЦК об УНЦ. И вот позавчера, 20-го, я в “Правде” и в “Известиях” увидел его на месте передовых (!). Звонил в Москву к Жоржику. Это постановление разослали во все республиканские академии, филиалы и центры, сделав его общеакадемическим. Теперь придётся много сил приложить для его реализации.

Сегодня уезжают мои соседи за столом (пара музыковедов, их фамилия Бони!). В библиотеке взял книгу Т. Уайлдера, это том с тремя романами. Я уже прочёл с большим интересом два из них: “Мартовские Иды” – это описание последних месяцев жизни Юлия Цезаря перед его убийством (и ты, Брут!) и “Мост короля Людовика Святого” – это мост через пропасть в Перу, который разрушился и погубило 5 человек, и вот автор исследует их жизни и ставит вопрос, случайность ли это или providence – очень интересная постановка темы. А сейчас с меньшим интересом читаю третий роман “День восьмой” (почти детектив). Ну,

вот и весь мой отчёт № 2. Крепко всех обнимаю, нежно целую и очень люблю. Деда и Бадика.

P.S. Жду твоего письма. Послал карамельки бандеролью для Нютончика».

Есть два письма от Геннадия Ефимовича Горелика из Москвы. Это однофамилец горьковского проф. Г.С. Горелика. Он печатал сам и с В.Я. Френкелем материалы о М.П. Бронштейне. Он очень заинтересовался судьбой Семёна Петровича. Я виделся с ним, и он пишет, что находится «под неослабевающим впечатлением от встречи с Вами, от Ваших рассказов и от замечательного человеческого документа – Ваших воспоминаний. Судьба С.П. Шубина обожгла меня. Я хочу узнать о нем и окружающих его людях побольше и хочу, чтобы об этом узнали другие: по-моему, им – другим – это нужно. Поэтому я хотел бы ознакомиться со всеми возможными материалами и документами, касающимися С.П. Шубина».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С.В. ВОНСОВСКОГО

- 1910, 2 сентября – родился в Ташкенте
- 1928 – закончил среднюю школу им. Песталоцци (Ташкент)
- 1932 – закончил физический факультет Ленинградского государственного университета
- 1932 – инженер теоретической группы Уралфизтех
- 1939 – защитил кандидатскую диссертацию
- 1940 – старший научный сотрудник Уралфизтех
- 1942 – защитил докторскую диссертацию
- 1944 – заведующий кафедрой теоретической физики УрГУ
- 1946 – награждён орденом Красной Звезды
- 1946 – назначен заведующим теоретическим отделом Института физики металлов (ИФМ, бывший Уралфизтех)
- 1950–1991 – заместитель директора ИФМ по научной работе (с небольшим перерывом)
- 1953 – избран членом-корреспондентом Академии наук СССР
- 1955–1998 – главный редактор журнала «Физика металлов и металловедение»
- 1963–1971 – депутат Верховного Совета РСФСР, председатель ГКНТ
- 1966 – избран действительным членом Академии наук СССР
- 1969 – присвоено звание Героя Социалистического Труда
- 1969 – награждён орденом Ленина за заслуги в развитии советской науки
- 1971–1985 – председатель президиума Уральского научного центра Академии наук СССР
- 1975 – присуждена Государственная премия за монографии «Магнетизм» и «Магнетизм микрочастиц»
- 1975 – награждён вторым орденом Ленина в связи с 250-летием Академии наук
- 1980 – награждён третьим орденом Ленина в связи с 70-летием
- 1982 – в составе коллектива ученых получил Государственную премию за работы в области физики твердого тела
- 1982 – награждён Золотой медалью им. С.И. Вавилова

- 1991 – избран почётным президентом Гуманитарного университета
- 1993 – лауреат Демидовской премии
- 1998 – председатель Уральского отделения Лиги защиты культуры
- 1998, 11 августа – умер в Екатеринбурге

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ С.В. ВОНСОВСКОГО

- Вонсовский С.В., Смирнов А.А. Об электрическом сопротивлении при низких температурах // ЖЭТФ, 1933. Т. 3. С. 361; Sow. Phys., 1934. Т. 5. С.115.
- Schubin S., Wonsowsky S. On the electron theory of metals // Proc. Roy. Soc., 1934. V. A 145. P. 159–180.
- Шубин С.П., Вонсовский С.В. Об обменном взаимодействии // ДАН СССР, 1934. Т. 1. С. 449–454.
- Schubin S.P., Wonsowsky S. Zur Elektronentheorie der Metalle. I. // Zs. Sow. Phys., 1935. Bd 7. S. 292–328.
- Schubin S.P., Wonsowsky S. Zur Elektronentheorie der Metalle. II. // Zs. Sow. Phys., 1936. Bd 10. S. 348–377.
- Янус Р.И., Вонсовский С.В. О методике испытания трансформаторной стали // Вестн. электропромышленности, 1938. № 12. С. 28.
- Вонсовский С.В. К теории технической кривой намагничивания в ферромагнитных монокристаллах // ЖТФ, 1938. Т. 8. С. 1808.
- Вонсовский С.В. Температурная зависимость магнитной анизотропии монокристаллов кобальта // ЖЭТФ, 1938. Т. 8. С. 1104.
- Вонсовский С.В. Приближённая теория поведения системы взаимодействующих электронов в кристаллической решетке: Дис. ... канд. физ.-мат. наук. Л., 1939 (Ленинградский индустриальный институт).
- Вонсовский С.В. К теории технической кривой намагничивания // ЖТФ, 1939. Т. 9. С. 1151.
- Вонсовский С.В. О сопротивлении металлов при сверхнизких температурах // ЖЭТФ, 1939. Т. 9. С. 154.
- Вонсовский С.В. Энергия магнитной анизотропии и критическое поле ферромагнетиков, охлажденных в магнитном поле // ЖЭТФ, 1939. Т. 9. С. 702.
- Вонсовский С.В. О ферромагнитной и парамагнитной точках Кюри ферромагнетиков // ДАН СССР, 1940. Т. 276. С. 550.
- Вонсовский С.В. Об анизотропии коэрцитивной силы монокристаллов, охлажденных в магнитном поле // ЖЭТФ, 1940. Т. 10. С. 451.
- Вонсовский С.В. К квантовой теории магнитострикции ферромагнитных монокристаллов // ЖЭТФ, 1940. Т. 10. С. 762.
- Вонсовский С.В. Обобщение теории Гейзенберга–Блоха на случай бинарных сплавов // ДАН СССР, 1940. Т. 26. С. 564.
- Смирнов А.А., Вонсовский С.В. Влияние дальнего порядка в сплавах на рассеяние ленных нейтронов // J. Phys., 1941. V. 5. P. 263.
- Вонсовский С.В. Ферромагнетизм: Дис. ... докт. физ.-мат. наук. ЛФТИ. Л., 1942.
- Вонсовский С.В. Об обменном взаимодействии s - и d - электронов в ферромагнетиках // ЖЭТФ, 1946. Т. 16. С. 981; J. Phys., 1946. V. 10. P. 468.
- Вонсовский С.В. Вывод кинетического уравнения в квантовой механике // ЖЭТФ, 1946. Т. 16. С. 908; J. Phys., 1946. V. 10. P. 360.
- Вонсовский С.В., Шур Я.С. Магнитное дефектоскопирование корпусов артиллерийских снарядов. М.: Изд. АН СССР, 1946.
- Вонсовский С.В. Электрические свойства ферромагнетиков // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1947. Т. 11, № 6. С. 617–622.
- Вонсовский С.В. Физика магнитных явлений // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1947. Т. 11. С. 463.
- Вонсовский С.В. Критерий ферромагнетизма // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1947. Т. 11. С. 447.
- Вонсовский С.В. Ферромагнетизм как проблема упорядочения // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1947. Т. 11, № 5. С. 485–486.
- Вонсовский С.В. Влияние слабых упругих напряжений на начальную обратимую восприимчивость ферромагнетиков // ЖЭТФ, 1947. Т. 17, № 12. С. 1904–1105.
- Вонсовский С.В., Шур Я.С. Ферромагнетизм. М.: Гос. изд-во техн.-теор. лит., 1948. 816 с.
- Вонсовский С.В., Шур Я.С., Янус Р.И. Замечания по ответу А.Е. Брюханову и Н.Г. Ардашевой «Намагничение пермаллоя в продольном постоянном магнитном поле» // ЖТФ, 1948. Т. 18, № 4. С. 555.
- Вонсовский С.В. Электропроводность ферромагнетиков при низких температурах // ЖЭТФ, 1948. Вып. 2. С. 219–223.
- Вонсовский С.В. Об особенностях изменения электросопротивления в магнитном поле у некоторых ферромагнитных сплавов // ЖТФ, 1948. Т. 18, № 2. С. 145–148.
- Вонсовский С.В. Современное учение о магнетизме. II. Магнетизм вещества – слабомагнитные тела // УФН, 1948. Т. 36, вып. 1. С. 30–32.
- Вонсовский С.В. Современное учение о магнетизме // УФН, 1948. Т. 35, вып. 4. С. 514–555.
- Вонсовский С.В. Теория ферромагнетизма бинарных сплавов // ЖТФ, 1948. Т. 18, № 2. С. 131–144.
- Вонсовский С.В. Теория взаимодействия электронов в кристаллической решетке // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1948. Т. 12, № 4. С. 337–352.
- Вонсовский С.В. Полярная модель металлов и полупроводников (многоэлектронная трактовка квантовой теории кристаллических твердых тел) // Тр. ИФМ УФАИ, 1949. Вып. 12. С. 9–23.
- Вонсовский С.В. Современное состояние квантовой теории ферромагнетизма // Тр. ИФМ УФАИ, 1949. Вып. 12. С. 24–39.

- Вонсовский С.В. Современное учение о магнетизме // УФН, 1949. Т. 37, вып. 1. С. 1–64.
- Вонсовский С.В. Современное учение о магнетизме (окончание) // УФН, 1949. Т. 37, вып. 2. С. 137–182.
- Вонсовский С.В., Соколов А.В. О магнетооптических явлениях в ферромагнетиках // ЖЭТФ, 1949. Т. 19, № 8. С. 703–708.
- Вонсовский С.В., Соколов А.В. Оптические постоянные ферромагнетиков // ЖЭТФ, 1949. Т. 19, № 7. С. 615–620.
- Вонсовский С.В., Родионов К.П. К теории явления Гольдгаммера в ферромагнетиках // ДАН СССР, 1950. Т. 75, № 5. С. 643–646.
- Вонсовский С.В., Агафонова Е.Н. К теории ферромагнитных полупроводников // Сборник трудов, посвященный 70-летию А.Ф. Иоффе. М.: Изд. АН СССР, 1950. С. 92.
- Вонсовский С.В., Смирнов А.А., Соколов А.В. Оптические свойства металлических сплавов // ДАН СССР, 1951. Т. 80, № 3. С. 353–356.
- Вонсовский С.В., Соколов А.В. О поверхностном фотоэлектрическом эффекте в ферромагнетиках // ДАН СССР, 1951. Т. 76, № 2. С. 197–200.
- Вонсовский С.В., Власов К.Б., Соколов А.В. Теория электропроводности металлов с учетом электронного взаимодействия // ЖЭТФ, 1951. Т. 21, № 11. С. 1185–1200.
- Вонсовский С.В., Кобелев Л.Я., Родионов К.П. К теории гальваномагнитных явлений в ферромагнетиках // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1952. Т. 16, № 5. С. 569–580.
- Вонсовский С.В. Современное учение о магнетизме. М.: ГИТТЛ, 1952. 422 с.
- Вонсовский С.В. Метод квазичастиц в квантовой теории твердого тела // Памяти Сергея Ивановича Вавилова. М.: Изд. АН СССР, 1952. С. 363–374.
- Вонсовский С.В. Вопросы современной квантовой теории электронных проводников // УФН, 1952. Т. 48, № 3. С. 1290–1338.
- Вонсовский С.В. Вопросы квантовой теории ферромагнетизма (доклад на 2-м совещании по магнетизму) // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1952. Т. 16, № 4. С. 387–397.
- Вонсовский С.В. Совещание по магнетизму. Свердловск, ноябрь–декабрь 1952 // УФН, 1952. Т. 46, вып. 3. С. 396–408.
- Вонсовский С.В. Статьи по физике в новом издании БСЭ // Сов. книга, 1953. № 5. С. 3–11.
- Вонсовский С.В., Власов К.Б. Атомные магнитные моменты ферромагнетиков // ЖЭТФ, 1953. Т. 25, № 3/9. С. 327–340.
- Вонсовский С.В., Туров Е.А. Об обменном взаимодействии валентных и внутренних электронов в кристаллах (s - d -обменная модель переходных кристаллов) // ЖЭТФ, 1953. Т. 24, № 3. С. 419–428.

- Вонсовский С.В., Туров Е.А. О ширине линии ферромагнитного резонансного поглощения // Письма в ЖЭТФ, 1953. Т. 24. С. 501–503.
- Вонсовский С.В., Падучев Б.В. Электропроводность металлов с учетом электронного взаимодействия. Случай фермиевского спектра // Письма в ЖЭТФ, 1953. Т. 25, № 4/10. С. 510–511.
- Вонсовский С.В., Падучев Б.В. Электропроводность металлов с учетом электронного взаимодействия (случай бозевского спектра) // ЖЭТФ, 1953. Т. 25, № 5/11. С. 571–583.
- Вонсовский С.В., Бердышев А.А. Влияние электронного взаимодействия на электропроводность металлов при низких температурах // ЖЭТФ, 1953. Т. 25, № 6. С. 723–732.
- Вонсовский С.В., Галищев В.С. К теории электропроводности полупроводников // ЖЭТФ, 1953. Т. 25, № 6. С. 584.
- Вонсовский С.В. О многоэлектронной трактовке в квантовой теории кристаллов (к критике одноэлектронно-зонной теории твердых тел) // Тр. Института физики АН УССР, 1954. Вып. 5. С. 3–27.
- Вонсовский С.В. К замечаниям В. Бренига и Т. Холера по работе «Вопросы современной квантовой теории электронных проводников» // Fortschritte d. Phys., 1954. Bd 2, No. 1. S. 67–71.
- Вонсовский С.В. Некоторые вопросы квантово-механической теории ферромагнетизма, феррита и антиферромагнетизма // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1954. Т. 18, № 3. С. 312–318.
- Вонсовский С.В. Парамагнитная релаксация в металлах // ДАН СССР, 1954. Т. 96, № 4. С. 717–719.
- Вонсовский С.В., Родионов К.П. Теория изменения электропроводности в ферромагнетиках // Тр. ИФМ УФАИ СССР, 1954. Вып. 15. С. 3–9.
- Вонсовский С.В., Сеидов Ю.М. Некоторые вопросы квантово-механической теории ферритов и антиферромагнетизма. Квантово-механическая теория ферромагнитных ферритов // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1954. Т. 18, № 3. С. 319–327.
- Бердышев А.А., Вонсовский С.В. Некоторые вопросы квантово-механической теории ферромагнетизма ферритов и антиферромагнетизма. Антиферромагнетизм переходных металлов // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1954. Т. 18, № 3.
- Вонсовский С.В., Соколов А.А., Векслер А.З. Фотоэффект в металлах // УФН, 1955. Т. 56, вып. 4. С. 477–530.
- Вонсовский С.В., Власов К.Б., Туров Е.А. К квантовой теории ферромагнетизма // ЖЭТФ, 1955. Т. 29, вып. 1. С. 37–50.
- Вонсовский С.В. Современное состояние теории твердого тела // Тезисы докладов и выступлений по физико-химическому анализу. М., 1955. С. 126–127.
- Вонсовский С.В. Некоторые вопросы квантово-механической теории кристаллов при низких температурах // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1955. Т. 19, № 4. С. 447–461.

- Вонсовский С.В. Некоторые вопросы многоэлектронной теории полупроводников // ЖЭТФ, 1955. Т. 25, № 12. С. 2022–2024.
- Вонсовский С.В. Парамагнетизм // БСЭ, 1955. Т. 32. С. 68–69.
- Вонсовский С.В. Повышение теоретического уровня исследования в области физики металлов // Кэ Сюэ Тун Бао (Научный вестник), Пекин, 1955. № 9. С. 63–65.
- Вонсовский С.В. Сопоставление по низкотемпературному магнетизму // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1955. Т. 19, № 4. С. 384–387.
- Вонсовский С.В. Диалектический материализм и достижения ядерной физики // Уральский рабочий, 1956. 2 марта.
- Вонсовский С.В. Исследования по физике металлов // Вестн. АН СССР, 1956. № 7. С. 16–23.
- Вонсовский С.В. Квантово-механическая трактовка задачи ферромагнетизма металлов переходных групп // Тезисы докладов и выступлений на совещании по физике магнитных явлений. Свердловск, 1956. С. 23–26.
- Вонсовский С.В. Работы советских учёных в области атомной теории ферромагнетизма // Кэ Сюэ Тун Бао (КНР), 1956. № 11. С. 16–30.
- Галищев В.С., Вонсовский С.В. К теории экситонных возбужденных состояний // ФММ, 1956. Т. 3, вып. 3. С. 395–405.
- Вонсовский С.В. Ферромагнетизм // БСЭ, 1956. Т. 44. С. 636–640.
- Вонсовский С.В. Магнетизм // БСЭ, 1956. Т. 25. С. 610–616.
- Вонсовский С.В. (ред.) Антиферромагнетизм: Сб. статей, М., 1956.
- Вонсовский С.В., Ирхин Ю.П., Кушниренко А.Н., Туров Е.А. К многоэлектронной теории сверхпроводников // ФММ, 1956. Т. 3, вып. 3. С. 385–394.
- Вонсовский С.В., Сеидов Ю.М. О косвенном обменном взаимодействии // ДАН СССР, 1956. Т. 107, № 1. С. 37–40.
- Вонсовский С.В. О некоторых проблемах квантовой многоэлектронной теории полупроводников // Postepy Fiz., 1957. Т. 8. С. 301.
- Вонсовский С.В. Принцип причинности в современной атомной физике // Некоторые философские вопросы в естествознании. М.: Изд. АН СССР, 1957. С. 147.
- Вонсовский С.В., Михеев М.Н. Магнитный структурный анализ // Завод. лаб., 1957. № 10.
- Вонсовский С.В., Курсанов Г.А. О связи динамических и статических закономерностей в атомных явлениях // Вестн. АН СССР, 1957. № 4. С. 31.
- Вонсовский С.В., Архаров В.И. Современное состояние физики металлов // Советская металлургия за 50 лет. М.: Изд. АН СССР, 1957. С. 416.
- Вонсовский С.В. Некоторые вопросы квантовой теории твердых тел // Тр. ИФМ УФАИ АН СССР, 1958. Вып. 20. С. 13–52.

- Волкенштейн Н.В., Федоров Г.В., Вонсовский С.В. Эффект Холла чистого Ni в области гелиевых температур // ЖЭТФ, 1958. Т. 35. С. 85.
- Вонсовский С.В., Черепанов В. И. Обобщение метода возмущений Боголюбова–Тябликова на нестандартный случай // ЖЭТФ, 1958. Т. 34. С. 97.
- Вонсовский С.В., Курсанов Г.А. О роли математики в развитии современной физики // Вопросы философии, 1958. № 9. С. 73.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. К теории сверхпроводимости металлов // ДАН СССР, 1958. Т. 120. С. 269.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. К вопросу об отсутствии сверхпроводимости в ферромагнетиках // ДАН СССР, 1958. Т. 122. С. 204.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. К вопросу о статистике спиновых и полярных возбуждений в кристалле // ЖЭТФ, 1958. Т. 35. С. 1447.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. К вопросу о сверхтекучести системы бозевских полярных возбуждений // ЖЭТФ, 1958. Т. 36. С. 1259.
- Вонсовский С.В., Леонтович М.А., Тамм И.Е. Семен Петрович Шубин. К пятидесятилетию со дня рождения и двадцатилетию со дня смерти // УФН, 1958. Т. 63, № 4. С. 733–736.
- Вонсовский С.В. Некоторые вопросы развития исследований по теоретической физике в Свердловске // Учёные Урала в борьбе за технический прогресс. Свердловск, 1959. С. 127–136.
- Вонсовский С.В. Работы советских физиков в области магнетизма за последние годы // J. Phys. Red., 1959. Т. 20. С. 264.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. О влиянии обменного взаимодействия на температуру перехода сверхпроводников // ЖЭТФ, 1959. Т. 37. С. 1494.
- Архаров В.И., Вонсовский С.В. Современное состояние физики металлов // Металлургия СССР (1917–1937). М.: Металлургиздат, 1959. С. 406.
- Вонсовский С.В., Туров Е.А. Некоторые проблемы феноменологической теории ферро- и антиферромагнетизма // J. Appl. Phys., 1959. Т. 30. С. 4.
- Вонсовский С.В., Гитерман М.П. К многоэлектронной теории ионных кристаллов // ФТТ, 1960. Т. 2. С. 1793.
- Вонсовский С.В., Изюмов Ю.А. Статические свойства электронной системы ферромагнитных переходных металлов // ФММ, 1960. Т. 10. С. 321.
- Вонсовский С.В., Игнатченко В.А. О виде формулы для магнитоупругой энергии ферромагнетика // ФММ, 1960. Т. 9. С. 456.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. О сверхпроводимости ферромагнетика со слабым обменным взаимодействием // ЖЭТФ, 1960. Т. 34. С. 384.

- Вонсовский С.В., Бердышев А.А., Изюмов Ю.А., Карпенко В.В., Поляк Ю.Я. Об обменном взаимодействии внутренних и внешних электронов в переходных металлах // ДАН СССР, 1960. Т. 132. С. 797.
- Vonsovskij S.V., Taluc G.G. Collective Excitation of Electron Systems in Semiconductors in the Presence of External Fields // Proc. Conf. Semicond. Phys.-3. Prague, 1960. P. 30–34.
- Вонсовский С.В. (ред.). Ферромагнитный резонанс. Явление резонансного поглощения высокочастотного электромагнитного поля в ферромагнитных веществах. М.: Физматгиз, 1961. 343 с.
- Вонсовский С.В. (ред.). Магнитные свойства металлов и сплавов: Семинар по магнитным свойствам металлов и сплавов. Кливленд, 25–26 октября 1958 г. М., 1961.
- Вонсовский С.В. (ред.). Аркадьев Владимир Константинович. Избранные труды. М.: Изд. АН СССР, 1961.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. О спине фотонов // ФТТ, 1961. Т. 3. С. 2160.
- Вонсовский С.В., Талуц Г.Г. Коллективные возбуждения электронной системы в полупроводниках во внешних магнитных полях // Труды Международной конференции по физике полупроводников. Прага, 1961.
- Вонсовский С.В., Кобелев Л.Я. К квантовой теории ферромагнетизма коллективизированных электронов // ФММ, 1961. Т. 11. С. 820.
- Вонсовский С.В., Кобелев Л.Я. Об энергии магнитного взаимодействия системы взаимодействующих электронов // ФММ, 1961. Т. 12. С. 874.
- Вонсовский С.В., Изюмов Ю.А. Электронная теория переходных металлов. Ч. I // УФН, 1962. Т. 77, № 3. С. 377–448; Ч. II // УФН, 1962. Т. 78, № 1. С. 3–52.
- Вонсовский С.В. Некоторые работы последних лет советских физиков по теории ферро- и антиферромагнетизма // J. Phys. Soc. Jap., 1962. Т. 17, вып. 1. С. 44.
- Вонсовский С.В. Магнетизм и электропроводность металлов (обзор) // УФН, 1962. Т. 76. С. 467.
- Вонсовский С.В. Магнетизм (современные представления) // Природа, 1963. № 2. С. 33.
- Вонсовский С.В. Ядерные методы исследования в физике твердого тела // Вестн. АН СССР, 1963. № 8.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. О сверхпроводимости в неоднородном ферромагнетике // ФММ, 1963. Т. 15. С. 316.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. О сверхпроводимости в неоднородном парамагнетике в высоких магнитных полях сплавов // ФММ, 1963. Т. 15. С. 318.
- Вонсовский С.В. Природа магнетизма. М.: Знание, 1964. 39 с.

- Власов К.Б., Волкенштейн Н.В., Вонсовский С.В., Мицек А.И., Турчинская М.И. Явление однонаправленной анизотропии // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1964. Т. 28. С. 423.
- Волкенштейн Н.В., Власов К.Б., Вонсовский С.В., Мицек А.И. Явление однонаправленной анизотропии // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1964. Т. 28. С. 424.
- Вонсовский С.В., Изюмов Ю.А. К теории s - d -обменного взаимодействия в некоторых металлах // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1964. Т. 28. С. 406.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. К проблеме сосуществования ферромагнетизма и сверхпроводимости // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1964. Т. 28. С. 418.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. О сверхпроводимости электронной системы с синглетными и триплетными парами // ЖЭТФ, 1964. Т. 46. С. 1419.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. О влиянии мультиплетности d (f)-оболочек на взаимодействие электронов в кристалле // ЖЭТФ, 1964. Т. 47. С. 1354.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. О влиянии обмена электронов проводимости на ферромагнитное упорядочение сплавов в металле // ФММ, 1964. Т. 17. С. 168.
- Vonsovskii S.V., Izyumov Yu.A., Svirsky M.S. On the Electron Theory of transition d - f Metals. // Proc. Intern. Conf. of Magnetism. Nottingham, 1964. P. 69–70.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. Теория сверхпроводимости электронной системы, содержащей синглетные и триплетные пары // Phys. Stat. Solid., 1964. No. 9. P. 267.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. Влияние обменно связанных магнитных ионов на сверхпроводимость // Phys. Stat. Solid., 1964. V. 10. P. 113.
- Вонсовский С.В. Работы советских физиков последних лет по теории магнетизма // Proc. Intern. Conf. of Magnetism. Nottingham, 1965. P. 40.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. К теории s - f -обмена при отличных от нуля орбитальных моментах // ЖЭТФ, 1965. Т. 49. С. 682.
- Вонсовский С.В. Физика магнитных материалов // Вестн. АН СССР, 1966. № 4.
- Ирхин Ю.П., Вонсовский С.В., Свирский М.С. Обменное взаимодействие в редкоземельных металлах и сплавах // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1966. Т. 10. С. 906.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. Влияние мультиплетности магнитных ионов на обменную связь в кристаллах // ФММ, 1967. С. 793.
- Вонсовский С.В., Шур Я.С. Памяти Рудольфа Ивановича Януса // Исследования в области теоретического и прикладного магнетизма. Свердловск, 1967. С. 5 (Тр. ИФМ АН СССР; Вып. 26).

- Вонсовский С.В., Дякин В.В., Егоров Р.Ф. Применение теории Ферми жидкости к трактовке системы парамагнитных d -металлов // Тр. ИФМ АН СССР, 1968. Вып. 27. С. 11.
- Vonsovskii S.V., Svirskii M.S. Effect of magnetic ions multiplicity on exchange interaction in crystals. // J. Appl. Phys., 1968. V. 39, No. 2 (1). P. 649.
- Vonsovsky S.V. und Karpenko B.V. Austauschwechsel Wirkung in Isolatoren // Handbuch der Physik, 1968. Bd 18/1. S. 265–384.
- Вонсовский С.В., Грумгржимайло С.В., Черепанов В.И. и др. Теория кристаллического поля и оптические спектры примесных ионов с незаполненной d -оболочкой. М.: Наука, 1969. 179 с.
- Вонсовский С.В. (ред.). Каллуэй Дж. Теория энергетической зонной структуры. М., 1969.
- Вонсовский С.В., Карпенко Б.В. О конфигурационном взаимодействии в теоретико-групповой классификации // Phys. Stat. Sol., 1969. V. 31. P. 37.
- Вонсовский С.В., Карпенко Б.В. Применение метода Боголюбова–Тябликова к проблемам обменного взаимодействия в немагнитных магнитоупорядоченных кристаллах // Проблемы теоретической физики. М.: Наука, 1969. С. 294–309.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. О связи антиферромагнетизма с неопределенностью мультиплетности // ЖЭТФ, 1969. Т. 57, вып. 1. С. 251.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. Связь неопределенности мультиплетности с магнитным порядком электронной системы кристаллов // Всесоюзная конференция по теории твердого тела: Тез. докл. М.: Наука, 1969. С. 170.
- Вонсовский С.В. Ленинская теория познания и проблемы физики // ФММ, 1970. Т. 29, № 4. С. 673–680.
- Вонсовский С.В. Работы по созданию магнитных материалов // Вестн. АН СССР, 1970. № 9. С. 11.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. О неопределенности псевдомultiплетности в теории сверхпроводимости // ЖЭТФ, 1970. Т. 59, № 4. С. 1192.
- Вонсовский С.В. (ред.), Береснев Б.И., Мартынов Е.Д., Родионов К.П., Булычев Д.К., Рябинин Ю.Н. Пластичность и прочность твердых тел при высоких давлениях. М.: Наука, 1970. 162 с.
- Vonsovskii S.V. et al. Ferromagnetische Halbleiter mit Austauschwechselwirkung über die Leitungselektronen // Helvetica Phys. Acta, 1970. V. 43, No. 1. S. 9–16.
- Вонсовский С.В. Магнетизм. Магнитные свойства диа-, пара-, ферро-, антиферро- и ферримагнетиков. М.: Наука, 1971. 1032 с.
- Вонсовский С.В., Лифшиц И., Каганов М. Магнитная оптика // Известия, 1971. 14 авг.

- Вонсовский С.В., Свирский М.С. Неопределенность мультиплетности и псевдомultiплетности кристаллов с магнитным и другим порядком // J. De Phys., 1971. No. 22. P. 1–83.
- Вонсовский С.В. УНЦ – сегодня, завтра (Интервью председателя президиума УНЦ АН СССР С.В. Вонсовского) // Урал, 1971. № 7. С. 10.
- Вонсовский С.В. Кто он – новатор? (Проблематика наших дней) // Изобретатель и рационализатор, 1972. № 11. С. 2.
- Вонсовский С.В. О том, что удалось обнаружить (IX пятилетка. Научно-технический прогресс) // Наука и жизнь, 1972. № 4. С. 5.
- Вонсовский С.В. Уральский академический (Об Уральском научном центре АН СССР) // Правда, 1972. 20 авг.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. Магнитное упорядочение и неопределенность мультиплетности // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1972. Т. 36, № 7. С. 1398.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. Метод псевдоспинов и функции распределения квантовой статистики // ФММ, 1972. Т. 33, № 3. С. 469.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. Мультиплетность и псевдомultiплетность электронной системы кристаллов // Проблемы магнетизма. М.: Наука, 1972. С. 72–76.
- Вонсовский С.В. Магнетизм микрочастиц. М.: Наука, 1973. 279 с.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С. Среднее значение энергии при ограниченном или зонном энергетическом спектре // ФММ, 1973. Т. 36. С. 31–38.
- Вонсовский С.В. Большая наука Большого Урала: Беседа с председателем президиума УНЦ АН СССР академиком С.В. Вонсовским) // Знание – сила, 1973. № 1. С. 2.
- Вонсовский С.В. Магнит с одним полюсом? (Интервью Ю. Ярового с академиком С.В. Вонсовским) // Знание – сила, 1973. № 9. С. 12–13.
- Вонсовский С.В. Ключи к сокровищам (Беседа с председателем президиума УНЦ АН СССР о развитии науки Урала) // Техника молодежи, 1973. № 2. С. 4.
- Вонсовский С.В., Егоров Р.Ф., Широковский В.П. Последовательная априорная модель кристаллического потенциала в расчетах электронных спектров // Электронная структура переходных металлов, их сплавов и соединений. Киев: Наук. думка, 1974. С. 38–42.
- Vonsovskii S.V. Magnetism: Translated from Russian. New York: J. Wiley, 1974.
- Vonsovskii S.V. Development of Magnetism in the USSR // Труды Международной конференции по магнетизму МКМ – 73. М.: Наука, 1974. Т. 1. С. 29–50.

- Вонсовский С.В. Некоторые аспекты полярной многоэлектронной модели в связи с проблемой бесщелевых спектров полупроводников // Труды ИФМ УНЦ АН СССР, 1975. Вып. 31. С. 22–37.
- Vonsovskii S.V., Svirskii M.S. Multiplicity and pseudomultiplicity of electron-ion systems. I // Phys. Stat. Solidi, 1976. V. 77, No. 1. P. 9–52.
- Vonsovskii S.V., Svirskii M.S. Multiplicity and Pseudomultiplicity of electron-ion systems. II // Phys. Stat. Solidi, 1976. V. 77, No. 2. P. 403–432.
- Вонсовский С.В. Научный центр и производительные силы региона // Политическое самообразование, 1976. № 7. С. 23–32.
- Вонсовский С.В. Обсуждение доклада П.Н. Федосеева на общем собрании АН СССР // Вестн. АН СССР, 1976. № 9. С. 48–51.
- Вонсовский С.В., Изюмов Ю.А., Курмаев Э.З. Сверхпроводимость переходных металлов, их сплавов и соединений. М.: Наука, 1977. 383 с.
- Вонсовский С.В. Академическая наука Урала и производство // Вопросы изобретательства, 1977. № 5. С. 2–8.
- Вонсовский С.В. Место в строю: Союз науки и труда // Уральский рабочий, 1977. 4 октября.
- Вонсовский С.В. Союз науки и труда // Известия, 1977. 1 октября.
- Вонсовский С.В., Туров Е.А. Металлические стекла и аморфный магнетизм // Изв. АН СССР. Сер. физ., 1978. Т. 42, № 8. С. 1570–1580.
- Вонсовский С.В. Перспективы развития УНЦ (доклад и прения в президиуме АН СССР) // Вестн. АН СССР, 1978. № 7. С. 3–8.
- Вонсовский С.В. Слово об учёном: К 70-летию В.Д. Садовского // Уральский рабочий, 1978. 6 августа.
- Вонсовский С.В. Уральский сплав науки и труда // Известия, 1978. 11 июня.
- Кацнельсон М.И., Вонсовский С.В. Носители тока в ферромагнитных полупроводниках в спин-волновой области // ФТТ, 1979. Т. 21, вып. 8. С. 2384–2387.
- Vonsovskii S.V., Katsnelson M.I. Some types of instabilities in the electron energy spectrum of the polar model of the crystal: The maximum-polarity states // J. Phys. C: Solid State Phys., 1979. V. 12, No. 11. P. 2043–2053.
- Vonsovskii S.V., Katsnelson M.I. Some types of instabilities in the electron energy spectrum of the polar model of the crystal: The criterion of stability of a metallic state // J. Phys. C: Solid State Phys., 1979. V. 12, No. 11. P. 2055–2064.
- Вонсовский С.В. Новь седого Урала: Наука – производству // Известия, 1980. 11 янв.
- Вонсовский С.В. Комплексное развитие производственных сил Урала // Вестн. АН СССР, 1980. № 5. С. 58–64.

- Вонсовский С.В., Кацнельсон М.И. Критерий металл – изолятор и экситонное состояние в металлах в полярной модели твердого тела // Проблемы современной физики. Л., 1980. С. 233–246.
- Katsnelson M.I., Vonsovskii S.V. Possible effect of exciton condensation on properties of ferromagnetic metals // J. Magn. Mater., 1980. V.15/18, pt 1. P. 275–276.
- Auslender M.I., Katsnelson M.I., Vonsovskii S.V. Energy and mobility of spin polarons in ferromagnetic semiconductors // J. Magn. Mater., 1980. V. 15/18, pt 2. P. 906–908.
- Вонсовский С.В. Наука Урала: Беседа с председателем президиума УНЦ АН СССР // Техника молодежи, 1981. № 9. С. 2–3.
- Вонсовский С.В. Теория, воплощенная в практику: Учёные – пятилетке // Уральский рабочий, 1981. 14 апреля.
- Свирский М.С., Свирская Л.М., Вонсовский С.В. Квантовые флуктуации физических величин в стационарном состоянии // ЖЭТФ, 1981. Т. 81, № 1. С. 255–262.
- Вонсовский С.В., Кацнельсон М.И. Переход металл–изолятор в многоэлектронной полярной модели твердого тела // Электронная структура и свойства твердых тел. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. С. 3–9.
- Вонсовский С.В., Самохвалов А.А., Осипов В.В., Костылев В.А. Активное электрон-магнитное взаимодействие в магнитном полупроводнике // Тезисы докладов Международной конференции по магнетизму. Киото, Япония, 1982. С. 62.
- Вонсовский С.В., Павлов В.А., Дерягин А.И., Власов К.Б. Изменение магнитной восприимчивости переходных парамагнитных металлов при пластической деформации // Фазовые превращения и структура металлов и сплавов. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. С. 71–76.
- Vonsovsky S.V., Izyumov Yu.A., Kurmaev E.Z. Superconductivity of Transition Metals, their Alloys and Compounds. Berlin; Springer-Verlag; Heidenberg; New York, 1982. 512 p.
- Вонсовский С.В. XV Всесоюзная конференция по физике магнитных явлений. Пермь, сентябрь, 1981 // УФН, 1982. Т. 137, № 3. С. 534–535.
- Вонсовский С.В. Десятилетие, закрепившее успех: Интервью с председателем президиума УНЦ АН СССР акад. С.В. Вонсовским // Знание – сила, 1982. № 12. С. 14–15, 18.
- Вонсовский С.В. Чистое дыхание Севера: О полярной экспедиции «Советская Россия», посв. 60-летию СССР // Сов. Россия, 1982. 30 мая.
- Вонсовский С.В., Кожевников Г. И сокращаются большие расстояния... СССР – 60 лет // Уральский рабочий, 1982. 18 дек.
- Вонсовский С.В. Преданность науке: К 50-летию Ю.А. Изюмова // Наука Урала, 1983. 26 мая.

- Вонсовский С.В., Кацнельсон М.И. Квантовая физика твердого тела. М.: Наука, 1983. 336 с.
- Вонсовский С.В. Юбилейная сессия научного совета по проблеме «Физика магнитных явлений» АН СССР (Москва, 9–10 декабря 1982 г.) // УФН, 1983. Т. 140, № 4. С. 729–733.
- Vonsovskii S.V., Samokhvalov A.A., Osipov V.V., Kostylev V.A. Active electron-magnon interaction in magnetic semiconductors // J. Magn. Magn. Mater., 1983. V. 31/34, pt 1. P. 165–166.
- Вонсовский С.В. Магнетизм. М.: Наука, 1984. 208 с.
- Вонсовский С.В., Бобровский В.И. Рецензия на книгу: Ландольт–Бёрнштейн. Металлы: фононные состояния, электронные состояния и поверхность Ферми // ФММ, 1984. Т. 57, № 2. С. 415–416.
- Вонсовский С.В. Рецензия на книгу: Берсукер И.Б., Полигер В.З. Вибронные взаимодействия в молекулах и кристаллах. М.: Наука, 1983. 336 с. // УФН, 1985. № 3. С. 629–630.
- Вонсовский С.В., Кацнельсон М.И. Некоторые вопросы зарядового упорядочения в полярной многоэлектронной модели кристалла // Электронная динамика и зарядово-упорядоченные кристаллы. Черноголовка, 1985. С. 3–5.
- Вонсовский С.В. Требуется сегодня: Наука в поиске. О материалах для постоянных магнитов // Правда, 1986. 24 февраля.
- Вонсовский С.В. Главное звено: Беседа председателя президиума УНЦ АН СССР с корреспондентом журнала К. Левитиным // Знание – сила, 1986. № 3. С. 8–11.
- Vonsovsky S.V., Irkhin V.Yu., Katsnelson M.I. Exciton approach to the description of the antiferromagnetic ground state in the Heisenberg and Hubbard model // J. Magn. Magn. Mater., 1986. V. 3/4. P. 309–312.
- Vonsovskii S.V., Katsnelson M.I., Trefilov A.V. Anomalous properties of *d*- and *f*-metals and alloys due to charge density fluctuations // J. Magn. Magn. Mater., 1986. V. 61, No. 1/2. P. 83–87.
- Вонсовский С.В., Туров Е.А. Введение // Динамические и кинетические свойства магнетиков. М., 1986. С. 3–8.
- Вонсовский С.В., Старцев В.Е. Рецензия на книгу Ландольта–Бернштейна «Металлы: фононные состояния, электронные состояния и поверхность Ферми» // ФММ, 1986. Т. 61, № 2. С. 416.
- Вонсовский С.В. Михаил Васильевич Ломоносов и его вклад в физику: К 275-летию со дня рождения (1711–1986) // ФММ, 1986. Т. 62, № 6. С. 1045–1055.
- Вонсовский С.В., Свирский М.С., Свирская Л.М. Квантовый критерий сверхпроводимости // Проблемы высокотемпературной сверхпроводимости. Свердловск, 1987. Ч. 1. С. 199–200.
- Вонсовский С.В., Изюмов Ю.А. Лицом к лицу и на расстоянии. Физика твердого тела: наука фундаментальная и прикладная // Наука Урала, 1987. 4 февр.
- Vonsovsky S.V., Svirsky M.S. Statistical thermodynamics of molecular field systems // J. Magn. Magn. Mater., 1987. V. 67, No. 2. P. 198–206.
- Vonsovsky S.V., Katsnelson M.I. The evolution of concepts about the role of many-particle effects in transition metals, their alloys and compounds // Physics of Transition Metals: Abstracts. Kiev: Naukova Dumka, 1988. P. 20.
- Вонсовский С.В., Ирхин В.Ю., Кацнельсон М.И. Магнитные свойства соединений с «тяжелыми электронами» // Тезисы докладов XVIII Всесоюзной конференции по физике магнитных явлений. Калинин, 1988. С. 1–2.
- Вонсовский С.В., Ирхин Ю.П., Ирхин В.Ю. Температурно-индуцированный магнетизм // Тезисы докладов XVIII Всесоюзной конференции по физике магнитных явлений. Калинин, 1988. С. 7–8.
- Vonsovsky S.V., Irkhin V.Yu., Irkhin Yu.P., Katsnelson M.I. Temperature induced ferromagnetism – pyromagnetism // J. de Physique Coll. C8, 1988. V. 49, No. 12, P. 253–254.
- Vonsovsky S.V., Irkhin V.Yu., Katsnelson M.I. On the theory of magnetic heavy electron systems // Physica B, 1990. V. 163. P. 321–334.
- Vonsovsky S.V., Irkhin V.Yu., Katsnelson M.I. Magnetism in Kondo lattices // Physica B, 1991. V. 171. P. 135–137.
- Вонсовский С.В., Кацнельсон М.И. (ред.). Шубин С.П. Избранные труды по теоретической физике. Свердловск: УрО АН СССР, 1991.
- Вонсовский С.В., Кацнельсон М.И., Трефилов А.В. Локализованное и делокализованное проведение электронов в металлах // ФММ, 1993. Т. 76, № 3. С. 3; Т. 76, № 4. С. 3.
- Вонсовский С.В. Слово об учителе и друге // Наука Урала, 1988. 14 января.
- Вонсовский С.В., Позолотина–Шубина З.С., Шубина Т.С. Читал целыми частями «Евгения Онегина» для своих несчастных сокамерников // Изв. УрГУ, 1997. № 6. С. 69–72.
- Вонсовский С.В. Воспоминания. Екатеринбург, 1999. 312 с.
- Вонсовский С.В. Современная естественно-научная картина мира. Екатеринбург, 2005. 680 с.; Москва; Ижевск, 2006. 680 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Магнетизм личности	3
От редакторов	4
Кацнельсон М.И. О работе с Сергеем Васильевичем Вонсовским	5
Ирхин В.Ю. Памяти Сергея Васильевича Вонсовского	15
Глава I. До и после войны	23
Письма от родителей	25
Арест С.П. Шубина	32
Защита кандидатской диссертации. Суровые годы	37
Защита докторской диссертации	43
Переезд родителей. Любочкина защита	55
Первая монография «Ферромагнетизм»	61
Отдых	64
Болезнь	74
Член-корреспондент АН СССР	78
Путешествие «предводителя» «Победы»	83
Старинный друг	106
Научные конференции. Командировки. Зарубежные друзья ..	109
Смерть мамы. Её родословная	122
«Охота к перемене мест». Первый внук. Работа	128
50-летний юбилей	136
«Коуровки»	138
Депутат Верховного Совета РСФСР	145
Глава II. Науку двигая вперед	151
Общественная работа. Избрание академиком АН СССР	153
Конференции в Сагаморе, Бостоне, Ереване	155
Герой Социалистического Труда	161
Смерть папы. Моя болезнь	164
Друзья-одноклассники	171
Образование Уральского научного центра	174
Монография «Магнетизм». Избрание членом Академии наук ГДР	176
40-летний юбилей ИФМ	178
Конференция IUPAP по магнетизму (Гренобль). ICM-6 (Москва). Поездка в Японию	179
Старые знакомые	186
Научные командировки	192

Государственная премия. Дела депутатские	198
Научно-организационная деятельность. Избрание академиком ПАН	203
МКМ-79	208
1980-е годы. Смерть Любочки	211
Ташкентцы	221
Научная работа. Письма	226
Глава III. Время перемен	233
75-летний юбилей	235
Письма дорогого друга	238
ICM-85	250
Письма Н.Н. Шевченко	251
Переписка. Научно-общественная деятельность	254
ICM-88. Книга о С.П. Шубине	259
Переписка 1991–1993 гг.	271
Память о преподавателях ЛГУ	282
Смерть Андрея	296
Письма и события последних лет	298
Приложения	319
Курортная почта	319
Основные даты жизни и деятельности С.В. Вонсовского	338
Библиография трудов С.В. Вонсовского	340

Научно-популярное издание

Сергей Васильевич Вонсовский

МАГНЕТИЗМ НАУКИ

Воспоминания. Часть II

Рекомендовано к изданию
ученым советом Института физики металлов
и НИСО УрО РАН

Редактор **А.И. Пономарёва**
Технический редактор **Е.М. Бородулина**
Корректор **Г.Н. Старкова**
Компьютерная верстка **Г.П. Чащиной**

ISBN 978-5-7691-2110-4

9 785769 121104

НИСО УрО РАН № 89(09)–14. Сдано в набор 09.02.10.
Подписано в печать 26.04.10. Формат 60×90 1/16.
Бумага типографская. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22.25.
Уч.-изд. л. 24. Тираж 300 экз. Заказ 86.

Оригинал-макет изготовлен в РИО УрО РАН.
620219, Екатеринбург, ГСП-169, ул. Первомайская, 91.

Отпечатано в типографии
«Уральский центр академического обслуживания».
620219, Екатеринбург, ул. Первомайская, 91.